

БАДХЫЗСКИЕ АРХИВЫ

Том 1

2021

*Памяти
Юрия Константиновича
Горелова (1931 — 2018)*

БАДХЫЗСКИЕ АРХИВЫ

Том 1

Составители: Р. И. Горелова, В. Я. Фет

2021

Издательство: Библиотека Университета Маршалла,
Хантингтон, Западная Виргиния, США / *Published by* Marshall
University Libraries, Huntington, West Virginia, USA

Бадхызские архивы. Том 1. /
The Badkhyz Archives. Volume 1.

Составление © 2021 Р.И. Горелова, В.Я. Фет /
Editors: © 2021 Raisa I. Gorelova, Victor Fet

Дата публикации: 26 июля 2021 / Date of Publication: 26 July 2021

Эта публикация имеет лицензию CC-BY-SA 4.0 Creative Commons /
This work is licensed under version 4.0 of the Creative Commons
CC-BY-SA license. (CC BY-SA 4.0)

Электронная публикация. Распространяется бесплатно /
Electronic publication. Free distribution.

ISBN 978-0-9785902-9-1

[http://zoobank.org/urn:lsid:zoobank.org:pub:
F855C234-ADD3-4EFF-B682-8FAA1607BC61](http://zoobank.org/urn:lsid:zoobank.org:pub:F855C234-ADD3-4EFF-B682-8FAA1607BC61)

Обложка: куланы в Бадхызе, сентябрь 1992.
Фото: Гертруд и Хельмут Дензау / Cover: *Kulans in Badkhyz,*
September 1992. Photo: Gertrud & Helmut Denzau.

На титульной странице: Юрий Горелов, 75 лет (2006).
Фото В.К. Крупко / Title page: *Yuri Gorelov at 75 (2006).*
Photo: Vladimir Krupko.

Equus hemionus

Equus hemionus
Иллюстрация из первоописания П.С. Палласа (1775).

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	8
Предисловие	9

Часть 1. ГОРЕЛОВ

<i>Рост, Ю.</i> Приключение Горелова. Сценарий жизни	13
<i>Горелов, Ю.</i> Бадхызские рассказы	34
<i>Ткаченко, В., Эсенев, Р.</i> Следы ведут в заповедник (1965)	62
<i>Горелов, Ю.</i> Бадхызский заповедник: эталон природы или лесхоз? (1975)	68
<i>Пасевьев, И.</i> С открытым забралом (1989)	73
<i>Пасевьев, И.</i> Куланы уходят из «Красной книги»? (1995)	89
<i>Пасевьев, И.</i> Место, где дует ветер (1998)	95
<i>Горелов, Ю.</i> Современное состояние аборигенных куланов Туркменистана (2003)	100
<i>Горелов, Ю.</i> Опыт нестандартного подхода... (2005)	102
<i>Горелов, Ю.</i> Моя история	110
<i>Горелов, Ю.</i> Первая страница бадхызского дневника	118
Список опубликованных работ Ю.К. Горелова	120
<i>Горелова, Р.</i> Детство в Бадхызе	134
<i>Костик, С.</i> Письмо из Кушки	152
<i>Скалон, Н.</i> Затерянный Бадхыз, или двенадцать заповедных историй	153
<i>Буров-Стаськов, А.</i> Ангел полупустыни	176
<i>Горбунов, А.</i> С Гореловым в Северо-Западной Туркмении	188
<i>Рост, Ю.</i> Олгой-хорхой и Юрий Горелов	197
<i>Друк, А.</i> Ещё несколько слов о Юрии Горелове	203
<i>Фет, В.</i> Думая о Горелове	208

Часть 2. РАССКАЗЫ НАТУРАЛИСТОВ

<i>Слудский, А.А.</i> Совместная охота лисицы и перевязки в Бадхызе	218
<i>Рустамов, Э.А., Сопьев, О.С.</i> О вкладе профессора А.Г. Банникова в заповедное дело Туркменистана	221
<i>Баскин, Л.</i> Архары Бадхыза	223

<i>Лукаревский, В.</i> Бадхызский заповедник: четверть века наблюдений (1985–2007)	226
<i>Панов, Е.</i> Московские зоологи в Бадхызе	241
<i>Богатырёв, Н.</i> Воспоминания о Бадхызе	255
<i>Дроздов, Н.</i> Бадхыз Владимира Ахмедова	275
<i>Крупко, В.</i> Джейраны	284
<i>Крупко, В.</i> Утро песчаного бугра	285
<i>Ахатов, А.</i> Путевые заметки из прошлого века	288
<i>Черняховский, М.</i> Что я вспомнил	303
<i>Кривохатский, В.</i> На кордоне Кызыл-Джар	313
<i>Мурзин, С.</i> В Бадхызе в 1974–75 гг.	326
Студенты МГУ в Бадхызе	330
<i>Хомустенко, Ю.</i> О Горелове и Орлове	337
Каменный век в Бадхызе (по материалам Г.В. Иванова)	341
<i>Гутлыев, Г.</i> «Соль, выевшая землю...»	347
<i>Жердев, В.</i> Люди и змеи.	353
<i>Черлин, В.</i> Путешествия герпетолога	365
Владимир Потапов в Бадхызе	389
<i>Neumann-Denzau, G.</i> Heyday and fall of the kulan era in Badkhyz	400
<i>Нойманн-Дензау, Г.</i> Эра кулана в Бадхызе: пик и падение	410
<i>Рустамов, Э.</i> О работе в Бадхызе	423
<i>Рустамов, Э., Качински, П., Сапармуратов, Д.</i> Кулан на грани исчезновения и его сохранение в Туркменистане	427
Вместо послесловия	432
Краткая хронология Бадхыза	433
Указатель имён	435

CONTENTS

Acknowledgments	8
Foreword	9
Part 1. GORELOV	
<i>Rost, Yu.</i> Gorelov's adventure: A life scenario	13
<i>Gorelov, Yu.</i> The Badkhyz stories	34
<i>Tkachenko, V., Esenov, R.</i> Tracks lead to the reserve (1965)	62
<i>Gorelov, Yu.</i> The Badkhyz Reserve: a standard of nature or a forest farm? (1975)	68
<i>Pasevyev, I.</i> With an open visor (1989)	73
<i>Pasevyev, I.</i> Will kulans leave the Red Data book? (1995)	89
<i>Pasevyev, I.</i> The place where wind blows (1998)	95
<i>Gorelov, Yu.</i> Current condition of the native kulans in Turkmenistan (2003)	100
<i>Gorelov, Yu.</i> A non-standard approach (2005)	102
<i>Gorelov, Yu.</i> My history	110
<i>Gorelov, Yu.</i> The first page of the Badkhyz diary	118
A list of publications by Yu. K. Gorelov	120
<i>Gorelova, R.</i> Childhood in Badkhyz	134
<i>Kostik, S.</i> A letter from Kushka	152
<i>Skalon, N.</i> The lost Badkhyz, or Twelve stories from a nature reserve	153
<i>Burov-Stas'kov, A.</i> The angel of the semidesert	176
<i>Gorbunov, A.</i> With Gorelov in Northwestern Turkmenia	188
<i>Rost, Yu.</i> Olgoi-khorkhoi and Yuri Gorelov	197
<i>Druk, A.</i> A few more words about Yuri Gorelov	203
<i>Fet, V.</i> Thinking of Gorelov	208
Part 2. STORIES OF THE NATURALISTS	
<i>Sludsky, A.A.</i> On a fox and a marbled polecat hunting together in Badkhyz	218
<i>Rustamov, E.A., Sopyev, O.S.</i> On the impact of Professor A.G. Bannikov on the nature reserves of Turkmenistan	221
<i>Baskin, L.</i> Mountain sheep of Badkhyz	223

<i>Lukarevsky, V.</i> The Badkhyz Reserve: a quarter of a century of observations (1985–2007)	226
<i>Panov, E.</i> Moscow zoologists in Badkhyz	241
<i>Bogatyrev, N.</i> Memories of Badkhyz	255
<i>Drozdov, N.</i> Vladimir Akhmedov's Badkhyz	275
<i>Krupko, V.</i> Goitered gazelles	284
<i>Krupko, V.</i> A morning on a sandy hill	285
<i>Akhatov, A.</i> Travel notes from the last century	288
<i>Chernyakhovsky, M.</i> What I recalled	303
<i>Krivokhatsky, V.</i> At the Kyzyl-Dzhar	313
<i>Murzin, S.</i> At Badkhyz in 1974-75	326
Moscow State University students in Badkhyz	330
<i>Khomustenko, Yu.</i> On Gorelov and Orlov	337
Stone age in Badkhyz (materials of German V. Ivanov)	341
<i>Gutlyev, G.</i> "Salt that devoured the land..."	347
<i>Zherdev, V.</i> On people and snakes	353
<i>Cherlin, V.</i> Travels of a herpetologist	365
Vladimir Potapov in Badkhyz	389
<i>Neumann-Denzau, G.</i> Heyday and fall of the kulan era in Badkhyz (<i>in English and Russian</i>)	400
<i>Rustamov, E.</i> Working in Badkhyz	423
<i>Rustamov, E., Kaczynski, P., Saparmuradov, D.</i> The kulan on the verge of extinction and its preservation in Turkmenistan	427
Instead of an Afterword	432
Badkhyz: a brief chronology	433
Name Index	435

БЛАГОДАРНОСТИ

За помощь, участие и поддержку в составлении этого сборника мы искренне благодарны: А.К. Ахатову, Э.И. Ахмедовой (Волосковой), Б.Д. Васильеву, В. Бешкову, Н.Р. Богатырёву, Л.Я. Боркину, А.Ю. Бурову-Стаськову, А.Ю. Герасимову, А.В. Горбунову, Г. Гутлыеву, Н.Н. Дроздову, А.Я. Друку, В.И. Жердеву, С.И. Забелину, В.А. Зубакину, В. Комарову, С.А. Костик, В.А. Кривохатскому, В.К. Крупко, В.С. Лукаревскому, Х. Магадову, С.В. Мурзину, Г. Нойманн-Дензау (G. Neumann-Denzau), В.Ф. Орловой, Е.Н. Панову, А.А. Позднякову, Ю.М. Росту, Э.А. Рустамову, Н.Ю. Скалон, А.А. Тетенко, И.Ф. Фесенко, Г. Фет, Ю.Д. Хомустенко, В.А. Черлину, М.Е. Черняховскому и А.С. Шаповалову. Особая благодарность Ларри Шрею (Larry Sheret) и коллективу Библиотеки Университета Маршалла (Хантингтон, Западная Виргиния, США) за их помощь в публикации этого издания.

*Р.И.Горелова
В.Я.Фет*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга задумывалась как сборник воспоминаний о людях и событиях Бадхызского заповедника.

В декабре 2021 г. исполняется 80 лет со дня создания заповедника (1941). В июле 2021 г. исполняется 90 лет со дня рождения Юрия Константиновича Горелова (26.07.1931 — 12.09.2018). Эта книга посвящена им обоим и выходит в свет в день рождения Горелова.

Без Горелова немыслима история Бадхызского заповедника в самые яркие и интересные годы его существования. Будет справедливо сказать, что этими годами Бадхыз обязан именно Горелову и его соратникам. В истории Бадхыза несложно выделить четыре периода: до Горелова (1941 — 1956), «гореловский» (1956 — 1978), годы до объявления независимости Туркменистана (1978 — 1991), и время после 1991. Документы, воспоминания, статьи, отрывки, фотографии, собранные в этой книге, в основном охватывают именно «гореловский» период, совпавший с хрущёвско-брежневской эпохой в СССР.

Случай и судьба в 1956 г. забросили на южнейшую окраину дряхлеющей империи этого удивительно свободного и бесстрашного человека, имя которого стало для научных интеллигентов времён «оттепели» синонимом Бадхыза. Уникальное сочетание в те времена и в той экзотической местности изоляции и самобытности, энтузиазма и апатии, всеобщего надзора и всеобщей же безалаберности, армейского режима и подпольной свободы, колониального имперства и маргинальной интеллигенции породило ту среду, о которой много ещё будут писать — если сохранятся свидетельства и документы уходящего уже поколения. Мы попытались собрать ряд таких свидетельств.

Среди них есть как воспоминания научных сотрудников заповедника, так и приезжих специалистов — чаще всего зоологов, работавших в поле. Литература о Бадхызе обильна. О заповеднике писали многие журналисты центральных и республиканских изданий, в частности, Юрий Рост, Эдуард Кондратов, Икар Пасевьев. Мы воспроизводим некоторые из этих исторических публикаций.

Сведения о природе Бадхыза разбросаны в литературе, и практически все они опубликованы на русском языке. Одним из редких и полных источников научных данных о Бадхызе, который ждёт своего переиздания и продолжения, является библиографический указатель Х.И. Атамурадова и О.Х. Ашировой «Изучение природных комплексов Бадхыза (1886 — 1982 гг.)» (Ашхабад, 1985). Мы опирались на это справочное издание при составлении литературных ссылок.

Сведения о работавших в Бадхызе найти куда труднее, чем о флоре и фауне — и тем драгоценнее сохранившиеся свидетельства. Многих современников описываемых событий уже нет в живых, память о многих не сохранилась или почти стёрлась. Нам наверняка не удалось выправить все неточности в именах, датах и событиях. В нашу задачу не входило дать исчерпывающие сведения, но мы пытались сохранить архивную мозаику, собрать крупинки той эпохи. Иногда воспоминания откровенно идеализируют героев. Иногда читатель найдет в этом томе повторы (чего стоят лишь «мины Бащенко» или «бескровное изучение питания варана», которые запомнились, наверно, десяткам свидетелей!). Но все, кому довелось хотя бы кратко побывать в Бадхызе, навсегда запомнили этот яркий, жестокий и прекрасный край.

Мы собираемся продолжить «Бадхызские архивы» как серию публикаций о Бадхызе, его уникальной природе и его необыкновенных людях.

*Раиса Горелова
Виктор Фет
26 июля 2021*

ЧАСТЬ 1
ГОРЕЛОВ

Юрий Горелов. Фото Ю.М. Роста, 1975.

Приключение Горелова. Сценарий жизни

Юрий РОСТ

«Едущий в автомобиле, да узнай в идущем по земле подобного себе, не уступающего ни в чём, кроме скорости передвижения, а в ином часто и превосходящего тебя. Остановись и спроси у того прощения за руду, вынутую из обезображенной степи, за побитые вырубками леса, за сотворённые руками (порой без участия головы) электрические моря и другие достижения искусственного мира и получи, пожалуй, прощение за всё, кроме глупости, жадности и жестокости.

А пеший, простив возможное, ещё и поблагодарит за выплавленное из руды железо, за бумагу, извлечённую из древесины, за электричество, видимое лишь тогда, когда его тратишь, а после посмотрит вслед ускользящему по пыльной дороге экипажу, подумает о важности встречи, которая и для ехавшего значила немного, да и махнёт рукой: э-эх! Разлетелись, выходит, по своим жизням. Один ступает по земле, другой её топчет, один выживает, другой живёт, один ждёт, другой действует. Как это всё получается, спросить хотел, да тот уехал. Ладно, и так».

Винсент Шеремет. *«Достижение пешехода»*

Горелов живёт без спроса. Никому не должен. Землю, воду, воздух, животных, растения — то есть свой мир — Юрий Константинович Горелов получил в комплекте. На время.

— Что? — Он часто употребляет это «что?», хотя слышит замечательно. — Слушай, Юра! Всё на время. Но это время, определённое каждому, принадлежит ему целиком. Значит, навсегда.

А я и не спорю. Он, разумеется, прав, и в правоте своей распоряжается жизнью, как считает нужным. Сам. Поэтому без упрёка и страха. Без страха.

Посещение змеелова. — Горелов, — говорю я ему, — давай напечатаем памятку браконьера: «Юрий Констан-

тинович Горелов — зоолог, старший научный сотрудник заповедника Бадхыз на юге Туркмении. Рост выше среднего. Русоволос. В разговоре порывист. Реакция мгновенная. Отлично видит в темноте, за что получил кличку Кошачий Глаз. Улыбается открыто и много. Начитан. Образован замечательно. На левой руке нет фаланги большого пальца — следствие укуса змеи. Азартен. Постоянно готов к спору. Стреляет точно, в том числе и с движущегося автомобиля. Из всех видов охоты признаёт одну — на браконьеров. В этой охоте беспощаден. Законы знает, но защищает не их, а природу. Чинов и званий не различает». Ну как?

— На самом деле кличку мне дали Дикий Глаз, но так, как ты говоришь, — благозвучнее.

На дворе жара и четвёртая четверть века. Мы сидим в домике приятеля Горелова змеелова Юры Орлова. Моё первое путешествие в Бадхыз подошло к концу. Мы ждем поезда. На столе бутылка болгарского вина гамза в оплетке. Окрошка из гамзы и компот из гамзы.

Орлов считает, что красное вино защищает от яда змей, которые его время от времени кусают. Вот он и пьёт гамзу вместо воды. Горелов не пьёт вовсе. Он должен быть ежесекундно готов к действию и трезв. Алкоголь притупляет реакцию. Он не допускает мысли, что кто-то может его опередить. Может быть, это семейный опыт. Дед его по материнской линии — почетный потомственный гражданин Мурома, строивший Сырдарьинскую и Транссибирскую железные дороги, погиб в офицерском споре в Гражданскую войну. Кто-то хотел провести состав без очереди, возникла ссора. Он допустил ошибку (которую другой дед Горелова — генерал царской армии — не допустил бы). Железнодорожный дед вытащил пистолет позже, чем его оппонент.

Горелов родился в Болгарии, куда эмигрировали через Батум его мать с бабушкой, а из Крыма — отец, подпоручик царской армии.

Юра же Орлов был советским беспризорным. Родители его пребывали в лагерях, где и погибли. Повзрослев, Орлов заинтересовался герпетологией. Стал одним из самых известных змееловов, прекратив отношения с режимом.

Он закрыл свой мир, ограничив его прагматическими отношениями со страной. Добывал яд (сохранив, разумеется,

змей. Иначе Горелов бы не сидел за этим столом), продавал его, покупал еду и гамзу.

— Похоже, он не может расстаться с видением детства, — сказал я Горелову, когда мы подошли к серым бетонным плитам, ограждающим зону для кобр.

Внутри загона были вырыты землянки.

— Ступай за нами след в след. Не наклоняйся в сторону и не размахивай руками.

Когда глаза привыкли к темноте, я увидел десятки ячеек с плоским полом, вырытых в глиняных стенах. В каждой из них на расстоянии вытянутой руки в позе, готовой к атаке, расположились кобры.

— Их нещадно отлавливают и губят браконьеры. Яд дорог, — сказал Горелов.

Орлов молча, молниеносным движением поймал за шею одну змею. Горелов вторую. Мы сфотографировали красавиц и отпустили. Они медленно заструились к бетонному пруду, где замерли приготовленные к съедению лягушки.

Из домика Орлова, куда мы вернулись, было видно, как тронулся поезд.

— Ничего, — сказал Горелов, — вы с Юрой догоните его на мотоцикле.

Мы с Орловым доели крошку.

— Я хочу тебе объяснить: в природе нет добра и нет зла. Морали нет. Есть целесообразность. Председатель Римского клуба спросил: куда стратегически идёт человечество? Чему человек венец?

— Венец? Ты же говорил в заповеднике, что он, возможно, ошибка природы, — сказал я, отпивая компот, — что он единственный из животного мира, кто способен разрушить среду обитания. Свою и других видов. Почему теперь венец?

— Потому что неизвестно. Природа действует методом проб и ошибок: либо вид выживает, либо гибнет. Без идеологии. Есть болгарская байка: сидит на ветке сорока и примеряет, извини, к заднице орех. (Я забыл сказать, что Горелов обычно не ругается.) Лиса спрашивает: «Что ты делаешь?» — «Хочу съесть». — «Так примерь его ко рту». — «Проглотить я его проглочу. А вот интересно посмотреть, как он выйдет».

Я с тревогой посмотрел в окно на опустевший перрон. Но Горелов не обратил на моё беспокойство внимания.

— Человечество не думает, запуская какой-нибудь глобальный проект, что произойдёт, когда оно проглотит кучу орехов. Похоже, мы перешли черту, до которой можно было остановиться. Дай Бог, чтобы люди уцелели со своим страшным багажом. В самолет тебя с взрывчаткой и ядом не пустят. А на земле, откуда он взлетает и куда садится, человек волен взрывать, крушить и отравлять.

— Зачем же ты воюешь за природу на этом клочке суши, раз всё обречено?

— Что? Не всё! Я им не уступлю то, что могу сохранить. Не для примера вовсе. И они это знают.

За двадцать лет пребывания Горелова в заповеднике джейранов и куланов стали считать не десятками, а тысячами, он сохранил фисташковые леса, сократил прогоны отар через Бадхыз, свёл браконьерство к опасному и наказуемому действию. Безусловно наказуемому. Ему всё равно, кто создает угрозу его зверью: местный житель или залётный начальник, сосед, командир заставы или армейское подразделение.

— Ты пришёл с ружьём? Извини.

Когда Горелов, до смерти напугав, задержал и обезоружил (предварительно шарахнув из одностволки по радиатору машины) секретаря ЦК КП Туркмении и министра мелиорации, он не думал о том, как этот поступок может отразиться на его судьбе. Уверенность в своём деле давала Юрию Константиновичу одну привилегию — он не боялся быть плохим.

Спустя двадцать лет после того, как его, бывшего заместителя директора и старшего научного сотрудника (это я напоминаю вам, что Горелов по штатному расписанию не был обязан сам ловить браконьеров), выдавили из заповедника, он ночью въехал в районный центр Серахс. Возле отделения милиции, начальника которого он когда-то опередил (не то что его дедушка с материнской стороны), припечатав затылком к стенке, пока тот доставал оружие, и изрядно помяв за убитого джейрана, Горелов вышел из «уазика», чтобы спросить дорогу.

— Как выбраться из посёлка? — спросил он у сидевших в темноте на скамейке людей.

— Может, тебе надо в Бадхыз?

— Да.

— Горелов, ты за что посадил моего отца? — спросили его из ночи.

— За браконьерство, — ответил Горелов.

Кто его узнал по голосу в темноте — сын чабана, шофёра или родственник руководителя района, — он не знал. Да его это и не интересовало. Он подумал, что, возможно, память о нём ещё работает на заповедник.

Откуда он взялся такой? Пока мы со змееловом Орловым пылим по пустыне на мотоцикле «ИЖ-350», догоняя неспешный поезд, я расскажу вам, каким образом Горелов оказался в Бадхызе.

То, что мама эмигрировала после смерти нерасторопного дедушки, мы помним. Отец учился на высших технических курсах, потом в военном училище. Воевал в армии Врангеля, в корпусе генерала Кутепова. Из Крыма под нажимом красных на пароходе покинул родину и отправился в Галлиполи — на европейский берег Дарданелл.

В Болгарии, где он оказался, работал мелким менеджером на гипсовой фабрике в Калугерово. Там была 30-метровая труба со скобами. На трубу садились аисты. Иногда они попадали в трубу. Юра их доставал и выхаживал. Во дворе двухэтажного домика с верандой, заплетённой девичьим виноградом и глицинией, ходили его пернатые питомцы.

Офицерская компания отца немцев не любила как бывших противников. Слово «патриот» в лексиконе отсутствовало, «родина» — тоже. Было слово «Россия». Национализм почитался явлением неприличным. Все следили за событиями в Союзе и ждали «смерти таракана». Отец написал друзьям, спрашивая, когда можно возвращаться, и получил ответ: «...что касается вашей племянницы, то, на мой взгляд, выходить замуж ей рано».

Зоологом Горелов решил стать, быть может, когда прочитал свою первую книжку про жизнь муравья. Он принялся с особенным усердием изучать то, что ему могло пригодиться в будущей профессии. И спортом он занимался лишь тем, который был бы полезен «в поле». Зоолог должен уметь стрелять, плавать, лазить по скалам, бороться...

Юрий Горелов. Фото Ю.М. Роста, 1975.

В десятом классе он, заработав деньги, купил Дарвина «Происхождение видов» и с карандашом прошёл эту книгу.

— С тех пор моё мировоззрение сформировалось окончательно и больше не менялось.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда отец Бескишкин (бывший подпоручик) спросил гипсового менеджера Горелова (бывшего подпоручика): «Костя, почему ты не ходишь в церковь?» — отец ответил: «В церковь у нас ходят женщины, а мужчины Гореловы там бывают три раза: на крещении, на венчании и на отпевании. Два раза я был, с третьим не тороплюсь».

— Я не верующий, — внятно произнёс Юрий Константинович, — может быть, от того, что у меня нет страха.

Первый поход за правду он совершил при поступлении в сельхозинститут. Ему поставили двойку за сочинение на болгарском. Он надел «бляху» — золотую медаль за трудовые подвиги с киркой и тачкой при строительстве дороги на гору Витошу (300% от нормы) — и пошёл к министру образования с требованием, чтобы ему показали его работу. И ему показали — там не было ни единой ошибки. Потом он перевёлся на биофак в университет. Он постигал не только тонкости науки, но и систему взглядов человека, готового не только изучать природу, но и защищать ее.

Он запомнил рассказ русского эмигранта профессора Мартино, который был комиссаром Временного правительства по ликвидации царской охоты в Крыму. Внизу были то красные, то белые, то зелёные... И в горах то же самое — вольница. Но он продолжал защищать животных. У него был татарчонок Ахмет, который постоянно ловил браконьеров.

— Как ты это делаешь?

— Если браконьер один — ружьё в живот и говорю: давай оружие, неси дичь на кордон. Если два — то же самое.

— А если больше?

— Говорю селям аллейкум и прохожу мимо.

Нельзя проигрывать.

Сын профессора Мартино Кирилл, партизанивший в Югославии против немцев во время войны, тоже учил Горелова: «Зачем ты носишь нож? Человек, который носит оружие, готовится к убийству». Послевоенная София была

тихим городом, но провожать ночью девушку было опасно. Он подарил Юре половинку бинокля. Никто не догадается, что это великолепный кастет. (Кстати, на фотографии Горелова в Бадхызе половинка бинокля висит на плече.)

Умер Сталин. Горелов окончил университет, и семья стала думать о возвращении. Весной 55-го Гореловы вернулись в Россию. Год Юра проработал учителем в Ростовской области и через год отправился в Москву в Министерство сельского хозяйства проситься в заповедник.

В нём разглядели образованного зоолога и предложили несколько заповедников на выбор. Он остановился на Бадхызе. Там были в достатке его любимые млекопитающие и гады, и он мог применить свои знания. В течение многих лет он как зоолог был вне конкуренции. Его назначили заместителем директора.

Первый год он занимался наукой и присматривался.

Через Бадхыз ездили с оружием, браконьерство было нормой, зверей били нещадно, численность джейранов, куланов и архаров падала катастрофически, тысячные колхозные отары вытаптывали всё, фисташку обирали местные жители и скот, дороги прокладывали кто где хотел.

Через год пребывания в заповеднике — осенью пятьдесят седьмого — он взял одностволку и вышел на тропу войны. За сохранение природы. Было Юре Горелову в это время двадцать шесть лет. Но он чётко знал, что надо делать, понимая, если он уступит хоть чуть-чуть, его уберут, подставят или согнут.

Он был страстен. Мог посмотреть зверем и сымитировать нервный тик до такой степени правдоподобно, что задержанные думали: чёрт его знает — вдруг выстрелит. Он и стрелял по баллонам и радиаторам браконьерских машин и всегда попадал куда хотел. Уголовный кодекс он знал не хуже судей и выигрывал все дела о браконьерстве. Всегда опережал действия противника. Ненавидел и наказывал, отнюдь не словом, за матерщину и не пускал никого, кроме друзей, за спину. Или мог стать так, что по тени видел, что делается сзади. Ружьё у него было под мышкой, и при опасном движении за спиной он стрелял точно под ноги, производя ошеломительное впечатление: у него глаза на затылке.

*Горелов в 1956: первый год в Бадхызе.
Из архива семьи Гореловых.*

Горелов оброс небольшой группой единомышленников, среди которых были одноглазый боевой капитан — инвалид Алексей Афанасьевич Бащенко со своей овчаркой Цыганкой, другой фронтовик — Александр Гарманов, Миша Шпигов в очках минус пятнадцать и несколько местных жителей, среди которых мой знакомый шофёр Ахмед.

Он знал, кто въехал в заповедник и на чём. У Горелова была своя разведка. Пограничники были спокойны за эту территорию и относились к зоологу с ружьём уважительно. А он к ним терпимо.

Мы с Орловым уже почти догнали поезд, но до водокачки, где он остановится, ещё есть время, чтобы рассказать два типичных эпизода из жизни Горелова.

По ночному Бадхызу с зажжёнными фарами мчится «ЗИЛ-130». Кто-то «фарит» — гонит в свете фар джейранов. Наперерез браконьерской машине идёт «ГАЗ-66» с потушенными огнями. Машины сходятся. Горелов в кузове «ГАЗа» даёт предупредительный, но прицельный (по бензобаку) выстрел, требуя остановиться. Но «ЗИЛ» не останавливается. Из кабины высовывается ружьё и из двух стволов бьёт по машине преследователей. Металлические борта защищают от выстрелов. «ГАЗ» догоняет охотников, и Горелов на полном ходу прыгает в кузов машины браконьеров, выбивает ружьё и выключает зажигание. Двое его помощников помогают разоружить, как оказалось, родного брата первого секретаря райкома и его приятелей.

Другая история тоже ночная. Однажды Горелов с близоруким Мишей Шпиговым пешком гонялись за браконьерами, которые набили 16 джейранов. Два часа лазали по колючкам во тьме. Восемь человек охотников, наконец, остановились. Часть стала набивать патроны, другая потрошить дичь при свете подфарников. Ходил он тихо, но наступил на ветку. Пришлось выйти со своей одностволкой на свет. Один из охотников выскочил на ходу, подхватив двустволку, побежал к машине, наткнулся солнечным сплетением на выставленное ружьё Миши и в полной тишине упал навзничь. Секундного замешательства хватило, чтобы Горелов захватил оружие. То, что он шутить не будет, браконьеры знали.

Судья впоследствии попрекал Горелова за негуманное отношение к людям: сам со Шпиговым уехал на грузовике, а «пленников» отправил на кордон за четыре километра пешком.

У водокачки мы догнали поезд, слезли с мотоцикла и стали прощаться с Орловым.

— Слушай, Юра! — сказал я ему. — Идущий в толпе — это организм, объединённый с другими общей волей за отсутствием собственной. Подчинённость — главная черта участника толпы. Сложноподчиняемая толпа — это власть,

интеллигенция — культуuroобразующая, криминальная — законоигнорирующая и, наконец, народ — толпа инертновыживающая.

— Ну? — сказал Орлов снимая белую пляжную кепку.

— Горелов выпал из толпы. Точнее, он в неё и не впадал.

— Жарко! — Змеелов посмотрел на меня с состраданием. — Градусов сорок и солнце в зените. А ты без шапки.

Он похлопал меня по плечу, сел на свой «ИЖ-350» и уехал домой.

Автомобильная прогулка. За рубль я взял у проводника чайник с чаем и пиалу. За другой — мятую сухую простыню и пошёл в купе. Там сидели три раздетых до трусов мужика, завёрнутые в мокрые простыни. Окна были наглухо закрыты.

— Беги к водокачке и намочи простынь. Через час опять будет вода.

— Может, окна открыть?

— Оттуда ветер, как горячее дутьё в домне. Беги. Успеешь.

Через пять минут я сидел на полке, благословляя физику, обеспечивающую нас потерей тепла при испарении, и восстанавливал в памяти подробности путешествия в Бадхыз.

У кордона Кепеля мы умылись водой, в которой плавали какие-то козявки, и снова полезли в кузов.

— Так, — сказал Горелов, — этой ночью наверху видели свет фар. Поехали посмотрим следы. Попробуем поймать... Миша, в кабину. Вперёд, Ахмед! — И он стукнул по кабине «ГАЗ-66». Надрываясь, на первой передаче машина едва ползла в гору. Любой варан, приходи ему в плоскую голову мысль по такой жаре состязаться в скорости, обогнал бы грузовик на полгоры. Оставалось метров сто, когда внезапно заглох двигатель. Машина секунду постояла и самовольно двинулась назад. Ахмед нажал педаль тормоза, но тормоз не работал.

Автомобиль с грохотом катился с горы. Мы прижались к борту: открытые двери кабины мешали выброситься. Удар был страшен, но спасителен.

Перед тем как покинуть обречённый автомобиль, Ахмед успел вывернуть руль, и грузовик, врезавшись в фисташковую рощу, сломав несколько деревьев, остановился в трёх метрах от обрыва.

Горелов сидел на земле, радуясь удивительному и счастливому исходу. По дороге с горы бежали помощник Горелова Миша Пылаев и Ахмед:

— Живы? Живы?

Горелов поднялся и улыбнулся:

— Ахмед-джан, сегодня мог быть большой праздник у браконьеров Серахского и Тахта-Базарского районов.

Ахмед кивнул, сел на поваленное дерево и стал стругать палочку, чтобы заткнуть ею прохудившуюся тормозную систему.

— Обязательно могли убиться, — сказал он. — Жидкость вытекла. Пойду на кордон за подсолнечным маслом.

И он ушёл — надо было ехать, а значит, и тормозить (пусть маслом).

Пока Ахмед ищет нечто тормозное, у нас есть время вернуться в главную усадьбу заповедника, посёлок Моргуновский, где живет Юрий Константинович Горелов с женой Раисой и дочерью Леной.

Внешне дом как дом и двор как двор. Есть и дворовая живность. Она состоит главным образом из серого варана, живущего в клетке для кур. (Эти здоровенные, в полтора метра длиной, чудища — предмет особой любви Горелова. Из двух десятков научных работ, опубликованных хозяином дома за последние пять лет, лишь варан удостоен трёх публикаций.)

В комнате хозяина дома окна занавешены от жары. Потолок выложен сухими диковинными травами и кустами, осенняя лужайка вверх ногами (это постарался другой помощник — мирный и мрачный Слава Шалаев). На журнальном столе, сооружённом из старинного жернова, поднятого с трёхметровой глубины, почта — дюжина свежих журналов и газеты. Письменный стол завален машинописными листами научных статей и рукописями, фотографическими кассетами и пленками. В углу армейская койка, застеленная серым одеялом. И книги. Очень много хороших книг: вдоль трёх стен до потолка стеллажи, установленные на стеклянные банки из-под болгарских консервов, чтобы не лазали термиты.

Я вошёл в дом, ожидая увидеть жилище благородного пирата или хижину «хорошего злого» ковбоя, а увидел кабинет учёного.

Мы сидим на топчане во дворе. Горелов говорит, я слушаю.

— Они привыкли к хамству и нахрапу, а натыкаются на мужика и теряются. И власть, и суд, и армия. Заповедник изъят из хозяйственной деятельности. А тут я приезжаю на кордон Кызыл-Джар у начала оврага, где группируются животные, и мне говорят, что туда на учения приехал технический батальон — пара десятков машин. Еду туда. Метров за триста оставляю машину и иду пешком. Вижу лагерь. Знакомый майор:

— Здорово, — говорит, — ты что здесь делаешь?

— Я у себя в заповеднике, а ты?

— Выполняю приказ командования. Приехал новый начштаба, мудака.

— Уезжайте, — говорю, — а то будут неприятности.

— Чем больше будет скандал, тем ему больше достанется. Давай я любой протокол подпишу. Пошли пить чай в штабную машину.

Я отстал и, перед тем как войти, покричал сычём — это была команда Гарманову ставить гвозди.

Тут же Горелов продемонстрировал мне крик сыча. Вероятно, похоже.

Одноглазый капитан Бащенко изобрёл «мины» для браконьерских машин. Вставляли гвозди в жестяные банки из-под овощных консервов «Глобус», заливали цементом и закапывали в колею. Получались маленькие заградительные ежи. Человека и зверя не поранят, а резину грузовика в хлам. Длинные гвозди забивать в твёрдый грунт шляпкой вниз придумал Горелов. Он же усовершенствовал оружие, оттягивая в кузнице железнодорожные костыли.

— Пока Саша Гарманов ставит гвозди, пьем чай, мирно разговариваем. Вояка симпатичный, мы с ним потом в Кушке встречались, вспоминали.

— Ну что, — говорю, — не уедете?

— Нет, мы тут неделю-две будем.

— Это вряд ли, — говорю.

Выхожу, подтягиваю шнурки и кладу под резиновый коврик ампулу синтезированного вещества, которое вырабатывает скунс. Безвредное, но тошнотворно вонючее, до рвоты, и не выветривается долго.

Бадхыз, Акар-Чешме. Фото А.А. Позднякова, май 1987.

Вернулся к машине, мы с наветренной стороны стояли, слышим шум в лагере. Порядок. А вояки от запаха хотели уехать, но остановились, нарвавшись на гвозди, и батальон пешком пошёл к кордону. Учения закончились.

— И больше не заезжали?

— Эти нет, — сказал Горелов загадочно.

На топчан, где мы сидели, впрыгнули два кота.

— Твои?

— Что? Нет. Приблудились и живут. Вот этот одноглазый — Флинт. Жуткий бандит. А этот ласковый — большой дипломат. Его зовут Киссинджер. Кстати, папаша его украл однажды живого петуха и нёс так, что даже хвост не волочился. Чтобы следов не было... А где Лена? Ну ладно...

И тут откуда ни возьмись явилось маленькое коротко стриженное чудо: одуванчик на двух ножках. Шоколадные худенькие прямые плечики были развёрнуты, а глаза цвета загара смотрели очень внимательно. На девочке были жёлтенькие трусики, высоко подпоясанные белой резинкой.

Она была похожа на нечаянную радость.

— Лена совершенно не боится животных! — сказал Горелов.
— Привёз волчонка, здорового довольно. Она сразу сунула руки в клетку — гладит. Меня бы он хватанул — ой-ой-ой! Да...
— Он встал, походил и сел. — Дети людей в прекрасных отношениях с детьми зверей. Они доверяют друг другу. Знаешь, когда я смотрю, с каким безрассудством мы порой стреляем, рубим, распиливаем, мне кажется, что со взрослым человеком природа совершила промашечку. Земля прекрасное место для детей...

...На рассвете, предварительно погрузив запас консервов, флягу воды, спальники, мы мчимся в Бадхыз.

Завтра или, если повезёт, сегодня ночью мы попробуем поймать браконьеров. У нас на вооружении две одностволки, фотоаппарат и закон.

Птицы взлетают из-под колес, ящерицы агамы — маленькие драконы — застывают на тонких ветках зонтичных диковинных растений. Солнце плавит плечи сквозь рубаху. Горелов в панаме, которую подарили ему пограничники, стоит в кузове, держась за передний борт, и с каким-то подкупающим мальчишеством рассказывает о себе:

— У меня есть достоинства и недостатки, которые я знаю. Без кокетства. Например, не могу заниматься одним делом долго, не люблю считать. Но! Я обладаю прекрасной наблюдательностью и вижу очень много нового. Пока не всё изучено, но всё очень быстро исчезает, я со своими данными не просто уместен в зоологии, но необходим...

И, словно иллюстрируя своё заявление, он вдруг ладонью шлёпает по кабине и, не дожидаясь полной остановки, спрыгивает на дорогу. Признаться, я ничего не увидел примечательного, а он уже из едва приметной норы тянет за хвост упирающегося варана. Затем, раскачав, подбрасывает в воздух, ловит его за шею, раскрывает зубастую пасть, вливает две кружки воды и, поболтав зверя, вновь перехватывает его за хвост. Из варана, как из грелки, выливается вода вместе со съеденным обедом. Горелов отпускает его, обалдевшего от столь наглого обращения, а сам садится на корточки и записывает данные. Раньше, чтобы узнать рацион, животное убивали и вскрывали. Теперь благодаря придуманному Гореловым «бескровному» методу, отслужив науке, варан дальше глотает своих тарантулов.

Куланы в Бадхызе. Фото А.Ю. Герасимова.

У домика на кордоне Кызыл-Джар, в тени, такой куцей, что если сесть спиной к стене и поджав ноги, то носки ботинок будут на солнце, Ахмед расстелил кошму. Не успел на паяльной лампе вскипеть чай, как подъехал осматривавший «сопредельные» земли начальник одной из застав Николай Бабушкин. Горелов подошёл к машине:

— Коля, как у тебя с горючим, если нам не хватит?

— Подъезжай, Константиныч, найдем.

— Не знаешь, гнали отары через заповедник?

— Гнали. Восемнадцать. Голов по 1000—1200 каждая. Пять на колодцах Дженок-Бай, девять — на Шор-Аймак, четыре — на Шор-Кую. И с ними 39 человек.

Горелов повернулся ко мне и улыбнулся даже с неким торжеством. Ему было приятно, что об угрозе заповеднику, о нанесённом уроне я услышал от постороннего человека, а не от него — заинтересованного лица.

Потом Горелов подробно расспрашивал пограничника, не видел ли он следов охоты, свет фар по ночам. Он нервно ходил вокруг машины, спрашивая Ахмеда, готова ли она к ночным

испытаниям, и инструктировал Мишу Пылаева. Ему хотелось, чтобы скорее пришла ночь.

— Людям надо давать жить, а он не понимает, — сказал мне один его бывший начальник.

Не понимает.

День и вечер мы метались по Бадхызу в надежде встретить животных. Мы видели вырубку саксаула, вытоптанную овцами степь, но звери не выходили к дороге. Лишь в сумерках, на коротком привале мы увидели метрах в ста пятидесяти от себя силуэт джейрана.

— Попал бы отсюда?

— Попал бы! — сказал Горелов, глядя, как лёгкая тень заскользила по горизонту.

Последний выстрел по животному он сделал в январе 1966 года, когда по лицензии для науки надо было отстрелить несколько зверей. Выследил группу архаров, четырьмя патронами убил четырёх... и понял, что больше стрелять по животным не будет.

— Сегодня у зверей практически нет шанса выжить во время охоты, даже у леопарда, которого браконьеры, предварительно выследив, стреляют «в целях самообороны».

...Машина прыгала и скрипела. Зажглись звёзды. Внезапно я увидел несколько армейских грузовиков, безжизненно стоящих на дисках. Они были нелепы и неуместны в этом диком и прекрасном месте.

— Остатки пленённой дивизии. Остальные машины утащили, — сказал Горелов.

— Твоя работа?

— Что? Почему моя? Нас было четверо.

В Кушке Горелова встретили знакомые офицеры: «Скоро мы поохотимся у вас на законных основаниях. Окружные учения. Дивизия пройдет через заповедник».

Операцию Горелов разработал, как военный стратег. Разведку, которая хорошо читала карты, вместе с военной автоинспекцией пропустили беспрепятственно, чтобы не спугнуть основные силы, для которых ВАИ поставили указатели и дорожные знаки.

Эти указатели Горелов с тремя помощниками переставил так, что они должны были вывести колонну в тупиковое место перед непроходимой стеной, куда специально накатали

фальшивую дорогу. Более сотни армейских машин въехали в ловушку, а когда стали выбираться, напоролись на костыли и «мины». И остановились. Мёртво.

Арьергард, который вели старшины, знавшие Бадхыз, добрался до кордона Кизыл-Джар. Здесь солдаты увидели закрытый шлагбаум, под которым стоял мотоцикл Бащенко с привязанной к нему овчаркой Цыганкой. Сам капитан для этого случая вынул стеклянный глаз, надев чёрную повязку на манер Кутузова, и облачился в военную форму с орденами.

— Вы проедете под шлагбаумом только через мой труп, — сказал он.

Старшины увидели объездную дорогу и, ухмыляясь наивности капитана, двинулись по ней. Она как раз и была «заминирована».

Армия материлась, но поражение не афишировала. Стыдно. Четыре человека парализовали приграничную дивизию.

Ночь застала нас на кордоне Акарчешме. Большие лохматые собаки, ошалевшие от ночной прохлады, гоняли забавы ради вокруг домика коров. Лошадь, бродившая рядом с кордоном, заразившись их энтузиазмом, погнала совсем по-собачьи в гору бычка. Хозяева вынесли на топчан чай с прилипшими к бумажкам конфетами.

— Ладно, спать!

Ахмед, опасаясь змей и скорпионов, расстелил кошму в кузове. Мы с Мишей легли на топчане, не раздеваясь. Подошёл Горелов и положил рядом с Пылаевым ружьё, чтобы в случае необходимости его можно было бы найти в темноте так же удобно и быстро, как вставить со сна ноги в домашние тапочки. Вдруг нам повезёт с браконьерами...

В темноте шуршали какие-то твари. Миша лежал рядом, не смыкая глаз. Он появился здесь, бросив Москву и свою безалаберную жизнь. Случай закинул его в Бадхыз. Горелов, определив москвича в охрану, натаскивал его внимательно и серьёзно.

Ночью меня разбудил треск мотоцикла и дикий крик. Пылаева рядом не было. Я услышал голос Горелова:

— Руку покажи!

Свет фонаря полоснул по рукам пассажира.

— Кончай причитать! Это не гюрза, а скорпион. Не умрешь. Поболит до утра и перестанет.

Мотоцикл уехал. Подошли Горелов и Миша.

— Испугался?

— Спросонья, — ответил я. — Дайте закурить.

— Я не курю... И не пью, — весело сказал Горелов. — Но в остальном я не хуже других.

С рассветом мы выехали на Керлекский родник. Надо было успеть до той поры, пока звери не потянутся на водопой.

— Вот здесь под деревом тебе будет хорошо видно, а им нет, — сказал Горелов, когда после часа ходьбы мы подошли к ржавому ручейку, сочившемуся в распадке.

Мы забрались под зелёную крышу и осмотрелись.

— Гляди!

Я повернулся к роднику, но Горелов показывал не туда. В полуметре от меня на земляной ступеньке лежали ещё не пожелтевшая пачка из-под сигарет «Аврора», восемь чинариков и пустая бутылка. Мы сидели в норе браконьеров в тридцати метрах от водопоя.

Я смотрел на эти браконьерские чинарики, вспоминал виденный вчера путь, по которому через заповедник прогнали двадцать тысяч овец, — землю, лишённую растительности, испещрённую оспой следов, безжизненную и страшную.

Вдруг Горелов тронул меня за плечо.

По косому солнечному лучу, едва трогая его копытами, скользили вниз златотелые круторогие архары. Их было семеро во главе с мудрым и мужественным рогачом. Они не видели и не боялись нас, они парили в спокойном воздухе и опустились у наших ног. Самки пили ржавую воду, а вожак стерёг. Потом он, доверившись тишине, опустил на колени и припал к ручью. Он был беззащитен. Он зависел от нашей воли, от нашего благородства, от нашей мудрости, от нашей уничтожающей силы, как вся живая природа зависит от нас.

— Юра, — спросил я Горелова, когда звери, напившись, распластались над землёй и взлетели по кособоку. — Юра, но вся земля не может быть такой. Ты ведь понимаешь это?

— Конечно! Но я хочу, чтобы где-то оставалась земля такой, какой она была всегда. Человек должен помнить, что он часть всего этого...

Там, под деревом у родника, я понял, что собирается он жить на земле вечно, и поэтому она нужна очень надолго.

Из Моргуновки мы уезжали утром.

— Дай что-нибудь на память о Бадхызе, — попросил я Горелова. Он пошёл домой и вынес сверток.

— В Москве развернёшь.

Развернув дома сверток, я увидел великолепный рог архара, пробитый браконьерской пулей.

P.S. Через несколько лет после описанных событий Юрию Константиновичу Горелову придётся покинуть Бадхыз. Он переедет в подмосковную Черноголовку в Институт экологии и эволюции животных. Он отправится в Эфиопию, где докажет биологическую несостоятельность проекта водохранилища, в котором было заинтересовано наше министерство мелиорации. Побывает в Монголии, где он развенчает миф писателя и учёного Ивана Ефремова о таинственном животном олгой-хорхое, убивающем всех, кто к нему приблизится или дотронется. И создаст новую легенду, поймав вселяющего священный ужас гада руками и повесив его на шею.

Будет бороться в своей Черноголовке с химическим загрязнением воды и добьётся высококлассной её очистки. Остановит строительство песчаного карьера, доказав его угрозу жилым домам...

Он победит всё, кроме смерти.

«Новая газета», 3 июля 2015, № 69, с. 20-21. — «Слово/Word», Нью-Йорк, 2020, № 106, с. 80-89. Кроме того, материалы о Горелове были опубликованы в книгах Ю.М. Роста: «Групповой портрет на фоне века», М.: АСТ, 2007 («Приключение Горелова», с. 327-343); «Групповой портрет на фоне мира», М.: Альпина Паблишер, 2014 (фрагмент «Олгой-хорхой и Юрий Горелов», с. 277-280); «Рэтайм», М.: Бослен, 2016, т. 1 («Приключение Горелова»); «Групповой портрет на фоне жизни», М.: Бослен, 2021; «Новая». История», М.: Новая газета, 2021, с. 91-95.*

* См. ниже, с. 197.

*Юрий Горелов, Раиса Горелова, Юрий Рост. 2006.
Фото В.К. Крупко.*

Бадхызские рассказы

Юрий ГОРЕЛОВ

(Миша Шпигов. — Не так страшны белуджи, как их малюют. — Бащенко. — Мы и Кушкинская дивизия. — Блеф. — Ослы. — Слово аксакалов. — Тедженская аптека. — Ташкеле. — Суд в Тахта-Базаре.)

Миша Шпигов

В любом заповеднике временами появляются, а то и оседают на несколько лет оригиналы. Они не чтобы со сдвигом, но для местного люда персонажи странные: художники, поэты, студенты, бросившие институты. У нас рекорд по оригинальности, несомненно, принадлежал Мише Шпигову. Недоучившийся студент-биолог был вынужден покинуть университет не из-за недостатка интеллекта. Наоборот, интеллекта, весьма ядовитого, у него хватало с избытком. Просто он не считал нужным вовремя сдавать экзамены.

В Бадхызе он появился, когда ему было под сорок лет. Бомжеватого вида, с брюшком и в очках, линзы которых были необыкновенной толщины +17 диоптрий. Если в комнате на кордоне девочкам нужно было переодеться, они командовали: — Мужики, идите погулять на свежем воздухе, а ты, Миша, сними очки.

Без очков он действительно был почти слепым. Жил он на самом изолированном кордоне, через который за неделю могла пройти одна-две машины, а могли и не пройти. Зарплата у младшего наблюдателя (егеря) была раза в три ниже, чем средняя зарплата по стране, которая была на уровне 100 рублей. Государство не баловало сотрудников заповедника деньгами. Старший наблюдатель получал 45 рублей, научные сотрудники — 79 или 88, заместитель директора по науке — 140, директор заповедника — 150 рублей! Наши сотрудники шутили:

— От голода не помрёшь, но на девочек смотреть не будешь!

Из-за нищенской зарплаты Миша внёс замечательный вклад в изучение проблемы снежного человека в Средней

Азии. В «Комсомольской правде» появился материал историка и социолога, кажется Поршнева, о встрече снежного человека на Памире. Эта информация заинтересовала общественность.

Дело в том, что, купив с аванса или зарплаты продукты на полмесяца — хлеб и кусковой сахар, — у Миши денег не оставалось. В частности, с нижним бельём у него была напряжёнка, и он обходился одной парой трусов. Кордон был безлюдный, можно было ходить нагишом, что Миша считал очень полезным для здоровья.

Однажды, закинув одностволку на плечо (ремня у ружья не было), Миша решил пройтись по оврагу Кызыл-Джар. Глубокий восемнадцатикилометровый овраг впадал в огромную Ер-Ойлан-Дузскую впадину. Его борта из красноватого песчаника обрамлялись обрывами высотой метров до 70-100, вдоль которых бегали дикие бараны, и на которых гнездились сотни разных птиц. По дну оврага тянулось что-то вроде грунтовой дороги. Наблюдая за кружащими сипами, стервятниками и пронсящимися со свистом белобрюхими стрижами, а то и сапсаном, Миша незаметно отошёл километра на три от кордона и услышал гул поднимающейся из Ер-Ойлан-Дуза по оврагу машины. Проезд по оврагу был запрещён. Это могли быть браконьеры. Мише следовало было бы залечь за камнем, при приближении машины остановить её и обыскать. Ложиться нагишом на землю, поросшую редкой колючей растительностью, Мише не хотелось, и он пошёл дальше. Выехавшая из-за поворота водовозка, завидев Мишу, остановилась. А тот, размахивая ружьём, побежал к ним. Машина развернулась и на дикой скорости помчалась назад. Миша, несолоно хлебавши, направился на кордон.

А вот что рассказал об этом же случае помощник бурового мастера Ковалёв.

— Едем мы по Кызыл-Джару и обсуждаем с шофёром вопрос о снежном человеке — есть ли он в Гималаях, на Памире, а может быть, и у нас. И тут из-за поворота появляется этот самый человек и несётся прямо на нас. Совсем похож на человека, только глаза у него со спичечный коробок, и сильно блестят. — Это он о Мишиных очках. — А в руках дубина. Явно мужик. С брюшком и коричневый, аж чёрный. — Загар у Шпигова был хороший.

*Бадхыз, Кызыл-Джар. 2-й км оврага.
В.А. Кривохатский, 11.06.1978, масло, картон, пыль.
Из архива В.А. Кривохатского.*

— Хорошо, что успели развернуться и рвануть. Все рессоры вдребезги разбили в этом чёртовом заповеднике. Еле добрались до буровой вышки. А там даже бутылки не было в себя придти. Больше через овраг не ездим!

Этот случай получил огласку, оброс кучей подробностей. Из Ашхабада приехала журналистка написать о снежном человеке. Она никак не могла поверить, что интеллигентный Миша и есть тот самый йети. Правда, о проблеме с трусами она не знала.

Не так страшны белуджи, как их малюют

В октябре 1960 г. я и Миша Шпигов жили на кордоне Кизыл-Джар. Я наблюдал за джейранами, которых было много рядом с кордоном. В один прекрасный вечер из-за холмистой гряды Дузенкыра, тянущейся по северной границе заповедника, появилась фара. Это означало, что браконьеры выехали на охоту. Машина, судя по шуму мотора, была тяжёлой. Она приближалась прямо к нашему кордону. Хамство следовало наказать! Особого желания ловить браконьеров, прямо скажем, не было. Колючая кузиния в этом районе вымахала по пояс, и бегать по ней за браконьерами не хотелось. Ещё хуже было Мише с его семнадцатидиоптриевыми очками. Но охота пуще неволи!

Захватив одностволки и бинокль, мы направились ловить охотников. Машина неторопливо петляла по равнине, не приближаясь к кордону более чем на 5 км. Мы шли ей всё время наперерез, куда бы она не поворачивала. Если охотники направляли фару в нашу сторону, нам приходилось падать на землю. Несколько дней потом мы вытаскивали колючки из своих тел. Мы уже вымотались, но тут машина браконьеров остановилась в нескольких сотнях метров от нас. В бинокль можно было разглядеть, что браконьеры что-то делают перед машиной при свете подфарников. Я побежал в обход, чтобы подойти к браконьерам с противоположной стороны, а более тяжёлый Миша направился напрямик к ним. В темноте я осторожно подошёл к машине и увидев восьмерых браконьеров, тихим голосом сказал: «Не двигаться. Стрелять буду». Они от неожиданности окаменели. Но один тут же вскочил и бросился наутёк, но ему не повезло: он напоролся на ствол Миши, который, не видя в темноте, выставил ружьё перед собой. Браконьер рухнул. Это окончательно сломало горе-охотников.

Нарушителями оказались белуджи, которых в Туркмении опасались за их нрав. Двое, один из них практический незрячий, против восьмерых белуджей, это опасно! Я пошёл на хитрость. Скомандовал: «Петрович, заходи справа, Афанасьевич — слева, Вовка — сзади. На свет не выходите. Держите их на мушке». Я забрал у браконьеров оружие. В

задержанной нами машине оказалось 16 убитых браконьерами джейранов. Приехали на кордон рано утром. И тут-то браконьеры поняли, что их, восьмерых, задержали два человека! Морально они были подавлены и никаких попыток к освобождению не предприняли. Я сфотографировал джейранов, составил протокол задержания.

Тут я услышал гул мотора подъезжающей машины. Взяв ружьё, пошёл к шлагбауму посмотреть, кому потребовалось ехать через заповедник. Грузовик вильнул, но шлагбаум стоял в лощинке, а потому свернуть в сторону машина не могла. В кабине сидели два явно перепуганных туркмена средних лет. Я проверил у них документы. Всё в порядке. Говорят, что едут в Серахс, оружия у них нет. Незваные гости вышли из кабины размять ноги. Но что-то явно не то. Почему они испуганы? Тут один из них попытался встать у меня за спиной, чего я никогда не допускал. Пришлось пугануть его ружьём. Тщательно осмотрел кабину и кузов. Оружия, дичи или следов крови не было.

— Ребята, — говорю я им, — тут браконьеры настреляли джейранов. Надо довести их до следующего кордона. Вам всё равно по дороге и себе можете взять одну тушу. — И я повёл их к импровизированной разделочной. Реакция приезжих была неожиданной. Они начали хохотать как сумасшедшие, хлопая друг друга по плечам. Отсмеявшись, один из них говорит: «Едем мы, и Куртлы мне рассказывает, как на этом кордоне в прошлом году егерь убил жену и проезжего геолога хотел застрелить, чтобы свидетелей не было, да промахнулся. А тут ты выходишь, руки по локоть в крови и всё время в нашу сторону ружьё поворачиваешь».

Гости попили чаю, погрузили джейранов и повезли их на соседний кордон, где было кому их съесть. По этому случаю был составлен протокол, в котором написали, что в связи с отсутствием возможности реализовать мясо, оно было уничтожено путем закапывания в землю.

В Иолотанской милиции, куда мы обратились по месту жительства пойманных браконьеров, нас встретили с удивлением: «Вы сумасшедшие? С белуджами нельзя связываться, тем более вдвоём с восемью». И рассказали нам всякие ужасы и байки. Белудж, если он не сидел в тюрьме, не найдёт себе невесту. В кишлаках принято, чтобы туркменский

парень перед женитьбой должен принести отцу невесты калым — выкуп. У белуджей тоже существует выкуп, и в него обязательно должна входить украденная корова. Парню следует показать, что он сможет прокормить семью. Но если скот украден, например, у секретаря райкома или прокурора, достаточно барана.

Бащенко

Алексей Афанасьевич — человек среднего роста, среднего телосложения, жилистый с рельефной мускулатурой, кадровый военный, потерявший на фронте один глаз. Вторым глазом он видел лучше любого зрячего, а уж чужие грехи и недостатки усматривал, как говорится, не глядя. В каком-нибудь учреждении его любовь к порядку была бы избыточной, но в заповеднике он был на своём месте, на счастье природы и беду всех нарушителей заповедного режима.

Бащенко понял, что держать малыми силами оборону десятков километров границы заповедника от браконьеров обычными мерами невозможно. Он изобрёл метод борьбы с браконьерами — «минирование» браконьерских дорог. В консервную банку он ставил большой гвоздь и заливал его бетоном. Такую «мину» можно было установить в любом грунте, кроме каменистого. Торчащие гвозди маскировались подручным материалом. «Мои гвозди не отдыхают, не пьянствуют, не берут взяток и не отличают простого шофёра от начальника. Это вам не наши лесники» — говорил Бащенко. Учитывая, что до ближайшего гаража было не менее 100 км, потерявшие все колёса браконьеры оказывались в экстремальном положении, особенно летом. Гвоздей А.А. не жалел, и не знал сколько сотен «крестников» у него накопилось более чем за 20 лет работы. Привлечь «минёра» к ответственности было невозможно — свидетелей не было, а стандартный ответ на обвинения был: «Эти гвозди поставили браконьеры против автомашин заповедника». Правда, когда однажды на гвозди сел сам председатель Совмина республики, директора заповедника уволили с работы, хотя он никакого отношения к гвоздям не имел.

Алексей Афанасьевич мог в одиночку объявить войну военному подразделению. Рядом с заповедником располагалась точка локаторов. Однажды, объезжая на своём мотоцикле границы заповедника, он засёк два свежих следа автомашины, заехавшей в заповедник. Алексей Афанасьевич не сомневался, что это локаторщики поехали за дровами. И не просто в заповедник, а в его Бащенковский сектор! Преступление, требующее немедленной кары! Он достал из люльки мотоцикла свои «мины» и установил их на дороге. Сделав своё дело, Бащенко отъехал километра на два за сопку, поднялся на её вершину, откуда открывалась отличная панорама. Через пару часов два военных грузовика с дровами по своим следам двинулись на заботливо установленные гвозди.

На следующий день Алексей Афанасьевич поехал по своей тропе посмотреть, что стало с машинами и сел колёсами своего мотоцикла на гвозди, установленные против него солдатами. Вызов Бащенко принял. Вечером, когда солдаты после ужина толпились перед столовой, к ним на жеребце подъехал Бащенко. Он был одет в офицерский мундир с орденами и медалями, через пустую глазницу нацепил пиратскую повязку. Выстрелом из карабина в воздух, он собрал офицеров и солдат вокруг себя, вынул лист бумаги и громко зачитал: «Ультиматум». Далее следовало что-то вроде письма запорожцев турецкому султану. Военным он разрешил передвигаться по территории части не дальше столовой и туалета. Его подняли на смех.

Утром машина, развозящая дежурную смену солдат, осталась без баллонов. Помчались на другой автомашине на кордон к Бащенко выяснять отношения, и тут же сели на гвозди. Правда, предусмотрительный Алексей Афанасьевич в этот раз не ночевал на кордоне. Бережёного и бог бережет, а на войне и бока могут намять. На следующий день в части не осталось ни одной автомашины на ходу. Все дороги были полностью перекрыты. Через три дня офицеры роты пешком с бутылкой водки явились к Бащенко заключать мирный договор, признав свою полную капитуляцию.

*Ю.К. Горелов с «минами» А.А. Бащенко.
Фото Г. Нойманн-Дензау, 1993.*

Мы и Кушкинская дивизия

В штабе Кушкинской мотострелковой дивизии не то чтобы царил полный беспорядок, но и порядка не было. Командир дивизии и начальник оперативного отдела попали сюда с повышением в должности недавно, и с местными особенностями не были знакомы. Начальник штаба знал всё и вся, но ему было не службы. Он разводился с женой, которая бегала по политотделу, вопя: «Мой муж сукин сын, верните мне мужа!»

А тут подоспели очередные большие манёвры. Задача перед дивизией стояла обычная — выдвинуться по левобережью реки Теджен на исходные позиции против Ирана. Автострад, да и обыкновенных гравийных дорог между реками Кушкой и Тедженом не было и в помине. Дороги — колеи, накатанные по пескам, в лучшем случае подправленные грейдером. Таких дорог много, некоторые плохие, а остальные — очень плохие. Одна из дорог шла по территории заповедника.

Границы заповедника были указаны на топографических картах всех масштабов, но что такое заповедник для старших офицеров, тем более только что получивших повышение! Вот они и скомандовали: проложить основной маршрут через весь заповедник с восточного конца и до западного.

В Кушке, где жёнам офицеров нечем было заняться, рабочих мест не хватало, сарафанное радио работало отлично. Вы могли знать всё, даже то, что ещё не произошло. Так что детали маршрута разных полков мы получили за неделю до учений. К отражению оккупации заповедника армией можно было подготовиться.

Прихватив с собой бутылку спирта, мы с Александром Петровичем Гармановым — шофёром и лаборантом научного отдела заповедника — отправились в Кушку в железнодорожные мастерские. Там уговорились с кузнецами, чтобы они из железнодорожных костылей, которыми крепят рельсы к шпалам, сделали для нас тридцатисантиметровые острые штыри. Потом взяли ящик двадцатисантиметровых гвоздей, приготовили крепкий раствор поваренной соли и положили в него гвозди. На следующий день блестящее железо гвоздей покрылось коричневым слоем ржавчины —

великолепная маскировка под сухую траву. Материальная подготовка к сражению закончилась.

За два дня до начала учений военная автоинспекция (ВАИ) уже расставила по дороге из Кушки в заповедник указатели и приступила к установке указателей на территории заповедника. Алексей Афанасьевич Башенко им не мешал. Только указал на незаконность их действий. Любого, кто знал Башенко, такое миролюбие насторожило бы, но ваишники скрытой угрозы не заметили. Вечером на нескольких автомашинах появились офицеры дивизионного разведбата. Они хорошо читали карты и должны были проверить, как расставлены указатели. Зачем-то, может быть за джейранами, они заехали в тупиковый угол заповедника. Мы, проследовав за ними, сразу «заминировали» дорогу, по которой они проехали. Естественно, ставили мы не мины, а гвозди шляпкой вниз, так, чтобы снаружи торчало острие гвоздя сантиметра на три. Таким образом, перекрыли колею и обочины дороги.

Быстро выяснить, что творится с дорогами, указателями и сообщить начальству разведка не могла, так как добраться до ближайшего телефона на какой-нибудь из погранзастав было невозможно. Расстояния в Бадхызе измерялись десятками километров.

Все уже армейские указатели дорог мы сняли и расставили их в обход заповедника — параллельно его южным границам, охраняемых трехсотметровыми обрывами лучше, чем Великой китайской стеной. Указатели были расставлены так, что любая следовавшая им колонна заехала бы в глухую долину под обрывы. Долину мы подготовили, не жалея гвоздей и штырей. На выезде из долины мы накатали и «заминировали» колею под обрывами с обеих сторон дороги. Расчёт на то, что посадив десяток машин на гвозди, вояки повернут назад вдоль колеи, как показали дальнейшие события, оказался верным. Тем временем Башенко накатал колею в объезд шлагбаума у кордона Кызыл-Джар и поставил предупреждающие знаки «Заминировано», которые мы «позаимствовали» на военном полигоне в 50 км от заповедника. Они всё равно никому не были нужны, кроме нас. Все знали, что там мин никто не ставил.

Нам повезло в одном. Маршрут танкового полка дивизии был намечен не через заповедник, а по дороге пограничников, вблизи с границей с Афганистаном. Против танков средств защиты у нас не было. Наши двустволки, гвозди и штыри не устояли бы против них.

Сделав своё дело, мы поспешили в Кушку. Встреча с пострадавшими на месте «минирования» не входила в наши планы. Как мы и рассчитывали, километрах в 35 от кордона Кызыл-Джар основная колонна дивизии повернула в объезд заповедника, согласно нашим указателям, прямо к «гостеприимно» подготовленной встрече. Что творилось под обрывами, мы узнали только по весьма нелитературным рассказам пострадавших вояк. Общее число машин, оставшихся без баллонов, по разным данным, было более сотни.

Один батальон, ведомый старыми прапорщиками—браконьерами, знавшими дорогу в заповедник, поехал прямо на кордон Кызыл-Джар к Бащенко. Здесь встреча воинов с Бащенко была более впечатлительной. За шлагбаумом кордона Алексей Афанасьевич поставил свой мотоцикл с люлькой. Он восседал на нём, одетый в офицерский мундир со всеми боевыми наградами. Через потерянный на фронте глаз повязал повязку. На груди висел карабин. Дополняла картину чёрная немецкая овчарка Цыганка, гордо разместившаяся в коляске мотоцикла. Тетя Дуся, жена Бащенко, занималась во дворе цыплятами, придавая боевой обстановке домашний вид.

Подъехавшим воякам Алексей Афанасьевич категорично заявил:

— Дальше только через мой труп! Дорога заминирована!—
Офицеры засмеялись и скомандовали:

— Объезжать шлагбаум!

Бедным и в голову не пришло, что именно здесь Бащенко понатыкал гвозди. Посадив несколько машин на гвозди, остановили колонну в трехстах метрах от кордона, и увидели знак «Заминировано». Возвращались из заповедника как в кино — спереди шли два сапёра с миноискателями, а за ними черепашьим шагом ползла колонна автомашин.

Еройландуз. Фото: www.alpagama.org

Четыре человека на УАЗике и мотоцикле разгромили мотострелковую дивизию! Ситуация для командования дивизии была настолько позорна, что официальных жалоб не последовало.

Блеф

Москва и Россия — не одно и то же. Слишком разные возможности жизни и работы в стране и её столице. Разница в этом разделении возникла не вчера, только гонор у москвичей раньше был куда ниже.

Всех приезжих зоологов, в первую очередь энтомологов и герпетологов, особенно студентов, мы предупреждали, что камни, которые они переворачивали в поисках животных, следует возвращать на место. Реакция на это замечание была разной.

— Зачем Вы об этом нам говорите? Это подразумевается само собой, — удивлялись эстонцы.

— А кому это нужно? — возмущалось большинство приезжих из разных городов. Приходилось им растолковывать, кому и зачем это нужно.

— Не станем мы ворочать камни лишний раз, — заявляли многие москвичи.

Из Ашхабада через кордон Акар-Чешме проезжают автомашины московских геологов. В кабине лежит охотничья двустволка. Спрашиваю документы и забираю ружьё.

— Мы из Москвы.

Объясняю, что мы против Москвы и москвичей ничего не имеем, но ехать через заповедник с оружием наготове нельзя.

— Но мы же из Москвы! — удивляются геологи.

— А ружьё при чём?

— Для охраны. У нас секретные документы.

— Положите разобранное ружьё с документами во въючий ящик. А для охраны секретных документов получите кобурное оружие.

— Чего-чего?

— Кобурное оружие — это пистолет или револьвер.

Наконец мне надоедает вся эта тягомотина, и я спрашиваю кто у них министр.

— Сидоренко, — отвечают.

— Так вот. С вас по 50 рублей штрафа, ружьё изымается. Штраф оплатить в Кушке. Если он не будет оплачен во время, я по старому знакомству пишу личное письмо Александру Васильевичу Сидоренко о вашем поведении в заповеднике.

Кстати, он не только министр, но и академик АН СССР. Докторскую диссертацию он писал по материалам, собранным в южной Туркмении, в том числе и в Бадхызском заповеднике.

Я, действительно, знал печатные работы Александра Васильевича по Туркмении. Встречались мы с ним на какой-то научной конференции. Александр Васильевич навряд ли помнил меня, но мои клиенты наверняка об этом не знали. Передохнув, они поехали в Кушку платить штраф.

Блеф хорош не только в карточной игре!

Ослы

Нам поручили проводить отлов детей куланов с тем чтобы их затем отправлять в «Зооцентр», откуда они будут поставляться в разные зоопарки мира.

Куланята были маленькие, и их надо было выкармливать молоком. Нам пришла в голову хорошая идея: прибегнуть к помощи ослиц. Вблизи Кушки и заповедника ослов было мало, и наш водитель Ораз, родом из окрестностей Тахта-Базара, вызвался привезти их из тамошних колхозов. Колхозники неплохо зарабатывали на хлопке и пересели с ослов на «Москвичи», «Жигули» и мотоциклы, школьники обзавелись велосипедами. Изгнанные из аулов ослы бродили в округе. Через несколько дней Ораз доставил полтора десятка ослиц. Я отловил куланят, ослицы их приняли. Всё замечательно! И тут произошёл конфуз. В контору заповедника явилась делегация степенных туркменов и потребовала вернуть ослиц с ослятами или оплатить их стоимость. Колхозники запросили очень высокую цену. Оразу за каждую ослицу с ослёнком я уже заплатил по 25 рублей. Что делать?

Выручило меня то, что туркмены знают всё друг о друге, по крайней мере в пределах одного района. Кто-то из наших мне шепнул, что дело нечисто — среди жалобщиков родной дядя Ораза. А родственник родственника, даже дальнего, в Туркмении не обидит.

Я тут же пригласили всех в контору заповедника и заявил: «Ораз дважды поступил плохо. Вас обокрал и заповедник опозорил. Пишите мне жалобу. Я тоже кое-что добавлю к

жалобе и сам отвезу её прокурору. Ораз своё отсидит». «Да ты что, за шелудивых ишаков нашего Ораза посадить хочешь? Ничего мы писать не будем! Пусть Ораз привезёт ящик водки и попросит прощения. Мы сами между собой разберёмся», заявил самый почтенный из компании. И я понял, кто родной дядя Ораза.

Через два года пришла пора отправлять подросших куланят в «Зооцентр». Кормилиц-ослиц вместе с куланятами пригнали за 120 км из заповедника в г. Кушку на погрузочную железнодорожную платформу. Пол вагона был на 40-50 см выше платформы. Пришлось сделать деревянные мостки. Для того чтобы куланы пошли в вагон, нужно было загнать туда нескольких ослиц. В Туркмении есть поговорка: «У погонщика свои планы, а у ишака — свои». Наши ишаки подниматься по мосткам отказались. Одну ослицу тянули за уши и толкали сзади четыре человека и не могли сдвинуть её с места.

Подошёл А.А. Бащенко, сказал: «Отойдите». Поднялся хохот: «Ты один хочешь затащить ишачку в вагон?» Бащенко подошёл к ослице, стоявшей перед открытой дверью вагона и, взяв её за хвост, потянул назад. Она из упрямства пошла вперёд и, естественно, потянула Алексея Афанасьевича в вагон. Через полминуты оба были в вагоне. Вторая ослица пошла в вагон сама, а за ней двинулись остальные.

«Афанасьевич, ты как догадался, что ишачку нужно тянуть за хвост назад, чтобы она зашла в вагон?», окружили Бащенко наши лесники. «Я вам говорил: не ходите на родник Туранга, не пугайте зверей. И где я вас застал на прошлой неделе? И всегда так. Что вам не скажи, всегда сделаете наоборот. Вот и научился иметь дело с ишаками».

Слово аксакалов

Серия судебных дел напугала браконьеров. Они начали относиться к возможности своего задержания с большой опаской. Одно дело штраф, другое — тюрьма. Как раз в это время Берекет Акылов вместе с нашим лесничим Василием Махленцом ехали на водовозке из заповедника в Моргуновку — центральную усадьбу заповедника. Отъехав от Кызыл-Джара примерно 10 километров, они наскочили на двух

охотников-мотоциклистов. Поймать мотоциклиста на автомашине практически невозможно, но для молодого Берекета слово «невозможно» не существовало, независимо от того, что ему предстояло сделать: подраться с группой молодых лейтенантов, охмурить кушкинскую красотку или поймать браконьеров.

Берекет загнал мотоциклистов на посев пустынных кустарников и крутился за ними через борозды, пока седоки — два молодых казаха — не свалились вместе с мотоциклом. Кроме ружья у них была лиса, добытая не в сезон охоты. Всё это тянуло на 130 рублей штрафа и конфискацию ружья. Вообще ерунда, но напуганная рядом процессов — в тот год за браконьерство сидело 10 человек — казахская община встревожилась. Казахское землячество в Туркмении жило очень дружно и всегда выручало своих.

В один прекрасный день ко мне на центральную усадьбу заповедника приехал начальник охраны заповедника Кутлыбай, хитрющий казах. Он просил меня приехать вместе с ним в Кызыл-Джар поговорить с казахскими старейшинами. Стариков надо уважать, пришлось ехать. Рядом с кордоном стояли две юрты, специально установленные по случаю дипломатической встречи. В одной из них на коврах возлежало полтора десятка аксакалов, пивших чёрный чай с молоком. Рядом с соседней юртой варился бешбармак и жарилось свежее мясо. Кутлыбай считался местным боссом, отличался вальяжной неторопливостью, а сейчас бегал с чайником, как мальчишка. Таким я его видел в первый раз. Перед юртами всё это время стояли на солнцепёке неудачливые охотники.

Меня попросили пройти к аксакалам. Те сидели, переполненные собственным достоинством. После чая начались переговоры. Мне сказали, что старики ручаются за своих охотников. Более того, обещали, что ни один казах близко не подъедет к заповеднику. От меня требовалось только не доводить дело до суда. Случай был пустяковый. Никакого нарушения Уголовного Кодекса не было. Об этом старики не подозревали. Штраф был уже оплачен. Объяснять всё это аксакалам я не стал. Просто сказал, что для меня их слова достаточны.

Просить бритобородого и сравнительно молодого русского (это, увы, было много лет тому назад!) белобородым старикам

было обидно. Поэтому молодые охотники должны были расплатиться сполна. Аксакалы вышли из юрты. У каждого на правой руке на ремешке висела камча — короткая плётка, сплетённая из тонких полосок кожи. Такой камчой казах может слепня на лету сшибить. Аксакалы окружили молодых. По спинам били от души, а выше — только по ушам и самым кончиком плётки. Нанеся несколько ударов, одни старики отходили отдышаться, а на их смену заступали другие. Через пару минут уши наказанных были красные, как помидоры, и почти такого же размера.

Слово стариков было крепким. Казахи больше не появлялись рядом с заповедником.

Тедженская аптека

Заповедник получил новую пожарную машину. В своё время выпускался грузовик-тягач для нужд армии с сильным мотором — ГАЗ-66. Он был сделан для нужд артиллерии. Мог тащить пушку, а в кузове размещался боезапас и личный состав артиллерийского расчёта. Диаметр колёс был большим, привод на задние и передние колёса, соответственно, проходимость была высокой. Пожарный вариант отличался двойным рядом сидений в кабине и цистерной для воды вместо кузова. Для экспедиции в безводную пустыню транспорт очень удобный, но для погони за браконьерами тяжёлый и неповоротливый. Тем не менее, увидев блеск фар на горизонте в абсолютно заповедном участке, мы не выдержали и оседлали нашу пожарную машину. Мы — это я, А.А. Башенко, тракторист Шура Волков, шофёр Вова Гарманов и примкнувшая к нашей компании в качестве любительницы экстрима молоденькая сотрудница научного отдела Валя Николаева.

Шура Волков залез на бочку, оттуда обзор был отличный, я сел рядом с водителем, остальные устроились на заднем сидении. Мы без света и дороги передвигались в сторону фарящих браконьеров, выбирая пониженные участки, чтобы нас не осветили фарами, и мы не были замечены браконьерами. Вдруг Шурка свесился с цистерны и, показывая рукой, спросил:

— А на той сопке фисташка растёт? — Фисташка в этой части заповедника не росла. На верхушке сопки в пару сотнях метров на фоне неба просматривалось что-то вроде высокой машины. Видимо, браконьеры услышали гул мотора нашей машины и затаились, пока мы не проедем, но сделали это крайне неудачно — на вершине сопки. Мы их хорошо видели на фоне неба. Я скомандовал:

— Володя, ты едешь медленно ещё километра два и останавливаешься. Остальные, не хлопая дверями машины, выскакивают из машины и идут к браконьерам.

Вова поехал дальше, а мы цепочкой рванули к охотникам, беря их в кольцо. Скрыться от нас они уже не могли, даже если бы заметили нас. Мы тихо подошли к ним, и на фоне неба разглядели, что около грузовика с высокой будкой стоит несколько человек. Ночью есть два способа напугать человека. Первый — шумный: стреляешь вверх и кричишь. Я выбрал второй — тихий. Неслышно подошёл в темноте вплотную и негромко сказал:

— Ружья на землю. Кто двинется, того пристрелю.

Результат был достаточным — браконьеры вскрикнули и сели на землю. Я подошёл к кабине и включил фары. Наши подбежали к освещённой машине. Я тоже вышел на свет и озверел. Перед машиной лежала мертвая джейраниха. Ещё какое-нибудь десять минут тому назад она, грациозная газель, вылизывала новорожденного ягнёнка, а теперь с перерезанным горлом валялась на песке. Задние ноги были в крови после родов. Земля около сосков была забрызгана молоком. Особенно сердобольных среди нас не было, но животных любили все. Ручные джейраны и дикие бараны жили на центральной усадьбе заповедника, и для каждого из нас они были большим, чем дикие звери.

Личный досмотр мы проводили крайне грубо — как омовцы наших дней. В те далёкие уже времена это было не принято. Надеялись, что кто-нибудь из браконьеров окажет хоть малейшее сопротивление и даст нам повод подавить его. Дураков среди них не оказалось. Ружья и ножи перешли к нам сразу. Автомашина оказалась передвижной аптекой. Я хотел осмотреть будку, но не тут-то было. Кто-то спрятался в ней и заперся изнутри. Держать под боком вооружённого или обкурившегося наркотиками браконьера было нецеле-

сообразно. Пришлось заявить:

— Открой будку и выходи медленно и без оружия или мне придётся прошить её из карабина.

Тут Валя, которая восприняла мою реплику всерьёз, проявила свой женский гуманизм и взмолилась:

— Дай я стрельну! Ей-богу, не промахнусь!

Из будки раздался вопль:

— Не стреляйте! Выходим!

Мало ли чего можно ждать от женщины. Это тебе не мужская угроза.

Лекарств в аптеке не было. Она была пустой. Только в одном из углов в ящике стояла двадцатилитровая бутылка, завернутая в одеяло и заполненная на две трети медицинским спиртом. Охотников оказалось четыре человека во главе с главным аптекарем Тедженского района. Ехать за 250 км, из которых 150 км по бездорожью, только для того, чтобы ночью поохотиться! Действительно, охота хуже неволи!

Браконьеров мы доставили на кордон, написали протокол, немного поспали и утром погрузили горе-охотников в будку их же машины. Мы вместе с молодым солдатом — шофёром, работавшим на кордоне «по найму», сели в кабину и направились в Кушку. 96 км по плохой дороге мы в то время преодолевали за 3-4 часа. По ямам да по песку не особо разгонишься! Однако жалеть браконьерские рессоры не приходилось, и мы от души рванули на четвёртой скорости. Проехав километров двадцать, мы у дороги увидели крупного варана метра на полтора. Я, кроме прочего, занимался изучением этого вида. Остановились. Я поймал варана, чтобы промыть ему желудок и посмотреть, кого он съел. Браконьеры, запертые в будке, попросились наружу. Я был занят вараном. Солдат-шофёр открыл задвижку двери и нарвался на атаку задержанных. Четверо браконьеров кучей кинулись к двери будки, рассчитывая легко справиться с нами двоими. Пришлось бросить варана на грудь первого появившегося в дверном проеме. Туркмены очень боятся варанов, с которым у них связаны некоторые поверья. Да и сам по себе вид раздувшегося и расвирепевшего ящера устрашающ. Особенно, если он уцепился за одежду у тебя на груди. Раздался душераздирающий вопль браконьера в дверях и вой остальных бунтовщиков, шарахнувшихся вглубь будки. Солдат

тут же захлопнул дверь и задвинул засов. Из будки доносились крики людей и шипение огромной ящерицы. Я решил, что дух охотников сломлен, открыл будку и вытащил варана.

Когда мы, наконец, прибыли на центральную усадьбу, которая располагалась в посёлке Моргуновка, я выпустил задержанных, и они, выяснив, где находится уборная, помчались туда всей компанией. Я зашёл в контору, а машину окружили, рассматривая нашу добычу, сотрудники хозяйственного двора заповедника. Я позвонил в милицию, чтобы передать им задержанных. Выйдя их конторы, я почуял неладное. Глаза наших сотрудников подозрительно блестели, движения были неуверенными. Я кинулся в будку и увидел, что жидкости в двадцатилитровой бутылки заметно прибавилось. Зная рабочих заповедника, я мог без риска поспорить на что угодно, что спирт уже перелили в нашу посуду, а в аптекарскую бутылку налили воды. Кроме того, они успели выпить спирт, не закусывая. Я пообещал нашим алкашам найти и вылить украденный спирт, если они сразу не исчезнут, что и было ими сделано мгновенно.

Тем временем аптекари вернулись из коллективного похода в туалет. Видимо, договорились, что им делать дальше. В посёлке они почувствовали себя увереннее и потребовали, чтобы им вернули машину, оружие и бутылку. Машину я пообещал вернуть сразу же как только они выплатят штраф и возмещение ущерба на наш спецсчёт в госбанке. Удержание машины было незаконно, но оно гарантировало получение денег без лишней мороки и задержки. Своих ружей горе-охотники больше не увидят. Они будут конфискованы. Бутылку получают вместе с автомашиной. Они потребовали расписку. Поскольку автомашина и оружие были указаны в протоколе задержания, копия которого имелась у браконьеров, расписка требовалась только на бутылку. Выглядела она следующим образом: «Я, нижеподписавшийся Горелов Ю.К., заместитель директора Бадхызского государственного заповедника по научной работе, старший государственный охотинспектор, подтверждаю, что получил на временное хранение от браконьеров из г. Теджен (далее перечислены фамилии) двадцатилитровую бутылку, на три четверти заполненную прозрачной жидкостью, по словам браконьеров, медицинским спиртом. Бутылку опечатана подписями владельцев. Дата,

бутыль сдали, бутылку приняли. Подписи. Заверено печатью заповедника для пакетов». Бутылку тщательно опечатали бумажными лентами и подписями браконьеров.

Сотрудники научного отдела и бухгалтерии, отлично уже знавшие, что в бутылки от спирта остался только запах, хохотали и кричали мне, непьющему:

— Горелов, не пропей спирт!

Браконьеров отправили в милицию, а я пошёл умыться и попить чаю.

Прошло часа два. На машине милиции в сопровождении сержанта-милиционера приехали охотники. Они привезли квитанцию из Госбанка об оплате штрафа, забрали свою машину. Затем достали выданную им мною расписку, проверили целостность опечатки бутылки, о чём и расписались на моей расписке. Милиционер тоже расписался в качестве свидетеля. Каждая сторона получила своё: браконьеры бутылку с водой, а я расписку. Честная компания поехала в сторону Кушки, остановилась метрах в 150 от конторы заповедника под развесистым карагачом — среднеазиатским вязом. Распечатали бутылку, разлили колодезную водичку по пиалам, поднесли первую пиалу милиционеру — как-никак, а власть. Тот отпил и с недоумением уставился в пиалу. Все по очереди попробовали налитое, потом подняли бутылку и стали рассматривать её на просвет.

Сотрудники бухгалтерии заповедника глядели в окно и обсуждали, чем на вид спирт отличается от воды. Отбирать, хотя бы часть спирта у наших гаражных было делом безнадежным. Это не браконьеров задерживать! Не ружья у них отбирать! На невыполнимые авантюры я никогда не шёл.

Я пошёл спать — природа требовала своё.

Таш-келе

Совет Министров Туркмении спустил нашему Министерству лесного хозяйства и заповедников план по заготовке сена лесхозами. Марыйский лесхоз попросил разрешения заготавливать сено в нашем заповеднике. Мы получили соответствующий приказ: разрешить лесхозу заготавливать сено в районе Кызыл-Джара, заповеднику

обеспечивать бригаду сенозаготовителей водой и хлебом. Приказ заканчивался пунктом, обязывающим дирекцию заповедника обеспечить соблюдение законодательства об охране природы во время сенокосения! Пункт издевательский. Заготовка сена в заповеднике — грубое нарушение законодательства.

Бригада косарей разместилась в 10-15 км от кордона Кызыл-Джар, на котором проживала семья А.А. Башенко. Жену Башенко — тетю Дусю — обязали печь хлеб, который Алексей Афанасьевич каждый вечер на мотоцикле отвозил в бригаду. Отдав хлеб, он уезжал. Останавливался километров в двух от табора, прятал в траве мотоцикл, пешком незаметно возвращался к табору и наблюдал за его жизнью. Под утро так же тихо возвращался на кордон. На третью ночь из табора выехали несколько человек на автомашине и устроили охоту с фарой на джейранов. Часа через два автомашина вернулась, и все обитатели табора высыпали посмотреть на добычу. Башенко в темноте вместе со всеми полез в кузов. Там он обнаружил туши джейранов, от каждой выдрал клочок шерсти, пробы спрятал в разные карманы и растворился в темноте. Утром Алексей Афанасьевич прибыл на центральную усадьбу заповедника, расположенную более чем в 100 км от места происшествия, а к обеду мы с ним уже были в таборе браконьеров. Я обшарил всё от котла с мясом до личных мешков косарей, забрал все результаты охоты и составил соответствующие протоколы. Лесхозовцы попросили отложить оплату штрафов до получения зарплаты. Ко времени получения зарплаты они снялись и уехали. Расчёт их был прост: не пойду же я к прокурору против людей, присланных на сенокос своим министерством. Я и не пошёл. Поняв, что нас хотят надуть, я написал короткую статейку о безобразии лесхозовцев в «Туркменскую искру» — главную газету республики. Позвонил знакомым в редакцию и попросил их опубликовать заметку как можно быстрее. Дальше события развивались не по моему сценарию.

Утро каждого руководителя в республике начиналось с просмотра партийно-советской прессы. Но в то утро, когда вышла моя заметка, наш министр А. Сарыев газету не смотрел. Он торопился в республиканский Совмин, там предстояло распределение автомашин между разными министерствами.

Встретили министра ухмылками:

— На охоту хочется поехать на новой машине? — Приняв это за шутку, он тоже пошутил, что и на охоту съездить неплохо было бы. Клизму в Совмине он получил, как говорится, на скипидаре.

Через два дня я стоял в Ашхабаде перед светлыми очами своего начальства не то что по стойке «смирно», но «весь внимание». Прямо как Швейк! Первый вопрос был:

— Ты чей хлеб ешь? — Подразумевалось, что нашего министерства.

— Государства, — ответил я. Действительно, полное название заповедника было: «Бадхызский государственный заповедник».

— Значит, так Вы в заповеднике выполняете мой приказ?

— Так точно. В приказе указано, что мы должны во время сенокоса обеспечивать сохранение природы и охранного законодательства, что мы и делаем, — отрапортовал я. — А что, нам с Бащенко премия положена?

— Иди, пока не получил премию, — промолвил министр.

Медлить не было необходимости — приказ начальства следует выполнять неукоснительно и немедленно.

— Таш-келе, — слышалось мне при выходе из кабинета министра, что переводится с туркменского как «каменная голова». Может быть, мне только слышалось!?

Суд в Тахта-Базаре

Сотрудники отдела разведки пограничных войск были обязаны периодически объезжать так называемые «тылы» — приграничные районы. Однажды мы договорились с погранкомендатурой г. Кушка делать объезды совместно. Питание (и выпивка) наши, автотранспорт наш и их. Заповеднику такое сотрудничество было выгодно. Столкнувшись с взаимодействием пограничников и охраны заповедника, браконьеры были вынуждены, во-первых, с опаской относиться к автомашинам пограничников, во-вторых, избегать вооружённых стычек с машинами заповедника — вдруг там пограничники с автоматами. Погранцы тоже были в выигрыше. Их тылы сотрудники

заповедника знали очень хорошо.

Таким образом, мы — начальник разведки Кушкинской погранкомендатуры майор В. Глазунов, директор заповедника И.С. Сух и я — прибыли на двух автомашинах на кордон Кызыл-Джар. Решили, что Сух с Глазуновым на машине заповедника будут контролировать территорию к востоку от Кызыл-Джара, а я с нашим механиком А. Сундуковым на пограничной машине — к западу.

Вечером группы заехали на вершины сопок и стали наблюдать за окрестностями. Луч фары автомашины отлично виден за 30-40 км, а мотоцикла за 15-20 км.

К востоку от нас, как только стемнело, появились фары двух мотоциклов. Этот район контролировали Сух с Глазуновым, и мы не лезли туда, чтобы им не мешать. Наблюдали больше часа и поняли, что с их машиной что-то случилось. На нашем участке было спокойно, фарящих машин не было. Мы решили направиться на помощь. Через полчаса без света, без дороги, считая все ямы, подъехали в район охоты. Два мотоциклиста крутились недалеко друг от друга по пересечённой местности в поисках дичи.

Охотники были явно не слишком опытными. Метров за 300 от нас прозвучал выстрел. Мы заглушили мотор, чтобы браконьеры нас не обнаружили. Дальше к ним пришлось идти по лощинке пешком. Мотоциклиста, как правило, можно задержать только пешком. По движущемуся мотоциклисту стрелять опасно — перебьёшь ноги. Дно лощины, по которой мы шли к охотникам, было песчаным с ямами и кустарниками. Я пошёл по пологому склону в обход, а Сундуков пошёл напрямую через кусты. Мужчина он был видный, ростом за 190 см. Для ночной пробежки он был тяжеловат, отстал от меня. Мне же нужно было торопиться, поскольку один из мотоциклов уже завели и двое браконьеров сидели на нём. Над вторым мотоциклом стоял человек и пытался его завести. За шумом мотора мотоцикла никто из браконьеров не услышал, как я зашёл к ним сзади. Я ткнул стволом карабина мотоциклиста, он оглянулся, сказал: «Вах» и, подняв руки, сел на землю. Двое на втором мотоцикле, увидев меня, упали вместе с мотоциклом, вылезли из-под него и дали дёру. Я их подбодрил выстрелом в небо. Ломая кусты в темноте, они мчались прямо на Сундукова. Тот присел и, когда браконьеры

были в двух метрах от него, выстрелил вверх из обоих стволов ружья. Вспышка от выстрелов чуть ли не под носом вызвала сногшибательный эффект. Браконьеры завопили: «Вай, вай, вай!!!» и брызнули в темноту кто куда.

В результате, исколовшись в кустах и потратив три патрона, мы оказались с добычей в виде двух мотоциклов, двух ружей, трёхкилограммовой тушкой джейраненка и перепуганным парнем-казахом. Вернувшись на кордон, мы застали там Суха и Глазунова, у которых забарахлил мотор машины. Они были вынуждены с завистью наблюдать за происходящим издали. Я попытался допросить пойманного браконьера, у которого не оказалось при себе никаких документов. Ничего у меня не получилось. Казах молчал. Пришлось передать его Глазунову. Майор уединился с ним и минут через десять появился. Браконьер всё ему выложил: колодец совхоза, на котором базировались браконьеры, фамилии трёх сбежавших от нас браконьеров. Глазунов знал своё дело!

На этом оперативная часть нашей работы закончилась. Дальнейшая — следственно-судебная — продолжалась. В районном центре Тахта-Базар начальник районной милиции решил уголовного дела не открывать. Положенные штраф и возмещение ущерба браконьерами уплачены и достаточно. Мотоциклы начальник милиции распорядился вернуть браконьерам. Этого стерпеть я не мог! Настроил жалобу прокурору республики. Тот сделал соответствующее внушение районному прокурору, и дело дошло до суда.

Заседание суда состоялось в старом здании, видимо, бывшем ранее складом, с высокими потолками, толстыми стенами, высокими потолками и маленькими окнами, закрытыми ставнями. В большом помещении суда царила тишина, прохлада и полумрак. Присутствовало всего несколько человек: судья, секретарь суда, прокурор, я и четыре браконьера. Здесь же находился приглашённый мной лейтенант из военкомата.

Подсудимые не отпирались, дело было ясное, документы следствия были оформлены как следует. Защита состояла в том, что подсудимые представили кучу грамот, выданные за производственные успехи в совхозе Кала-и-Мор. Дополняла их стопка характеристик и ходатайств с места работы депутатами

разного уровня и местными общественными организациями. Зачем сажать в тюрьму хороших людей и производителей? На воле от них будет больше пользы! Я тоже не доказывал, что подсудимые браконьерничали, никто в этом не сомневался. Указал на то, что они не очень хорошие. Двое из них злостно уклонялись от службы в армии. В зале суда присутствует офицер, который их отведёт в военкомат, если им не дадут срок. Вернуть мотоциклы им невозможно.

Браконьеры, с которыми мы за время следствия не чтобы подружились, но хорошо познакомились, тихо меня спросили: «Что скажешь? Какой будет приговор?» «Если нет милиции, чтобы взять вас под стражу, значит, дадут условный срок. А жаль, того кто убил джейранёнка, следовало бы посадить на год». В зал вернулись судья и секретарь. Все встали. Судья Э. Бекмурадов начал читать приговор.

«Такие-то обвиняются в том, том и том. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что такие-то совершили то, то и то. В соответствии с уголовным Кодексом Туркменской ССР, статьи 185 именем Туркменской Советской Социалистической республики...»

Неоднократное ритуальное повторение одних и тех же формулировок создавало в полутёмном зале странную то ли торжественную, то ли жутковатую обстановку. В это время в коридоре раздался топот сапог и ввалились два милиционера, застёгивая на ходу кителя. На улице было жарко, но от прибывших повеяло холодом. Подсудимые побелели.

Судья тем временем продолжал: «...приговариваются к тюремному заключению на два, два, два и один год в колонии общего режима. Мотоциклы и ружья подлежат конфискации».

Милиционеры расстегнули кобуры и один из них скомандовал: «За мной по одному». Второй замкнул живую цепочку.

«Ну ты, Эзис, и даешь! В общем семь лет на четверых за одного джейранёнка», сказал я судье. «А зачем нам лишняя работа? Тебе ловить, мне сажать. Да и прокурору республики не я жаловался. Попробуй поймать впредь кого-нибудь из Кара-и-Мора!»

Суд был окончен. Справедливость восстановлена. Джейранёнка это не воскресило.

Семь рассказов были впервые опубликованы под заголовком «Дикий глаз: Записки охотника на браконьеров»: «Новая газета», 13 мая 2020, № 48, с. 23 («Блеф», «Бащенко», «Слово аксакалов»); там же, 14 мая 2020, № 49, с. 20-21 («Миша Шпигов», «Про страшных <напечатано: стащенных> белуджей», «Ослы», «Мы и Кушкинская дивизия»), с предисловием Ю.М. Роста.

Шесть из этих рассказов (кроме рассказа «Блеф») также опубликованы в журнале «Слово/Word», Нью-Йорк, 2020, №. 106, с. 89-95.

Три рассказа («Тедженская аптека», «Таш-келе» и «Суд в Тахта-Базаре») публикуются впервые.

Горелов на чинке над Еройландузом (Куланье плато), 1958.
Фото Е.И. Щербины. Из архива семьи Гореловых.

Следы ведут в заповедник

В. ТКАЧЕНКО, Р. ЭСЕНОВ

Автомобильные фары настойчиво, хищно ощупывали степь, объезжая непроглядной южной ночью. Неизвестная машина двигалась по равнине, не разбирая дороги, то и дело меняя направление. Потом чуткую тишину разорвали выстрелы.

У лесничего Хырды Оразова не оставалось сомнения: браконьеры! Это они рыщут по заповедной степи, шаря прожектором по ложбинам и зарослям тамариска, отыскивая, преследуя и безжалостно расстреливая с автомобиля ослеплённую электрическим светом запретную дичь. Ночная «механизированная» охота, самая хищническая и жестокая из всех, влечёт за собой, как правило, большое число жертв, наносит непоправимый урон заповеднику. Подняв спящее стадо и гоняя его перед собой в ярком луче света, автомобилист-браконьер часто, беспорядочно стреляет по смертельно напуганным, скучившимся животным, и кто потом узнает и сосчитает, сколько из них сразу падает на землю бездыханными и сколько подранков погибнет чуть позже...

Оразов вскочил в грузовик и вместе с шофёром Николаем Петруничкиным пустился в погоню. Так повелели ему долг и совесть. Браконьеры, впопыхах оставив двух убитых джейранов, пытались уйти от преследования.

— Стой! Бросай оружие! — Оразов, забыв о осторожности, высунулся из кабины, стараясь разглядеть номер ушедшей машины. Он увидел в кузове четырёх вооружённых людей. Оттуда хлестнули выстрелы. Крупная картечь угодила в голову лесничему. Другим выстрелом его ранило в лицо. Шофёр заглушил мотор и занялся пострадавшим. Хырды Оразов чудом остался в живых, но больше месяца пришлось ему пролежать в больнице, перенести несколько операций.

Кто же были эти любители заповедной дичи, поднявшие оружие на охрану, выполняющую свой долг? Следственные органы установили, что в ту ночь на грузовом автомобиле 49-

42 выезжали на запрещённую охоту тедженский райвоенком подполковник Аннаев и секретарь Серахского поселкового совета Непесов.

Можно без колебаний назвать имя и третьего участника, В спешке один из браконьеров обронил возле убитого джейрана удостоверение личности на имя некоего Торина, бывшего управляющего трестом «Марыстрой». Казалось бы, улика неоспоримая: до этой ночи Торин не заявлял об утере документа, стало быть, не кто иной как он, обронил его в заповеднике. Однако, потоптавшись на месте более полугода, следствие не установило виновности этих трёх лиц. Кто-то оградил их от судебной ответственности. Наказан лишь один участник охоты — шофёр С. Джуманиязов. Вот только остаётся невыясненным вопрос: мог ли водитель, управлявший машиной, стрелять на ходу сначала в джейранов, а потом в людей...

Случай в Бадхызском заповеднике, казалось бы, должен был взволновать общественность. Но в заповеднике по-прежнему гремят выстрелы. Следы автомобилей мало-помалу превращаются в наезженные колеи. И не удивительно. За сотни вёрст, из Мары, Иолотани, Теджена и Ашхабада, наезжают сюда вооружённые любители редкостной дичи — джейранов, архаров и куланов. Совсем недавно объездчики заповедника задержали машину, принадлежащую совхозу «Чемен-Абит», а в ней шестерых браконьеров из этого совхоза. Невозможно без гнева и боли вспомнить другой случай злостного браконьерства: главный врач Султанбентской больницы Агадурды Аллеков и заведующий медпунктом колхоза имени Калинина Амал Исаханов расстреляли с машины сразу 16 джейранов.

Речь идёт не просто о запрещённой охоте — о безжалостном, неудержимом истреблении редких видов животных, обитающих в уникальном заповеднике на Бадхызской возвышенности — в самой южной точке нашей страны. Заповедник в 86 тысяч гектаров расположен на стыке пустыни и гор и несёт в себе неповторимое своеобразие ландшафта, свойственного туркменскому уюгу.

Ещё совсем недавно здесь паслись многочисленные стада джейранов, в сотни и тысячи голов. Сейчас, по самым скрупулёзным подсчётам, произведённым научными

сотрудниками заповедника, табун джейранов в Бадхызе не превышает ста голов.

В приречных тугаях Бадхыза водились дикий кабан, олень и гепард, на горных кручах обитали безоаровый козёл и леопард. Ныне эти животные или полностью истреблены, или находятся на грани исчезновения. Мы не оговорились, выражая тревогу за судьбу хищных зверей. Учёные-зоологи доказали, что необдуманное истребление хищников нарушает биологическое равновесие в природе и приносит больше вреда, чем пользы.

Подлинным сокровищем Бадхыза по праву считается кулан-онагр, разновидность дикой лошади, на редкость резвое и привлекательное животное. Когда табун стройных, грациозных куланов мчится по степи к водопою, зрелище это нельзя забыть. Но кулан не только красив. Его мясо съедобно и обладает ценными лечебными свойствами, а из шкуры изготавливают дорогие сорта цветного сафьяна. На международном рынке один экземпляр этого животного, приобретаемого для зоосадов, оценивается в четыре тысячи рублей. Однако, помышлять о хозяйственном использовании кулана сейчас, скромно говоря, несвоевременно. Он обитает только в Бадхызе и в таком незначительном числе, что уместно бить тревогу, спасая его от полного уничтожения.

Еще одним бесценным природным даром располагает Бадхыз — десятью тысячами гектаров уникальных фисташковых рощ. Они не только живописны. Фисташковое дерево даёт орех и смолу, незаменимую в лакокрасочном производстве. С каждого дерева, растущего в Бадхызе, можно снимать до 150 килограммов фисташкового ореха. Это маленькая, самой природой созданная фабрика отличного орехового масла, способная служить подряд нескольким поколениям людей: фисташка живёт и плодоносит полтысячи лет!

В последние годы в Бадхызе засажено фисташкой пять тысяч гектаров. Но половины посевов уже не существует: их потравили овечьи отары соседних каракулеводческих хозяйств. Слов нет, здесь прекрасный, нетронутый травостой, много родников и пресных колодцев, искусственные водопои, созданные работниками заповедника. И вот овечьи отары половодьем растекаются по некогда тихим, пустынным урочи-

Куланы в Бадхызе. Фото В.С. Лукаревского.

щам. Пылают в ночи чабанские костры из оберегаемой законом фисташки и, конечно же, нет-нет да и раздастся браконьерский выстрел.

Но на этом зло не кончается. Отары губят, уничтожают куланы и джейраны пастбища. Где прошла тысячеголовая овечья отара, прихотливому джейрану нечем поживиться. Куланы и джейраны покидают урочища, ставшие слишком людными, и уходят подальше от «заповедных» земель, на юг, за пограничный кордон.

Не будет преувеличением сказать, что сейчас заповедник держится на энтузиазме его сотрудников. Небольшая группа людей, влюблённых в своё дело, самоотверженно отстаивает доверенные им природные богатства. Но им приходится нелегко.

Главное управление лесного хозяйства, заповедников и охотничьего хозяйства при Совете Министров Турменской ССР мало в сущности занимается нуждами Бадхызского заповедника. Начальник главка тов. Сарыев настроен миролюбиво. Он не любит горячиться из-за такой мелочи, как «какой-нибудь там один джейран».

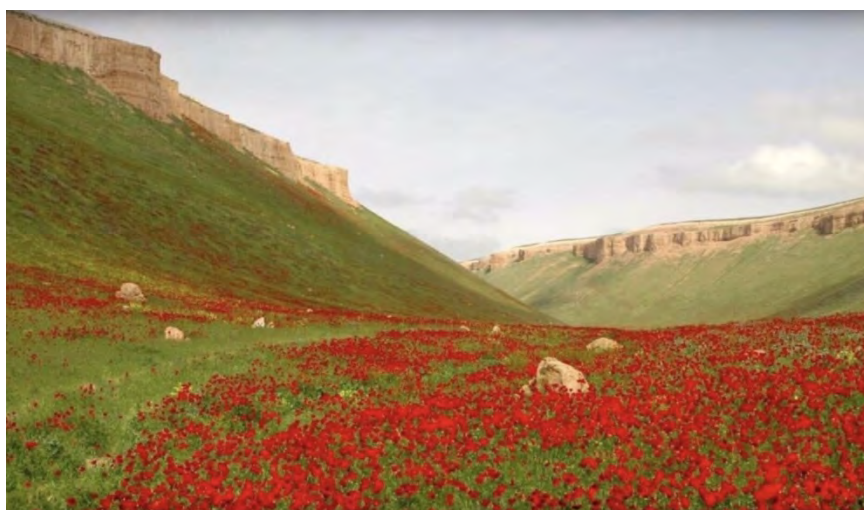
Бадхызский заповедник – жемчужина Туркмении. На этом кусочке древней земли ещё сохранилась флора и фауна, некогда безраздельно владычествовавшая на огромной территории туркменских земель. Всё это может исчезнуть бесследно, как исчезли, навсегда утерялись для нас многие преходящие природные ценности. Бесполезно их оплакивать, надо позаботиться о том, что имеем. Именно с этой целью создавался Бадхызский заповедник. Примечательна дата его организации: декабрь 1941 года. В самую трудную годину, когда враг занёс руку над всей нашей страной, советские люди радели о сохранении естественных богатств этого чудесного уголка. В этом, если вдуматься, сказалось мужество народа, его уверенность в победе над врагом, его хозяйская рачительность и дальновидная забота о завтрашнем дне.

Всякий, кому не чуждо светлое, с молоком матери впитанное чувство любви к родному краю и сыновняя гордость за его богатства и красоту, будет и сейчас, и впредь свято беречь то, что нельзя потом восстановить никакими усилиями. Во имя этой любви и гордости создаются заповедники. Во имя человеческого разума, неутомимо перебрасывающего мост от настоящего к прошлому и будущему, эти памятники природы охраняются силой закона. Мы — не Иваны, не помнящие родства. Строя новые города и гидроэлектростанции, проводя каналы в пустыне и создавая искусственные моря, мы не забываем, не должны забывать свой долг: оставить природу следующим за нами поколениям обогащённой.

«Правда», № 161, 10 июня 1965.

Куланы в Бадхызе. Фото В.С. Лукаревского.

*Бадхыз, Кызыл-Джар, цветущие маки.
www.alpagama.org*

Бадхызский заповедник: эталон природы или лесхоз?

Юрий ГОРЕЛОВ,

*старший научный сотрудник Бадхызского
государственного заповедника*

В наши дни необходимость заповедников не вызывает сомнений. Существуют республиканские законы об охране природы, согласно которым территория государственных заповедников изымается из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительных целях. Слабое место в такой формулировке заключается в выражении «культурно-просветительные цели». Оно даёт лазейку для развития в некоторых заповедниках туризма. В значительной части заповедников самого разного ведомственного подчинения совершенно недопустимая хозяйственная и прочая деятельность человека ведётся в потрясающих размерах. В некоторых случаях нарушения законов об охране природы замаскированы «мерами по восстановлению природного комплекса», в других — термином «заповедно-охотничье хозяйство», в третьих — беззастенчиво неприкрыты. Разрыв между тем, какими, согласно букве и духу закона, должны быть заповедники и тем, какие они в сущности есть, — огромен.

Попытаемся рассмотреть типичную, к сожалению, картину на примере одного из интереснейших заповедников страны — Бадхызского. На страницах нашего журнала уже отмечалось (Калецкий, 1972), что благодаря многолетнему существованию этого заповедника Бадхыз — единственный район Туркменистана, где охрана природы находится на сравнительно высоком уровне. Стадо куланов в 1973 г. насчитывало около 980 голов, дикого барана уриала — свыше 1800 голов, джейранов — 1500 голов; встречаются леопард и гиена, медоед и каракал. Картина по сравнению с большей частью Средней Азии отрадная. До идеала, однако, далеко.

Попытаемся разобраться в деталях.

Бадхызский государственный заповедник был создан в декабре 1941 г. на площади 800 тыс. га. Роль размеров следует подчеркнуть особо, так как в условиях низкой и неустойчивой продуктивности аридных биогеоценозов только обширная территория в состоянии обеспечить возможность выживания большому комплексу животных. В то время заповедник представлял сравнительно автономную экологическую единицу. В 1952 г. его территория была сокращена до 75 000 га. Сейчас заповедная площадь составляет 87 640 га — 11 % первоначальной. От территории заповедника уцелела семидесятикилометровая полоса, ширина которой колеблется от 5 до 22 км, в среднем достигая 12,5 км. Центральная усадьба, расположенная вблизи г. Кушка, оказалась в 90 км от заповедника. Вне границ заповедника остались основные водопой куланов и других копытных на реках Кушка и Теджен. Отрезаны лучшие горные участки, а также значительная часть урочищ, необходимых для зимовки крупных зверей.

Особенно остро последствия сокращения заповедной территории начали сказываться в семидесятые годы, когда хозяйственная деятельность распространилась на ранее абсолютно безлюдные районы, прилежащие к южной границе заповедника. Теперь совхозные животноводы строят здесь капитальные железобетонные загоны для скота, а геологоразведка ведёт буровые работы.

Бадхызский заповедник находится в подчинении Госкомитета лесного хозяйства Совета Министров Туркменской ССР. Не удивительно, что вся система планирования, финансирования и отчётности в заповеднике выдвигает на первый план лесохозяйственную деятельность, оставляя охранную, а частично и научную работу, на задворках. Лесное хозяйство на территории фисташковой рощи заповедника ведётся в объёме двух лесничеств, как в любом лесхозе. Сюда относится прежде всего сбор фисташкового ореха. Урожайный по фисташке год — бедствие для заповедника. Для сбора орехов снимают с охраны лесников и привлекают десятки рабочих со стороны. Сборщики, включая многочисленных лесонарушителей, разбредаются по всей фисташковой роще. Орехи фисташки являются единственным осенним концентрированным кормом в

Бадхызе. Их сбор в заповеднике приводит не только к распугиванию зверей, но и к подрыву кормовой базы всех парнокопытных и ряда других животных. Количество попадающей в государственные закрома фисташки незначительно — в среднем за последние двенадцать лет 6,4 т товарного ореха в год. Разваливать всю работу заповедника из-за нескольких тонн фисташки не только противозаконно, но и нерационально.

Кроме сбора ореха, в заповеднике десятки лет производится посев фисташки. Площадь заложенных культур превышает площадь естественных насаждений. Корни фисташковых то ли деревьев, то ли кустов в условиях острого дефицита влаги покрывают значительно большую площадь, чем кроны. Естественное фисташковое редколесье в Бадхызе по внешнему виду напоминает саванну. Приурочена фисташка в основном к изрезанным формам рельефа. Посевы же её проводятся на наиболее ровных участках и по нормам лесных культур — раз в 7—10 гуще, чем требуют биологические особенности этого вида. Учитывая, что фисташка растёт 300 и более лет, трудно себе представить, на какой срок изуродован ландшафт.

Заметным отрицательным фактором являются заготовки дров, проводимые абсолютно во всех районах фисташковой рощи, доступных для автомашин и верблюдов. Почти полностью уничтожен чёрный саксаул, ранее произраставший под обрывами по южной и восточной границе заповедника. В некоторых урочищах заповедника выпасается скот. Виновных в порубке и потраве леса, как правило, к ответственности не привлекают. Размещение большинства кордонов определяется хозяйственным использованием территории, а не требованиями её охраны.

Хозяйственная деятельность привела к тому, что фисташковая роща пересечена огромным количеством грунтовых дорог и буквально превращена в проезжий двор. Грейдерированная дорога общего пользования идёт по всей длине пустынно-степной части.

Две из сезонных овцеводческих ферм колхозов Серахского района расположены южнее фисташковой рощи и отрезаны от своего района территорией заповедника.

<...> С возрастанием количества копытных незаконная охота вновь вспыхнула летом 1970 г., но к концу этого же года была пресечена с помощью очень жёстких мер. 11 браконьеров были осуждены в среднем более чем на два года тюремного заключения каждый. К сожалению, с 1971 г. борьба с браконьерами почти полностью прекращена. На небольшой территории заповедника охота имеет сравнительно ограниченный характер. Зато в её окрестностях, куда вынуждены выходить звери, браконьерам вольготно. Беспokoить их некому.

Упор на лесохозяйственную деятельность, который делается сверху, вызывает соответствующую реакцию в заповеднике. Охранной работой против браконьеров и лесонарушителей никто не руководит и за её почти полное отсутствие к ответственности никто не привлекается. Не решается и вопрос о закрытии большинства дорог, что в значительной мере зависит от руководства заповедника. Подавляющая часть лесников бездействует. Большинство случаев браконьерства и лесонарушений вскрывают работники центральной усадьбы, преимущественно сотрудники научного отдела. В 1972—1974 гг. научных сотрудников обеспечивали транспортом весьма плохо и случаев задержания браконьеров на месте не было. Пять случаев особо наглого браконьерства на джейранов, куланов и диких баранов были вскрыты нами чисто следственными методами. Самое крупное из этих дел удалось возбудить только после вмешательства центральных инстанций, что вызвало заметное раздражение на месте.

Резюмируя сказанное, автор вынужден прийти к мысли, что вместо неприкосновенного эталона природы Бадхызский заповедник представляет собой лесхоз, заказник копытных зверей и проходной двор. Где же выход из сложившейся ситуации? Прежде всего, следует восстановить заповедную территорию хотя бы до 70% первоначальной. Заповеднику надо вернуть водопои и прилегающие к ним пастбища и остатки тугайных зарослей на реках Кушка и Теджен, некоторые горные хребты Западного Бадхыза, зоны вблизи водоемов по границам заповедника. Интенсивное освоение природных ресурсов края захватывает всё новые земли. Промедление с восстановлением территории губительно для

заповедника.

В № 9 журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 1974 г. группа авторов выдвинула предложение о создании Карабильского заповедника. В ландшафтном и зоогеографическом отношении Карабиль представляет собой обеднённый Бадхыз. Создавать на юге Марыйской области второй заповедник несвоевременно. Рациональнее восстановить до разумных пределов существующий здесь Бадхызский заповедник.

Лесохозяйственную и прочую недопустимую деятельность человека на заповедной территории следует немедленно прекратить, а все ресурсы заповедника — финансовые, кадровые и транспортные — надо использовать для улучшения охраны и изучения природного комплекса.

Незаповедную часть Бадхыза лучше всего объявить заказником, с прекращением на ней всякой охоты, за исключением организованной борьбы с волками. Охрану этой территории следует поручить создаваемой при заповеднике охотинспекторской группе, улучшив условия оплаты её труда и оснастив её транспортом высокой проходимости, приборами ночного видения, нарезным оружием.

Перечисленные меры позволят превратить Бадхызский заповедник в показательный и создать в прилежащих к нему районах предпосылки для будущего туризма, преимущественно весеннего и осеннего. Особенно выиграет охотничье хозяйство. Тогда можно было бы ожидать, что к 1981 г. численность джейрана в Бадхызе превысит 10 тысяч, что позволит начать за пределами заповедника промысел 1000 голов в год. К 1985 г., когда поголовье джейранов дойдёт до 20 тысяч, можно будет заготавливать в среднем 6-7 тысяч голов ежегодно.

Журнал «Охота и охотничье хозяйство», 1975, № 6, с. 24-25.

Архар в Бадхызе. Фото Ю.К. Горелова.

С открытым забралом

Икар ПАСЕВЬЕВ

— Стоп, братцы! — Горелов предостерегающе поднял руку. — Здесь поосторожнее, в этой траве могут быть и кобра, и гюрза, внимательней смотрите, куда наступаете. А лучше, если я пойду первым.

Мы пошли цепочкой следом за ним по дну узкого ущелья Закли самого южного в СССР Бадхызского государственного заповедника, по пояс утопая в густой траве и бдительно поглядывая под ноги. Вот уже пять дней ходим мы по ущельям, холмам, распадкам Бадхызской возвышенности, считаем куланов и джейранов, наведываемся к лёжкам гиен и волков, ночуем у гостеприимных пограничников, на кордонах у лесников.

Отряд у нас небольшой: старший инженер по охране природы Бадхызского заповедника Саша Герасимов — стройный юный энтузиаст с шапкой густых волос, с карабином, придающим ему весьма воинственный вид; младший научный сотрудник Сьунт-Хасардагского заповедника Виктор Лукаревский — тоже молодой серьёзный бородач с охотничьим ножом у пояса, биноклем на груди — утверждают, лучший специалист в стране по леопардам, он и сюда приехал к Саше поискать лёжки этих красивых огромных кошек; обозреватель «Литературной газеты» Юрий Рост, увешанный фотоаппаратами, автор этих строк и наш лидер, непререкаемый авторитет в делах охраны природы Юрий Константинович Горелов — крепкий и подтянутый, загорелый, с удовольствием участвующий в шутливой физической борьбе с молодыми парнями и, хотя уже подкатывает к шестидесяти, частенько в ней побеждающий.

Этого человека в здешних краях знает каждый, о нём вот уже лет тридцать рассказывают самые невероятные истории. Теперь он кандидат наук, живёт в подмосковной Черноголовке, работает в Институте эволюционной морфологии и экологии животных Академии Наук СССР, но ежегодно приезжает в Туркмению, подолгу бывает в заповедниках, помогая налаживать непростое дело охраны природы. Мы давно дружим, ещё четверть века назад я слышал рассказы о том, как и сколько раз брал он браконьеров, в каких бы рангах те ни были, слежу за его научными успехами. Недавно они с бывшим директором заповедника Иваном Семёновичем Сухом (а Горелов был его заместителем по научной работе) вспоминали при мне, сколько задерживали злостных нарушителей природного равновесия. Бывало, по 25—30, а то и по 50 ружей за год отбирали, привлекая браконьеров к ответственности. Рекордным для себя считают 1970 год, когда по результатам их бдительности было возбуждено семь уголовных дел, по которым одиннадцать человек лишились свободы в общей сложности на два с лишним десятилетия.

Несколько лет назад разговорились мы о Горелове с известным драматургом Игнатием Дворецким — автором нашумевших пьес «Человек со стороны», «Ковалёва из провинции», «Солнечный ветер». Игнатий Моисеевич так

увлѣлся этим человеком, что поехал из Ленинграда к нему в Черноголовку, жил там, подолгу беседуя с Юрием, его сослуживцами и домочадцами. Позже — мы встретились в московской гостинице — Дворецкий восторженно восклицал: «Слушайте, какой великолепный образ можно вылепить! Это же боец! Он нигде не устаёт бороться — ни в пустыне, ни в столице. Порасспросите вашего друга, как они с единомышленниками в Черноголовке всю общественность подняли в защиту экологии — всё взрослое население, да и детей тоже. Спасибо, что свели меня с ним. Пишу пьесу, он у меня — главный герой, во всяком случае его личность взята в основу образа.» Вскоре беседовали мы с Дворецким у него в Ленинграде, и он вновь говорил, что в главном герое пьесы, над которой сейчас работает, узнаваемы многие черты Горелова. Увы, преждевременная кончина оборвала все планы Игнатия Моисеевича...

Знал я, что Горелов окончил Софийский университет, спрашивал его, как он туда попал, да отвечал он раньше как-то невнятно. А теперь вот, в эту поездку по Бадхызу, рассказал более подробно:

— Дед мой был офицером русской армии, а второй дед — по матери — инженером-строителем и погиб от пули белого офицера. Отец по традиции пошёл в военное училище, которое драпануло вместе с войсками генерала Кутепова за кордон, получил подпоручика, но занялся бухгалтерией и всю жизнь посвятил этой мирной службе. Бабушка с маленькой дочкой — моей будущей мамой, поддавшись панике, в суматохе вместе с отступающими белыми села на пароход и тоже очутилась в Болгарии. Там, в Софии, я и родился, и долго ещё мы жили. Хотелось на родину многим русским. Но те, кто возвращался в эпоху Сталина, наглухо пропадали. Вот родители и не спешили пока. Окончил я школу, биофак Софийского университета. И только в 1955 году, точно зная, что возвратившихся не сажают, приехал на Родину. Мне предложили на выбор несколько заповедников, выбрал Бадхыз — самое интересное для моего профиля место.

Двадцать два года проработал он в Бадхызе — прошёл путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора по научной работе, увлечённо изучал куланов, джейранов, ар-

Куланы в Бадхызе. Фото В.С. Лукаревского.

харов, интересовался волками, лисами, гиенами, леопардами, пресмыкающимися, ловил змей. Но в основном и поныне занимается проблемами копытных (этому посвящена кандидатская диссертация), их генетическим фондом, поведением, распространением. Именно этим широко известен среди специалистов, имея как сторонников, так и противников. Ежегодно возглавляет научные экспедиции, как в нашей стране, так и в Монголии, Африке. В последние годы увлёкся исследованием гепардов, ищет их следы, занялся палеонтологией, нашёл интереснейшие наскальные рисунки древних животных. О его научной работе можно бы написать целый очерк.

Но сегодня хочется рассказать о другом аспекте его деятельности, который граничит с его научными интересами, но является как бы самостоятельным делом, которое принесло ему популярность не меньшую, чем зоологические исследования. Речь идёт об экологических проблемах, о защите природы, расширении зоны охраняемых территорий национальных парков, о борьбе с браконьерами. Горелов — один из тех, кто возглавил экологическое движение в подмосковной Черноголовке — Ногинском научном центре АН СССР. Там планировалось создать около десятка опытно-производственных объектов, добрая половина которых должна была производить химические реактивы, физиологически активные вещества, пестициды. Жители

Черноголовки — в основном научные сотрудники, поднялись против, собрали более 5000 подписей (это свыше половины взрослого населения), делегация была в ЦК КПСС, Совете Министров СССР, добиваясь отмены решения о размещении в научном центре этих объектов. Один из главных «возмутителей спокойствия» — Юрий Константинович.

Много лет Горелов стремится уличить одного известного учёного, профессора-биолога, который, говорят, пользуясь своими знаниями, широко занимается браконьерством, «зарабатывая» таким образом в 10-15 раз больше профессорского оклада что позволяет жить весьма роскошно.

Можно было бы привести немало подобных примеров, которые порой напоминают донкихотство, но тем не менее вызывают уважение, ибо Горелов никогда не отступает от намеченной цели, не идёт на компромиссы с совестью. А начиналась эта деятельность, первые природоохранные действия здесь, в самом южном заповеднике страны.

Проработав в Бадхызе десятки лет, Горелов подружился со всеми почти окрестными жителями в Кушке, Серахсе, Тахта-Базаре. Любопытно, что даже браконьеры с немалым стажем, которых он когда-то ловил (увы, этим занимаются в тех краях многие), нынче с уважением и почти по-дружески относятся к Горелову, признавая его правоту и помня, что никогда не унижал, не превышал полномочий, действовал только по закону, хотя спуску не давал никому. Он как-то ухитряется оставаться в приятельских отношениях с самыми разными людьми, быть на равных с академиками и чабанами, крупными начальниками и егерями.

Было приятно узнать, что Александр Герасимов — достойный продолжатель дела Горелова и его единомышленников здесь, в Бадхызе. И Виктор Лукаревский у себя в Кара-Кала тоже старается не ударить лицом в грязь, хотя охрана природы в его прямые обязанности не входит. Горелов охотно взял на себя заботы наставника, делится с ребятами своим немалым опытом, помогает им довести каждое дело до логического конца, воюет с республиканским начальством, которое на словах, конечно же, всегда готово помочь, на деле же не всякий раз помогает, стимулирует эту непростую, прямо скажем, опасную работу. Но к этому мы ещё вернёмся.

В разные периоды жизни Бадхызского заповедника охрана природы здесь шла волнами — то взлёты, то падения, причём, порой весьма разорительные и болезненные. Создан заповедник в трудные для страны декабрьские дни 1941 года, когда фашистские полчища стояли у ворот Москвы и, казалось, никому нет дела до защиты природы, как говорится, быть бы живу. Но, оказывается, было дело — и до фисташковых рощ, и до грациозных пугливых газелей-джейранов, до гиен и леопардов, редчайших хищников-медоедов и пёстрых дикобразов, гордых архаров и, главное, куланов — это дикая лошадь, дожившая до наших дней. Куланы едва не полностью уничтожены в Иране, Индии, полностью — в Сирии и Афганистане, почти истреблены были к зиме 1941 года в нашей стране, их осталось не более двух с половиной сотен. Главной задачей нового заповедника стала сохранность куланов, увеличение их поголовья.

Поначалу опыта не доставало, квалифицированных кадров, средств. Непросто было наладить охрану огромной — в 800 тысяч гектаров — площади, где местные жители испокон веку тоже привыкли охотиться без всяких запретов. Но постепенно дело пошло на лад. Возвращались с войны фронтовики. Когда Горелов приехал сюда и начал вместе с молодыми тогда товарищами-энтузиастами подключаться к охране природы, им охотно передавали опыт бывалые борцы с браконьерами фронтовики Алексей Афанасьевич Бащенко и Александр Петрович Гарманов — люди знающие, строгие к нарушителям и непримиримые.

Работая с ними, молодые специалисты усвоили, что в этом непростом деле немало может сделать и один энтузиаст. А нужно было создать в заповеднике такую атмосферу, чтобы любители поживиться твёрдо запомнили: нельзя браконьерствовать не только тогда, когда Бащенко, Гарманов или Горелов вышли на поиск нарушителей, а всегда, ибо всё здесь будет против злоумышленников — каждая тропка, каждый куст, любой распадок.

Начались регулярные рейды сотрудников научного отдела и самоокупаемой охотинспекторской группы. Работники заповедника стали привлекать к своему делу любителей природы. Вскоре им уже активно помогали некоторые местные

Архары в Бадхызе. Фото В.С. Лукаревского.

жители, военные, пограничники. Хорошо была налажена система информации, отлично поставлены связи со следственными и судебными органами. Энтузиасты придумали и внедрили, возможно, не совсем законную, но весьма эффективную систему охраны заповедника. Все дороги, по которым могли проехать браконьеры, они перекрывали железными костылями и гвоздями. Оповещались только пограничники — им-то необходимо было знать, где расположены эти самодельные «минные поля». Поедет браконьер, а машина — пшик — и сядет на спущенные скаты. И винить вроде некого — ехать-то посторонним здесь нельзя!

Этот своеобразный микроклимат заметно поубавил число злоумышленников. Вот разве что в 1970 году, когда джейраны из-за сильной засухи вышли из территории заповедника, вспыхнуло массовое браконьерство. Тут и пришлось

поработать Горелову, Суху и другим сотрудникам. Устраивали рейды, засады, ночами лежали где-нибудь на холмах, поглядывая окрест — увидят свет шарящих фар и спешат туда. Как правило, не без пользы. Задержали семь групп злоумышленников, каждый из которых был осуждён от года до четырёх. Ведь джейранов не только в заповеднике нельзя истреблять — эта маленькая антилопа из Красной книги, как почти все обитатели Бадхыза. Эти акции сотрудников приуменьшали пыл любителей наживы.

Казалось, всё как-то налаживалось. Под охраной человека звери перестали бояться, стали доверчивей, что позволило сотрудникам заповедника изучать их жизнь, повадки, писать научные труды. Однако шла пора, которую мы называем застойной, когда большие и малые начальники считали, что им всё дозволено: дарить цветы женщине за счёт казны, купаться в сауне в рабочее время, устраивать обильные застолья в спецгостиницах, охотиться в заповедниках. Хорошо помню, как сын моего друга писателя Юрия Белова Саша буквально со слезами на глазах рассказывал, как его и других сотрудников заповедника мобилизовывали сгонять «краснокнижную» дичь туда, где с добротным ружьём поджидал её один из самых высоких руководителей республики, который не стеснялся затем рассказывать о своих охотничьих трофеях в книжках. Слушая Сашу, мы буквально скрежетали зубами, но считали, что ничего не можем сделать для того, чтобы уличить высокопоставленного браконьера.

А вот Горелов так не считал. Он твёрдо знал, что нарушителя любого ранга надо остановить, наказать, иначе Юрий Константинович перестал бы пользоваться авторитетом в округе, а главное — перестал бы уважать себя. Он любит повторять, мол, за джейраном уборщица или там землекоп не поедут, увы, среди наших «клиентов» больше начальников от районного до республиканского масштаба. Оснований для такого утверждения немало. О самом скандальном случае много лет как-то старались умолчать, хотя сам Горелов не делал из этого тайны, считая, что народ должен знать своих «героев». Включаю диктофон, вслушиваюсь в его скорую речь с лёгкой картавинкой:

— Как-то ближе к осени 75-го года приехали ко мне журналисты — «известинец» Эдуард Кондратов и фотограф Стас Корытников. А тут что-то мне показалось, будто браконьеры должны быть, да такие, о которых начальство знает, да помалкивает. Какие-то взгляды не те, машины все куда-то подевались, словом, интуиция, шестое чувство. Ну, я звоню в совхоз, прошу на время машину. Меня там знали, тут же прислали. Примерно представляю, куда могут в эту пору ехать нарушители. Подъезжаем к кордону Кепеля, встречается один из работников охраны, ухмыляется: «Только что две машины браконьеров проехали». Удивляюсь: «Чего же не задержал?». Ещё шире ухмыляется: «Да они все в галстуках».

Ну, мы и поехали. Говорю шофёру, молодому казаху, давно мечтавшему о хорошем ружье: «Догоним, помогу тебе с ружьём». Рассчитали всё, и не видя машин, отрезали им путь назад. Правда, когда с УАЗиком нас увидели, пытались проскочить, да не вышло, хотя погоня была что в ковбойских фильмах, с ружьями на весу. Словом, догнали, те остановились. Поначалу Корытников всё снимал, а как увидел, кто в машинах, опустил фотоаппараты. Старшим «команды» был тогдашний секретарь ЦК партии республики Чары Атаев, находились там и начальники поменьше. Оружие, стреляные гильзы — всё обнаружено. Составили акт. Этот акт и отснятые плёнки тут же увёз в Москву парень-студент, у которого как раз кончалась практика.

Вот так, с открытым забралом пошёл Горелов на это рискованное дело. Вскоре его отстранили от охраны, стал он не заместителем директора заповедника, а старшим научным сотрудником, некоторые товарищи попритихли, испугались. Затем Юрий Константинович, поддавшись настояниям жены, уехал из республики.

Мгновенно узнав обо всём, браконьеры возликовали. Зверски подкосили архаров в фисташковой роще. Мясо продавали в Теджене и Серахсе. К этому был причастен, по словам Горелова, и тогдашний директор заповедника Амангельды Ходжамкулиев. Когда его сменили, организованное браконьерство прекратилось, но не возобновилась организованная борьба с ним.

Летом 1983 года по вине администрации случился большой падёж джейранов. Вместо контроля и проведения

биотехнических и охранных мероприятий был организован отлов 12 джейранов, которых затем на вертолёте доставили на остров Огурчинский на Каспии, на что потратили тысячи рублей. Даже сено забрасывали вертолётами. Сейчас, правда, там несколько сот голов. Но ради этого, как утверждает Горелов, допустили гибель тысяч, не сумев их обеспечить водой, да ещё при сильном сокращении территории заповедника животным пришлось туго (нынче осталось лишь 11 процентов от первоначальной площади), что весьма скверно сказывается на охране природы.

В 1984 году в заповедник пришёл выпускник Казанского университета Саша Герасимов, человек увлечённый ничуть не меньше Горелова. В этом университете была некогда открыта первая в стране кафедра охраны природы, которая помогает готовить буквально фанатиков экологии. Герасимову предлагали должность главного лесничего — большая звезда на петлицах, солидный оклад, немалая власть. Отказался — пошёл старшим инженером охраны. Поначалу было очень трудно работать. Случаи браконьерства фиксировались, но задержать никого не удавалось. Не было достаточного опыта — разве что участие в рейдах зелёной дружины, — машина стояла сломанная, без шофёра.

Но со временем многое стало налаживаться. Появился мотоцикл, чётче стали действовать егеря. Установились хорошие рабочие отношения с директором Аманниязом Гуллыевым, его заместителем по научной работе Александром Шаповаловым — тоже энтузиастом охраны природы. И если в 1983 году было задержано 3 нарушителя правил охоты, то в следующем уже 22, в 85-м — 17 и цифры эти держатся примерно на одном уровне.

Саша рассказывал, как однажды зимой они с лесником Джумамурадом Веллековым и младшим научным сотрудником Леонидом Симакиным на двух мотоциклах ловили группу браконьеров, которые охотились на автомобилях «Нива» и ЗИЛ-130. Несколько часов Саша с товарищами наблюдали за нарушителями, преследовали их. А когда накрыли и Герасимов крикнул «Всем оставаться на местах!», преступники стали отстреливаться и оторвались от преследователей. Когда же их настигли вторично, Герасимов

снял тулуп и встал под свет фар, чтобы они увидели его золотые шевроны и пуговицы формы, предупредил их, что он представитель лесной охраны, но они и тогда пытались отстреливаться. Помогли пограничники. Проявил принципиальность начальник Серахского райотдела милиции Байрамгельдыев: среди задержанных оказались два сотудника милиции из Теджена: Курбанов и Сапаров.

Обо всех случаях, что происходят с Герасимовым и его товарищами, не расскажешь — дня не хватит. Во всяком случае, как утверждает Горелов, теперь, благодаря стараниям Саши, его друзей и администрации заповедника, положение с куланами, джейранами и другими обитателями Бадхыза вполне удовлетворительное.

То наше путешествие, с которого я начал, было в 1987 году. Недавно Юрий Константинович вновь побывал в наших краях, в Бадхызе, Кара-Кала, рассказывал о нынешних делах в заповедниках.

— Понимаешь, старик, — хитровато щурился он, уплетая шашлык в соседнем с парком заведении, истосковавшись после трёхнедельного сидения на консервах, — бывает, что браконьерствует чуть не всё население мужского пола. Добрый десяток лет существует Сянт-Хасардагский заповедник, что не мешало всем желающим охотиться в его окрестностях. Только смена руководства там привела к борьбе с браконьерами. Вот только что в Кара-Кала был я свидетелем, как молодые сотрудники научного отдела заповедника Виктор Лукаревский — наш давний знакомый, и Сергей Букреев за пять дней попутно с выполнением своей основной работы изъяли девять браконьерских ружей, кекликов, фазанов. Пройдут год-два, и будем надеяться, что в округе Сянт-Хасардагского заповедника по отношению к браконьерам установится такой же жёсткий режим, который навёл в Бадхызе Саша Герасимов.

— Да, ловля браконьеров — дело чисто мужское, очень опасное и соответственно требует определённого вознаграждения. Как сейчас с этим, Юрий Константинович, поведай? — спросил я.

— Ну, как сказать? Ставка рядового егеря сто рублей с копейками. Это — половина среднестатистической союзной

Бадхыз, Кызылджар, архары. Фото А. Агаханова.

зарплаты. Вот толковые работники и разбегаются из охотинспекции. Прирождённый охотник Ташли, с которым в прошлом году я ещё ездил по Бадхызу, сейчас уволился. Спрашиваю, почему? Говорит: «Дядя Юра, а как я прокормлю семью на сто рублей?» Низка зарплата и Герасимова — специалиста высочайшей квалификации. Почему она на сто рублей с гаком ниже зарплаты сотрудника вновь созданной инспекции по охране природы, мне совершенно непонятно.

Кстати, о сдельщине в заработках охотинспекторов. За счёт штрафа и возмещения ущерба, выплачиваемого браконьерами, те, кто их задержал, получают премию. — Горелов отложил пустой шампур, налил в пиалу чая, удобно устроился в кресле. — А возмещение, как ты, небось, не раз слышал, весьма велико. За джейрана, добытого в заповеднике, 2400 рублей — то есть втрое больше, чем за его пределами. Половина суммы выплачивалась тем, кто задержал нарушителя. И это не зря. Таких браконьеров охотинспекция задерживает раз-два в год. Связано это с изрядным риском: нарушители-то отстреливаются. Так вот, Совет Министров

республики не нашёл ничего лучшего, как ограничить общую премию за вскрытое нарушение ста рублями на всю егерскую группу. То есть получаешь 50 процентов от взысканного, но не более ста рублей на всех. Инспекторы, задержавшие браконьеров, что с 15 утками, что с 15 джейранами или куланами, получают те же сто рублей — вот тебе и материальное стимулирование по-местному.

— Очевидно, не только браконьерство является проблемой заповедников?

— Верно. Основная проблема нынешних заповедников — недостаток территории. Знаменитая сессия ВАСХНИЛ 1948 года, подорвавшая устои биологии, отразилась и на заповедном деле. Три четверти заповедников были вообще закрыты. Другие, в частности, Бадхызский, сокращены раз в десять. Но тем не менее, благодаря многолетнему существованию заповедника численность куланов (для восстановления которых он и был создан) увеличилась раз в 16 — их теперь четыре тысячи голов. Однако территория заповедника сократилась с 800 тысяч гектаров до 88 тысяч. В летний зной сегодня заповедник может обеспечить водопоем и пастбищами только десять процентов поголовья куланов Бадхыза, да и в других заповедниках не лучше. При создании Сунт-Хасардагского десять с лишним лет назад его Айдеринский участок составлял 18 тысяч гектаров. Под давлением владельцев личного скота он был сокращён более чем в пять раз. Сейчас эрозия, вызванная перевыпасом скота там, носит катастрофический характер. Это приводит к разрушительным селям — и беда это не только заповедника. Ущерб, который понесли от селей за последние годы жители Кара-Кала, исчисляется многими миллионами рублей. Между тем, местное руководство и Госагропром республики пытаются ещё больше сократить Айдеринский участок заповедника. Если же кто из членов комиссии возражает, в следующий раз в неё включаются другие лица, менее компетентные в природо-охранительных делах, зато более стоворчивые.

Был Горелов у прокурора, секретарей райкома прокурора, секретарей райкома партии, убеждал, что безнаказанность рождает новые преступления. Вроде убедил, обещали вернуться к этому делу. И вот приехав в очередной раз в Бадхыз, Горелов увидел, что ничего из обещанного не

выполнено. И спросить вроде не с кого: секретари райкома переизбраны, прокурор переведён в Ашхабад. У него-то, Назара Караева, мы и побывали накануне.

Когда выходили из прокуратуры, я понял, что Горелов не всем в беседе удовлетворён и вряд ли успокоится, пока останутся безнаказанными браконьеры. И вспомнились слова Базарова — героя романа Тургенева «Отцы и дети» — о том, что природа не храм, а мастерская и человек в ней работник. Да уж, наработали мы в природе такого, что впору объявлять её храмом — может, тогда будем относиться к ней бережно, как к святыне, восстанавливая всё, что силой отбирали десятилетиями, не ожидая её милости. Ведь за нами идут дети, внуки, правнуки. И они должны знать, что такое архар, джейран, кулан, арча, эльдарская сосна и другие явления природы, не только понаслышке. Хорошо, что есть у нас такие работники природы, как Горелов, Герасимов, Лукаревский. Но ведь одни они, даже с помощью прокуратуры и милиции, не справятся. Тут всем нам дел хватает.

Не однажды, когда заходила речь о Горелове, слышалось слово: легендарный. Думаю, что в этом определении его поистине незаурядной личности нет никакого преувеличения...

Журнал «Ашхабад», 1989, № 12, с. 49-55.

*Архары в Бадхызе.
Фото Ю.К. Горелова.*

*Бадхыз, Кепеле, фисташковая роща.
Фото В.С. Лукаревского.*

Куланы уходят из «Красной книги»?

Икар ПАСЕВЬЕВ

...Мы двинулись цепочкой вслед за ним по дну узкого ущелья в Бадхызском заповеднике, утопая в густой траве и бдительно поглядывая под ноги. Несколько дней вот так ходили по ущельям, распадкам, холмам, считая куланов, джейранов, навевываясь к лёжкам волков и гиен. И повсюду — в двух этрапах — люди, как родного, встречали Юрия Константиновича Горелова. Причём даже те, кого он некогда задерживал как браконьеров, изымал оружие, добычу, подводил под суд. Каждый знал: Горелов строг, но справедлив, нарушения не спустит, но и зря не накажет. Нас гостеприимно привечали, кормили-поили, устраивали на ночёвки, хотя все знали, что уже немало лет Горелов — не заместитель директора Бадхызского заповедника по науке, а старший научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН в подмосковной Черноголовке. Но ежегодно, порой и по два-три раза, приезжает в наши края, подолгу бывает в заповедниках, помогая налаживать непростое дело охраны природы.

И вот вновь он приехал, побывал в Гарригала, Гушгы, слетал в Дашховуз, встретился с десятками специалистов, которых волнует состояние экологии, прошёл десятки километров по заповедным местам.

— Юрий Константинович, рассказал бы нашим читателям о впечатлениях от поездки. Как дела в заповедниках?

— Знаешь, в общем-то, похоже на то, что происходит в заповедниках России, Казахстана, где мне доводилось бывать, кроме Бадхыза.

Когда-то фронтовики А. Бащенко, А. Гарманов, вернувшиеся после Победы, налаживали дело охраны природы, потом — молодые романтики 50-60-х. Ну, мы с Иваном Семёновичем Сухом и другими ребятами что-то

сделали — об этом ты как-то писал. Однажды задержали семь групп злоумышленников. Каждый был лишён свободы на срок от года до четырёх лет. Создали эффективную систему охраны: все дороги, по которым могли проехать браконьеры, перекрывались железными костылями и гвоздями. Многие браконьеры «посадили на ободья» свои машины. Затем нашу «эстафету» приняли Саша Герасимов, Эдуард Поляков. Было время, когда каждый, задержанный с поличным, получал до двух лет лишения свободы — такого не было нигде в тогдашнем СССР. Борьба шла профессионально, каждое поколение использовало опыт предыдущего и вносило что-то своё.

И вот сейчас я убедился в том, что давние традиции борьбы против браконьерства, защиты животных в Бадхызе живы. Буквально несколько дней назад, подъезжая к Бадхызу, мы с давним знакомым Берекетом — сотрудником заповедника — по следам «прочли» случившуюся чуть раньше драму. За браконьером, что был на мотоцикле, погнался охотинспектор на машине. Правда, у машины лопнула рессора, но браконьер не смог убежать без потерь, то есть, сам он ноги унёс, но вынужден был оставить хорджун с джейраном.

Затем мне довелось убедиться, что дело охраны природы в заповеднике поставлено на высокий профессиональный уровень. Вырос и стал сильным, уверенным в себе защитником природы сын моего бывшего соседа Юсуп Реджепов, есть ещё несколько крепких парней, действующих вполне профессионально. К сожалению, знаю их лишь по именам — не думал, что для интервью пригодится.

— Но браконьеров меньше не стало?

— Пожалуй, стало. В частности, сильно снизилась браконьерство на куланов — меньше стало людей, которые этим занимались, и можно наткнуться на профессионалов, что быстро отучат от браконьерства.

— А как дела в Гарригала, где ты тоже побывал?

— Мы ездили, наблюдали куланов, которых там раньше

выпускали. В этих краях тоже есть егерская группа, которая борется с нарушителями. Но там ловят более мелких и профессионализм у них не на том уровне.

В целом же дело здесь поставлено гораздо лучше, чем в иных странах ближнего зарубежья, где не было серьёзных традиций борьбы с браконьерами. Есть здесь хорошие, активно работающие специалисты В. Лукаревский в Сянт-Хасардагском заповеднике, В. Марочкина и её муж Е. Агрызков — в Амударьинском и другие.

— Что же интересного было в Дашховузе?

— Собрались специалисты по охране окружающей среды. Инициаторами стали Андрей Затока из Дашховуза, Андрей Аранбаев из Ашгабата, Олег Царук из Ташкента, Таня Брагина и некоторые другие специалисты, которые создали неформальную общественную организацию, заинтересованную в сохранении биоразнообразия.

Сейчас многие не прочь вложить деньги в охрану природы Центральной Азии. Во-первых, в ряде стран это освобождает от части налога. Во-вторых, многих действительно волнует состояние природы в нашем регионе — Земля, как уже не раз доказано, не так и велика, и нас всех касается то, что творится по соседству или в дальних регионах.

А поскольку деньги дают по серьёзные проекты, скажем, защиту кулана, под охрану биоразнообразия, не воспользоваться такой возможностью было бы грехом.

В основном собрались специалисты из соседних стран: Узбекистана, Каракалпакстана, Таджикистана, Казахстана. Цель была — организовать более или менее чётко, наладить электронную связь, обменяться опытом.

Когда началась повальная инфляция в России, учёные растерялись. Солидные люди со званиями, степенями получали ниже прожиточного минимума. И начали учиться пользоваться своими фондами и иностранными. Я, скажем,

приехал сюда как представитель Комиссии по заповедникам России за счёт Российского фонда фундаментальных исследований. Здесь расходы собравшимся в Дашховузе специалистам оплатили тоже общественные западные фонды. На этой встрече специалисты выяснили, что могут по хорошие проекты (тут всё должно быть на высоком уровне, ибо на Западе люди знающие и под легковесный прожект средств не дадут) получить немалые деньги, что даст возможность работать с большой отдачей.

Так что от этой встречи было немалая практическая польза, я уж не говорю, что приятно увидеться с коллегами, которым есть чем поделиться.

Интересная деталь — в первое время после повальной инфляции в России растерявшиеся учёные стали заниматься своими огородами, чтобы выжить, несколько охладели к научной деятельности. А вот недавно в Москве прошла научная конференция, где каждый второй доклад был очень удачным (раньше — каждый десятый). И вот теперь в Дашховузе люди трудились буквально днями и ночами — соскучились по настоящей работе.

— И какой результат дашховузской встречи, скажем, для тебя, Юрий Константинович, в связи с Туркменистаном?

— Думаю, удастся профинансировать работу с куланами. Та задача, что была поставлена в год открытия Бадхызского заповедника — в декабре 1941 г., решена. Куланов тогда было голов 250, они едва ли не полностью были уничтожены в Иране, Индии, у нас, целиком — в Афганистане и Сирии. Теперь их добрых пять тысяч, что ведёт к опустыниванию, порой вредят сельхозкультурам. И надо принимать иные меры. Возможно, выводить их из «Красной книги», часть расселить по берегам Гарагумского канала, в другие регионы. Словом, предстоит изучить проблему и решать её.

Возможно, получится с финансированием охраны животных в Бадхызе. Стоит создать охотинспекторскую группу, которую необходимо снабдить транспортом, прибором

ночного видения. Есть и другие проекты — я приехал сюда с неофициальным заданием членов Группы непарнокопытных Международного союза охраны природы.

Словом, сейчас появилась возможность серьёзно и с большей отдачей работать. Есть система грантов во всём мире. Надо этим пользоваться. Там всё чётко — не выполнить обязательств, сделать работу спустя рукава невозможно. Налажен жёсткий электронный контроль. Деньги дают по работе, а не за красивые глаза. Главное в созданной в Дашховузе организации — не просто обеспечение себя работой, а направленность этого дела на охрану природы...

Газета «Туркменская искра», 25 декабря 1995 г.

*Бадхыз. Рябчик Карелина (Fritillaria karelinii).
Фото А.Ю. Герасимова.*

Место, где дует ветер

Икар ПАСЕВЬЕВ

Почти каждый год из подмосковной Черноголовки в Туркменистан приезжает старший научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, кандидат биологических наук Юрий Горелов. Он прекрасно известен туркменским биологам, экологам, пустыноведам, археологам. В середине 50-х, окончив биофак Софийского университета, Горелов из многих предложенных мест выбрал самое, на его взгляд, интересное — Бадхызский заповедник, где и проработал 22 года, увлечённо изучая животный мир и строго борясь с браконьерами. О нём и по сей день в этих заповедных краях ходят легенды — он не спускал никому, даже самым именитым, коль ловил с поличным, но был справедлив и при необходимости мог прийти на помощь.

С тех далёких лет мы и дружим — журналисты любили бывать в гостях у Юрия в Бадхызе: от Николая Дроздова из телепередачи «В мире животных» и Юрия Роста из «Литературки» до наших местных. В последние годы, приезжая в Ашхабад, он останавливался у меня, рассказывая ежевечерне интереснейшие байки из мира животных. Оформив множество документов — ведь мы же теперь жители разных стран — он уезжает с тяжеленным рюкзаком в Каракала или Кушку, Ташауз, а, вернувшись, вновь увлеченно рассказывает о куланах, джейранах, архарах, леопардах, с которыми давно на «ты». Вот и недавно он опять гостил у нас, съездил на пару недель в Бадхыз. Я попросил его рассказать о поездке в этот интереснейший заповедник, образованный 57 лет назад.

— Должен сказать, что в Бадхызе я бываю ежегодно, — начал Юрий Константинович, — лишь в прошлом году не довелось. Так что теперь могу сранивать, что там происходит, с двухлетним перерывом. Это позволяет лучше заметить проис-

ходящие перемены. И что мы видим?

Джейранов осталось столько же, сколько в 96-м. Это даже считается неприличным, если цифры совпадают. Если с коллегой Виктором Лукаревским мы в позапрошлом году насчитали 1471 джейранов, то в нынешнем в том же месте насчитали 1411. Учитывая, что мы один участок недоглядели, можно считать, что в пределах 1600—1700 голов там есть. С одной стороны, это хорошо, с другой — учитывая, что число джейранов ежегодно увеличивается при нормальных условиях процентов на 50 (что-то съедают волки и леопарды), то прирост процентов на 30 должен быть. А его нет. Другими словами, каждые два дня трёх джейранов кто-то съедал.

Неважно обстоят дела и с куланами, С 1976 года никто не считал куланов на реке Теджен. Бывал я там нередко и знал, что куланов ходило примерно 800—1000 голов. Сейчас там удалось обнаружить лишь одного кулана — это по левому берегу в районе моста Пулихатум. Уйти они не могли — некуда. Штук 20 куланов мы заметили с молодым сотрудником заповедника Исламом Ишановым, с которым вместе вели наблюдение. Он залез на хребет Рахматур и увидел их. На другой день мы залезли на развалины старой крепости Яраглан кала, но уже их не нашли. Словом, можно считать, что число куланов заметно уменьшилось и здесь, и у реки Кушка, где мы также считали.

Думается, это случилось из-за несколько неразумного способа охоты. Куланов в Туркменистане (в частности, в Бадхызе) сейчас столько, что охоту на них вроде бы можно и начинать. Но любое снятие урожая предполагает не вырубку, скажем, сада. Для того, чтобы собрать урожай, конечно, проще вырубить деревья, но ведь нам нужно думать и о завтрашнем дне. Поэтому необходимо сохранить основную базу. Если у человека, к примеру, три отары, он может из каждой, скажем, по 300 овец зарезать, но вряд ли станет уничтожать полностью одну отару. Все надо делать разумно.

Одно время — несколько лет назад некоторые нерадивые хозяева скандалили, мол, куланы, вредят посевам. Но у хороших хозяев посевы были всегда так хорошо огорожены, что куланы не могли туда пролезть и урожаи они собирали отменные. А некоторые и посевы хлеба, которые не могли вырастить, списывали на куланов — знаю такие примеры. В

результате штрафа на кулана (если задержат браконьера) снизили до того, что это раза в три-четыре ниже, чем стоимость барана на ашхабадском базаре. Другими словами, одно из ценнейших животных из «Красной книги», ради которого, собственно, в тяжёлые декабрьские дни 1941 года, когда фашисты сжимали кольцо у горла Москвы, и был создан Бадхызский заповедник, стоит сейчас столько, сколько задняя баранья ляжка. И то, если браконьера прихватят, а ведь это — редчайший случай.

— *Какой же выход ты бы подсказал, Юрий Константинович?*

— Положение надо срочно менять. Во-первых, строго нормировать количество отстреливаемых куланов. Во-вторых, контролировать, кто, когда и как стреляет. И, в-третьих, тех, кто стрельнул без разрешения в государственное имущество — а ведь кулан — это госохотфонд — привлекать не как за четверть купленного барана, а как за украденного ценного зверя и ещё из «Красной книги». Ведь есть ещё и Уголовный кодекс, который устанавливает ответственность, наказание и т.д.

— *Юра, а как с другими животными обстоят дела в Бадхызе?*

— Леопарды перебрались из горной части заповедника, где бараны широко разбрелись и ловить их стало сложнее, к юго-востоку. Там джейраны сконцентрировались в одном месте и ловить их проще. Должен сознаться, что леопард поймал джейрана прямо у нас под носом, о чём мы не подозревали, и уступил значительную часть добычи. Честно говоря, мы забрали лишь кусок, который был нам нужен, и для научных целей, а остальное оставили леопарду. Ислам Ишанов как раз занимается изучением современного состояния копытных. И нужно сказать, что вся надежда на то, что именно такие молодые специалисты возьмут дело в свои руки.

— *Было время, когда браконьерам ставился жёсткий заслон. Пришедшие после войны фронтовики работали очень круто, не давали спуску, даже ставили своеобразные «минные поля» из острых гвоздей, на которых «взрывались» скаты браконьерских машин (а не езжай по заповедным тропам). Ваше поколение многое сделало — ты даже не побоялся на секретаря ЦК пойти с открытым забралом,*

когда настиг его на браконьерстве. И те, кто у вас принимал эстафету, тоже были грозой для любителей лёгкой охоты в заповеднике – в своё время я об этом немало писал. А как сегодня?

— Охрана заповедника, живущая на кордонах, не очень рьяно занимается своим делом, охотинспекторская группа, которая ещё пару лет назад была весьма сильной, несколько сдала позицию. Ребята, которые ухитрились в одиночку без оружия пойти на группу браконьеров и, отобрав автомат, доставить их под собственным оружием в заповедник, ещё живут там. И могут вполне серьёзно бороться с браконьерами, если обстановка нетерпимости к этому преступлению усилится. Встретил я там Берекета Ачилова [Акылова — ред.], который и задержал группу таким образом с отстреленным архаром, и других защитников природы.

— Ну, и какое резюме после этой поездки можно сделать?

— Ещё раз хочется сказать, что природа стоит дорого. И этим надо разумно пользоваться. Где ещё вы можете, выйдя рано утром из гостиницы, буквально в сотне метров увидеть стайку грациозных джейранов или табун куланов, гордых архаров или красавца-леопарда, выискивающего добычу, деловито спешащего дикобраза или редчайшего хищника-медоеда? Где ещё плюс к этому можно заниматься парусным спортом, сёрфингом? (На Сарыязынском водохранилище чуть северо-восточнее заповедника). Уж о том, что в избытке здесь солнца, говорить не приходится. Достаточно вложить какие-то средства в обслуживание, сервис — поставить, скажем, палаточный городок, что дешевле, наладить питание, и туристы, думаю, с удовольствием станут к нам приезжать (т.е. уже к вам, я всё считаю себя бадхызцем). Можно показывать им красивейшие уголки заповедника, фисташковые роци, ферулу и — сотнями — таких редких животных, которых ни в одном уголке бывшего Советского Союза не сыщешь. Единственное место в СНГ, где звери водятся в таком количестве — Бадхыз. К слову, переводится это название всяким по-разному. Филологи покрасивее: «Начало ветра», «Там, где начинается ветер», более практичные зоологи — «Место, где дует ветер». Его тут вдоволь — к сведению тех, кто хотел бы заняться парусным спортом или сёрфингом. Если же планомерно и разумно будет налажена охота по лицензии на

экзотичных животных, это привлечёт ещё больше туристов.

— Кто финансировал поездку?

— Все исследовательские работы в заповедника, как и в прошлый раз, я вёл, хотя отчитался, прежде всего, перед Минприроды, на деньги фондов, которые заинтересованы в охране природы всего мира, в том числе и Туркменистана. Есть проблемы, не знающие границ — здравоохранение, голод, сохранение генофонда живой природы и прочее. Если, к примеру, голодает народ Эфиопии или любой другой страны, это беда всего человечества. Если исчезает какой-либо вид животных — даже крохотная ящерка, не говоря уж о таком диком звере, как кулан, джейран — это потеря для всего мира.

— Что ж, будем верить, что поездка в место, где дует ветер, не пройдёт бесследно, твои предложения кого-то заинтересуют.

*Газета «Нейтральный Туркменистан»,
29 июня 1998*

Бадхыз, Кызыл-Джар. Фото: www.alpagama.org

Современное состояние аборигенных куланов Туркменистана

Горелов Ю.К.

В 1991-1995 гг. куланов в Бадхызе насчитывалось не менее 5000 особей. В 1996 г. была начата их заготовка на мясо. Учёт в мае-июне 1998 г. показал, что численность вида упала до 2400. Полностью была уничтожена тедженская группировка, превышавшая ранее 800 голов (Горелов, Ишанов, 1998). В сентябре 1998 г. факт истребления куланов получил широкую международную огласку. В апреле 2000 г. WWF закупила 4 автомашины и усилила кадрами подвижные группы для охраны мест концентрации куланов. Массовый отстрел животных был прекращён. В июле 2001 г. при частичной финансовой помощи WWF и при содействии некоторых руководителей Минприроды Туркменистана и егерских групп заповедника нам удалось провести учёт куланов Бадхыза. На левобережии р. Кушки у Тазаяб и у колодцев в радиусе до 30 км было зарегистрировано 447 куланов, в том числе 17 жеребят (3,7%). Возможный недоучёт составляет примерно 10%. Следовательно, общее поголовье куланов в этом районе можно считать равным примерно 500 особям. Вблизи водопоев заповедника было насчитано 56 голов, в том числе 3 сеголетка. Здесь могло быть недосчитано до 30% животных. Вероятное количество куланов в районе заповедника не более 80 голов. Общую численность куланов в Бадхызе в июле 2001 г. можно оценить в 580 голов, из которых 511, в том числе 20 сеголеток (3,9%) были зарегистрированы визуально, а одиночные животные и небольшие группы — по следам. Процент жеребят (3,9%) — катастрофический. Он, по крайней мере, ниже нормального раза в 4. За время учёта мы неоднократно регистрировали и визуально, и по следам браконьерство на джейранов и куланов. Одна группа была задержана с добычей.

(VII съезд Териологического общества, 6-7 февраля 2003, Москва).

Юрий Горелов. Фото Ю.М. Роста, 1975.

История заповедного дела: Материалы международной научной конференции. — Борисовка, 2005.

ОПЫТ НЕСТАНДАРТНОГО ПОДХОДА К ОХРАНЕ ПРИРОДЫ В БАДХЫЗСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ (ТУРКМЕНИСТАН)

Ю. К. Горелов

Материал для настоящего сообщения собран с 1956 г. по 1978 г. за время работы автора в научном отделе Бадхызского государственного заповедника (Туркменистан). Большую часть этого периода автор на общественных началах был старшим госохотинспектором. С 1980 по 2001 гг. автор более двадцати раз, в среднем по месяцу, работал в Бадхызе. Наша работа в заповеднике носила комплексный характер и охватывала все стороны природоохранной работы: изучение охраняемых объектов, оперативная работа, защита интересов заповедника в следственных органах и судах, участие в подготовке природоохранного законодательства Туркменской ССР.

До 1964 г. отрицательное отношение к заповедникам шло сверху вниз, начиная с главы страны Н.С. Хрущёва. Естественно, партийная и советская пирамида, включая руководство системы заповедников, поддерживала такую политику. Исключения типа бескомпромиссного начальника управления охотничьего хозяйства и заповедников Туркмении П.В. Юлина проблем решить не могли. Природоохранные законы игнорировались прокуратурой. К примеру, материалы по браконьерству, направленные в прокуратуру Тахта-Базарского района, были возвращены с резолюцией: «Вы в заповеднике совсем сдурели. За убитого джейрана человека хотите посадить!»

Перелом к лучшему произошёл в 1965 г. после резкой статьи Р. Эсенова и В. Ткаченко в газете «Правда» о Бадхызском заповеднике. Эта публикация — первая за много лет статья в защиту советских заповедников в центральной

прессе — была буквально случайно организована нами и директором заповедника И.С. Сухом. После статьи последовало заседание Совмина Туркменской республики. На этом заседании прокурор республики Сапожников обвинил нас в том, что мы ловим браконьеров, но скрываем это от прокуратуры. В ответ мы положили стопку документов, возвращённых нам местными прокуратурами с резолюциями, подобными вышеупомянутой.

Центральная пресса неоднократно поддерживала и практически защищала нас от местных властей. Отмечу статьи Э.М. Кондратова в «Известиях» и Ю.М. Роста в «Комсомольской правде». Влияние центральной прессы в те времена было огромным, и наши хорошие отношения с журналистами рассматривались деятелями с местным менталитетом как «рука в Москве». К тому же в Туркмении, где все всех знают, у нас образовались связи на всех уровнях власти, вплоть до Совмина республики. В природоохранной деятельности помогали и связи с научными кругами Москвы.

Охранная работа Бадхыза регламентировалась постоянно улучшающимся охотничьим законодательством (1950, 1960 и 1973 гг.) и УК Туркменской ССР (1960 и 1973 гг.) Так, за крупное браконьерство до 1962 г. полагался штраф, с 1962 г. — заключение до года, с 1968 г. — заключение до трёх лет. Законы использовались нами только в тех случаях, когда шли на пользу охраны природы. Способствовало нам отсутствие парторганизации в заповеднике и то, что почти всё время нашей работы директора заповедника были беспартийными. Это несколько снижало возможность местных властей оказывать незаконный пресс на заповедник.

Успехи в борьбе с браконьерами в значительной степени определялись преемственностью опыта разных поколений. Бывший капитан Советской Армии Алексей Афанасьевич Бащенко потерял глаз на фронте и пришёл в охрану заповедника. Он понял, что держать малыми силами оборону десятков километров границы заповедника от браконьеров обычными мерами невозможно. А. А. Бащенко изобрел метод борьбы с браконьерами — «минирование» браконьерских дорог. В консервную банку он ставил большой гвоздь и заливал его бетоном. Такую «мину» можно было установить в любом грунте, кроме каменистого. Торчащие гвозди маскировались

подручным материалом. «Мои гвозди не отдыхают, не пьянствуют, не берут взятки и не отличают простого шофёра от начальника. Это вам не наши лесники» — говорил А.А. Башенко. Учитывая, что до ближайшего гаража было не менее 100 км, потерявшие все колёса браконьеры оказывались в экстремальном положении, особенно летом. Гвоздей А.А. не жалел и не знал, сколько сотен «крестников» у него накопилось более чем за 20 лет работы.

Привлечь «минёров» к ответственности было невозможно свидетелей не было, а стандартный ответ на обвинения был: «Эти гвозди поставили браконьеры против автомашин заповедника». Правда, когда однажды на гвозди сел сам председатель Совмина республики, директора заповедника уволили с работы, хотя он никакого отношения к гвоздям не имел.

Юмор А. Башенко отличался своеобразием. Однажды он оставил без баллонов две автомашины военных локаторщиков — лесонарушителей. В отместку солдаты «заминировали» тропу Башенко и вывели из строя его мотоцикл. Алексей Афанасьевич в полной военной форме и с пиратской повязкой на глазу верхом на лошади въехал на территорию части, выстрелом в воздух собрал солдат и офицеров и зачитал им «ультиматум», сочинённый им в духе письма запорожских казаков султану. Военным он разрешил передвигаться по территории части не дальше столовой и туалета. Поднялся хохот. На следующий день в части не осталось ни одной автомашины на ходу. Все дороги были полностью перекрыты. Через три дня офицеры роты пешком пришли на кордон извиняться и заключать мирное соглашение с Башенко.

Методику А. Башенко освоил и усовершенствовал автор. Мы стали забивать гвозди вниз шляпками в грунт и наладили изготовление противобраконьерских костылей. Однажды Кушкинская дивизия решила провести учения на территории заповедника. Здесь находились строго засекреченные исходные позиции дивизии, нацеленные на Иран. Мы — автор и лаборант заповедника А.П. Гарманов, бывший фронтовик — за ночь накануне учений переместили все указатели, установленные дивизионной разведкой и ВАИ, и направили колонны военной техники в северо-западный угол впадины Ер-Ойлан-Дуз в глухие долины, упирающиеся в стену обрывов.

Там на накатанных нами разворотах выездов из долины установили 20 кг двадцатисантиметровых гвоздей и 60 штук костылей. Из строя было выведено более 200 автомашин. Колонна, пытавшаяся въехать в заповедник с востока, была встречена Алексеем Афанасьевичем и, потеряв два десятка автомашин на «минах», развернулась назад. Четыре человека на УАЗике и мотоцикле разгромили мотострелковую дивизию! Ситуация для командования дивизии была настолько позорна, что официальных жалоб не было. Что касается исходных позиций дивизии, то по всей Кушке наши сотрудники говорили, что не допустят никаких исходных позиций у Огурцовских колодцев. Секретность позиций была нарушена и их перенесли в другой район.

Борьба с браконьерским автотранспортом велась не только гвоздями. Мы с Алексеем Афанасьевичем изобрели способ вырывания мотора у движущейся автомашины, но применяли его очень редко из-за боязни покалечить людей.

Нарушителей, расположившихся на заповедной территории, приходилось выгонять нестандартным методом, используя опыт американских скунсов. Так, работников буровой вышки нефтеразведки, незаконно установленной в заповеднике, мы удалили с помощью одной ампулы меркаптана. Вышку, вагончики и прочее имущество возможно было вывозить только через две недели. Таким же способом с абсолютно заповедной территории заповедника был удален батальон связи Кушкинской дивизии, когда его командование не выполнило наше требование покинуть заповедник. После действия меркаптана батальон пытался выехать на автомашинах, но сел на поставленные нами гвозди.

Нужно сказать, что упомянутые выше участники активных действий против браконьеров отлично стреляли. При задержании механизированных браконьеров успех порой определялся несколькими секундами. Первые выстрелы били по баллонам или радиатору. Окрик и предупредительные выстрелы можно было сделать и после задержания. Соотношение сил (количество людей, качество автотранспорта и оружия), как правило, были в пользу браконьеров и только скорость и жёсткость действий решали стычки в нашу пользу.

*Бадхыз, Еройландуз. На чинке стоит человек.
Фото В.С. Лукаревского.*

Естественно, при задержании браконьеров избытком гуманизма мы не страдали. Трудности возникали только при задержании наркоманов, нечувствительных к болевым ударам. Стрелявшие в нас и помятые за это задержанные браконьеры ни разу не писали на нас жалобы в прокуратуру. Мы же, привлекая их к ответственности, не упоминали об их вооружённом сопротивлении.

Прицельно картечью и пулями стреляли хорошие стрелки. Молодым участникам задержаний разрешалось стрелять мелкой дробью для создания морального пресса. Поскольку перестрелки, которые бывали очень редко, велись с движущихся по бездорожью машин, можно было попасть не туда, куда целились. В случае попадания в кабину преследование немедленно прекращалось. Возможно раненый или убитый браконьер — проблема его соучастников. Нам он был ни к чему, хотя перестрелка велась нами на законном основании для подавления встречного вооружённого сопротивления, угрожающего нашей жизни.

В 1976 г. автор был отстранён новым директором заповедника от охранной работы. Однажды после перестрелки, в результате которой не смогли задержать браконьеров, мой преемник обратился в милицию, и вся охотинспекторская группа была привлечена к ответственности. В машине браконьеров один человек был ранен. Он умер на следующий день. Я в это время был в Москве и добился, чтобы дело было взято на контроль МВД СССР, и туркменская милиция сразу же прекратила дело.

Даже в тех случаях, когда у наших сотрудников не было оружия, браконьеров удавалось задерживать. Водитель научного отдела Берекет Акылов и механик Анатолий Сундуков встретили в горах Кушкинского лесхоза автомашину солдат с офицером. В кузове автомашины были убитые дикие бараны. Изобразив из себя ничего не понимающего в якобы сломавшейся машине, Берекет отвлек внимание офицера, выхватил у него автомат и заставил браконьеров лечь носом в землю.

Нам однажды пешими вдвоём ночью удалось задержать машину с восемью браконьерами и шестнадцатью убитыми джейранами. Надо отметить, что мой напарник М. Шпигов был полуслепым, но налетевшего на него браконьера положил одним ударом. Задержанные белуджи — не самое миролюбивое из племён региона — не подозревали, что нас только двое, а когда поняли, было поздно.

С 1965 г. условия работы улучшились. Браконьерство на территории заповедника и прилежащих районов было сокращено до минимума. Численность копытных начала заметно возрастать. Правда, выпас скота в заповеднике по разрешению Совмина Туркмении сохранялся. 1970 г. отличался очень засушливым летом, и джейраны из заповедника разбрелись по всему Бадхызу. Вспыхнуло браконьерство. В течение года было задержано семь групп браконьеров, одиннадцать человек осуждены на тюремное заключение. Случай для Туркмении, да и не только для Туркмении, невиданный. В это время удалось создать первую в Туркмении, а, возможно, и в стране, хозрасчётную охотинспекторскую группу, в которой активно работали молодые люди из Москвы и других городов. В 1974 г. нами на охоте был

задержан третий секретарь ЦК Туркмении А. Чарыев <Чары Атаев. – Ред.>, и за год, пока мы добились его снятия, положение с охраной заповедника резко ухудшилось. Сменилось руководство заповедника. С 1976 г. налаженная борьба с браконьерством начала разваливаться. В 1978 г. я был вынужден перейти на работу в ИЭМЭЖ им. А.Н. Северцова. Браконьерство в заповеднике процветало.

Положение начало исправляться с приходом на должность замдиректора А.С. Шаповалова, а на место руководителя егерской группы — А. Герасимова. Он использовал наш опыт, и уровень его работы был очень высоким, в чём я лично убеждался неоднократно. К сожалению, началась эпоха застоя, и пробить пассивность судов стало почти невозможно. Браконьеры, как правило, отделялись штрафом и выплатой весьма крупного возмещения ущерба. Поголовье куланов продолжало расти, а джейранов — сохраняться.

В 1996 г. при численности куланов Бадхыза примерно в 5000 голов, был начат их официальный отстрел. В 1998 г. мы с И. Игнатовым <Ишановым. – Ред.> насчитали 2400 голов. Дикие бараны в приграничной полосе (за КСП) заповедника были выбиты полностью. Поднялся скандал. WWF выделил средства на сохранение кулана. В 2001 г. мы насчитали всего 580 голов. В этом же году на средства WWF была организована хорошо обеспеченная транспортом и оружием егерская охрана, пожалуй, сильнейшая за время существования заповедника. Я убеждён, что группа работает хорошо и будет так работать до тех пор, пока обеспечивается финансово. В отличие от неё лесная охрана заповедника за отдельными исключениями как не работала, так и не работает до сих пор.

И в заключение. Какие качества необходимы в полном наборе лидеру группы и в разном сочетании её участникам? Это хорошая реакция; физическая подготовка и владение приемами самообороны; умение пользоваться оружием и разным транспортом; юридическая подкованность; связь со средствами массовой информации; умение сбора и анализа информации; умение планирования операций; умение рисковать, в сочетании с осторожностью; изобретательность; и главное — чувство юмора, без которого невозможно что-либо сделать в нашем сумасшедшем мире.

*Болгария, 1931.
Юра Горелов с отцом и немецкой овчаркой Карой.
Взявшись за её хвост, Юра учился ходить.
Из архива семьи Гореловых.*

Моя история

Юрий ГОРЕЛОВ

Мой дед Горелов Константин Георгиевич был офицером-артиллеристом. В 1913 г. вышел в отставку в звании генерал-майора. Отец Константин Константинович родился в 1898 г. в Польше, где служил дед. Учился на Высших технических курсах (ныне технический университет им. Баумана), затем в военном училище. Подпоручик-артиллерист в составе армии Врангеля. Корпус генерала Кутепова эмигрировал сначала в Галлиполи (Турция), затем в Болгарию.

Дед по матери, Зворыкин Александр Николаевич, потомственный почетный гражданин, родился в Муроме в 1879 г. Род Зворыкиных входит в число девяти родов, сохранившихся со времени составления первого списка горожан Мурома, и до 1917 г. его представители разных поколений неоднократно упоминаются в истории г. Мурома в разном качестве. Бывали обласканы царями, а то вызывали их гнев, в том числе за недобор налогов в качестве городского головы. Представители этого рода до сих пор здравствуют и в России и в США. Окончив в 1900 г. курс среднего механотехнического училища, Зворыкин А.Н. строил железную дорогу в Туркестанском крае, участвовал в качестве инженера в строительстве Транссибирской магистрали, в том числе Кругобайкальской и Амурской железных дорог. В гражданскую войну был офицером Белой армии. Занимался организацией железнодорожных перевозок.

Мать Горелова (урождённая Зворыкина) Тамара Александровна родилась в 1906 г. в г. Хабаровске. В годы гражданской войны после смерти отца в 1918 г. Тамара Александровна со своей матерью эмигрировала в Болгарию.

Здесь, в Болгарии, встретились мои родители.

Родился я в Софии, но моя сознательная жизнь началась в деревне Калугерово, где после эвакуации армии Врангеля из Галлиполи оказался мой отец. Образованные люди в Болгарии в то время были нужны, и он устроился менеджером в швейцарско-болгарскую фирму по производству цемента. В Калугерово наша семья занимала двухэтажный особнячок, обвитый девичьим виноградом, глицинией и обычным

виноградом. Рядом возвышался заброшенный гипсовый завод, который казался мне огромным. Тут же торчала заводская тридцатиметровая труба. По её внутренней стене поднималась лестница из железных скоб, которая вела до самого верха. Мой отец, выросший в военных гарнизонах, где служил его дед, получил хорошую физическую подготовку: верховую езду, включая вольтижировку, фехтование. Он считал, что из мальчишек надо воспитывать мужчин с самого детства. Поэтому не препятствовал моим походам на заброшенную фабрику и её трубу. Бабушка жаловалась отцу, что я влезаю на трубу. Он каждый раз отвечал ей: «Сам залез, сам и слезет». К десяти годам мы с друзьями хорошо освоили эту трубу. Рассматривать окрестности с высоты тридцати метров было интересно.

На юге Болгарии много аистов. Они считали трубу подходящим для себя местом и часто пытались занять её под гнездо. Толщина стенки трубы была небольшой. В ней очень сильно тянуло ветром, и аисты часто падали внутрь трубы. Приземлялись они изрядно помятыми. Наша компания мальчишек вытаскивала их и выпускала в огороженный дворик нашего дома. Кормили мы их лягушками, ящерицами и прочей мелкой живностью, пока они не набирали сил и не улетали.

Кроме аистов у меня время от времени появлялись черепахи, ежи, сычи, а с пяти лет постоянно жили голуби. Таким образом, интерес к животным у меня возник в детстве.

Зимним развлечением было чтение. Из русской библиотеки в Софии нам присылали книги, в том числе и для меня. В первый раз я научился читать в пять лет. Летом всё позабыл, но на следующую зиму начал читать снова. С третьего раза в семь лет я окончательно научился читать по-русски и по-болгарски. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить (есть такая болезнь — склероз), не забыл буквы до сих пор. Вспомнил об этом потому, что моя дочка в пять лет, с которой я гулял, ловил рыбу, собирал камушки, возил на бензобаке мотоцикла, учил собачьему языку и т.п., однажды попросила занятую чем-то маму почитать ей сказку. Мама послала её ко мне, и дочка очень удивилась: «А разве папа знает буквы?»

*Юра Горелов с родителями. Болгария, 1934.
Из архива семьи Гореловых.*

Одна из первых книг, которую я прочел, была о приключениях молодого потерявшегося муравья. И кое-что из неё я помню до сих пор.

Когда я учился в четвертом классе, мы переехали в городок Раднево, в 30 км от Калугерово, где имелась приличная школа, которую я и закончил.

Во время войны Болгария была почти избавлена от крайних тягот военного времени, хотя голодали мы изрядно. Временами норма хлеба на человека была 200 граммов. Мои зоологические навыки пригодились. Я мог накормить семью, наловив ведро раков или в маленькой речушке немного мелкой рыбы, которую я ловил руками под корнями ив. Да простят меня любители кошек за французскую поговорку «Для того чтобы сделать рагу из зайца, надо иметь хотя бы

кошку». Мы порой воспринимали эту пословицу дословно. Лягушек не без основания называли «водяными перепёлками». Инициатором этих блюд был я при поддержке отца. Естественно, свои кулинарные способности мы скрывали не только от соседей, но и от друзей.

Большое место в школьные годы занимали походы в окрестностях Раднево. Времена были трудные и летом приходилось подрабатывать. В разные годы, начиная с седьмого класса, я успел потаскать рейки для землемера, поработать на небольшой ручной буровой установке, на строительстве больницы и железной дороги. Свободное время использовал для чтения. К окончанию школы я прочёл почти все книги в городской библиотеке от детских приключенческих до классики.

Книги сыграли большую роль в формировании меня как зоолога. Должен упомянуть три работы. В средних классах мне попал в руки «Спутник следопыта» А.Н. Формозова — моего первого заочного учителя, благодаря которому я стал именно полевым зоологом. В то время я не подозревал, что впоследствии я познакомлюсь с Александром Николаевичем и буду с ним общаться. В десятом классе я приобрел «Происхождение видов путем естественного отбора» Ч. Дарвина и за пару лет серьезно прочел её с карандашом. Будучи студентом Софийского университета, я особое внимание уделял изучению научной литературы. Отмечу труд академика А.Н. Северцова «Проблемы эволюции». Тогда я и не предполагал, что в моей научной библиотеке будут стоять научные тома представителей четырёх поколений этой замечательной фамилии, а с последним биологом семьи Северцовых я буду дружен. Ч. Дарвин и А.Н. Северцов сформировали моё биологическое мировоззрение.

На формирование моей будущей жизни оказал влияние любимый мною писатель Джек Лондон. Его рассказы произвели на меня сильное впечатление и способствовали тому, что в будущем я занялся оперативной работой по охране природы.

София, Болгария, конец августа 1955. Горелов с друзьями и коллегами. Стоят: Мария Паспалева, Александр Простов, Желязко Георгиев, Николай Боев, ?, Лиляна Михайлова, В.Э. Мартино. Сидят: ?, Ю.К.Горелов, Владимир Бешков. Из архива семьи Гореловых.

Место фотографии – перед старым зоологическим садом, позже – часть парка Советской Армии (определил В. Бешков).

Набросок болгарского зоолога Владимира Бешкова (1935-2019) с расшифровкой лиц на фотографии 1955 г.

Влияние лысенковщины в Болгарии в первые годы после знаменитой сессии ВАСХНИЛ в 1948 г сказывалось слабо. Своих лысенковских кадров в молодой республике не было. Биологическая профессура была старорежимная и обеими ногами крепко стояла на позициях «реакционного менделизма-морганизма». Например, однажды после выступления с публичным докладом крупного болгарского ботаника Николая Андреевича Стоянова из зала прозвучал провокационный вопрос: «Как Вы расцениваете учение Лепешинской о живой материи?» Это «учение» — совершенно безграмотная галиматья — было в фаворе у властей СССР. Ответ оказался неожиданным: «Положительно! Наука должна учиться на ошибках, и в этом отношении уважаемая Ольга Борисовна внесла свой неоценимый вклад!»

Моим близким другом в студенческие годы был орнитолог Николай Боев. Он был, пожалуй, первым квалифицированным профессионалом в стране, который систематически занимался проблемами охраны природы. Он был старше меня на несколько лет, работал в Софийском зоопарке, где подрабатывал и я. Я научился у него пользоваться специальной литературой и получил некоторые фундаментальные представления об охране природы.

В марте 1907 г. сотрудник Сыр-Дарьинской статистической партии Александр Николаевич Зворыкин отбивался от чабанских собак, прокладывая свой первый топографический маршрут между рекой Сыр-Дарьей и хребтом Кара-Тау. Прошло полвека. В сентябре 1956 г. его внук — автор этих строк — впервые пересекал Казахстан и Среднюю Азию. В Туркмении меня ждала работа зоолога — научного сотрудника Бадхызского заповедника. Слева по ходу поезда синели невысокие горы Кара-Тау. Справа текла Сыр-Дарья. В окнах вагона мелькали так же, как и 50 лет тому назад, отары овец с такими же собаками и такими же пастухами. Так в окружении чабанских собак впервые пересеклись наши с дедом пути, состоялась наша первая заочная встреча. Очных не было. А.Н. Зворыкин, сменив на время мундир инженера-железнодорожника на офицерский, погиб в братоубийственной мясорубке гражданской войны, задолго до моего рождения.

Со временем мне довелось показывать своей дочери город Муром, в котором родился её прадед. Род Зворыкиных — один из очень немногих, сохранившийся в веках со времен составления первых списков муромских горожан и до наших дней. Здесь даже городской музей размещается в «Доме Зворыкиных». Проезжали мы по тем участкам Транссибирской магистрали, которую строил дед — по Кругобайкальской и Амурской железным дорогам. Бродил я среди деревенских домиков Иркутска, о которых в детстве мне рассказывала жившая когда-то здесь бабушка, стоял на берегу Амура в Хабаровске, в котором родилась моя мать.

В те времена всё делали на века, не только план выполняли, да деньгу зашибали — страну обустроивали. По Транссибирской магистрали, которую дед строил, ездил и он сам, и

его дети, и внуки, и правнуки. Скажут ли это когда-нибудь о тех, кто задумал Байкало-Амурскую магистраль?

В разных районах страны, а теперь и в разных странах, заочно пересекались наши с дедом пути. Но всё же самая первая моя встреча с ним, хотя и в разные годы, произошла там, где и он и я познакомились с псами Центральной Азии. Со дня этой встречи прошло ещё полвека. И вот уже в 2007 году я пишу о собаках Киргизского края и Туркестана. Снова замкнулся уже столетний круг нашего семейного знакомства с алабаями. А вообще-то с пастушьими собаками я заимел дело в раннем детстве в Болгарии, где после гражданской войны оказался мой отец — подпоручик армии Врангеля.

Заслуги предков не передаются по наследству. У каждого поколения свои достижения, свои грехи. И каждому новому поколению следует знать и помнить и заслуги, и грехи предков. Уважать, а то и умножать первые, искупать или хотя бы не повторять вторые, касается ли это постройки железных дорог или сохранения аборигенных собак. Да и кто, по большому счёту, знает, что важнее?

Таким образом, в Бадхыз я попал 25-летним физически хорошо подготовленным к полевой работе специалистом. Кроме млекопитающих и пресмыкающихся, знал птиц и геологию.

За 22 года работы в Бадхызском заповеднике были потери и приобретения. Я потерял большинство зубов, но приобрёл камни в почках. Никогда не знаешь, что и где потеряешь и что и где найдёшь!

Публикуется впервые.

Фото из архива семьи Гореловых.

2. IX. 1956 Воскр. Кутынка

Потребил в Моргуновку и их
хутор раскинулся вдоль р. Куты-
нки километра на полтора. Село
украинского типа - земляники, зе-
лень, но не плодовые деревья.
Заповоротки в северном конце се-
ла - два финские домика, двор
с хоз.-постройками и земляники.
На время остановился у Алексан-
дра Николаевича Сухоматова. Все
остальные, включая директора кото-
рий, в Москве, на сборе материалов.
А. Н. встретил меня очень радушно.
Он здесь с 1948 г., собрал много
материала, но посетался только
раз. Сейчас литературно оформляет
его работы. К вечеру выехали с
ним в р. Кутынку. Домиком реки

*Горелов в 1956: первый год в Бадхызе.
Из архива семьи Гореловых.*

Первая страница бадхызского дневника:

2.IX.1956 воскр.<осень> Кушка

Прибыл в Моргуновку к 11 ч. Хутор растянулся вдоль р. Кушки километра на полтора. Село украинского типа – землянки, зелень, но не плодовые деревья. Заповедник в северном конце села. Два финских домика, двор с хоз. постройками и землянки. На время остановился у Александра Николаевича Сухина. Все остальные, исключая директора, который в Москве, на сборе фисташек. А.Н. встретил меня очень радушно. Он здесь с 1948 г., собрал много материала, но печатался только раз. Сейчас литературно оформляет работу. К вечеру вышли с ним к р. Кушке. Долина реки...

(«землянками» Горелов называет саманные дома. – Ред.)

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Ю. К. ГОРЕЛОВА

1. Горелов, Ю.К. 1959. Влияние многоснежной зимы 1956-1957 г.г. на копытных животных Бадхыза. *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 2: 71-73.
2. Горелов, Ю.К. 1959. О распространении безоарового козла в северо-западном Бадхызе (Юго-Восточная Туркмения). *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 4: 62-64.
3. Горелов, Ю.К. 1960. Взаимосвязь между распространением псаммофилов Бадхыза (Юго-Восточная Туркмения) и разбиванием песка копытными животными. С. 41-41 в кн.: *Материалы к конференции по зоогеографии суши. Тезисы докладов. 15-21 апреля 1960 г.* Алма-Ата: АН КазССР.
4. Горелов, Ю.К. 1960. Самка джейрана с уродливым рогом. *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 3: 75-76.
5. Горелов, Ю.К., Щербина Е.И. 1960. Нахождение некоторых пустынных млекопитающих в Бадхызе. *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 3: 50-53.
6. Горелов, Ю.К. 1961. Нахождение сибирского горного козла в Бадхызе (Ю.-В. Туркмения). *Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический*, 66(6): 146-147.
7. Горелов, Ю.К. 1961. Особенности экологии копытных животных в условиях крайнего юга СССР имере Бадхыза — Юго-Восточная Туркмения). С. 20-21 в кн.: *Первое Всесоюзное совещание по млекопитающим. Тезисы докладов.* М.: Изд-во МГУ. Т. 2.
8. Горелов, Ю.К. 1961. Совещание по вопросам организации и методов учёта ресурсов фауны наземных позвоночных (Москва, 4-8 марта 1961 г.). *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 3: 89-90.
9. Горелов, Ю.К. 1961. Учёт диких баранов на водопоях Бадхызского заповедника. С. 37-38 в кн.: *Вопросы организации и методы учёта ресурсов фауны наземных позвоночных. Тезисы докладов.* М.: Московское общество испытателей природы.

10. Горелов, Ю.К. 1962. О хозяйственном использовании диких копытных животных Туркменистана. *Сельское хозяйство Туркменистана*, 6: 70-72.

11. Горелов, Ю.К. 1963. Дикобраз — вредитель хлопка. *Сельское хозяйство Туркменистана*, 1-2: 73.

12. Горелов, Ю.К. 1963. Изменение распространения и численности диких копытных Бадхыза (Ю.-В. Туркмения) под влиянием антропогенного фактора. С. 77-78 в кн.: *Зоогеография суши. Тезисы Третьего Всесоюзного совещания по зоогеографии суши, 23-26 сентября 1963 г.* Ташкент.

13. Горелов, Ю.К. 1963. Количественный учёт диких баранов (*Ovis ammon cycloceros* Hutt.) в Бадхызском заповеднике. С. 125-128 в кн.: *Ресурсы фауны промысловых зверей и их учёт.* М.: Изд-во АН СССР.

14. Горелов, Ю.К. 1963. Леопард и дикобраз. *Природа*, 1: 118-119.

15. Горелов, Ю.К. 1963. Размещение копытных животных на территории Бадхызского заповедника и прилежащих районов и его картирование. С. 89-90 в кн.: *Вопросы зоологической картографии. Тезисы докладов.* М: Московское общество испытателей природы.

16. Сапоженков, Ю.Ф., Горелов, Ю.К., Жернов, И.Ф., Святой, В.И. 1963. О распространении и экологии медоеда (*Mellivora capensis indica* Kerr.) в Туркмении. *Зоологический журнал*, 42(6): 961-964.

17. Горелов, Ю.К. 1964. Водопой горных баранов Бадхызского заповедника. *Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический*, 69(2): 61-70.

18. Горелов, Ю.К. 1964. Роль водопоев в жизни наземных позвоночных Бадхыза. С. 14-16 в кн.: *Первая республиканская конференция молодых зоологов Туркменистана. Тезисы докладов.* Ашхабад: Ин-т зоологии и паразитологии АН ТССР.

19. Горелов, Ю.К. 1965. Изменение распространения и численности копытных Бадхыза под влиянием антропогенного фактора. *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 3: 55-58.

20. Горелов, Ю.К., Орлов, Ю.А. 1965. К вопросу о цветковых формах большеглазого полоза (*Ptyas*

micosus). *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 4: 94-95.

21. Горелов, Ю.К. 1966. IV зоогеографическая конференция. *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 6.

22. Горелов, Ю.К. 1966. Опыт учёта змей, ведущих подземный образ жизни. С. 43-44 в кн.: *Проблемы почвенной зоологии. Материалы Второго Всесоюзного совещания по проблемам почвенной зоологии*. М.: Наука.

23. Горелов, Ю.К., Щербак, Н.Н. 1966. Новая находка песчаной змеи (*Psammophis schokari* Forsk.) на территории СССР. *Зоологический журнал*, 45(3): 466—468.

24. Горелов, Ю.К. 1968. Горные бараны в пустыне. *Природа*, 9: 105-106.

25. Щербина Е.И., Горелов, Ю.К. 1968. Птицы и млекопитающие — вредители богарного бахчеводства. *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 2: 87-88.

26. Горелов, Ю.К. 1969. Биологические и организационные аспекты доместикации и рациональной эксплуатации крупных ядовитых змей. С. 114-116 в кн.: *Синантропизация и доместикация животного населения. Материалы к совещанию 19-20 ноября 1969 г.* М.: Московское общество испытателей природы.

27. Горелов, Ю.К. 1969. Страусы в неогене Бадхыза. С. 178-180 в кн.: *Орнитология в СССР. Материалы V Всесоюзной орнитологической конференции*. Ашхабад. Ч. 2.

28. Горелов, Ю.К. 1969. Уничтожение слепней и мух на водных ловушках. *Сельское хозяйство Туркменистана*, 6: 20.

29. Бельская, Г.С., Горелов, Ю.К. 1970. О клушице (*Purrrhocorax purrrhocorax*) в Северо-Западном Бадхызе. С. 184-186 в кн.: *Животный мир Туркмении (наземные позвоночные)*, вып. 1. Ашхабад: Ылым.

30. Горелов, Ю.К. 1970. Действие антропогенного пресса на наземных позвоночных Туркменистана и пути его смягчения. С. 32-34 в кн.: *Влияние антропогенных факторов на формирование зоогеографических комплексов. Пятая межвузовская зоогеографическая конференция. Материалы*

докладов. 30 сентября — 2 октября 1970 г. Ч. 1. Казань.

31. Горелов, Ю.К. 1970. Леопард и дикобраз. *Природа*, 1: 118-119.

32. Горелов, Ю.К. 1970. Факторы, определяющие территориальные группировки копытных Бадхыза. С. 31-33 в кн.: *Популяционная структура вида у млекопитающих. Материалы к совещанию 25-27 декабря 1970 г.* М.: Московское общество испытателей природы.

33. Горелов, Ю.К. 1971. О токсичности слюны серого варана. *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 6(1): 75-76.

34. Горелов, Ю.К., Щербина Е.И. 1971. Леопард в Туркмении. *Охота и охотничье хозяйство*, 2: 26-27.

35. Воронцов, Н.Н., Коробицына, К.В., Надлер, Ч.Ф., Хофман, Р., Сапожников, Г.Н., Горелов, Ю.К. 1972. Хромосомы диких баранов и происхождение домашних овец. *Природа*, 3: 74-82.

36. Воронцов, Н.Н., Коробицына, К.В., Надлер, Ч.Ф., Хофман, Р., Сапожников, Г.Н., Горелов, Ю.К. 1972. Цитогенетическая дифференциация и границы видов у настоящих баранов (*Ovis s. str.*) Палеарктики. *Зоологический журнал*, 51(8): 1109-1121.

37. Горелов, Ю.К. 1972. Леопард? Нет, гепард! *Природа*, 3: 122-123.

38. Горелов, Ю.К. 1972. О формировании фауны наземных позвоночных Туркменистана. *Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический*, 77(6): 27-37.

39. Горелов, Ю.К. 1972. Размножение джейрана (*Gazella subgutturosa Gueldenstaedt*) и проблема восстановления его численности в Бадхызе (Юго-Восточная Туркмения). С. 420-424 в кн.: Бибиков, Д.И. и др. (ред.). *Териология*. Т.1. Новосибирск.

40. Горелов, Ю.К. 1972. Размножение джейрана и проблема восстановления его численности в Бадхызе (Юго-Восточная Туркмения). С. 64-74 в кн.: *Охрана природы в Туркмении*. Ашхабад, вып. 3.

41. Горелов, Ю.К. 1972. Серый варан — уникальное пресмыкающееся. *Природа Эстонии*, 12: 718-720.

42. Медников, Б.М., Горелов, Ю.К. 1972. О применении биохимических методов при решении спорных случаев в систематике (на примере

определения места кулана в системе современных лошадей). С. 34-37 в кн.: *Современные проблемы и методы систематики животных (материалы к совещанию 18-19 февраля 1972 г.)*. М.: Изд-во МГУ.

43. Горелов, Ю.К. 1973. Изучение питания серого варана бескровным способом. С. 63-65 в кн.: *Вопросы герпетологии. Третья Всесоюзная герпетологическая конференция. (Авторефераты докладов)*. Ленинград, 1-3 февраля 1973 г. Л.: Наука.

44. Горелов, Ю.К. 1973. Охрана и восстановление численности копытных Бадхыза. С. 117-118 в кн.: Соколов, В.Е. и др. (ред.) *Редкие виды млекопитающих фауны СССР и их охрана. Труды III Всесоюзного совещания по редким видам млекопитающих СССР*. М.: Наука.

45. Горелов, Ю.К. 1973. Проблема сохранения генофонда крупных хищников Бадхыза и прилежащих районов Туркмении. *Там же*, с. 81-82.

46. Горелов, Ю.К., Горелова, Р.И. 1973. Бегунок — кулик безводных пустынь. С. 31-33 в кн.: *Фауна и экология куликов (Материалы совещания 29-30 марта 1973 г.)*. М.: Изд-во МГУ, вып. 1.

47. Горелов, Ю.К. 1974. Следы птиц в верхнеэоценовых отложениях Юго-Восточной Туркмении. С. 78-79 в кн.: *Материалы VI Всесоюзной орнитологической конференции*. М. Изд-во МГУ, 1974, ч.1.

48. Горелов, Ю.К., Горелова, Р.И. 1974. Водопой охотничье-промысловых птиц Южной Туркмении. С. 76-77 в кн.: *Современное состояние и пути развития охотоведческой науки в СССР. I Всесоюзная конференция. Октябрь 1974. Тезисы докладов*. Киров.

49. Горелов, Ю.К., Даревский, И.С., Щербак, Н.Н. 1974. Два новых для фауны СССР вида ящериц из семейства гекконов. *Вестник зоологии*, 4: 33-39.

50. Горелов, Ю.К. 1975. Бадхызский государственный заповедник: эталон природы или лесхоз? *Охота и охотничье хозяйство*, 6: 24-25.

51. Горелов, Ю.К., Кочкарёва, А.В. 1975. Материалы по клещам — паразитам горных баранов и других диких копытных Бадхыза. *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 3: 81-84.

52. Горелов, Ю.К. 1976. Бадхызский государственный заповедник и проблема сохранения его

природного комплекса. С. 23-25 в кн.: *Тезисы докладов первой научной конференции по охране природы Туркменской ССР*. Ашхабад.

53. Горелов, Ю.К. 1976. О распространении псаммофильных элементов в предгорьях Парапамиза. С. 13-14 в кн.: *Всесоюзная конференция по комплексному изучению и освоению пустынных территорий СССР. Тезисы докладов*. Ашхабад.

54. Горелов, Ю.К., Горелова Р.И. 1976. О деятельности человека в Бадхызском заповеднике. С. 78-80 в кн.: *Изучение природных комплексов, их охрана и ведение заповедного хозяйства в условиях лесостепной и степной зон Советского Союза. Тезисы докладов научно-производственной конференции*. Воронеж.

55. Горелов, Ю.К., Горелова Р.И. 1976. О мерах по восстановлению участков тугайного ландшафта в бассейне р. Мургаб. С. 98-99 в кн.: *Тезисы докладов первой научной конференции по охране природы Туркменской ССР*. Ашхабад.

56. Смирин, В.М., Горелов, Ю.К. 1976. Джейран в Средней Азии. *Природа*, 2: 112-117.

57. Горелов, Ю.К. 1977. О роли окраски пресмыкающихся. С. 69-71 в кн.: *Вопросы герпетологии. Четвёртая Всесоюзная герпетологическая конференция. (Авторефераты докладов)*. Ленинград, 1-3 февраля 1981 г. Л.: Наука.

58. Горелов, Ю.К. 1977. Отлов куланов. С. 200-201 в кн.: *Редкие виды млекопитающих и их охрана. Материалы II Всесоюзного совещания по млекопитающим*. М.: Наука.

59. Горелов, Ю.К. 1977. Редкие виды рукокрылых Бадхыза. С. 52-53 в кн.: *Редкие виды млекопитающих и их охрана. Материалы II Всесоюзного совещания по млекопитающим*. М.: Наука.

60. Горелов, Ю.К. 1977. Современное состояние кулана в Бадхызе. С. 199-200 в кн.: Соколов, В.Е. (ред.) *Редкие виды млекопитающих и их охрана. Материалы II Всесоюзного совещания по млекопитающим*. М.: Наука.

61. Горелов, Ю.К., Горелова Р.И. 1977. Проект Красной Книги млекопитающих Бадхыза. С. 25-27 в кн.: *Редкие виды млекопитающих и их охрана*.

Материалы II Всесоюзного совещания по млекопитающим. М.: Наука.

62. Атаев, Ч., Горелов, Ю.К., Шаммаков, С. 1978. Материалы по редким и исчезающим видам пресмыкающихся фауны Туркменистана. *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 4: 81-82.

63. Бабаев, Х., Горелов, Ю.К., Ишадов, Н., Щербина, Е.И. 1978. Материалы по редким и исчезающим видам млекопитающих фауны Туркменистана. *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 4: 56-69.

64. Горелов, Ю.К. 1978. *Некоторые особенности экологии копытных Бадхыза и проблема их охраны.* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М., 26 с.

65. Горелов, Ю.К., Горелова, Р.И., Жерновов, В.И., Сосновцева, В.П. 1978. Медоед в Туркмении. *Природа*, 6: 123-125.

66. Горелов, Ю.К. 1980. Большеглазый полоз. *Природа*, 11: 100-102.

67. Горелов, Ю.К. 1980. К проблеме domestikации копытных. В кн.: Соколов, В.Е. (ред.). *Копытные фауны СССР: экология, морфология, использование и охрана. Тезисы докладов Всесоюзного совещания по копытным СССР (Москва, 24-26 декабря 1979 г).* М.: Наука.

68. Горелов, Ю.К. 1980. О возможности управления территориальным размещением некоторых копытных. С 11-12 в кн.: Соколов, В.Е. (ред.). *Копытные фауны СССР: экология, морфология, использование и охрана. Тезисы докладов Всесоюзного совещания по копытным СССР (Москва, 24-26 декабря 1979 г).* М.: Наука.

69. Орлов, В.Н., Чудиновская, Г.А., Горелов, Ю.К. 1980. Кариотипы гибридов уриала с каракульской овцой. С. 89-91 в кн.: *Вопросы гибридизации копытных.* М.: Наука.

70. Щербина Е.И., Горелов, Ю.К. 1980. Редкие и исчезающие млекопитающие Туркменистана. *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 4: 80-82.

71. Ананьева, Н.Б., Горелов, Ю.К. 1981. О находке зубов плиоценовых ящеров в Бадхызе. С. 8 в кн.:

Вопросы герпетологии. Пятая Всесоюзная герпетологическая конференция. (Авторефераты докладов). Ашхабад, 22-24 сентября 1981 г. Л.: Наука.

72. Горелов, Ю.К. 1981. Колючехвостый геккончик. *Природа*, 7: 102.

73. Соколов, В.Е., Горелов, Ю.К., Саблина, Т.Б. 1981. О региональных Красных книгах на примере Красной книги СССР. *Зоологический журнал*, 60(1): 5-17.

74. Горелов, Ю.К. 1983. Восстановление кулана в СССР — подвидовой подход. С. 148-150 в кн.: *Редкие виды млекопитающих и их охрана. Материалы Третьего Всесоюзного совещания по редким видам млекопитающих СССР и их охране, 4-6 февраля 1982. М.*

75. Горелов, Ю.К. 1983. Не забывать о сегодняшних нуждах. *Охота и охотничье хозяйство*, 5: 21-22.

76. Горелов, Ю.К. 1983. О необходимости подвидового подхода к охране и восстановлению генофонда. В кн.: *Популяционная изменчивость вида и проблемы охраны генофонда млекопитающих. Тезисы докладов Всесоюзного совещания (Пушино, 18-22 октября 1983 г.)*. М.: Наука.

77. Горелов, Ю.К. 1983. Серый варан. *Природа*, 4: 54-57.

78. Krivoloutski, D.A., Taskaiev, A.I., Khotko, E.I. Oussatchev V.L., Smirnova O.V., Mihaltsova S.A., Molodova L.P., Chouktomova I.I., Gorelov Yu.K. 1983. Recherches radioecologiques en reserves naturelles en biosphere. Pp. 23-24 in: *1st International Biosphere Reserve Congress, Minsk, Byelorussia, USSR, 26 September - 2 October 1983. Theses of reports of Soviet specialists at poster sessions. MAB, Bioresco '83.*

79. Горелов, Ю.К. 1984. Территориальные аспекты оптимизации охраны природного комплекса Бадхыза. С. 213-217 в кн.: *Проблемы охраны генофонда и управления экосистемами в заповедниках степной и пустынной зон. Тезисы докладов Всесоюзного совещания (21-25 мая 1984), Аскания-Нова. М.: Комиссия по заповедникам АН СССР.*

80. Демин, Ю.М., Горелов, Ю.К., Блузма, П.П. 1984. Частота гена комолости в популяциях аборигенного крупного рогатого скота Восточной Монголии. *Доклады АН СССР*, 275.

81. Криволицкий, Д.А., Семьяшкина, Т.М., Горелов Ю.К. и др. 1984. Накопление естественных и искусственных радионуклидов почвенными животными Туркмении. С. 157-160 в кн.: *8 Всесоюзное совещание «Проблемы почвенной зоологии». Тезисы докладов.* Ашхабад, 1984, кн. 1.

82. Горелов, Ю.К. 1985. Псаммофильные элементы в фауне Бадхыза и факторы, определяющие их распространение. *Проблемы освоения пустынь*, 6: 49-54.

83. Горелов, Ю.К. 1985. Стратегия и тактика охраны природы и генетического разнообразия отдельного региона (на примере Бадхыза). С. 52-57 в кн.: *Изучение и охрана редких и исчезающих видов фауны СССР.* М.: Наука.

84. Горелов Ю.К., Рустамов А.К. 1985. Обыкновенный длиннокрыл. *Красная книга Туркменской ССР. Т.1.* Ашхабад: Туркменистан. С. 31-34.

85. Горелов Ю.К., Рустамов А.К. 1985. Широкоухий складчатогуб. *Там же.* С. 34-37.

86. Горелов Ю.К., Рустамов А.К. 1985. Полосатая гиена. *Там же.* С. 43-46.

87. Горелов Ю.К., Рустамов А.К. 1985. Кулан. *Там же.* С. 73-77.

88. Горелов Ю.К., Рустамов А.К. 1985. Джейран. *Там же.* С. 81-86.

89. Соколов, В.Е., Горелов, Ю.К. 1985. Стратегия охраны животного мира пустынь Средней Азии и Казахстана. *Проблемы освоения пустынь*, 4: 20-26.

90. Горелов, Ю.К. 1986. Зоокультура и охрана генофонда наземных позвоночных фауны СССР. С. 24-27 в кн.: *Первое Всесоюзное совещание по проблемам зоокультуры. Тезисы.* М.: Изд. АН СССР.

91. Горелов, Ю.К. 1986. Принципы распределения краснокнижных видов и подвидов по категориям. В кн.: *Всесоюзное совещание по проблеме кадастра и учёта животного мира*, ч. 1.

92. Горелов, Ю.К. 1986. Роль рогов в жизни баранов. *Охота и охотничье хозяйство*, 2: 8-9.

93. Горелов, Ю.К. 1986. Стратегия сохранения генофонда исчезающих, сокращающихся и редких видов. В кн.: *IV съезд Всесоюзного териологического*

общества. Тезисы докладов. Москва, 27-31 января 1986 г., т. 2.

94. Горелов, Ю.К., Петрищев Б.И. 1987. Влияние типа поведения на возможность доместикации. В кн.: *Проблемы доместикации животных*. М.: Наука.

95. Горелов, Ю.К. 1987. Природоохранные аспекты разведения диких животных. С. 111-114 в кн.: *Проблемы доместикации животных*. М.: Наука.

96. Горелов, Ю.К., Саблина Т.Б. 1987. Красные книги: какими им быть? *Охота и охотничье хозяйство*, 1.

97. Горелов, Ю.К., Габидзашвили, Т. 1988. Сохранять или «улучшать»? *Охота и охотничье хозяйство*. 12: 16-17 [о среднеазиатских борзых].

98. Горелов, Ю.К. 1990. К проблеме современного состояния заповедников. С. 10-12 в кн.: *Заповедники СССР — их настоящее и будущее*. Новгород, ч.1.

99. Горелов, Ю.К., Лукаревский В.С. 1990. Об обитании хорасанского стеллиона (*Stellio erythrogaster* Nikolsky, Agamidae, Sauria) в советской части восточного Копетдага. *Известия Академии Наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 6: 63.

100. Соколов В.Е., Горелов Ю.К., Дроздов А.В., Камелин Р.В. 1990. Бадхызский заповедник. С. 198-214 в кн.: *Заповедники СССР. Заповедники Средней Азии и Казахстана*. М.: Мысль.

101. Ponomarev, V.V., Gorelov, Y.K. 1994. Independent Moscow Regional Ecological Monitoring and Recultivation Center on the base of expert social-informational technological integrated data bank as experience of adequatization. In: *Program of People to People International, Moscow City Council, Intel Service Center, Russian Ministry for the Protection of the Environment and Natural Resources, Moscow*.

102. Голубев, М.Л., Горелов, Ю.К., Дунаев, Е.А., Котенко, Т.И. 1995. О находке круглоголовки-вертихвостки *Phrynocephalus guttatus* (Gmel.) (Sauria, Agamidae) в Туркмении и её таксономическом статусе. *Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический*, 100(3): 31-39.

103. Горелов, Ю.К., Шаповалов, А.С. 1995. Кулан. С. 278-296 в кн.: Кучерук, В.В. (ред.). *Млекопитающие*

Туркменистана. Т.1: Хищные, ластиногие, копытные. Ашхабад: Ылым.

104. Горелов, Ю.К. 1998. Деятельность человека, влияющая на биоразнообразие Бадхыза. В кн.: *Актуальные вопросы охраны окружающей среды и устойчивого развития Туркменистана.* Ашхабад.

105. Горелов, Ю.К. 1998. Среднеазиатские овчарки — породная группа. *Друг*, 2(55): 50-52.

106. Горелов, Ю.К., Ишанов, И. 1998. Численность некоторых копытных Бадхыза. С. 100 в кн.: *Актуальные вопросы охраны окружающей среды и устойчивого развития Туркменистана.* Ашхабад. 1998.

107. Горелов, Ю.К. 1999. Кулан. С. 330-331 в кн.: *Красная книга Туркменистана. Т.1: Беспозвоночные и позвоночные животные.* Ашхабад: Туркменистан.

108. Горелов, Ю.К. 1999. Джейран. С. 334-335 в кн.: *Красная книга Туркменистана. Т.1: Беспозвоночные и позвоночные животные.* Ашхабад: Туркменистан.

109. Горелов, Ю.К., Ишадов, Н. 1999. Горный баран (уриал). С. 342-343 в кн.: *Красная книга Туркменистана. Т.1: Беспозвоночные и позвоночные животные.* Ашхабад: Туркменистан.

110. Горелов, Ю.К., Ишанов, И. 1999. Состояние копытных Бадхыза в 1998 г. В кн.: *VI съезд Териологического общества. Москва, 13-16 апреля 1999. Тезисы докладов.* М.

111. Горелов, Ю.К., Булатова Н.Ш. 2001. Рецензия на книгу А.С. Графодатского, А.И. Железновой, С.П. Князева, Е.Н. Мычко, И.И. Полетаевой, М.Н. Сотской «Генетика собаки» (Новосибирск: Новосиб. Гос. Ун-т, 1999). *Генетика*, 37(5): 716-719.

112. Gorelov, Yu.K., Bulatova N.Sh. 2002. Genetika sobaki (Dog genetics) by A.S. Grafodatskii, A.I. Zhelezova, S.P. Knyazev, E.V. Mychko, I.I. Poletaeva, and M.N. Sotskaya (Novosibirsk: Novosib. Gos. Univ., 1999): A Review. *Russian Journal of Genetics*, 37: 587 -590.

113. Лукаревский, В.С., Ефименко Н.Н., Горелов Ю.К., Ходжамурадов, Х.И. 2001. Современное состояние популяции уриала в Туркменистане. *Проблемы освоения пустынь*, 4: 40-46.

114. Горелов, Ю.К. 2003. Изменчивость кариотипа тёмной мышовки *Sicista severtzovi severtzovi* (Rodentia): к проблеме сохранения генофонда малых

популяций. С. 19-20 в кн.: Орлов, В.Н. (ред.) *Териофауна России и сопредельных территорий. (VII съезд Териологического общества). Материалы Международного совещания 6-7 февраля 2003 г.* М.

115. Горелов, Ю.К. 2003. Современное состояние аборигенных куланов Туркменистана. С. 92-93 в кн.: Орлов, В.Н. (ред.) *Териофауна России и сопредельных территорий. (VII съезд Териологического общества). Материалы Международного совещания 6-7 февраля 2003 г.* М.

116. О новой редакции стандарта САО от 23.05.2002 г. АСКА (Аборигенные собаки Кавказа и Азии), 1(6): 48-52, 2004. (В соавторстве с Беляковой С.В., Бранковичем З.)

117. Горелов, Ю.К. 2004. О происхождении и эволюции среднеазиатских овчарок и прочих молоссоидов. АСКА, 3: 4-5.

118. Горелов, Ю.К. 2005. Аборигенные чабанские собаки Средней Азии и прочие прамолосы. Взаимоотношения с внешним миром. АСКА (Аборигенные собаки Кавказа и Азии), 2(10): 46-58.

119. Горелов, Ю.К. 2005. Опыт нестандартного подхода к охране природы в Бадхызском заповеднике (Туркменистан). С. 68-71 в кн.: *История заповедного дела. Материалы международной научной конференции.* Борисовка.

120. Горелов, Ю.К. 2005. О размерах среднеазиатских овчарок. *Мир САО*, 3.

121. Горелов, Ю.К., Бегниязова, Ш.О., Курбанов, О.Р. 2005. Бадхыз — страна легенд и ветров. С. 94-104 в кн. *Уникальные природные комплексы Средней Азии и Казахстана. Предложения для включения в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО.* М.: Всемирный фонд дикой природы./ Gorelov, Yu.K., Begniyazova, Sh.O., Kurbanov, O.R. 2005. Badkhyz — the land of legends and winds. Pp. 159-162 in: *Unique nature complexes of Central Asia. Proposals for the list of UNESCO World Heritage natural sites.* Moscow: WWF.

122. Lukarevskiy, V.S., Gorelov Yu. K. 2007. Kulan (*Equus hemionus* Pallas 1775) in Turkmenistan. *Erforschung biologischer Ressourcen der Mongolei / Exploration into the Biological Resources of Mongolia*, 10: 231-240.

123. Горелов, Ю.К. 2008. Материалы по истории чабанских собак, овец и скотоводов Казахстана и прилегающих стран. *АСКА (Аборигенные собаки Кавказа и Азии)*, 3(17): 44-54.

124. Горелов, Ю.К. 2009. О происхождении и использовании человеком аборигенных прамолоссов востока Центральной Азии — монгольской и тибетской овчарок. Легенды, гипотезы, факты. *АСКА (Аборигенные собаки Кавказа и Азии)*, 2(19): 26-27.

125. Горелов, Ю.К. 2011. Медоед. С. 266-267 в кн.: Смирин, В. *Портреты зверей северной Евразии. Т. 2. Хищные*. М.: Изд-во Центра охраны дикой природы.

126. Горелов, Ю.К., Горбунов А.В. 2011. Полосатая гиена. С. 171-180 в кн.: Смирин, В. *Портреты зверей северной Евразии. Т. 2. Хищные*. М.: Изд-во Центра охраны дикой природы.

Юрий Горелов и Лена Горелова. Фото Ю.М. Роста, 1975.

Детство в Бадхызе

Раиса ГОРЕЛОВА

В 1970 г. на центральной базе заповедника в Моргуновке родились четверо детей: близнецы Олег и Дима Чистовы, Ира Сух и Лена Горелова. Бабушек и тётушек в Моргуновке у Лены не было, поэтому в положенный срок её определили в детские ясли. От нашего дома до ясель расстояние около километра. Мы её в ясли и обратно возили в коляске или на санках. А через год Юра сажал её себе на шею и вперёд. Позднее у нас появился мотоцикл. Лену усаживали на бензобак. Ей очень нравилось ездить на мотоцикле. Известна в заповеднике история с Федей Плешаковым. Он постарше наших детей лет на 5. Его папа — Гена Плешаков — зимой повёз в сад маленького Федю на санках. По дороге он свалился с санок, а ничего не заметивший Гена приехал в сад без маленького сына. Этот случай наши папы помнили долго.

Лена родилась в июле, а 25 августа Юра, возвращаясь из заповедника, привёз птенчика бегунка размером чуть больше грецкого ореха. Ему было не более 3 дней. Бегунка мы назвали Гушей. Он быстро вырос. Лена подросла и ей, конечно, очень хотелось поймать Гушу. Чтобы этого не случилось, Лену сажали в манеж, который смастерил Александр Петрович Гарманов из деревянных реек. Лена в манеже, а Гуша бегаёт вокруг. Лена смеётся, оба довольны. Если у Лены в руках яблоко, Гуша тут же между рейками заскакивает в манеж, хватая яблоко и был таков. Гуша был общительным. Мы были его стаей. Он обычно устраивался под стопами ног сидящего человека. Просил еду, теребя пальцы рук и ног. Чтобы он не скучал, когда нас не было дома, Юра прикреплял на нижнюю часть двери газету. Гуша её всю «прочитывал» — каждая буква была проклюнута. К сожалению, дружба с Гушей продолжалась только 1,5 года. Приезжие «научники» оставили открытой дверь дома на улицу, и Гуша улетел.

Раиса Горелова кормит Гушу, 1971.

Лена в феврале в восемь месяцев встала на ноги и начала обследовать квартиру. Первое, на что она обратила внимание — книги на стеллажах. «Читала» она их так: закладывала указательный пальчик за суперобложку, которая, естественно, рвалась сверху донизу. Закончив с одной книжкой, переходила к другой. Мы с трудом отучили её от этого. Уж очень ей нравились звуки разрываемой бумаги.

В этом возрасте случилась первая встреча Лены с животным — осой. Она расковыряла краску порога, а там, очевидно, зимовала оса. Лена взяла её в руки. Оса была вялая, но у неё хватило сил ужалить. И тут раздался такой крик, какого я никогда от Лены ни до, ни после не слышала. После этого события, увидев любое ползущее насекомое, она показывала на него пальцем и говорила строгим голосом: «Бо-бо».

Зима 1971—1972 г. в Бадхызе была суровой и снежной. Мы собирали в Моргуновке пострадавших птиц. У нас в квартире жила большая их компания. Они свободно разгуливали по квартире. Как только из ясель привозили Лену, она с воинственным возгласом забегала в квартиру, птицы прятались кто куда. Лена хотела близкого с ними общения, а они, естественно, её остерегались.

В такую зиму в заповедник можно было попасть только на бронетранспортёре. Погибло много домашних и диких животных. Юра привёз из заповедника умирающего тонкопалого суслика, который был настолько худ, что его тело болталось в шкуре, как в мешке. Лена сразу же взяла суслика в руки и стала кормить его печеньем. Веселил он Лену тем, что залезал на самую высокую в квартире точку, обычно это был Юра, садился ему на голову и обозревал окрестности. Так они поступают в природе. Со временем суслик отъелся и занялся делом — рытьём хода в соседнюю квартиру. Стены дома были из кирпича-сырца. Пришлось его отдать сыну Суха — Сергею. В их доме стены были из обожжённого кирпича. Там суслик прогрыз дыру в ковре, за что его переселили до конца морозов в баню.

Мы видели, что Лена животных не боится, даже змей. Прибегает к нам Вера Сух с белым лицом: «Юра, скорее! Лена держит змею за хвост и говорит: “Ира, я подержу змею, а потом тебе дам”». К счастью, это была неядовитая змея. После этого случая Юра решил показать Лене, что змеи могут быть опасными. Посадил в клетку крупного разноцветного полоза, объяснил, почему он запрещает ей к нему прикасаться. Полозы не ядовиты, но разноцветный полоз агрессивен. Лена кругами ходит вокруг клетки и поглядывает на папу, который делает вид, что читает газету, открывает клетку, протягивает к полозу руку, тот делает бросок и цепляет зубом палец. Лена молча отдёргивает руку, слизывает с пальца кровь и вновь руку в клетку. Хватает полоза за середину тела и вынимает его из клетки. И тут полоз показал свой характер. Он сделал выброс, зацепился зубами за платье. Оторвать полоза от платья Лена не может, полоз не может освободить свои зубы. До сих пор Лена молчала, но тут испугалась и закричала: «Папа, я не хочу,

чтобы он меня кушал!» Папа наблюдал за развитием событий, но не вмешивался, пока Лена не закричала. Опыт для Лены был полезен!

На усадьбу заповедника в клетке привезли молодого волка, которого освободили из капкана. Пострадала нога волка. Юра позвонил в военный госпиталь, договорился о рентгене лапы. Выйдя из конторы заповедника, он увидел возле клетки Лену. Просунув руки сквозь сетку, она обняла волка за голову и приговаривала: «Не бойся. Папа повезёт тебя к доктору. Он полечит твою ножку».

Однажды Юра привёз из заповедника выпавших из гнезд, полувзрослых, не умеющих летать птенцов змеееда и сипа. Поместили их в вольер во дворе нашего дома. Змеееда назвали Князем за степенность и осанку, а сипа — Колхозником. Он всё время был занят: перекладывал палочки с места на место, ковырял землю. Лене разрешалось заходить в вольер. Она в вольере разговаривает с птицами. Проходящая мимо бухгалтер заповедника Евдокия Фёдоровна Корольченко, испугавшись за Лену, кричит: «Лена, что ты делаешь?» Лена отвечает: «Они меня не боятся. Мы дружим». Евдокия Фёдоровна долго отчитывала нас — нерадивых по её мнению родителей.

В Моргуновке в большом вольере обитали куланы, архары и джейраны. Вольер закрывался на замок. Детям вход в вольер был запрещён. Они рвали зелёную траву и через сетку кормили животных. Одна взрослая однорогая архарка поддевала детей рогом, и они её побаивались. Иногда Юра брал Лену в вольер. На фотографиях видно, что Лена побаивается однорогого архарку. То ли дело у папы на плечах. Попробуй достань!

Однажды Юра пошёл на соседнюю с нами пограничную заставу. Лена, естественно, с папой. На заставах всегда были лошади. Лена видела их в первый раз, и они ей очень понравились. Она попросилась покататься на лошадке. Пограничник посадил её перед собой и шагом направил лошадь. «Быстрой, быстрой, ещё быстрой», смеясь, просила Лена.

*Ю.К.Горелов и Лена с однорогой
самкой архара. Фото Ю.М. Роста, 1975.*

Лена с Киссинджером. Фото Ю.М. Роста, 1975.

Были у нас и домашние животные. На усадьбе появилась кошка. Обошла несколько квартир. Приходим мы домой и видим кошку, лежащую на кровати. Вид независимый, на морде написано: «Жить будете со мной». Назвали мы её Пушка за роскошную пушистость. Вольностей она нам не позволяла. Лене, конечно, хотелось её взять в руки, погладить. Лене она царапала щеки, мне руки. А вот Юру не трогала. Принесла она двух котят: рыжего Флинта и серого с белым Киссинджера.

От общения с ними Лена получила массу приятных впечатлений. Она их кормила, расчёсывала, пыталась дрессировать. Юра с Леной ходили в баню с котами. И коты не сопротивлялись против мытья. Папе или дочке пришлось в голову красить котов краской для волос. Наши коты удивляли местных и особенно приезжих людей самыми разнообразными окрасами.

Лена очень равнодушна была к собакам, просила взять щенка, но, к сожалению, мы не могли на это согласиться, поскольку часто уезжали на территорию заповедника. Взять

Лена, 1971.

Лена, 1975

Лена и Дима Чистов, 1974.

собаку с собой нельзя, бросить без присмотра тоже нельзя. Её собаками были бесхозные собаки Моргуновки.

К трём годам, благодаря папе, Лена знала и понимала собачий язык. Могла подойти к любой собаке. Однажды она подошла к незнакомому ей огромному взрослому алабаю, стала ему что-то говорить. Алабай зевнул, Лена увидела его огромную пасть. Она не испугалась, но сделала шаг назад.

Как-то вечером в летнюю кухню, где мы кормили молоком наше кошачье население, пришёл ёж. Мы с интересом наблюдали, чем закончится приход незваного гостя. Ёж попробовал еду и ушел. Через 2-3 минуты ежиха вернулась со своим выводком. Вокруг миски стояли и ежата, и котята. У миски животным было тесно. Коты иногда шипели на ежат, а те наступали на котов колючими боками. Мы замерли, видя такое чудо! Следующими вечерами мы, особенно Лена, ожидали прихода ежей, но они не пришли. Жаль!

Юра говорил: «Дети людей в прекрасных отношениях с детьми зверей. Они доверяют друг другу. Когда я смотрю, с каким безрассудством мы порой стреляем, рубим, распиливаем, мне кажется, что со взрослым человеком природа совершила промашечку. Земля — прекрасное место для детей».

В заповедник часто приезжали студенты Туркменского университета. Лена, конечно, была с ними. Она любила показывать, как из норки надо достать паука или как разговаривают самка и самец кеклика или что-то другое. Студенты ходили за ней и записывали её «рекомендации».

Когда Лене исполнилось два года, мы решили взять её на полевые работы. В Кызыл-Джаре она раскопала скорпиона. Повезло, не успел ужалить. Лена летала с нами на вертолёте учитывать куланов. Вертолет чуть было не рухнул. Пилот первый раз летал в овраге Кызыл-Джар. В Еройландузе Лена пыталась догнать эфу. Спас её Володя Потапов, бросив между Леной и эфой штатив киноаппарата. Мы поняли, что наша идея брать Лену на полевые работы опасна. Второй раз я взяла

Моргуновка, апрель 1976. На фотографии Лена сидит в правом нижнем углу рядом с Юрой. Слушает его лекцию для студентов. Преподаватель ТГУ – Меред Сапарович Сапаргельдыев. Из архива А.В. Горбунова.

Лену в поле, когда ей исполнилось пять лет. И это попытка была очень опасной. Больше Лену мы не возили в заповедник. Да и я редко стала бывать на территории заповедника.

Бывая в Москве, мы обязательно привозили Лене детские книги, диафильмы, пластинки. В Моргуновке выписывали детские журналы. Помню, с каким удивлением Лена рассматривала в «Весёлых картинках» рисунок детей, бегающих босыми ногами по траве. «Как они бегают по траве? Она же колючая!» Да, наши дети не знали зелёной неколючей травы. В 1976 г. мы едем в вагоне Кушка-Москва. Переезжаем Волгу и видим зелёное море высокой травы. Пассажиры, конечно, высыпали в проход и прильнули к окнам. Для людей, живущих в Туркмении, это удивительная картина. И тут наша Лена выдала: «Сколько травы пропадает. наших бы животных

из заповедника сюда». Развеселила народ.

Книги Лене читала я. Папа был очень занятым человеком. Однажды она просит меня почитать. Я была занята и отправила её к Юре. Нужно было видеть и слышать её вопрос: «Наш папа буквы знает?!» А вот экскурсии на речку Кушку — это с папой. Очень любила Лена ходить с папой на Кушку-речку собирать красивые камушки. В её комнате лежала гора камней не меньше десяти килограммов. Однажды Лена окликает Юру: «Папа, я нашла камень, но он большой и я не могу его поднять. Помоги мне». Оказалось, она нашла кусок окаменевшего дерева. Естественно, Юра рассказал ей о находке, а она всем приходившим к нам показывала её и пересказывала историю дерева.

С большим удовольствием Лена смотрела диафильмы, слушала пластинки и книжки. Любимой её пластинкой была «Дюймовочка». Слушали мы её часто и каждый раз Лена горько плакала по умершей ласточке. Потом мне пришлось в голову пропускать это место. Прости нас, ласточка.

Как-то я на несколько дней улетела в Мары. Беспokoилась за Лену. Как она будет без меня. Но Юра не зря читал Марка Твена. Он выдал Лене зелёную краску, щетку, и она на зависть всем детям красила наш забор. Иногда давала щётку кому-то из детей. Выстроилась очередь из желающих красить. Все были довольны. На нашем маленьком аэродроме, который был в трехстах метрах от нашего дома, меня встречали зелёные человечки. С папой Лене никогда не было скучно!

В заповедник приезжало много разных людей, но один из них был особенный. Это Слава Шалаев — человек с золотыми руками. Увидев, что дети приспособили для игр старый в нерабочем состоянии автомобиль, он придумал и построил для них деревянную избушку на курьих ножках. Избушка получилась замечательная, и дети с удовольствием «поселились» в ней.

Иннокентий Синёв предложил заниматься с детьми английским языком. Мы, конечно, с удовольствием согласились. К сожалению, занятия продолжались недолго. Но

Соседские дети и Лена, 1973. В центре — Юсуп Реджепов.

Саша (внучка А.А. Бащенко) и Лена, 1974. Лена и Дима Чистов, 1974.

*Лена, Максим Кузнецов, Ира Сух,
Иван и Антон Кузнецовы, 1975.*

На кордоне Кепеле, 1975.

кое-что Лена запомнила. Как-то Юра за что-то наказал Лену, а она в ответ шепотом: «Крокодайл». Лена была удивлена тому, что папа понял сказанное слово. «Ты же не учил английский язык!?»

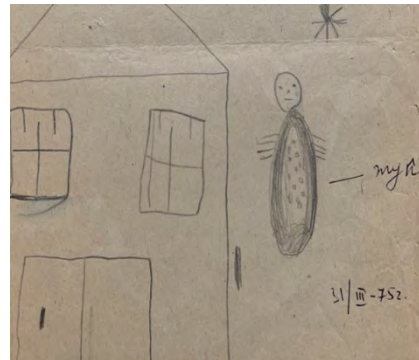
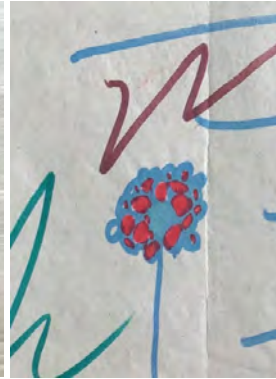
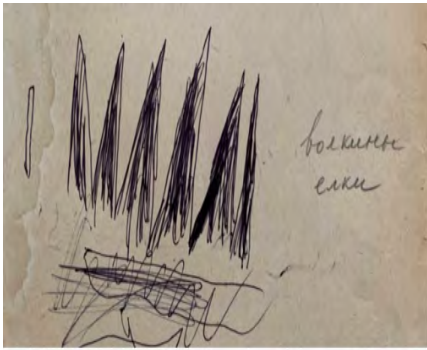
Наши дети хорошо общались, но Лена очень расстраивалась отсутствием у неё брата и часто просила Иру Сух: «Пусть Серёжа будет ВСЕХНИМ братом». Но Ира не соглашалась делиться своим 14-летним братом.

Для Лены был большой радостью приезд в заповедник 14-летнего Кости Горелова, сына Юры от предыдущего брака. Лена к нему прилипла. Они любили рисовать шаржи друг на друга.

Слева, шарж Кости на Лену; справа, шарж Лены на Костю, 1975.

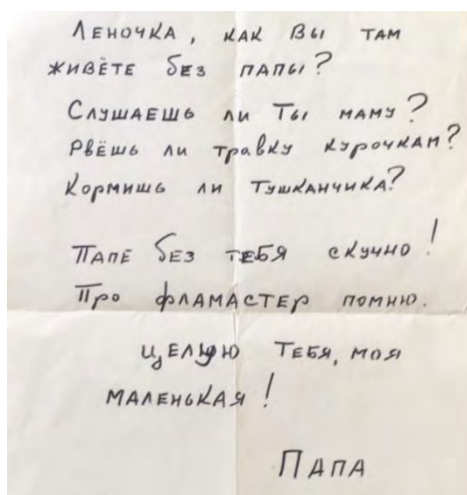
К рисованию у Лены интерес возник рано. Года в два она взяла в руки карандаши. Часто рисовала простым карандашом. Конечно, сначала это были «абстрактные» рисунки. К 4 годам появились рисунки домов, солнца, животных и цветов. Пока Лена не умела писать, я спрашивала ее, что она нарисовала. Ответы я записывала рядом с рисунком: «дом Франция», «воронина голова», «жук», «жар-птица» и многие другие.

Рисунки Лены 1974—1976 гг.

На левом нижнем рисунке дом, цветы, труба с дымом, солнце и железная дорога, которая была в 150 метрах от дома. Жить она нам не мешала, поезд ходил два раза в сутки.

В каком возрасте Лена начала читать, не помню. Сохранилось письмо Юры к Лене, написанное им из Москвы в 1975 г. Около пяти лет она уже читала.

Пыталась я учить Лену музыке. В шесть лет определила её в кушкинскую музыкальную школу. Но, к моему сожалению, на следующий год Лена объявила учительнице: «Я к вам больше не приду». Учительница растерялась: «Почему?» «Это мама хочет, чтобы я училась музыке, а мы с папой не хотим».

В семь лет Лену в силу обстоятельств отправили к моим родителям, где она закончила первый класс. Когда Лене исполнилось восемь лет, мы уже переехали в Черноголовку. Первая встреча Лены с животными здесь была небезопасной. Она отвоевала у мальчишек дикую серую крысу, которую те посадили в банку и несли её жечь. Лена принесла её домой. Первое время в Черноголовке Лена часто вспоминала Туркмению и постоянно спрашивала нас трагическим голосом: «Зачем вы увезли меня с моей родины?»

В 1979 г. Юра из экспедиции в Бадхыз привёз щенка среднеазиатской овчарки — Айгюзель. Исполнилась мечта Лены иметь собаку. А потом у нас были Гюзель и Султан — память о Туркмении, память о Бадхызе.

Лена, Султан, Гюзель. 1995.

*Публикуется впервые.
Фото из архива семьи Гореловых.*

«Бадхызцы» на 75-летнем юбилее Горелова.

Черноголовка, июль 2006.

*Верхний ряд: С. Белякова, И. Синёва, В. Приходько,
С. Букреев, Ю. Рост, В. Лукаревский.*

*Нижний ряд: А. Шаповалов, И. Синёв, Г. Загарская,
Р. Горелова, Ю. Горелов, Д. Пономаренко, А. Крупко.*

Фото В.К. Крупко.

*Виктор Фет и Светлана Костик.
Бадхыз, кордон Кызыл-Джар, 9 апреля 2002.
Фото А.В. Громова*

Письмо из Кушки

Светлана КОСТИК

С Юрием Константиновичем я познакомилась в далёком 1961 г. Я тогда стала сотрудником заповедника. На меня он сразу произвёл сильное впечатление своим живейшим интересом ко всему окружавшему его. В те далекие годы штат нашего заповедника составлял всего 21 человек, но мы были молоды, активны, понимали, что значит заповедник для охраны природы.

Юрий Константинович руководил научным отделом заповедника. Он считал, что независимо от того кем ты работаешь в заповеднике, главная твоя работа — охрана заповедника. Девиз Горелова: «Нам некого будет изучать, если мы не сохраним природу». Под его руководством и при его участии в безводных участках заповедника были устроены искусственные водопой для диких животных и их бесперебойная работа во время летнего периода. Регулярно проводилась расчистка естественных родников. Благодаря водопоям и охране значительно увеличилось поголовье куланов. Благодаря Юрию Константиновичу были организованы два метеопункта. Журнальные записи метеонаблюдений до сих пор хранятся в научном архиве заповедника. Юрий Константинович занимался сбором коллекционных материалов для музея заповедника. Под его началом научная библиотека постоянно пополнялась научными изданиями и текущими научными журналами.

Его непримиримая борьба с браконьерством, высокая настойчивость и принципиальность в организации охраны природы Бадхыза, удивительная целеустремленность, честность много стоили. Он навсегда оставил след в истории Бадхыза и добрую память о себе.

«Черноголовская газета», №38 (1470), 19 сентября 2019, с. 12

Затерянный Бадхыз, или 12 заповедных историй

Надежда СКАЛОН

Не перестаю удивляться, сколь насыщенным был тот небольшой кусочек жизни, что я провела в Бадхызе. Это были каких-то семь-восемь месяцев, но, кажется, и сотни страниц не хватит, чтобы описать все мои открытия, радости и беды того времени. Я выбрала самые интересные сюжеты — и вот они, мои истории.

История первая: по речке на амфибии

От большинства вузов до Бадхыза — тысячи километров. Но студенческие группы в заповеднике — обычное дело. Так и я, студентка второго курса Новосибирского университета, оказалась здесь вместе с однокурсниками.

Было это в апреле 1976-го, когда нам, вольным слушателям факультета общественных профессий по специальности «охрана природы» при НГУ, организовали визит туда, где ее, природу, охраняют на практике.

Нас немного — несколько девочек, юный исследователь бабочек Володя Дубатолов (ныне известный лепидоптеролог) и во главе — Михаил Поляк, учёный-физиолог. Наша цель — посёлок с забавным для непривычного уха именем: Моргуновка. Я ещё не знаю, что скоро с этим местом меня свяжет много общего и годы спустя сердце будет щемить от воспоминаний о нём. Ведь именно здесь я начну настоящую взрослую жизнь.

Но до этого ещё целый год.

А пока мы прибываем в столицу Туркмении и садимся в поезд Ашхабад-Кушка... Каждый советский школьник рано или поздно слышал на уроке географии: Кушка — это самая южная точка Советского Союза. И нам — только подумать — сюда: Моргуновка — предпоследняя станция.

На первый взгляд, Моргуновка — обычная туркменская деревня, не слишком зелёная и совсем равнодушная к архитектуре. Но это только на первый взгляд. На её окраине — усадьба заповедника, серпентарий и вольер с дикими копытными. Где ещё ты встретишь такое?

Итак, в апреле 1976 десантировались здесь и мы. Заселились в один из домиков заповедника, и пока решались оргвопросы, отправились к речке Кушка, что протекает к северу от посёлка. Летом эта речушка спокойная и мелкая. В апреле 1976-го — совсем другое дело: она просто разбушевалась. Мутная вода вышла из берегов, течение настолько мощное, что сбивает с ног.

В дороге мы встречаем военных. Людей в погонах в Бадхызе вообще очень много — с ними дружат и немножко воюют. Те, кого встретили мы, едут на автомобиле-амфибии и зовут всю нашу компанию «прокатиться» через реку — предложение мы с удовольствием принимаем. Это чудо инженерной мысли — амфибию — я вообще встречаю впервые: помню, как по ту сторону окон плескалась коричневатая мутная вода Кушки, а на жёстких сиденьях нас изрядно потряхивало.

И вот, наконец, директор выделяет нам сопровождающего и ГАЗ-66 (самая любимая здесь машина), и вся наша группа отправляется в заповедник. До него от Моргуновки — 90 километров.

История вторая: первый визит

Дорога в заповедник грунтовая, иногда это просто «стиральная доска»: так местные водители называют участки с частыми неровностями. Справа и слева — холмы, первые впечатления — ошеломительные.

Весенний Бадхыз 1976 года — это ковры цветов и парящие в небе хищные птицы во множестве. Вдалеке — стайка антилоп-джейранов — газели подпрыгивают как будто невесомо, чуть зависают в воздухе, вновь легко касаются копытцами почвы и снова взлетают. Нигде ни до, ни после этого я не встречала такого богатства фауны.

*Контора Бадхызского заповедника, 1970-е годы.
Фото А.А. Тетенко.*

К вечеру добираемся до Еройландуза — гигантской впадины с солёным озером и горками замысловатой формы, окаймлённой высокими чинками-обрывами. Кажется — ты попал в затерянный мир Конан Дойля. Ещё немного — и вон из-за той горки выйдет «доисторическое» животное, обитающее здесь с времён динозавров.

Кстати, немного позже, уже снова в Моргуновке, нам как раз покажут такого «динозавра», обитателя здешних мест: ярко-полосатого варана длиной около метра. Я и представить не могла, что в одной со мной стране водятся такие создания.

Это была моя первая, очень короткая, дней на пять, поездка в Бадхыз. Мы приехали познакомиться с принципами охраны природы и увидели воочию, какие прекрасные результаты даёт многолетний запрет на охоту и выпас скота и усилия по охране.

Но лично у меня, признаюсь, был ещё один тайный смысл поездки. Так совпало, что месяца за три до этого мы с однокурсницей затеяли переписку со старшим охотинспектором заповедника Александром Тетенко — его

адрес нам выдал преподаватель-зоолог из НГУ Валентин Заика.

Это совпадение изменило всю мою жизнь. За пару дней до отъезда из Бадхыза мы познакомились с нашим другом по переписке. Хорошо помню дикорастущие жёлтые тюльпаны, которые он принёс нам на встречу — эндемик здешних мест.

А год спустя я оставила новосибирский Академгородок, в котором выросла, и приехала сюда снова. Но уже не в экспедицию, а жить. «Ну, бывай, пяточок», — написала мне подруга.

История третья: быт сотрудников

Когда покидаешь Академгородок, где женщины и мужчины на улицах спорят о научных теориях и экспериментах, и отправляешься туда, где за будущую жену платят калым, ты невольно воспринимаешь это как путешествие в другую страну. Такие контрасты в одном государстве — это что-то из разряда невозможного.

Но в детстве я начиталась книг о защитниках зверей и, казалось, ради их спасения можно было чем-то и пожертвовать. И вот я снова в Моргуновке, июль, 1977 год. Бадхыз стал другим — больше нет цветочных ковров до горизонта — всё высохло. Река Кушка вернулась в своё обычное русло, чабаны пасут овец на её берегах, а солнце ещё злее, чем весной.

Позади споры с мамой, умолявшей не торопиться менять жизнь, и грустные советы добрейшего папы. Впереди — жизнь в большой туркменской деревне, где мы занимаем половину домика из саманного кирпича.

Вот он, быт молодых сотрудников заповедника: две комнатки с крашеным деревянным полом, маленькая электроплитка на две конфорки (есть электричество!), на случай недолгих холодов — печка-буржуйка, которую топят дровами. Наш «водопровод» — это кран снаружи дома с солоноватой водичкой. Наша музыка — транзистор на подоконнике и шокирующий с непривычки крик ишаков. Наша ванная — баня в доме друзей с пресной водой. По стенкам бегают хозяин дома — геккон, а при случае может забрести и фаланга — довольно крупное паукообразное.

Бадхыз, 1977. Фото А.А. Тетенко.

Кушкинский продмаг даже немного радуется: здесь, в отличие от большинства советских магазинов, иногда продают сливочное масло, мясо, тушёнку и очень популярный у всех путешественников СССР венгерский колбасный фарш «Ланчен мит».

Потихоньку быт налаживается. У жителей посёлка мы покупаем молоко по 30 копеек за литр и куриные или индюшьи яйца. Чего в Моргуновке по-настоящему много, так это фисташек — фисташковые рощи есть и в заповеднике, и около него. Фисташку здесь солят, жарят, едят сырьём. А ещё, по слухам, используют вместо «борзых щенков» — мешками везут в министерства, чтобы «пробить» какие-то важные вопросы.

Тем временем я привыкаю пить зелёный чай и учусь переносить жару. Слава богу, на улице, рядом с домом, топчан — дощатая кровать, и я очень скоро понимаю, зачем он: к ночи спускается прохлада, и это — лучшее место для сна. Засыпая, можно слушать стрекот цикад, смотреть на звёзды и месяц-кораблик. Ночь на юге такая непроглядная, какой не встретишь в других краях. А звёзды настолько яркие, что кажется: ты в космосе.

История четвёртая: это не курорт

Правда, вскоре мне пришлось отказаться от этих «космических» засыпаний по весьма прозаичной причине. Я узнаю, что здешние москиты переносят кожный лейшманиоз — пендинскую язву. Болезнь эта не смертельная, но очень уж неэстетичная: после укуса на коже появляется огромная, до пяти сантиметров в диаметре, язва, не заживающая несколько месяцев и оставляющая грубые рубцы на коже. Иногда такие язвы могут появиться и на лице — позже я встречала немало туркмен с её следами. О каких-либо прививках против кожного лейшманиоза и сколь-нибудь эффективном его лечении в те годы не было слышно, мысль заполучить «пендинку», конечно, не воодушевляла.

Отправляясь сюда, я вовсе не думала, что буду жить на курорте — как студент-биолог, я привыкла к экспедициям и бытовым неудобствам. Но экспедиция — это месяц или два. А здесь надо было обустраиваться надолго.

При ближайшем рассмотрении ты понимаешь: изобилие в здешних магазинах весьма относительное. Почти никогда в них не купишь фрукты, хотя, казалось бы, здешний климат идеален для винограда, яблок и много ещё чего. Не купишь в магазине и знаменитые туркменские дыни, выросшие без полива и необычайно сладкие. Трудно найти самые простые домашние товары — по письмам маме я вспоминаю, что мы смогли купить зеркало только в Ашхабаде.

Дома приходится беречь продукты от вездесущих муравьёв. Сливочное масло, за неимением холодильника, хранить в солёной воде и регулярно очищать от прогорклости.

Что ж, «трудности закаляют характер», — так писала мне мама в те годы. В письмах она наставляла меня учиться и углублять знания, сильно опасаясь, что Моргуновка — не совсем подходящее для этого место.

История пятая: первая работа

По переписке с родителями тех лет я вижу, как они переживали, в каком обществе я окажусь в Туркмении и чем буду заниматься. «Мы с отцом мечтали, что ты станешь учёным и жизнь твоя будет проходить среди культурных людей

в культурном центре... А ведь в Кушке нет даже библиотеки», — горевала мама. Но всё здесь оказалось далеко не так трагично.

Богатейшая библиотека была у Юрия Горелова — одного из старожилов заповедника, с которым меня вскоре познакомили. На полках я вижу редкие биологические книги, о которых во время обучения в вузе мы только слышали, и восхитительный набор научной фантастики.

Собственно, Горелов и сам по себе — источник знаний, а его квартира — это немного музей: в одной из комнат на потолке каким-то образом сооружен уголок полупустыни Бадхыза (по понятным причинам вверх ногами) с сухими, но настоящими растениями.

*Кызыл-Джар, 1977. В центре — егерь Виктор Злобин.
Слева от него Виктор Фет и Александр Тетенко.
Внизу — Надежда Скалон. Фото из архива автора.*

Потихоньку я знакомлюсь с научным отделом — многие из них тоже, как и Горелов, увлечённые люди. Обаятельная супруга Горелова Раиса — орнитолог. Виктор Фет — арахнолог, и у него тоже неплохая библиотека. Алексей Целлариус — герпетолог. Лена Кузьмина — почвовед, выпускник МГУ.

Самой загадочной личностью тогда казался Иннокентий Синёв. Работал он то ли на метеостанции, то ли в заповеднике. Каждый, кто о нём слышал, ломал голову над тем, что же делает в самой южной точке Советского Союза человек, прекрасно владеющий английским и — по некоторым данным — даже японским. Разумеется, предполагали, что он законспирированный разведчик. Синёв эти слухи не развеивал.

Вот в этот коллектив мне предстояло влиться. Честно говоря, я плохо понимала, чем займусь — ведь мне только-только исполнилось 19. Специальности нет, за спиной — три курса вуза, увлечение стрекозами и всё. Маловато, конечно, — но я всё же рассчитывала, что пригожусь.

Однако директор заповедника — им тогда был Валерий Кузнецов — неожиданно говорит: вакансии для меня нет. Что там произошло, не берусь судить. Помню лишь, что Горелов, узнав, что я сижу без работы и мы живём на одну зарплату, лично пошёл к директору и стал доказывать ему, что нуждается в лаборанте.

Юрий Константинович, к тому времени известный в стране специалист по сохранению кулана и других редких животных в естественных условиях, был, надо сказать, человеком широких интересов. В Еройландузе он сделал потрясающую находку — множество окаменевших отпечатков лап птиц возрастом в несколько миллионов лет. Отпечатки Горелов давно принёс в контору заповедника — они были на плоских, как бы расслоившихся, камнях и хранились в бумажных пакетах. И он заявил директору: их необходимо описать, составить картотеку, а без лаборанта материал пропадёт, что было несомненной правдой.

Стороны (Горелов и Кузнецов) вели бурные переговоры. По ходу дела выяснилось: заповеднику нужен ещё и человек для сбора верблюжьей колючки — корма для диких копытных, содержавшихся в большом вольере в усадьбе. И это вполне посильная работа для юной особы. В общем, меня взяли —

правда, всего лишь на полставки: на 55 рублей. Верблюжью колючку — не очень-то и колючее растение из семейства бобовых — я находила в пойме Кушки, резала и приносила к вольеру.

А в конторе я трудилась над описанием отпечатков: замеряла углы между пальцами и их длину. Потом брала перфокарту и остро отточенным карандашом перерисовывала на неё след с максимальной точностью, присоединив также описание. Раиса Горелова сидела рядом и давала мне советы.

Иногда среди отпечатков попадались следы древних млекопитающих, беспозвоночных, растений и даже... капель дождя (по крайней мере, это было одно из объяснений). В общем, я чувствовала себя начинающими палеогеографом — вот он, тот самый затерянный мир Конан Дойля, предчувствие меня не обмануло.

Но закончить работу с отпечатками мне все-таки не пришлось. Мы и ещё несколько сотрудников уже в 1977 году задумали покинуть Бадхыз. Почему? Отдельный разговор.

И вот мы узнали, что в Туркмении, в горах Западного Копетдага, вот-вот откроется новый заповедник. В тех краях почти не осталось диких животных и вот-вот вырубят последнюю арчу, уникальное дерево. И туда набирают персонал. Горелов описывал нам эти края как райские — деревья по берегам рек увиты виноградом, в поймах — гранатовые и ореховые рощи...

Сейчас я понимаю, что расширение сети заповедных территорий было большой победой учёных над административно-хозяйственной системой. Но тогда мы, конечно, думали не о научных победах — мы решали свою судьбу. Поэтому в 1978 году покинули Бадхыз, чтобы начать жить и работать на новом месте.

А Бадхыз навсегда остался в моём сердце.

История шестая: мостик в прошлое

Тут надо сделать небольшое, но любопытное (на мой взгляд) отступление. На самом деле с Бадхызом я познакомилась, сама того не подозревая, задолго до первого приезда — ещё в новосибирском Академгородке. Мне было тогда лет 11 — вряд ли больше.

По городку разнеслась ошеломительная весть: где-то в районе коттеджей учёные... завели осла. Лишь много лет спустя я узнала от Горелова: это ведь он подарил маленького ослика новосибирскому биологу Николаю Воронцову, приехавшему в экспедицию в Бадхыз с дочкой Машей. Горелов со смехом рассказывал, как помогал загрузить сопротивлявшееся животное в экспедиционный автомобиль.

Ослика в городке звали Яшей. Он расхаживал вокруг коттеджа на улице Воеводского, чужие люди ему не нравились, за назойливость мог при случае и лягнуть. Он был бадхызской достопримечательностью Академгородка — потом его, видимо, отдали в зоопарк.

*Новосибирский Академгородок, 1969.
Бадхызский ослик Яша во дворе дома А.А. Ляпунова
(ул. Воеводского, 4). Слева: Алексей Андреевич Ляпунов,
справа: Анастасия Савельевна Ляпунова.
В центре — автор. Фото из архива автора.*

Эта история с появлением в Городке Яши, подробности которой я узнала только от Горелова в 1977 году, в общем-то, не только о странностях учёных. Она и о самом Бадхызе — он был очень притягательным для самых разных людей. Кроме студентов сюда приезжали учёные и кинооператоры, телеведущие и журналисты. И здесь, за тысячи километров от больших городов, ты мог запросто поговорить с какой-нибудь мега-знаменитостью — например, с телеведущим Николаем Дроздовым, публицистом Василием Песковым или учёным Андреем Банниковым.

Помню, что в Бадхыз приезжала киногруппа Владимира Потапова — позже мы поближе познакомились с ним и его «соратниками» Марком Фуксом и Ириной (супругой Потапова). Потапов был человек с чувством юмора и, пожалуй, весьма ироничный. Природа Туркмении его, как мне казалось, приводила в восторг. Он мог долго рассказывать, как снимал большую стаю пеликанов или другой яркий эпизод.

Чем так притягивал Бадхыз? Гостей — экзотичной природой, изобилием живности и, наверное, тем, что её охраной и изучением занимались энтузиасты. Тех, кто ехал жить и работать — возможностью заниматься любимым делом и бывать наедине с природой. Кто-то приезжал, стремясь убежать из одной реальности в другую — не удивительно, что здесь порой задерживались настоящие чудачки.

К тому же в заповеднике от нас не требовали, как в городах, регулярно выражать политическую лояльность — за полгода работы не помню ни одного комсомольского собрания или политинформации, без которых в те годы не обходилась жизнь в городах. Впрочем, избежать участия в праздничных демонстрациях не удалось и мне — я побывала на ноябрьской в Кушке в 1977-м. Маленькая колонна сотрудников заповедника шла вместе с туркменскими колхозами. Мы посмеивались над тем, что наш директор каким-то непостижимым образом похож на главного большевистского вождя, портрет которого нёс кто-то из коллег.

История седьмая: харизматичный Горелов

А теперь вернёмся снова к тем людям, которые создавали здесь особую атмосферу. Много лет душой заповедника был Юрий Горелов, о котором я уже упоминала выше. Профессиональный зоолог, много лет изучавший местную фауну, он объездил территорию Бадхыза вдоль и поперёк. Он и сам задерживал браконьеров, незаконных охотников за фисташкой и скотоводов, гонявших на территорию заповедника овец.

О его борьбе с нарушителями писали много. Сейчас, столько лет спустя, мне представляется главным его подход. Часть учёных в те годы считала, что популяции редких животных надо размножать в особых условиях — в зоопарках, на огороженных территориях, как, например, в Аскании-Нова. А затем переселять в естественные экосистемы.

У Горелова была другая мысль: надо создавать условия для восстановления естественных экосистем. Эту задачу как раз решала борьба с браконьерством и выпасом скота на запретной территории. Но не только.

Горелову, насколько я знаю, принадлежала идея обустройства родников для диких животных. В засушливое время, когда пересыхали реки, они уходили в поисках воды далеко за пределы заповедника (а его территория не огорожена) и тем самым подвергались опасности со стороны охотников. Организованный водопой удерживал животных в границах заповедника. Устраивали родники рядом со старинными колодцами. Александр Тетенко вспоминал, что воду из колодцев качали насосы, работавшие на бензине. Вода накапливалась в бетонной «ванне» — её как раз и соорудили сотрудники.

У этого подхода, к слову, были противники. Они, например, считали: человек таким образом мешает естественным регуляторам численности животных, а их нерегулируемое размножение нанесёт вред экосистемам Бадхыза. Но Горелов, пока мог, боролся за расширение территории заповедника и, к тому же, Бадхыз регулярно «делился» редкими животными с другими охраняемыми территориями. Так или иначе — численность редких животных, которым раньше грозило вымирание, за время работы заповедника существенно

выросла.

В 1970-х годах подходы и идеи Горелова полностью разделяла группа молодых охотинспекторов. Они следили за состоянием родников, регулярно их расчищали и восстанавливали, если их разрушали верблюды — а эти домашние животные бродили в Бадхызе во множестве. Они же вели принципиальную борьбу с браконьерами. Для охотинспекторов того времени, как и для Горелова, браконьер был преступником и никем иным.

А браконьерство в те годы приобрело самые разные формы. Представьте: ночь, темень полнейшая, машина въезжает на территорию и светит фарами — «фарит», как тогда говорили. Если на дороге попадает животное, оно на короткое время слепнет от света и замирает — его тут же легко отстреливают.

С учётом изобилия животных в Бадхызе наткнуться ночью на архара, джейрана и другое пригодное в пищу животное браконьерам было не сложно. Особенно этим «развлекались» военные и пограничники — этих, казалось, вообще никто не способен остановить. Но охотинспекторы пытались: ставили ночью машину на пригорке, выключали фары, высматривали, если обнаруживали — гоняли и вылавливали.

Горелов, а вслед за ним и охрана, использовали для защиты заповедной территории ещё один интересный способ: крупные гвозди. Механик Анатолий Сундуков брал железнодорожные гвозди, которыми прибивают шпалы к рельсам, затачивал их, а охотинспекторы вкапывали их в грунт на подъездах к заповеднику. Браконьерские машины натыкались на них колёсами — и останавливались намертво. «Это была партизанская война с браконьерами. Идею гвоздей, насколько я знаю, принёс работавший в заповеднике фронтовик Алексей Афанасьевич Бащенко», — рассказывал автору этих строк Александр Тетенко...

Горелов был выше среднего роста, имел спортивное телосложение. Я запомнила его светловолосым — наверное, волосы выгорали на солнце. В 1977 году я написала о нём родителям: «Любит шутить, любит поучить, потому что находит максимально корректные решения. Очень экспансивен: может накричать — впрочем, только не на женщину».

Его семья была очень хлебосольной, мы частенько проводили у них время. Я помню, как сам Горелов пёк по поводу какого-то очередного праздника блины сразу на двух сковородках, ловко переворачивая их, подбрасывая в воздух. Стопка блинов быстро достигла высоты сантиметров 15—20.

Что было самое замечательное — так это дружелюбная и открытая атмосфера в семье, благодаря которой ты понимал: здесь ты дома. Нет никакой глубинки, никакой чужой страны — ты опять в центре цивилизации.

Незадолго до моего приезда в Бадхыз об успехах Горелова в восстановлении численности кулана написал какое-то центральное издание — и его, как мне рассказали, забросали письмами читатели. Друзья, обожавшие над ним подтрунивать, утверждали, будто бы одна девочка написала ему: «Юрий Константинович, как вам удалось увеличить численность куланов, ведь они так быстро бегают?..» Все весело смеялись. Смутить такими шутками Горелова было невозможно.

История восьмая: «подпольный миллионер» Орлов

Ещё одной знаменитостью Бадхыза был Юрий Александрович Орлов — «змеиный начальник», а точнее — директор местного серпентария, поставлявшего высушенный змеиный яд для науки и медицины.

Змеепитомник, видимо, был отдельным учреждением и не входил в состав заповедника. Но он находился в той же части Моргуновки, где обитали все мы, и потому Орлов был частью местного сообщества.

Про Орлова ходили слухи самые невероятные. Утверждалось, например, что он весьма богат — чуть ли не подпольный миллионер. Хотя откуда богатство у простого советского служащего?

Поговаривали ещё, будто бы собрания сочинений писателей он покупал... килограммами. Якобы он как-то сказал что-то вроде: «Недавно купил пять кило Джека Лондона». Фразу эту мы, конечно, воспринимали как шутку Орлова, хотя и очень специфическую.

Мясо, которые мы, простые сотрудники заповедника, с трудом добывали бог знает как и где, Орлов покупал тушами.

По его же собственным словам, которые слышала я, у него в холодильнике хранилась разделанная туша коровы. Откуда он взял холодильник такого размера и деньги на покупку такого количества мяса, никто из нас не знал и, очевидно, из вежливости не спрашивал.

Орлов и Горелов были примерно одного возраста — последнему в 1977 году было 46 лет. Как-то я присутствовала при дружеском споре между ними. С чего он начался, сказать трудно, но в конце концов Горелов заявил, что может легко пройти пять метров на руках (!) прямо по дороге. Орлов поставил на кон бутылку сухого вина — утверждал, что тот этого сделать никак не сможет.

Горелов, недолго думая, встал на руки и прошагал ровно столько, сколько обещал — эта сцена до сих пор стоит у меня перед глазами. Орлов тут же пригласил всех зрителей и участников к себе на распитие алкоголя. Он всегда держал у себя несколько бутылочек отличного красного сухого вина, которое будто бы помогает при укусе змеи.

Помню, что в качестве закуски в тот день Орлов предложил нам испробовать бутерброды... с сырым мясом. «Мясо свежайшее, сам выбирал», — гарантировал он. Словом, человеком он был весьма неординарным и экзотичным, как, впрочем, и многие другие люди Бадхыза.

Между тем, насколько мне известно, Орлов первым в стране практиковал новый способ содержания змей — который ему посоветовал Горелов, пригласивший Орлова работать в Бадхыз. До того все серпентарии страны держали пресмыкающихся в клетках и выдаивали яд вплоть до гибели животного. Орлов же содержал их в больших вольерах с весны до осени, а перед холодами увозил подальше от населённых пунктов и отпускал. Досрочно отпускали в природу змей, получивших ранения в процессе отлова.

Часть выпущенных пресмыкающихся, вероятно, всё же погибала в природе, но другие успевали восстановиться, набрать вес, перезимовать и даже оставить потомство. Тем самым Орлову удавалось минимизировать ущерб природной популяции пресмыкающихся и не нарушать баланса численности грызунов, которыми питались змеи. Весной же серпентарий нанимал змееловов. Желающих заняться отловом было немало: за одну гюрзу платили 20—25 рублей, за

кобру 30. В дальнейшем по этому же принципу организовал серпентарий и ученик Орлова Владимир Бабаш — но это было уже в Западном Копетдаге.

Сам Орлов любил мини-шоу перед гостями, особенно студентками. Он зазывал их в серпентарий и разыгрывал перед ними сцену: брал в руки инструмент — палку с крючком на конце, на их глазах ловко вылавливал змею и кидал её на стол. Затем он столь же ловко прижимал голову змеи палкой, брал её руками за шею и подносил голову к устройству для «доения» яда. Змея широко открывала пасть — яд капал в чашечку Петри. А студентки, замирая от ужаса, держали змеинный хвост — чтоб не мешал процессу «доения».

История девятая: удивительные животные

Времени на изучение местной фауны — предмета моего главного интереса — у меня оказалось мало, хотя работа зоологом была моей мечтой. Но я помню несколько историй старожилов.

Юрий Орлов, например, утверждал, что среднеазиатская кобра — интеллигентная змея. Она всегда предупреждает о себе шипением, а перед тем, как укусить, встаёт в стойку, раздувает капюшон и делает предупреждающие выпады. В этом, собственно, я убедилась и лично. В природе при встрече с этой особой вполне можно избежать трагического исхода — человека она кусает, скорее, в состоянии большого раздражения. А вот гюрза нападает без предупреждения, особенно в период летней активности, и надо быть очень внимательным, чтобы не оказаться с ней рядом.

Но меня, как коренную сибирячку, конечно, поражало всё. С удивлением, например, узнала, что здесь водятся дикобразы, а местные жители их считают «вредителями сельского хозяйства». В самом деле, этот крупный грызун любит «попасться» на бахче и огороде. На дикобразов ставили капканы, их стреляли, мясо употребляли в пищу, а из их пёстрых чёрно-белых иголок... делали авторучки.

Интересно, что на юге Туркмении северные породы собак нередко были мельче и «суше», чем в России — как, например, восточно-европейские овчарки, которых мы встречали у пограничников. По-настоящему крупными здесь были

«среднеазиаты» — алабай, весьма своеобразная местная порода. Днём они предпочитали спать (если не были на «работе», то есть у стада), а ночью выходили сторожить. Один из алабаев, который жил у нас уже в Сянт-Хасардагском заповеднике, будил нас каждую ночь, громко облаивая шакалов да и вообще всех, кто казался ему подозрительным. Днём же он спал и готов был подпустить любого... На охране стада овец воспитанные алабаи работают вполне достойно.

Наш пёс Чук и алабай Дед. Веранда дома в посёлке Айдере (Западный Копетдаг). Фото А.А. Тетенко, 1978.

История десятая: розыгрыш новичка

В Бадхызском заповеднике работало много молодых людей — не удивительно, что временами они устраивали всевозможные розыгрыши. Даже я, прожив здесь недолго, успела принять участие в одном из них.

Случилось это так. В заповедник приехал на работу чужак-паренёк из Магнитогорска. Звали его Володя Пакулин, и нам объяснили, что он — энтузиаст защиты природы и терпеть не может браконьеров. Однако встретиться с ним в конторе нам не удалось — его сразу же отослали на кордон Кызыл-Джар

лесником, обеспечив, между прочим, ружьём. Мы не знали, как он выглядит, — но и он ничего про нас не знал. Его-то мы и решили разыграть, а заодно и проверить его, так сказать, «антибраконьерские» качества.

Нас было пятеро: охотинспекторы Александр Тетенко и Виктор Злобин, супруга последнего Елена, водитель Саша Колпаков и я. Дело было ранней осенью. Мы как раз отправились на «ГАЗ-66» в заповедник, а Кызыл-Джар — первый кордон на въезде по нашему маршруту. И вот мы решили изобразить группу нахальных местных жителей, отправившихся на сафари в заповедные места. Я добровольно взяла на себя роль продавщицы.

Мы приехали к вечеру. Пакулин остановил нас у шлагбаума, спросил, зачем пожаловали. Мы, ничуть не смущаясь, заявили, что приехали поохотиться и давай-ка нам чаю. Полагаю, Володя всё же несколько растерялся, хотя и виду не подал. Он приготовил чай, мы достали продукты и начали вести за столом провокационные беседы. Я для правдоподобности поведала о своей работе по торговой части и заявила, что, дескать, все нынче в магазинах воруют, ну и я ворую тоже.

В общем, часа полтора-два мы держали Пакулина в напряжении. Не думаю, что ему было легко — он ведь на кордоне жил один, а с нашей стороны было трое крепких молодых мужчин. И Володя мог обоснованно предположить, что у каждого «охотника» есть ружьё.

Но в конце концов мы раскрыли карты. Все смеялись. Володя — облегчённо. Правда, он признался, что заподозрил неладное после того, как я сказала: «Ворую». Как он мне объяснил, в те годы работники торговли говорили иначе: не ворую, а беру. Я об этом, признаться, не имела понятия.

После этого розыгрыша мы какое-то время ещё пожили на Кызыл-Джаре — на его территории был домик, в домике — деревянные полати. Злобин и Тетенко ездили на машине по горкам и смотрели, всё ли в порядке, а мы с Еленой занимались хозяйством и гуляли по окрестностям.

Вообще же, жизнь в Бадхызе была насыщена всяческими смешными историями. Однажды мы в местной газетке обнаружили статью о заповеднике. Автор на полном серьёзе рассказывал, что там, в заповедных местах, обитают «сифы» и

«грипы» (вместо сипов и грифов), а в норах прячется серый баран — ясно, он имел в виду серого варана. Мы хохотали, передавая друг другу эту газету.

Впрочем, сейчас я думаю: не так уж это и смешно, если даже журналисты, существа любопытные по натуре, были настолько равнодушны к здешней великолепной природе, что не удосужились уточнить название животных. Что уж говорить о других местных жителях, воспринимавших жизнь потребительски.

История одиннадцатая: байки из пустыни

О той бадхызской жизни у меня сохранилось ещё несколько историй, в достоверности которых я не уверена. Некоторые из них похожи на правду. Другие выглядят как анекдоты, как, например, история про горки Еройландуза.

Рассказывают, что одну из горок в народе прозвали «Коммунизм», так как у человека, который поднимался на вершину, волосы вставали дыбом — от удивления или от ужаса перед великим будущим, уж и не знаю. Полагаю, в этой шутке выражалось ироничное отношение бадхызских зубоскалов к официальной идеологии.

Рассказывали и ещё одну весёлую историю, героями которой были одnogорбые верблюды. Этих животных у местных жителей было много, их отпускали свободно пастись и они нередко сбивались в довольно крупные стада. Увы, они часто заходили на территорию заповедника, разбивали бетонные «бассейны» для воды у родников. Верблюдов гоняли как могли, старались напугать, стреляли в воздух — да не только в воздух: в них самих тоже. До этого момента всё правда.

А вот правда ли продолжение, не знаю. Говорят, кто-то из егерей поймал верблюда, навесил ему на шею чугунную батарею, бог знает как оказавшуюся в заповеднике, и краской на боку написал большими буквами короткое неприличное слово. Затем он отогнал животное подальше. И будто бы однажды верблюд предстал своим красивым боком перед окнами сотрудников метеостанции — те нажаловались начальству...

Вспоминается ещё одна байка — но уже из жизни научного отдела бадхызовцев во время камеральных работ — то есть в

конторе в Моргуновке. В своих кабинетах они изучали собранные экземпляры животных и растений, образцы почв, разбирали полевые дневники, готовили публикации. Не в поле же это делать в самом деле.

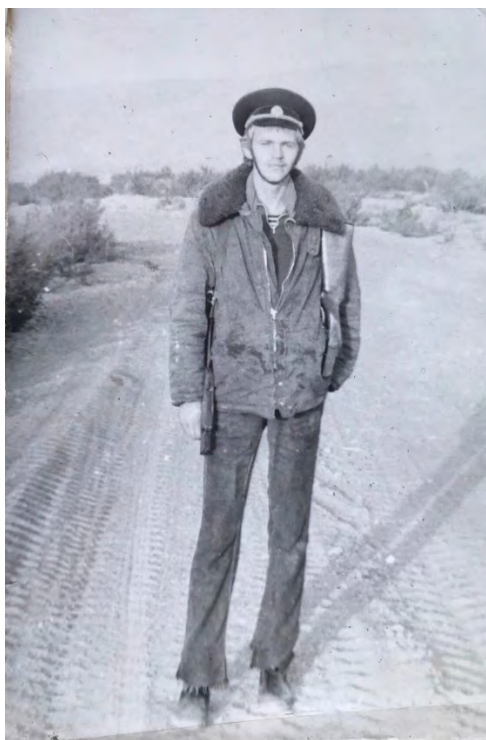
Между тем, окна некоторых кабинетов выходили на ту сторону, где располагался туалет. И вот некие сотрудники заповедника решили вести учёт, кто сколько времени проводит в этом милом месте. Якобы это «исследование» они делали, чтобы подать рацпредложение, как лучше организовать рабочее время персонала. Выводы о привычках своих коллег они передавали из уст в уста, что, конечно, стало поводом для всяческих новых шуточек — впрочем, не злых.

Но не исключаю, что подобных наблюдений никто не делал и это выдумка.

Частым гостем в нашем доме был военный комендант Кушки Егоров. Был он человеком жизнерадостным, в гости приезжал со своей овчаркой и на «газике» — «ГАЗ-69». Именно его «газик» стал моей свадебной машиной в октябре 1977 года: Егоров посадил в неё меня и Тетенко и помчал по Моргуновке, включив сигнал. Я сидела в фате и белом платье, вышитом цветами, и чувствовала себя счастливой в этом запылённом, трясущемся на сельской дороге походном «лимузине».

У Егорова в комендатуре мы побывали — нам он как-то показал в глазок, как выглядит камера для солдатиков, попавших на гауптвахту: очень узкое помещение, в которой невозможно сесть — разве что, если расположиться вдоль. Рассказывали, будто бы у этого доброжелательного человека были не вполне обычные методы перевоспитания солдат-нарушителей распорядка. Им предлагалась работа под названием «грабельки» и «кубики».

«Грабельки» представляли собой кусок рельса, к которому была приварена ручка. Этой тяжелейшей штуковиной ребята должны были ровнять дорожки у комендатуры. А кубики — это были тяжёлые бетонные блоки. Провинившиеся солдатики должны были вручную складывать из них ровную стену. Комендант подходил к стене с отвесом, и, если она не была строго вертикальной, заставлял разбирать и укладывать снова.

Охотинспектор Александр Тетенко. Бадхыз, 1977.

Было ли это правдой? Не вполне уверена. Но даже если и правда, мы сохраняли к Егорову добрые чувства и считали его хорошим товарищем.

Ещё один знакомый военный утверждал, что офицеры тамошнего гарнизона любили проводить вечера в ресторане «Арктика». В этом был особый шик: самая южная точка СССР — и такое далеко не южное название. Ресторан, к слову, был весьма достойный. Господам офицерам подавали, например, шампанское редкой марки «брют». А вот кутили они иногда совсем не по-детски — но и в этом случае не берусь утверждать, что это соответствовало действительности.

История двенадцатая: трагедии Бадхыза

Самым страшным явлением для засушливой территории Бадхызского заповедника были пожары. Бадхыз высыхал уже в мае, и здесь всегда было ветрено — не случайно же само слово «бадхыз» переводится как «место, где рождается ветер». А из-за ветра огонь мог быстро распространиться на большую территорию.

Охотинспекторы строго проверяли проезжающие вблизи заповедной территории автомобили, установлена ли на глушителе сеточка-искрогаситель. Считалось, что искры от автомобилей (и, конечно, выброшенные окурки) — частая причина возгорания.

Кроме того, здесь следили за состоянием защитной минерализованной полосы, которая оберегала территорию от пожара извне, её, разумеется, регулярно «освежали».

Во время одной из поездок, связанных с работами над этой защитной полосой, под колёсами автомобиля погиб Эдуард Левенштейн, рыжебородый и дружелюбный молодой человек, работавший в заповеднике лесником. Эдуард был сыном известного советского фотографа и путешественника Генри Левенштейна, а в заповедник приехал, как говорили, по инициативе отца, хотевшего спасти паренька от более серьёзных бед. Он жил какое-то время на далёком полузаброшенном кордоне Воробей (другой вариант названия — Воробьи) в финском домике — охранял там фисташковые рощи от незаконных сборщиков орехов.

Он погиб под колёсами автомобиля. Насколько мне удалось восстановить те события спустя много лет, во время противопожарных мероприятий Эдик крепко уснул — но по каким-то причинам прямо в колее. А дело было ночью. Водитель автомобиля по нелепой случайности его не заметил и наехал — парень умер, не приходя в сознание.

Эта гибель, которую переживали все, кто знал Эдуарда Левенштейна, была, как мне кажется, трагическим стечением обстоятельств.

Ещё одной трагедией, но уже в общечеловеческом смысле, на мой взгляд, стал массовый отъезд из заповедника специалистов сначала в конце 1970-х годов, а потом и после распада СССР.

Что сейчас происходит с этой удивительной территорией? Думаю об этом с большой тревогой. Как бы ни пафосно это звучало, но Бадхыз с его богатейшей флорой, фауной и палеонтологическими сокровищами — мировое достояние.

Публикуется впервые.

Автор — журналист издательского дома «Алтапресс», Барнаул. Работала лаборантом в Бадхызском заповеднике в 1977—1978 годах.

*Бадхыз, Кызыл-Джар, степь.
В.А. Кривохатский, 1978.
Из архива В.А. Кривохатского.*

Юрий Горелов. Фото Ю.М. Роста, 1975.

Ангел полупустыни

Алексей БУРОВ-СТАСЬКОВ

«Ангелом Пустыни» называется такое изображение святого Иоанна Предтечи, на котором он представлен в виде пустынного отшельника с ангельскими крыльями. Обычно он держит в руке чашу со своей отрубленной головой, бывает, что в чаше изображают его душу в виде младенца. Часто на иконе рядом со святым изображают дерево с секирой у корней, как символ слов пророка «Уже и секира при корне дерев лежит:

всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь». Секира у корня — близкий кризис, возможная катастрофа. В последние годы жизни Юрий Константинович Горелов часто возвращался к разговору о том, что точка невозврата глобального экологического кризиса уже пройдена, «я этого не увижу, а вы молодые — увидите», говорил он, пристально смотрел прямо в глаза и широко улыбался. Думая о Горелове, я вспомнил этот красивый образ Предтечи. Наверно, нет никакой натяжки в том, чтобы применить его к Юрию Константиновичу. Ведь, работая заместителем директора по науке в Бадхызском заповеднике и будучи непримиримым охотинспектором, он был «ангелом-хранителем» Бадхыза. А погружённость с головой в мир глины, песков и ветров, куланов, вулканических останцов и тюльпанов, обрывов и оврагов, ущелий и впадин, колодцев и горько-солёных родников, потухших вулканов, скорпионов и сайгаков, кабанов и джейранов, засад и ежедневной опасности, фисташковых рощ и древностей, исследований и размышлений, грифов, варанов, агам и черепах, парфян и кушан, друзей и врагов, змей, змеяядов и змееловов, белуджей, пыльных бурь, туркестанских генералов и пограничных инцидентов, красоты и легенд, алабаев, архаров-уриалов и винторогих козлов, ушастых ежей и степных котов, сусликов, песчанок, волков, лис, гиен и леопардов сделала его «духом места» заповедника.

Казалось бы, странно начинать писать о Юрии Константиновиче с церковной иконографии, ведь он был совсем не религиозным, как и его дед, как и его отец, который говорил: «у Гореловых в церковь ходят женщины, а мужчины бывают там три раза; два раза я был, с третьим не тороплюсь». Но, видимо, рассказывая о нём, часто приходится говорить о сочетании черт, обычно встречающихся порознь: детскость характера и стойкость в очень серьёзных и опасных конфликтах, неспособность долго заниматься одним и тем же делом и дар годами воплощать большой намеченный план, глубокие «кабинетно-научные знания» и хорошая «военно-полевая» подготовка. В Эфиопии из-за подозрительно меткой стрельбы Юрия Константиновича приняли за разведчика, маскирующегося под учёного. Такими были герои Жюль Верна. С одной стороны, Горелов справедливо говорил о своей

нерелигиозности, с другой, мне кажется, его война за неприкосновенность заповедника имеет корни очень и очень древние, и за фигурой хорошего охотинспектора улавливаются тени далёкого прошлого. Современные научно-организованные заповедники существуют меньше двух веков. До того, несколько тысяч лет существовали «парадизы», особые уголья, где охотиться могли и должны были только цари, а до «парадизов» и одновременно с ними были священные и запретные места, где не только охотиться, но и трогать ничего было нельзя; некоторые табуированные места могли посещать только особые люди и только в особое время, какие-то места нельзя было посещать никому и никогда. Сейчас так же распределены зоны в храмах (солея, амвон, алтарь ...), но ведь когда-то храмом была вся Земля! Если основной объём церкви символизирует всё мироздание, то алтарь — символ мира невидимого, мира, в который человек входит после смерти. Солея же, отделяющая алтарь от остального храма порог, — место перехода и место Страшного Суда.

<...>

Юрий Константинович объяснял свою нерелигиозность отсутствием страха. Двадцатилетняя война за Бадхыз, а позднее не столь опасная, но очень непростая и конфликтная борьба за природу Черноголовки это отсутствие подтверждает. То, что кажется страшным, может оказаться смешным. Однажды Горелов услышал какой-то подозрительный шум за дверь своей черноголовской квартиры и выглянул на площадку, чуть приоткрыв дверь. Оказалось — вор пытается взломать дверь соседа. Вор подумал, что если человек смотрит на него сквозь щёлку, то он его боится и, чтобы ещё сильнее напугать, стал угрожать. А Юрий Константинович смотрит на него в щёлку и говорит: «Дурак, я не тебя боюсь, я за тебя боюсь — у меня здесь две овчарки, если я открою дверь шире, они тебя в клочки порвут». Эти среднеазиатские овчарки, Султан и Гюзель, были замечательными животными, настоящими образцами породы, какой она должна быть, за щенками приезжали из очень далёких городов, фотография Гюзели иллюстрирует статью о среднеазиатских овчарках в одной из энциклопедий пород собак мира. Авторитет Горелова среди собачников, особенно среди владельцев алабаев, был очень велик. Однажды он узнал, что в России (а российские

стандарты по этим овчаркам обязательны для всего мира) официально приняли неправильные и вредные стандарты породы для среднеазиатской овчарки — он понимал, что с таким строением тела, как эти стандарты предписывают, собака, возможно, будет красиво смотреться на выставках, но совершенно не сможет выполнять работу, ради которой порода была выведена в Средней Азии, да и жить ей в том климате будет тяжело. Это была бы смерть для породы. Горелов поговорил с одним человеком, с другим, написал третьему, опубликовал статью «Среднеазиатская овчарка. Породная группа». И постепенно авторы стандарта, те кто его подписали, один за другим стали отказываться от своей подписи, делать вид, что ничего подобного не подписывали, что стандарт приняли без их ведома. В итоге был принят нормальный стандарт. Собаки, даже незнакомые, относились к нему по особенному: сразу ложились, когда он подходил, легко подчинялись командам. Когда спрашивали: «Как Вы это делаете?», отвечал: «Я просто их очень люблю». Вероятно, собаки его окружали всю жизнь. Его рассказы о детстве это — рассказы о прогулках с собакой в маленьком болгарском городке или о купании с ней в речке. Его воспоминания о детстве и студенческой молодости передавали ощущение светлого безмятежного счастья среди замечательных людей.

Интересна история из его студенческой жизни в Болгарии, которую Юрий Константинович рассказывал совсем недавно. Он сдаёт экзамен по минералогии. Преподаватель показывает ему кусок гипса и спрашивает, что это за минерал.

— Гипс из такого-то месторождения, — отвечает Горелов и рассказывает о предложенном образце избыточно подробно (экзаменатора устроил бы просто ответ, что это гипс).

Преподаватель показывает один за другим разные образцы гипса, а Горелов всякий раз называет месторождение, где какой образец гипса добыт и подробно его характеризует.

— Вы, наверно, очень любите геологию?! — удивляется преподаватель.

— Нет, не очень, — Юрий Константинович не стал говорить, что его отец в Болгарии работал менеджером фирмы, гипс добывавшей и продававшей.

Юрий Константинович Горелов родился в Болгарии в 1931 году. Его родители — русские, эмигрировали в конце

Гражданской войны. Отец — подпоручик, дед по отцу — Константин Георгиевич Горелов, генерал царской армии, дед по материнской линии — Александр Николаевич Зворыкин, инженер-путеец из рода известных и знаменитых муромских Зворыкиных. Семья хотела вернуться в Россию, ждали подходящего времени. В школе решил стать зоологом. Готовился серьёзно — кроме изучения самой науки, планомерно тренировался: ОФП, бег, плавание, скалолазание, стрельба, борьба. Старался не быть чемпионом в чём-то одном, а на хорошем уровне освоить всё, что могло пригодиться биологу-полевику. Своего наставника по борьбе с благодарностью вспоминал всю жизнь. Видимо, к этой же подготовке стоит отнести то, что Горелов не курил и кроме разбавленного водой красного сухого вина не пил крепких напитков, т.к. алкоголь замедляет реакцию. С одной стороны, реакция нужна зоологу, чтобы успевать заметить быстро появляющихся и так же быстро исчезающих животных, чтобы на ходу замечать мелкие детали, видеть мимолётные явления и события природы. Но Юрий Рост (журналист и фотограф, больше сорока лет друживший с Гореловым, написавший о нём несколько очерков и сделавший его лучшие фотопортреты) предполагает другое объяснение: «Может быть, это семейный опыт. Дед его по материнской линии — почётный потомственный гражданин Муром, строивший Сырдарьинскую и Транссибирскую железные дороги, погиб в офицерском споре в Гражданскую войну. Кто-то хотел провести состав без очереди, возникла ссора. Он допустил ошибку [...] — вытащил пистолет позже, чем его оппонент.» [5] Быстрота реакции спасала Горелову жизнь (аварии, змеи, браконьеры).

В 1955-ом Гореловы в числе нескольких тысяч русских эмигрантов из Болгарии вернулись в Россию. Семья Горелова попала в Ростовскую область, где Юрий Константинович год проработал учителем. В 1956 году Горелов обратился в Министерство сельского хозяйства с просьбой направить его на работу в один из заповедников — ему предложили на выбор три (если не ошибаюсь, Бадхызский, Красноводский и Крымский). Горелов выбрал Бадхыз на крайнем юге Туркмении, вероятно, сказался его интерес к обитавшим там крупным копытным и крупным пресмыкающимся.

Я начал писать о Юрии Константиновиче, просто записывая то, что слышал от него или о нём. Но в какой-то момент, желая уточнить факты, перешёл к исследованию — сначала стал читать то, что о Горелове уже написано, потом стал читать подробнее о людях, упомянутых в связи с Гореловым. Читая Роста, я узнал о Владимире Эммануиловиче и Кирилле Владимировиче (отце и сыне) Мартино, чья судьба и пересекалась, и рифмовалась с судьбой Юрия Константиновича. Зоологи из офицерских семей, возвращенцы из Болгарии в одном потоке с Гореловыми. Подробно об отце и сыне Мартино можно прочитать у В.Е. Борейко [1, 2], Н.А. Ёхиной [3] и Е.Э. Шергалина [6].

Есть фотография Юрия Роста, на которой Горелов стоит с ружьём в правой руке. На левом плече у него висит какой-то предмет на ремне. По словам Роста, это — половинка бинокля, которую Юрий Константинович носил с собой начиная ещё с Болгарии: «Сын профессора Мартино Кирилл, партизанивший в Югославии против немцев во время войны, [...] учил Горелова: “Зачем ты носишь нож? Человек, который носит оружие, готовится к убийству”. Послевоенная София была тихим городом, но провожать ночью девушку было опасно. Он подарил Юре половинку бинокля. Никто не догадается, что это великолепный кастет.» [5]

Владимир Эммануилович в 1917 году основал и в тяжёлые 1917—1919 годы защищал Крымский заповедник. Рассказы Владимира Мартино об организации охраны животных в Крыму Горелов помнил и применял на практике:

«... Он запомнил рассказ русского эмигранта профессора Мартино, который был комиссаром Временного правительства по ликвидации царской охоты в Крыму. Внизу были то красные, то белые, то зелёные... И в горах то же самое — вольница. Но он продолжал защищать животных. У него был татарчонок Ахмет, который постоянно ловил браконьеров.

— Как ты это делаешь?

— Если браконьер один — ружьё в живот и говорю: давай оружие, неси дичь на кордон. Если два — то же самое.

— А если больше?

— Говорю селям аллеюкум и прохожу мимо.

Нельзя проигрывать. ...» [5]

«Сценарии жизни» Горелова и Кирилла Марино пересекаются и в деталях: любовь в собакам, выхоженные и живущие дома крупные птицы (аисты у Горелова, кобчик у Марино).

Как и Гореловы, Владимир Эммануилович Марино вернулся в Россию в 1955 году. Ему было 66 лет, он был известным зоологом, но т.к. не имел официальных научных степеней, с трудом нашёл место простого лаборанта на кафедре зоологии Ростовского Государственного Университета. Чтобы иметь возможность работать научным сотрудником, ему пришлось написать кандидатскую диссертацию, которая была признана учёным советом, как соответствующая уровню докторской. Недавно я узнал, что Горелов в те годы встречался с ректором Ростовского университета Юрием Андреевичем Ждановым и, отказываясь от предложенной помощи, говорил ему, что он молодой и здоровый, что всего может добиться сам, а помочь надо Владимиру Эммануиловичу Марино.

Основная работа Горелова в Бадхызском заповеднике — наука. Так как я не учёный, то мало знаю об этой стороне его деятельности, знаю, что его очень уважали и как биолога-теоретика, и как биолога-полевика. Больше он рассказывал о своей борьбе за неприкосновенность Бадхыза. Приехав в заповедник, он увидел, что на охоту в нём смотрят сквозь пальцы: вроде бы и нельзя, но и не наказываются. Охотились и местные, и военные, приезжало браконьерством подтвердить свой особый статус республиканское и московское начальство. О чём уж говорить, если однажды Горелов поймал охотящимся самого директора заповедника. Кроме браконьерства большой вред приносили тысячные стада овец, которые пастухи перегоняли через заповедник, они выедали всю зелень (редкую в полупустынном Бадхызе) на своём пути. Я бы сказал, что способ действия Юрия Константиновича можно назвать «природоохранным прагматизмом» — он защищал не закон, а природу. Если директор воровал, он не мешал ему, но браконьерить не позволил и, поймав на браконьерстве, заставил уйти из заповедника. За двадцать лет сложилась легенда о Горелове, Юрий Рост привёл её к законченной формуле, которую сейчас повторяют, когда хотят коротко рассказать, кто он такой. Приведу её целиком: «Юрий Константинович Горелов — зоолог, старший научный

сотрудник заповедника Бадхыз на юге Туркмении. Рост выше среднего. Русоволос. В разговоре порывист. Реакция мгновенная. Отлично видит в темноте, за что получил кличку Кошачий Глаз. Улыбается открыто и много. Начитан. Образован замечательно. На левой руке нет фаланги большого пальца — следствие укуса змеи. Азартен. Постоянно готов к спору. Стреляет точно, в том числе и с движущегося автомобиля. Из всех видов охоты признает одну — на браконьеров. В этой охоте беспощаден. Законы знает, но защищает не их, а природу. Чинов и званий не различает». [5]

Убеждённость в правоте своего дела делала Горелова непоколебимым и бескомпромиссным. Для защиты заповедника Горелов браконьеров преследовал, ловил из засады, сажал, сжигал овчарни; военным, попытавшимся устроить в Бадхызе учения, пришлось уйти, бросив часть техники в песках. Своей позицией Юрий Константинович вызывал и любовь и уважение у одних и ненависть у других. Давление на Горелова было очень сильным. Его пытались застрелить, сбить машиной, водитель грузовика, сбивший человека, которому Горелов дал поносить свою куртку, думал, что убил Горелова и хвалился этим в придорожном кафе. На Горелова пытались заводить уголовные дела (по статье «бандитизм»), но он очень хорошо знал законы и мог показать свою правоту. Присылали комиссии, инспекторов, ревизоров, журналистов — ему удавалось их убедить и из врагов превратить в сторонников. Иногда убеждения не действовали, и приходилось изображать полусумасшедшего, пугать, совать в руки ревизору ядовитых змей. Горелов продержался 22 года — потом его всё же вынудили из Туркмении уехать. Он продолжал приезжать туда в экспедиции, но с 2001 года стало невозможно — враги продолжали его помнить.

Непоколебимость была свойственна и людям, собравшимся вокруг Горелова. Рассказывая легендарную историю о том, как четыре человека парализовали приграничную дивизию, Юрий Рост сообщает такие детали:

«... Арьергард, который вели старшины, знавшие Бадхыз, добрался до кордона Кизыл-Джар. Здесь солдаты увидели закрытый шлагбаум, под которым стоял мотоцикл Башенко с привязанной к нему овчаркой Цыганкой. Сам капитан <Алексей Афанасьевич Башенко> для этого случая вынул

стеклянный глаз, надев чёрную повязку на манер Кутузова, и облачился в военную форму с орденами.

— Вы проедете под шлагбаумом только через мой труп, — сказал он. ...» [5]

Мне видится, что судьба провела эксперимент: отобрала группу удивительных людей, собрала их в удалённом и труднодоступном месте и сплотила их общей задачей: изучать и защищать природу удивительного и прекрасного плато. В этот эксперимент судьбы входило и следующее поколение, дети сотрудников, родившиеся и выросшие в исключительных условиях первозданной природы, пятилетними играющие с волчатами, пробегающие много километров, чтобы передать Горелову гостинец от родителей — свежесдобитый хлеб. Этот эксперимент продлился лишь одно поколение, в конце семидесятых из заповедника вытеснили Горелова; позже, из независимой Туркмении уезжали не только русские, но и местные, связанные с русской культурой. Вспоминая своих коллег, Юрий Константинович подчёркивал, что даже самые крепкие русские не могут жить и работать в Туркестане без поддержки русской государственности. Наверно, случись такой эксперимент в коренных русских землях, он проходил бы иначе.

Бадхызский заповедник во многом создавался для охраны туркменского кулана. Его численность стремительно падала в первой половине XX века. Создание заповедника повернуло этот процесс вспять. За 1950-70-е годы численность кулана возросла на порядок, от нескольких сот до нескольких тысяч и достигла естественного уровня, который сохранялся до распада СССР. Беззаконие 1990-х опять снизило стадо куланов на порядок. В начале 2000-х их численность оценивали примерно в 500 голов. Сколько их сегодня? Неизвестно. По сведениям Юрия Константиновича, собственные куланы в Бадхызе исчезли, а попытки заселить новых — из Ашхабадского зоопарка успеха не имели. Роль маленькой группы Горелова в достижениях 1950-70-х годов очень велика, и результаты её разгрома тоже наглядны.

Горелова принимали за шпиона по ошибке, Горелова пытались представить шпионом, чтобы избавиться от него.

Кроме отличной стрельбы и необычно сильной наблюдательности с разведчиками его роднила и способность создавать разведсети. В Бадхызе у него повсюду были глаза и уши: знакомые пограничники, дети с которыми он занимался в кружке, просто уважающие его люди. 20 лет спустя в Черноголовке Юрий Константинович платил информаторам, которые сообщали, где, когда, какая машина вывалила мусор в лес или в поле. Другое время, другое место, другие мотивы у людей. В Бадхызе (к иранской границе примыкает непосредственно, до афганской — меньше 20 километров) Горелов здорово помогал пограничникам, они знали, что нарушителю будет очень трудно пройти через заповедник незамеченным. Хотели наградить нагрудным знаком, но Юрий Константинович отказался. Он принял бы награду от Министерства обороны, но пограничные войска подчинялись КГБ, а значиться «отличным чекистом» Горелов не хотел.

...Честь, чувство чести. Сейчас это понятие встречается редко и уже требует специального разъяснения. Для Горелова оно было очень важно. Иногда, рассказывая о ком-то, он специально упоминал, если для этого человека честь была очень дорога или, наоборот, замечал, что какое-то наказание, внешне не жестокое, унижительно и лишает чести. Защищая Бадхыз, Юрий Константинович мог осложнить жизнь пойманному браконьеру, мог сильно осложнить, мог его посадить, но старался не унижать и дать «сохранить лицо». Как я понимаю, это был классический русский кодекс чести, умноженный на правила чести восточных народов.

В жизни, как и в искусстве, на восприятие фигуры влияет её фон. Очень часто жизнь человека связана с одним определённым ландшафтом. Ландшафтом судьбы Горелова были пустыни, полупустыни, засушливые степи; в первую очередь это — Средняя Азия, а также Монголия, Эфиопия, Техас. Что такое пустыня? Сухой и жаркий климат, соответствующий животный и растительный мир. Но и образ жизни людей, тип культуры. От атеиста Горелова приходилось слышать, что пустыня — это место, где можно разговаривать с Богом, что из пустыни, из засушливых ландшафтов вышли пророки и святые многих религий. У пустыни есть легендар-

*Статуэтки-бурханы из Монголии.
Из личной коллекции Ю.К. Горелова.*

ный ореол мира «зверей, людей и богов», «белого солнца», «поисков чудесного» — загадочного, авантюрного, героического. Всё это, как в капле воды, отражается в одной небольшой истории, которая случилось с Юрием Константиновичем в Монголии. У подножия одной из скал он нашёл небольшой бронзовый бурхан Семиглазой Тары, вокруг были разбросаны старые гильзы. На скале Горелов заметил старое орлиное гнездо и захотел его осмотреть. Это было трудно сделать, т.к. останец раскололся на две части, и гнездо находилось на той, которая готовилась обвалиться, но он всё же полез и добрался до гнезда. В гнезде он нашёл ещё одну бронзовую статуэтку — Будды Шакьямуни, у неё не хватало некоторых мелких деталей, и Юрий Константинович стал ситом просеивать песок под скалой. Так ему удалось найти чашу — атрибут Шакьямуни. Горелов так по следам восстановил события: в тридцатые годы во время «охоты на духовенство» какой-то лама, отстреливаясь, пытался уйти от преследователей, он спрятал свои святыни в гнезде орла,

чтобы они не достались врагам, вернуться за ними он не смог. Добавлю, что в старой Монголии окрестности буддийских монастырей были подобием заповедников: «охотники, во избежание неприятностей и не желая обострений, обыкновенно старались, по возможности, не охотиться вблизи дацанов, в особенности в дни буддийских праздников» [4].

Литература

1. Борейко, В.Е. 1996. Флаг над заповедником. С. 8-19 в кн.: *Очерки о пионерах охраны природы. Том первый*. Киевский эколого-культурный центр, Центр охраны дикой природы СоЭС. <http://ecoethics.ru/old/b34/> (о В.Э. Мартино)

2. Борейко, В.Е. 2001. Мартино Владимир Эммануилович (9.06.1889 — 15.09.1961). *Словарь деятелей охраны природы. Издание второе, исправленное. Серия: История охраны природы*. Киевский эколого-культурный центр. Центр охраны дикой природы, Москва, 2001. <http://ecoethics.ru/old/b42/82.html>

3. Ёхина, Н.А. 2015. «История русского Сопrotивления... ещё не написана»: к истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны. С. 174—205 в кн.: *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014-2015 гг.* М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына.

4. Осокин, Г.М. 1906. *На границе Монголии, Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья*. СПб.: Типография А.С. Суворина 1906.

5. Рост, Ю.М. *Приключение Горелова. Сценарий жизни*. — <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/07/03/64776-priklyuchenie-gorelova-stsenariy-zhizni?print=true>

6. Шергалин, Е.Э. 2013. Кирилл Владимирович Мартино (1914 — 2005) — орнитолог, ихтиолог и охотник. *Русский орнитологический журнал*, 22, Экспресс-выпуск 925: 2687-2696.

<https://cyberleninka.ru/article/n/kirill-vladimirovich-martino-1914-2005-ornitolog-ihtiolog-i-ohotnik>

Черноголовка, январь-июнь 2019.

С Гореловым в Северо-Западной Туркмении

Александр ГОРБУНОВ

1.

Юрий Константинович считал самым ярким временем своей жизни туркменский период. Даже мимолётное воспоминание о «солнечном крае» вызывало у него чувства счастья и восторга. Именно в Туркмении слились воедино его человеческие и профессиональные качества, любимая работа и возможность близкого общения с природой Бадхыза. Здесь он осознал себя, своё предназначение и необходимость своей скромной, но «планетарной» работы. Оглядываясь в прошлое, с уверенностью скажу, что усилиями Горелова на Земле сохранился «кусочек» дикой природы.

Своей общительностью, энциклопедической эрудицией и талантом рассказчика он быстро очаровывал окружающих его людей. Его магнетизм покоился на энтузиазме, высоком профессионализме, всеобъемлющих знаниях о Туркмении и Бадхызе и непоколебимой гражданской позиции. В глазах своих современников Горелов олицетворял образ зоолога-натуралиста и непреклонного охранника природы. В одной из наших бесед Юрий Константинович объяснил, почему не берётся за обобщение своих наблюдений: «Такая работа требует много времени и отвлечения от практической деятельности. А кто будет охранять животных? Они в этом нуждаются каждый день и час. Если я могу сохранить хотя бы один вид животного, я буду неустанно его охранять. А когда не смогу это делать, то начну писать и учить этому ремеслу других».

Горелов был человеком страстным и увлечённым. Стремился узнать, увидеть, сфотографировать что-то новое и интересное. Поэтому не хотел терять время на такой «пустяк», как изложение уже пройденного, известного. Это противоречило его увлечённой натуралистической душе, его принципам и морали.

Я не преувеличу, сказав, что среди туркменских зоологов 60-х—80-х годов прошлого столетия Юрий Константинович был в числе первых. Это не только мое мнение. В библиотеке Горелова имеется монография Г.С. Бельской (1992) со следующей дарственной надписью: «Юрию Константиновичу — большому знатоку фауны Туркменистана и аридной зоны...».

Он не просто зоолог-натуралист, он знаток природы среднеазиатских пустынь. Юрий Константинович свободно разбирался в геологии, палеонтологии, археологии, географии, истории края. Знал быт аборигенного населения, местную флору, массовые виды насекомых. Он был лучшим знатоком пресмыкающихся и копытных Туркменистана. В природе очень хорошо разбирался в птицах, хищных млекопитающих и грызунах.

Его натурализм и широкие познания всегда восхищали меня. Я до сих пор под впечатлением одной из наших поездок по северо-западной Туркмении, которая длилась всего три дня (15—18 мая 1989 г.), но в ней проявился весь талант Юрия Константиновича. Он впервые экскурсировал во внутренних областях этого региона, но его потрясающая наблюдательность и какое-то фантастическое чутьё и везение приводили к открытиям. Среди них, конечно, выделяется открытие стоянки древнего человека в Демпе. Этот район кто только ни обследовал, но стоянку палеолитического человека нашёл Горелов!

2.

Поездку обговаривали, но специального плана и маршрута не было. Юрий Константинович не говорил и о цели. Однако я чувствовал, что он имеет огромное внутреннее желание удовлетворить свой давний интерес к Северо-Западной Туркмении. Конечно, как специалист, он хотел иметь обоснованное представление о ресурсном состоянии копытных и хищных млекопитающих. Но мне казалось, а сейчас я уверен, что его интерес лежал глубже и исходил от его натуралистической натуры. Горелов хотел понять загадочный для него регион, который геологически и географически

отличается от всех районов Туркмении. Регион, где смешались фауны, где обитают все виды млекопитающих встречающиеся в Туркмении. Регион, который является южным и северным форпостом распространения многих позвоночных. И конечно, Горелов желал увидеть места последних встреч гепарда. Получить для себя ответы на многие «почему?». Где-то в душе он надеялся на случай, что ему повезёт и он столкнётся с чем-то редким и интересным.

В самом начале поездки по Красноводскому плато Юрию Константиновичу приглянулось урочище Джанурпа, состоящее из большого числа глинисто-щебнистых оврагов, выходящих к обрывам Красноводского плато. Мы остановились, и внимание Горелова сразу привлекли нагромождения камней плоской формы. Они лежали кучно и вдалеке от оврагов, где их было в изобилии. Осматривая эти «каменные» гряды, мы нашли очень старый, но отлично сохранившийся рог козули, длиной 26 см. Все знали, что козуля в Туркмении не обитает. Стали высказывать предположения о возрасте рога и о самом факте находки. Горелов долго и внимательно вертел рог, в нескольких местах приложился к нему языком, а затем выдал примерно следующее.

Рог козули окаменелый, о чём свидетельствует прилипание языка к рогу. У основания рога он углядел полоску тёмного цвета, опоясывающую тело рога. В этом месте язык Горелова к рогу не лип. То есть, фоссиллизация была не полной. Видимо, у основания рог был чем-то перевязан и к чему-то подвешен, и на этой части минерализация не завершилась. То есть, рог козули очень старый, но не древний и долгое время находился в руках человека. Следующее рассуждение Горелова нас просто удивило своей логичностью.

Ближайшее место распространения козули — Кавказ. На Кавказе рога копытных исторически служат амулетами и культовой охотничьей атрибутикой. Примерно 150—200 лет назад Красноводский полуостров осваивали русские и переселенцы-скотоводы с Кавказа. Возможно в Джанурпе тогда существовало стойбище такого скотовода, который мог

привезти рог в качестве сувенира. О том, что в урочище издавна занимались скотоводством, Юрий Константинович привёл доводы: наличие колодцев старой постройки; старые каменные «пирамиды» — чабанские указатели; следы перевыпаса и перегонов домашних животных; многочисленные пятна рудеральной растительности и, наконец, разрушенные каменные заборы, служившие загоном для овец. Из всего Горелов заключил, что нашу находку рога нельзя рассматривать, как факт бывшего обитания косули на Красноводском полуострове.

3.

Во время поездки в различных местах Заузбойского района мы часто экскурсировали пешком. Было заметно, что Горелов проявляет какой-то особый интерес к этой бескрайней равнине, которую по сути нельзя назвать ровной. Он внимательно осматривался, выбирал и изменял маршрут и всё время смотрел под ноги. Вооружившись длинной веткой, он спугивал затаившихся ящериц. То тут, то там, из под его ног выскакивали такырные круглоголовки и степные агамы. Первые отбегали и затаивались, вторые искали укрытия и прятались под кусты. Горелов как будто этого не замечал и упорно продолжал искать. В какой-то момент он воскликнул и поймал одну из ящериц. Тут же определил — сетчатая обыкновенная круглоголовка. В качестве доказательства указал на отличительные признаки. Двумя часами позже он поймал и определил круглоголовку-вертихвостку обыкновенную и с большой радостью констатировал: «Вопреки мнению некоторых герпетологов, в Северо-Западной Туркмении обитают оба вида».

В Заузбойском районе на Юрия Константиновича большое впечатление произвело тектоническое строение рельефа и результаты деятельности эоловых процессов. Он восхищался масштабами и величием чинков кыровых равнин. Но особо его поразила открытость геологических горизонтов с палеонтологической летописью края. Горелов прогуливался у подножия чинков, взбирался по меловым склонам, осматривал ниши выветривания и каменистые осыпи и всюду

*Кварцевая жеода, Туркменистан.
Из личной коллекции Ю.К. Горелова.*

находил множество фоссилий: от белемнитов, раковин и игл морских ежей до губок и зубов меловых акул.

Среди этого ископаемого богатства он вдруг стал выбирать и складывать в рюкзак «камни» разного размера, шаровидной формы с морщинистой поверхностью. На наши расспросы Юрий Константинович хитро улыбнулся, а затем пояснил. «Камни» — это конкреции. Они очень твёрдые. Но если их распилить, а место распила отшлифовать, то получим очень красивую цветную, узорную поверхность, напоминающую разноцветный мрамор. И тут же дал практический совет. Очень легкие конкреции внутри пустые и имеют кремневые желваки. Они не интересные. Тяжёлые конкреции тоже не интересны, если представляют каменное тело. Камни средней массы — это то, что нам нужно. Они попадаются с друзой

кристаллов кварца, либо со слоистой структурой. Относительно конкреций, Горелов рассказал свою историю. В Бадхызе ему посчастливилось обменять у одного иностранного зоолога фотоаппарат за три шлифованных половинки конкреции. При этом иностранец остался очень довольным приобретёнными камнями.

В районе мыса Омчалы мы спустились к Кара-Бугазу. Это весьма интересный район. Здесь обитают медведь, горный баран; были встречи леопарда и гепарда; отмечены случаи захода шакала. Спуск в Омчалы привёл нас к старой стоянке какой-то экспедиции (судя по разбросанной стеклянной таре — это экспедиция 30—40-х годов). Обследуя окрестности стоянки, мы нашли интересный каменный предмет. Это был камень-песчаник величиною с мужской кулак, достаточно тяжёлый. Он имел правильную яйцевидную форму. Поверхность камня очень ровная. Такое впечатление, что его полировали. Либо камень находился длительное время в воде и волны отшлифовали и придали ему форму. В центре по длине камня имелось сквозное отверстие диаметром около 10 мм. Судя по краям отверстия и его внутренней поверхности, сверление производилось вручную. Мы вертели камень и высказывали различные версии о его возрасте и предназначении. Юрий Константинович прохаживался, осматривался и подбрасывал камень на ладони. Затем рассеял все наши версии своими логическими доводами. Камень — это грузило для сетей. Оно сделано вручную. Судя по точности внутреннего отверстия, грузило сверлили металлическим инструментом, а хорошая сохранность указывает на его современную историю.

Последнее обмеление Каспия и Кара-Бугаза началось где-то в 1930 г., поэтому можно предположить, что грузило использовалось в первой четверти XX в. Примерно в это время уровень Кара-Бугаза позволял вести в озере лов рыбы. Затем озеро обмелело и рыбаки оставили промысел и занялись добычей мирабилита, который образовывался на мелководных участках Кара-Бугаза.

4.

Оставив Кара-Бугаз позади, мы поднялись на плато, затем пересекли Заузбойский район в направлении песков Кумсебшен и далее на север в урочище Демпе, где нас «ждала» ещё одна интересная находка.

Демпе располагается у подножия чинка Южного Устюрта в глубоком овраге. Для охотников (браконьеров) и зоологов-полевиков — это особое место. В урочище обустроен колодец, имеются тугайная роща, несколько родничков и крохотное озерцо солоноватой воды. В окрестностях Демпе обитают волк, горный баран, каракал, медоед, дикобраз. Была встреча гепарда.

Мы расположились на склоне главного оврага и стали обсуждать, где и что смотреть. Вдруг Горелов указал на противоположный склон оврага и произнёс: «Вы видите?». Мы смотрели и не понимали, что должны видеть. Горелов побежал к склону, вскарабкался на него и руками стал разгребать небольшую «чёрную» пещеру. Он расширял отверстие и кричал: «Это погребённое кострище!»

Было очевидно, что пещера вскрылась недавно, после очередного селя в овраге и обвала части склона. Её размер 100 x 60 см, высота в самой высокой части 50 см. Внутри пещера была вся черная. На дне видна смесь вроде остатков очень старого костра, а куполообразный свод покрыт чёрным налётом, напоминающим копоть и сажу. Над пещерой — двухметровый слой грунта, переходящий в нижнюю террасу чинка Устюрта.

Горелов не успокаивался и упорно утверждал, что здесь должна быть стоянка древнего человека и надо искать следы его деятельности. Стали искать. Я лишь теоретически представлял, что конкретно искать, и мысленно настроился на поиск любого объекта, не похожего на природный. Поиск длился долго. Мы двигались медленным «гусиным» шагом, в полусогнутом состоянии, внимательно осматривая каждый сантиметр поверхности. Обошли все ровные участки нижней террасы чинка над кострищем — ничего. Поднялись на самый ровный участок следующей террасы. Здесь земля была очень плотная, из смеси глины и гипса, а её поверхность усыпана мелкой галькой разного цвета. Преобладали камушки белого,

красновато-коричневого и темно-зелёного оттенков. Среди этой мозаики, Юрий Константинович нашёл несколько отщепов, множество кусочков от отщеплённых пластин и «рабочую плиту» (плоский кварцевый булыжник) с мелкими сколами в центре (следы от обрабатываемых на ней ядрищ). Откровенно говоря, находки и знания Горелова меня ошеломили. В Депме кто только не был! Я сам там всё излазил. А Горелов приехал и сразу обнаружил палеолитическую стоянку и утверждает, что это новая находка на территории Туркмении.

В тот момент я засомневался и подумал, что Горелов знал об этой стоянке, и приехав в Депме лишний раз, убедился в её существовании. Слишком быстро и гладко всё обнаружилось — кострище, отщепы... Позже я специально просмотрел многотомное издание серии «Археология СССР» и убедился, что в литературе нет указаний на палеолитическую стоянку человека в районе Депме. Горелов оказался прав. Впоследствии, при встрече мы часто обсуждали наши впечатления, полученные от поездки, но это другая история и другие воспоминания.

Полностью публикуется впервые. Часть 1 опубликована в «Черноголовской газете», №38 (1470), 19 сентября 2019, с. 14.

Еройландуз. Фото В.С. Лукаревского.

Олгой-хорхой и Юрий Горелов

Юрий РОСТ

...В 1922 году в Монголию отправилась за сенсациями американская экспедиция Роя Чепмена Эндрюса*. Ожидания оправдались. В районе «красного места» Баянзаг учёные нашли не только скелеты динозавров, но и кладки окаменевших за семьдесят — сто миллионов лет яиц доисторических животных. Раскрыв секрет размножения динозавров, Эндрюс натолкнулся на другое, малоизвестное в мире и чрезвычайно таинственное существо, по сей день обитающее в Гоби. Точнее, как раз не натолкнулся. Но узнал о нём.

Премьер-министр Монголии, принимая учёного, попросил изловить нечто. Никто из знакомых ему людей это нечто не видел, но слышал, что оно наверняка существует. Животное настолько опасное, что не только прикосновение, но самый взгляд на него ведёт к неминуемой смерти наблюдателя. Эндрюс изготовил специальные стальные щипцы, защитный шлем (от таинственных лучей или волн) и отправился на поиски, однако таинственного монстра не нашёл и подверг сомнению его существование.

Советский учёный и писатель Иван Ефремов, который в составе советской экспедиции пытался найти место, где американцы нарыли кости и яйца динозавров, тоже интересовался загадочным жителем Гоби. «По очень древним поверьям монголов, в самых безлюдных и безжизненных пустынях обитает животное, называемое «олгой-хорхой»... Олгой-хорхой не попадал в руки ни одному из исследователей отчасти потому, что он живёт в безводных песках, отчасти из-за того страха, который питают к нему монголы». У Ефремова он поражает жертву

**Знаменитый американский путешественник, прототип Индианы Джонса.*

См.: <https://roychapmanandrewssociety.org/roy-chapman-andrews/> (Прим. ред.)

электрическим разрядом, но Ефремов олгой-хорхоя не видел. Очевидно, это червеобразное животное, обитающее в песках, напоминающее размерами колбасу и убивающее на расстоянии, персонаж монгольского фольклора, предполагал писатель: «кишка-червяк» (так переводится на русский его название) относится к животному, ныне вымершему, но сохранившемуся в народных преданиях.

В девяностые годы две длительные чешские экспедиции пытались найти таинственное животное, но кроме леденящих душу свидетельств существования олгой-хорхоя, ничего в их улове не было. Серьёзные зоологи выдвигали различные, порой фантастические версии о том, что представляет собой пустынное чудовище и чем оно вооружено, но подтверждения им так и не нашли. Иван Ефремов привёл слова монгола по имени Цевен из поселения Даланзадгад (мы запомним это название), который сказал ему: «Никто не знает, что они такое, но олгой-хорхой — это ужас».

В небольшом музейчике, как раз недалеко от этого самого Даланзадгада (куда мы прилетели с Витей Такновым и нашим старым сопутешественником Мишей Тюльниковым из туристской компании «Команда Горький»), на границе заповедника в Гоби рядом с пыльными чучелами обитателей пустыни, окаменевшими костями и яйцами динозавра я увидел короткую (сантиметров сорок) и довольно толстую деревянную, обточенную палку.

— Это скульптурный портрет олгой-хорхоя? — спросил я зрителя.

Тот отвернулся и вышел.

— По-моему, ты задал ему неприятный вопрос, — сказал мой друг Виктор Такнов. — Что это такое?

Услышав рассказ о таинственном черве-убийце, живущем в песках Гоби, Виктор Анатольевич весьма возбудился и призвал меня немедленно отправиться на поиски какого-нибудь чрезвычайно крупного экземпляра, поскольку рядовой олгой-хорхой, в силу страсти и темперамента Такнова, не больно бы его устроил. Посидев, однако, под теплым солнышком у музея-юрты на позвонке доисторического ящера и немного поостыв ввиду

бесконечного простора, он решил, что лучше немедленно найти в районе «красного места» скелет динозавра величиной с дебаркадер Киевского вокзала работы инженера Шухова, поскольку стальные щипцы и защитный шлем мы с собой не прихватили.

— Так его никто и не поймал? — с ревнивой надеждой спросил Такнов.

— Это долгая история. Ты о Горелове слышал?

... В 1977 году Юрий Константинович работал в Монголии — месяц в зоологической, месяц в палеонтологической экспедициях, — как раз в тех местах, где, по рассказам монголов, водится олгой-хорхой. Времени на серьёзные поиски не было, хотя животное его заинтересовало. Не зря же монголы искренне верят в его существование и в убийственную и весьма таинственную силу «кишки-червя». Разумеется, это может быть и предрассудок на манер туркменского, где считают: если варан проползёт у тебя между ног — прощай мужская сила. Но жертвы олгой-хорхой известны. Студент, с которым Горелов летел в Москву, рассказал, что его дед, монгольский революционный солдат, боролся с темным прошлым в глубине пустыни и однажды, увидев олгой-хорхой, чтобы показать, что страхи суеверны, шашкой разрубил чудище. После чего побледнел, потом побагровел, упал... и умер. Горелов понимал, что сила самовнушения у монголов столь велика, что действительно может убить, но его интересовал зоологический феномен.

В течение 5 лет Горелов приезжал в Монголию работать в заповеднике, и у него была возможность сматываться в те места, где пастухи встречали олгой-хорхой. Решив отправиться на поиски, он собрал маленькую команду исследователей разных зоологических специальностей. Юрий Горелов — позвоночные, Александр Друк — беспозвоночные и морфолог Борис Петрищев, способный законсервировать трофей, если повезёт. Нужно было представить, что это могло быть. Претендентов оставили трёх: восточный удавчик, земляной червь и кивсяк — огромная многоножка. Дальше обсудили, какое может быть оружие. У кивсяка, возможно, — яд, цианид. Значит, олгой-хорхой брызгает быстроиспаряющимся ядом. Могло быть электричество, как у электрических скатов или

сомиков на Ниле. Последний вариант — инфразвук. Однако Горелов проконсультировался у военного спеца, и тот объяснил, что для поражения в «предлагаемых условиях» диаметр излучателя должен быть не меньше барабана. Многовато даже для мифа.

Поскольку Борис на 10, а Саша на 20 лет моложе Юры, решили, что ловить будет Горелов — не так жалко.

Охота на миф

Собрав массу свидетельств явления «кишки-червя», они узнали, что лет за 10 до их экспедиции чабан поймал олгой-хорхоя. Убил его и, посадив в банку с жидкостью от слепней, которые досаждают скоту, привёз на праздник в Даланзадгад (опять это место), где его видело много людей. Раствор был негодным для консервации, экспонат скоро сгнил и его выбросили. Горелов записал имя отважного арата, и в 1983 году, выстругав палочку (дерево не проводит электричество) и расцепив ее на конце, они вместе с переводчиком-монголом, доцентом МГУ Улугпаном (тоже специалистом по беспозвоночным), отправились в те пески, где якобы видели монстра.

Добравшись до места, где, по описаниям, могло жить таинственное животное, зоологи провели разведку. Саша Друк, как самый крупный из них, вырыл траншею, чтобы по срезу определить, кто здесь может жить. Песок лежал между тонкими, сантиметр толщиной, слоями опавшей листвы. Червяк здесь мог бы жить, если бы не засолённые нитратами грунтовые воды. Значит, черви отпали. Для кивсяков «поверхностного опада» листьев, где они могли бы поселиться, не было. Оставался один вариант — змеи. Но следов их присутствия не было.

Закончив раскопки, исследователи двинулись дальше и скоро (по гобийским масштабам) наткнулись на небольшое семейное стойбище из нескольких юрт. Семидесятипятилетний арат, выходец из Внутренней Монголии, за чаем назвал себя, и Горелов, обладающий уникальной памятью, узнал его имя.

— Это вы лет десять назад поймали и привезли в Даланзадгад олгой-хорхоя?

— Я!

— Как он выглядел?

Выглядел он, по словам пастуха, как большой червяк, у которого даже с близкого расстояния трудно было различить голову и хвост. То ли два хвоста, то ли две головы с обеих сторон. А по бокам светлые полосы. В юрту вбежали двое внуков старого чабана. Им что-то хотелось сказать, но по этикету степи они не могли перебить взрослый разговор. Наконец, старший, лет девяти пацан, дождавшись короткой паузы, крикнул:

— Олгой-хорхой!

— Где? — вскочил Горелов.

— Там, на бархане!

Горелов, нарушив этикет, выскочил из юрты и, второпях забыв свою ловчую палку, побежал к невысокому, метров пять-шесть холму. Дети на безопасном расстоянии устремились за ним.

Наверху бархана Горелов увидел норку и осторожно заглянул в нее. Там в поперечном Т-образном ходе что-то лежало. Головы и хвоста видно не было. Он оглянулся на мальчишек и запустил голую руку в норку. Дети побежали к юртам.

Горелов достал существо, осмотрел его и, повесив на шею, зашагал к зрителям. Мужчины смотрели настороженно, женщины стояли так, что ноги их готовы были бежать прочь, а головы повернуты назад от напряжённого любопытства. Старик подошёл к Горелову.

— Олгой-хорхой! — сказал он и протянул ему руку.

Это был восточный удавчик, хвост и голову которого действительно легко спутать.

— И всё? — разочарованно спросил Такнов, дослушав рассказ.

— В этот раз всё, но Горелов допускает, что в других случаях это может быть разновидность земляного червя или кивсяк. Опасность олгой-хорхой в психике самих людей, наделяющих его необыкновенными свойствами. Помнишь: «Олгой-хорхой — это ужас»? А ужас не живёт в природе, он живёт в нас.

Миф

Самовнушение — опасная вещь. Свои страхи мы часто культивируем сами и приписываем незначительному существу качества монстра. Он таинствен, опасен, у него две головы, он убивает волю и достоинство человека, который к нему приблизился: то ли брызгает ядом, то ли давит разум инфразвуком, то ли волны пускает невиданной силы. И легенды подтверждают эти качества, требуя поклонения. Как народ Гоби живет в суеверном страхе перед могуществом Червя, так и другие народы часто верят в угрожающие сказки о непобедимой непогрешимости и невероятном всеисилии некоей твари диаметром меньше пионерского барабана, без ядовитых зубов и с электрическим зарядом, достаточным лишь для того, чтобы с помощью слабых радиоволн обещать ужас, если мы осмелимся отказаться от страха.

А Горелов, трезвый и образованный, уже спокойно поднимается по холму. Его не пугают фальшивые головы. Он запустит руку в норку, вытащит нашего олгой-хорхоя на свет и покажет народу, который приготовил ноги, чтобы бежать, а головы повернул от любопытства.

— Это удавчик. Он питается теми, кто готов быть съеденным: ящерицами, мышами... А так, ничего особенного. Миф.

Слава Горелову, победителю страха!

«Новая газета», 23 марта 2012; перепечатано 15 июля 2016.

Ещё несколько слов о Юрии Горелове

Александр ДРУК

Трудно писать о друге. Тем более о друге уже ушедшем. Почему умудрились сдружиться два человека столь разного возраста и жизненного опыта — остаётся для меня загадкой. И тем не менее, я благодарен судьбе, подарившей мне многолетнюю дружбу с этим замечательным человеком.

Меня поражали в нем многие качества. Но прежде всего — абсолютное бесстрашие. Он не боялся ничего: ни выстрела браконьера, ни последствий поимки секретаря ЦК, ни срыва учений военной дивизии, которая, не долго мудрствуя, решила проехать через заповедник. Мне кажется, что это бесстрашие базировалось на глубоком осознании собственной правоты, изменить которой невозможно.

Когда Юра переехал в Черноголовку, мы выработали секретный код для общения. Если мне перепадала от друзей «нелегальная» литература, я звонил Юре и сообщал кодом, чтобы он приезжал на ночные «почиталки». Однажды мне в руки попала изданная за рубежом книга о состоянии охраны природы в СССР.* Среди редких положительных примеров в ней рассказывалось об опыте Юры по охране природы в Бадхызе.

** Это была известная книга Владимира (Зезва) Вольфсона (1944 — 2009) «Уничтожение природы: обострение экологического кризиса в СССР» (Франкфурт: Посев, 1978), опубликованная под псевдонимом «Борис Комаров». В книге бегло упоминается Бадхыз и усилия И.С. Суха и Ю.К. Горелова по охране территории от выпаса скота. Обе фамилии в тексте книги приводятся в искажении («Суханов» и «Горелев»). — Ред.*

Я волновался, что упоминание в такого рода издании может принести Юре много неприятностей с властями. Но Юра отнесся к моим опасениям с завидным спокойствием, заявив, что после туркменских властей ему уже ничего не страшно.

Охрана природы всегда была главной страстью Юрия Горелова, его маниакальной, не побоюсь этого слова, увлечённостью, что позволяло ему находить и видеть такие аспекты, которые обычно ускользали от менее опытного исследователя.

Навсегда запомнился урок, преподанный мне ещё на заре нашей дружбы в один из первых моих приездов в Бадхыз. Я по заданию шефа собирал различных беспозвоночных в окрестностях Моргуновки, не входившей в заповедную зону. Наиболее продуктивным было искать зверей под камнями. Горелов, узнав о моей методике, спросил: «А ты кладёшь перевёрнутые камни на место?» И мне стало очень стыдно, что возвращать камни в исходную позицию даже не пришлось мне в голову.

Другой пример такого нетрадиционного подхода к охране природы — метод Горелова по исследованию питания варанов, красочно описанный в одном из очерков Юрия Роста. И таких примеров можно привести множество.

Полная приключений жизнь Юры Горелова, его яркая личность не могли не стать основой множества историй, пересказываемых в среде биологов. И я, грешный, любил рассказывать друзьям «байки» о легендарном Горелове. Большинство этих баек родилось из рассказов самого Юры, нашедших отражение в блестящих очерках Юрия Михайловича Роста, которые частично вошли в настоящее издание. Лучше Юрия Михайловича не напишешь, да и не надо пытаться. И всё же мне хотелось бы прокомментировать несколько моментов.

Несмотря на несомненную авантюристическую жилку, Юрий Константинович Горелов был прежде всего учёным, причем не просто биологом и зоологом, но, прежде всего, натуралистом, последним из могикан этой редкой и ныне

вымирающей специальности, с ярко выраженным gestalt-подходом к проблемам. Данный подход мы и использовали при подготовке к поездке за олгой-хорхом. Мы выработали целую систему критериев отношения к правдоподобности легенд о необычных животных, от йети до Лох-Несского чудовища и чупакабры. Эта система была только наполовину шуточной. Да и вообще, та поездка была отнюдь не за олгой-хорхом.

Дело в том, что, согласно собранным нами упоминаниям об этом «чудовище», все встречи с ним происходили в весьма специфическом биотопе. Когда в пустыне Гоби грунтовые воды подходят близко к поверхности, они зачастую зарастают тамариском, в корнях которого аккумулируется песок. Тамариск перерастает этот песок, но песка прибывает всё больше. В результате, образуются вытянутые вдоль подземного водотока довольно высокие песчаные валы, поросшие тамариском и другой растительностью. Почва таких валов состоит из перемежающихся нечётких слоев песка и опада тамариска. Подобные биотопы относительно редки среди каменистых гамад Гоби. Вот их изучению и была посвящена эта поездка. А олгой-хорхой — это уж как повезёт.

Повезло. Своеобразное тело песчаного удавчика, пойманного Юрой, с толстым хвостом, похожим на вторую голову, способность змеи передвигаться под слоем песка так, что её не видно, и кажется, будто песок немного приподнимается сам собой, — всё это могло объяснять страх перед этим животным. Раскрыта ли окончательно загадка «ужаса Гоби»? Я сомневаюсь. Надо же что-нибудь оставить и другим исследователям.

Кстати, в этой поездке удалось подойти к решению другой загадки, которая нас долго мучала. В начале тридцатых годов в Монголии существовали сотни буддийских монастырей до их уничтожения Чойбалсаном. Небольшая часть этих монастырей была расположена в южной пустынной и засушливой части Монголии. Встречаясь с остатками этих монастырей, отнюдь не всегда было понятно, как решалась проблема их водоснабжения, когда на праздники к

монастырям собиралось всё окрестное население со своим многочисленным скотом.

В ту памятную поездку нам посчастливилось наткнуться на развалины одного такого монастыря, от которого остались лишь небольшие кучки камней, не позволявших даже примерно вообразить облик былых построек. Но по склонам окружающего мелкосопочника удалось обнаружить целую сеть неглубоких канавок, сверху прикрытых плоскими камнями. Канавки сходились к некоему углублению с ныне полностью разрушенной структурой, которое, по нашему предположению, могло быть подземным водохранилищем.

Климат Гоби крайне скуден на осадки, но иногда, с частотой в несколько лет, выпадает ливневый дождь. И тогда по сайрам несутся чудовищные селевые потоки, такыры превращаются в моря, а поверхность гамад становится совершенно непроходимой грязью, в которой утопаешь по колено.

Просто удивительно, как буддийские монахи строили целые системы для накопления и сохранения воды от столь нечастых осадков. Изучение ныне забытых приемов сбора и сохранения воды в пустыне, как показал опыт Израиля, имеет большой практический потенциал.

Вся поездка за олгой-хорхоем запомнилась мне как одна из самых успешных в опыте моих экспедиций. И несомненно самая весёлая. Чего только стоило выдумывание новых аргументов в пользу того, кто должен рисковать жизнью при встрече с олгой-хорхоем — вполне взрослый и опытный или молодой и необученный. Каждый день добавлял всё новые и смешные аргументы к этому спору, как весело было изобретать всевозможные заземления и защиты от ядовитых газов страшного зверя.

Впрочем, и все остальные поездки, походы и посиделки с Юрием Гореловым оставили впечатление только нескончаемой радости и веселья. А теперь к ним прибавилась печаль.

Публикуется впервые.

*Бадхыз, кордон Кепеле (Кепеля).
Место, где с конца 1970-х гг. располагался стационар
Ботанического института (БИН) АН СССР.
Фото В.Я. Фета, 10 апреля 2002.*

Думая о Горелове

Виктор ФЕТ

Юрий Константинович Горелов был в моей молодости решающей фигурой, которая, как оказалось, во многом определила течение моей дальнейшей жизни. Для зоологов того времени Горелов и Бадхыз были синонимами, и он был если не первым (заповедник существовал с 1941 года), то самым значительным его научным сотрудником. Энтузиазм Горелова известен и описан, Юрий Рост и другие подробно писали о его борьбе с браконьерами, о его беззаветной и безудержной страсти к охране природы. Можно сказать, что Горелов был тогда моей (и многих других) ролевой моделью, примером самоотверженного полевого натуралиста, который не только изучает животных, но страстно их оберегает.

Жил я в усадьбе Бадхызского заповедника на окраине посёлка Моргуновка, усадьба там и по сей день, но сильно перестроена. Когда я в последний (и в первый после 1978) раз приезжал туда весной 2002 года, моего глинобитного домика уже не было. Это была старая саманная хатка с двумя каморками, там была железная пружинная кровать и железная же печка-буржуйка — топили углём, растапливали саксаулом. Из брёвен-балок на мою кровать ночью сыпались термиты, поедающие эти брёвна; они застревали в моей бороде. Я жил в этой хатке с августа 1976 по март 1978, часто выезжая на территорию заповедника, а также порой навещаясь из Бадхыза в «материковую» Россию. В качестве компенсации за экзотику спартанской жизни научным сотрудникам разрешали «перенос рабочего места», т.е. отпуск с

сохранением зарплаты, иногда и до месяца — так я бывал в Новосибирске, Москве, Ленинграде.

Вспоминая те годы — и особенно холодную бадхызскую зиму 1977—1978 — понимаю сейчас, что Горелов и его жена Рая были ко мне добры, как близкие люди, и помогли выжить в достаточно спартанских условиях не только физически, но и прежде всего морально. Участие и теплота Гореловых, их обращение со мной как с равным, поддержало и укрепило меня в тот год. Иначе не исключено, что, не имея такой опоры, я бы сдался и вернулся в Новосибирск (свои связи с которым я уже порвал капитально, выписавшись из родительской квартиры в Академгородке — ведь чтобы жить в Кушке, необходима была прописка в погранзоне. Прописка в СССР была важной и часто малодостижимой привилегией, очень многие пытались закрепиться в Академгородке — а я поступил наоборот).

Без поддержки Гореловых меня мог ждать и иной вариант судьбы. Молодёжь, попавшая в Бадхыз, приехав за экзотикой — егеря, охотинспекторы, лесники, да и научные сотрудники — по российской привычке просто спивалась, не буду называть фамилий. Горелов не пил ни водки, ни жутких местных креплёных вин — «только сухое вино», что уже само по себе тогда придавало ему статус «интеллигента». Сухое вино Горелову в Кушке добыть было не просто — советский дефицит любых товаров доходил и до самой южной точки страны. Как-то я возвращался в Кушку поездом из Москвы (четыре дня) и загрузил целый ящик, половина предназначалась Горелову.

(Поезд этот, с прицепным вагоном Москва-Кушка, был легендарен. Именно на нём предполагалось неосуществившееся путешествие в Бадхыз Высоцкого со Смеховым для гастролей по погранзаставам — план такой поездки серьёзно обсуждался с Вениамином Борисовичем Смеховым, с которым счастливо свела нас судьба на Таганке незадолго до моего отъезда в Бадхыз, в январе 1976 года...).

Горелов (я обращался к нему, конечно, «Юрий Константинович») и Рая («Раиса Ивановна») почти каждый вечер в ту зиму проводили со мной время у себя дома, где было

уютно и интересно. Они и подкармливали меня, конечно, из своего нехитрого хозяйства, — хотя я готовил и сам себе всякие макароны с луком, а в деревне брал и молоко, в целом жизнь в Кушке не была сытой — рыбные консервы в магазине были (килька в томате) — иногда мы группой ходили (6 км) в офицерскую столовую в Кушке, где можно было поесть борща и мяса, гражданских туда тоже пускали.

Горелов слушал мои истории об Академгородке (хотя, думаю, мои студенческо-театральные дела были ему не так интересны), а я иногда расспрашивал о его юности в Болгарии — но в основном, речь была о Бадхызе, о животных, о зоологии, и, увы, по привычке я не слушал, а сам болтал. А надо было гораздо больше расспрашивать и записывать. Впрочем, Горелов тоже любил «пот'еяться» и вряд ли вообще много записывал, а жаль. (Его грассирование, кстати, было натуральным дефектом речи, хотя в советских фильмах белые офицеры грассировали — на самом деле это была петербургская традиция аристократов, так говорил Набоков, — и было лестно записать картавость Горелова по части его белогвардейского происхождения...)

И, конечно же, именно Горелов укрепил мою копившуюся с детства страсть к Болгарии — с её понятным алфавитом и чудесным твёрдым знаком, впервые приведшим меня к словарям. (В болгарском твёрдый знак — особая гласная, произносимая как краткое «а». В нём запечатлено расхождение языков от общего предка — род дарвиновской эволюции). Через 30 лет я с гордостью рассказывал Горелову о нашем томе «Биогеография и экология Болгарии» (Fet & Popov, eds., 2007). Истоки этого проекта работы с замечательными болгарскими натуралистами, конечно же, тоже шли от Горелова, который легко передал мне увлечение балканской природой своего детства и юности. В Болгарии, куда я всегда стремился и где впервые побывал в 1999 г., старшее поколение зоологов хорошо помнило Горелова.

Горелов был истинным натуралистом во всех отношениях. Сказано немало о его практической деятельности, но он постоянно схватывал своим острым глазом и лучшие редкости

нашей теории (тогда, задолго до появления анализа ДНК, ещё очень незрелой) — не зря штудировал он в болгарской юности Дарвина и Северцова. Именно он легко открыл мне в своей библиотеке страницы лучших трудов о Средней Азии (а ведь как невероятно трудно было тогда даже увидеть эти разрозненные книги!) — и за несколько месяцев усилил и развил мою страсть к зоогеографии. Узнав о моей страсти к паукообразным, Горелов сразу же доверил мне анализ единственного экземпляра необычного, редчайшего скорпиона. Зоркий глаз Горелова обратил внимание на эту мелкую тварь, которую он собрал 19 апреля 1974 г. в Еройландузе, у родника, носящего имя легендарного А.А. Бащенко. В лучших традициях колониальных имперских зоологов России, Горелов передал необычного скорпиона в питерский Зоологический институт (ЗИН). Я побывал там впервые в 1977 г., нашёл этот экземпляр и сравнил его с обширной музейной коллекцией. Это оказалась первая в пределах СССР находка редчайшего иранского рода *Kraepelinia*. (В Бадхыз заходит много иранских и афганских видов, не встречающихся далее к северу). Уникальный эндемик был мною опубликован (Фет, 1984) с благодарностью Горелову.

Юрий Константинович охотно делился своими контактами и именно он знакомил нас, молодых натуралистов, с лучшими зоологами Москвы и Питера — рекомендация от Горелова была лучшей визитной карточкой, что в ЗИНе, что в МГУ. Он же всегда рекомендовал наши публикации во все научные журналы — московский «Зоологический журнал», питерское «Энтомологическое обозрение» — и, конечно же, «Известия АН Туркменской ССР» в Ашхабаде; в их дружелюбную редакцию в начале 1980-х я входил, не снимая пыльных сапог и доставал из рюкзака очередную машинопись... Мы были учениками Горелова в лучшем смысле этого слова, хотя он никогда не занимал преподавательской должности; и многие из нас, ставших профессорами по всему миру, до сей поры хранят традицию Горелова и ему подобных в преподавании: увлекать учеников-натуралистов собственным примером бесконечной жажды новых знаний и дерзких обобщений.

Много лет спустя, в последний год жизни Горелова, мы с коллегами назовём в его честь новый вид скорпионов из Туркмении: *Olivierus gorelovi* (Fet et al., 2018) (семейство Buthidae). Зоолог Георгий Шенброт ещё в 1986 г. описал по сборам Горелова ископаемого тушканчика из Бадхыза, *Salpingotus gorelovi*. Но похоже, что наш скорпион — единственный ныне живущий зоологический вид, носящий имя Юрия Константиновича. А ведь Горелов помогал десяткам, если не сотням приезжих зоологов, которые продолжают описывать множество новых видов — особенно в наши дни, когда с помощью кодов ДНК нам ближе открылась истинная глубина «биоразнообразия».

Скорпион *Olivierus gorelovi* — обычный в тех краях и самый крупный «жёлтый скорпион», ранее известный в литературе как *Mesobuthus caucasicus*. Он обитает по всей равнинной Туркмении и заходит в Бадхызе на территорию заповедника; однако далее к югу, в предгорьях Паропамиза — т.е. в долине реки Кушки и в самой Моргуновке — он сменяется другим, южным видом того же рода, *O. parthorum*. Я рад, что Горелов успел узнать об очередном подтверждении своих излюбленных зоогеографических выкладок о Бадхызе как о переходной границе между гигантскими «выделами» — эволюционными регионами: иранско-афганскими горами и великими пустынями Азии.

Тогда же, зимой 1977—78 г., когда мы с Юрием Константиновичем обсуждали зоогеографию Туркмении, я писал — и с удовольствием читал эти стихи Гореловым:

КРАЙ

Между Теджена и Мургаба,
Между текущих с юга рек,
Лицом на Запад, где Кааба
И смутный образ новых Мекк,
Обороти лицо к Востоку,
Куда купцы ходили встарь,
Вознёсся Крест неподалёку,
И Солнце всходит на алтарь.

За Кушкою, за южным краем
Нет ни холмов, ни чуждых стран,
Бадхыз, волною омываем,
Воткнулся прямо в океан.
Суровый ветер, из норд-остов,
Не с шора в нем, а с моря соль,
Тогда «Бадхызский полуостров»
Именовать тебя позволь.
Недаром виделся всегда нам
Мираж морей, где Кепеля:
Лежит, омыта Океаном
По краю, плоская земля.
Вошёл в ландшафт иного мира
Чужий тревожащий озон,
И бьются волны о баиры,
О берега аридных зон,

И звёзды видятся иначе,
И как бы знаком Крайних Мест
Кресту Кушкинскому впридачу
На небе всходит Южный Крест.

(Здесь, конечно, присутствует мой любимый «Рубрук в Монголии» Заболоцкого, никогда меня не покидавший; книгу с этой поэмой я купил в пустынном казахском посёлке на реке Чу в студенческой экспедиции 1974 года...)

«Край» должен был быть поэмой и имел подзаголовок «Путешествие полковника Йейта в 1888 году с целью проведения Русско-Афганской границы по Северному Афганистану и Южной Туркмении, с присовокуплением философических размышлений полковника об условности каких бы то ни было граней вообще». Английский полковник (Charles Edward Yate, 1849 — 1940) — лицо историческое. Комиссия по разграничению действовала в 1885-88 гг. У меня была его книга (Yate, 1888), купленная в питерском букинисте, в ней мы с Гореловым внимательно рассматривали подробную карту тех времён. Та же комиссия сопровождалась первыми в регионе исследованиями ботаника Эйчисона (Aitchison, 1888).

Бадхыз был последним рубежом, где прошла граница между зонами влияния Российской и Британской империй — «Большая игра» Киплинга.

А много лет спустя, когда я посетил в последний раз заповедники Туркмении, у меня сложились эти строки о глине и песке:

БАДХЫЗ И РЕПЕТЕК

На пороге нового века
Запиши в листки дневника:
От Бадхыза до Репетека —
Море глины и тьма песка.

За закатною тенью длинной
Образ мысли давно знаком:
Что Бадхыз не покроет глиной,
Репетек занесёт песком.

Здесь кончается наша виза —
Из-под плотно закрытых век
Всё, что вспомнилось для Бадхыза,
Навсегда сотрёт Репетек.

*18 апреля 2002,
Репетекский заповедник*

Литература:

Фет, В. 1984. Новый для СССР род и вид скорпионов из Бадхыза: *Kraepelinia palpator* (Birula, 1903) (Scorpiones, Buthidae). *Изв. АН Туркм. ССР, сер. биол. наук*, 4: 37-43.

Шенброт, Г.И. 1986. Тушканчики (Rodentia, Dipodidae) позднего плиоцена Бадхыза. С. 41-58 в кн.: *Грызуны и*

зайцеобразные позднего кайнозоя. (Тр. Зоол. ин-та АН СССР, 156). Л.: Наука.

Aitchison, J.E.T. 1888. The botany of the Afghan Delimitation Commission. *Trans. Linnean Soc. London, Botany*, 3(1): 1-139.

Fet, V., F. Kovařík, B. Gantenbein, R. C. Kaiser, A. K. Stewart & M. R. Graham. 2018. Revision of the *Mesobuthus caucasicus* complex from Central Asia, with descriptions of six new species (Scorpiones: Buthidae). *Euscorpius*, 255: 1-77.

Fet, V. & A. Popov (eds). 2007. *Biogeography and Ecology of Bulgaria (Monographiae Biologicae, 82)*. Springer.

Yate, C. E. 1888. *Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission*. Edinburgh; London: W. Blackwood & Sons.

Воспоминания публикуются впервые.

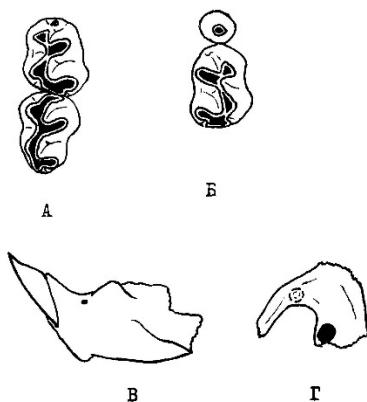
Стихотворения:

Край. — В кн.: *Под стеклом*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000, с. 48-49.

Бадхыз и Репетек. — В кн.: *Многое неясно*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2004, с. 131.

Скорпион *Olivierus gorelovi* (Fet et al., 2018). Фото Ф. Коваржика.

Ископаемый тушканчик *Salpingotus gorelovi* (Шенброт, 1986: 143, рис. 2А-Г). Фрагменты зубов и челюстей.

ЧАСТЬ 2
РАССКАЗЫ НАТУРАЛИСТОВ

Совместная охота лисицы и перевязки в Бадхызе

А. А. СЛУДСКИЙ

Отрывок из статьи «Взаимопомощь во время охот у хищников различных видов (адьюторизм)». Зоологический журнал, 1964, 43(8): 1203-1210.

Среди разнообразных биологических отношений между организмами, возникших исторически на почве пищевых связей, в настоящее время известны такие явления, как хищничество, истинный паразитизм, нахлебничество, или комменсализм и мутуализм. Существуют и такие виды пищевых связей, которые не подходят под понятие вышеперечисленных явлений. Так, весьма своеобразна взаимопомощь во время охот у хищников, принадлежащих не только к различным видам, но и к семействам и даже классам.

Замечательный пример таких отношений между обыкновенной лисицей *Vulpes vulpes flavescens* Gray 1843 и перевязкой *Vormela peregusna alpherakyi* Birula 1910 мы наблюдали совместно с зоологом А.О. Соломатинным в юго-восточной Туркмении в Бадхызе. В урочище Кызыл-Джар 1 мая 1962 в 18 ч была замечена лисица, рядом с которой бежала перевязка. Перевязка то держалась у задних ног лисицы, то, обгоняя её, бежала впереди, причём зверьки друг на друга не нападали. Вскоре хищники добежали до поселения большой песчанки *Rhombomys opimus*. Лисица остановилась на поселении и начала обнюхивать входные отверстия в норы, медленно переходя от одного входа к другому. Перевязка же, быстро обследовав несколько входов, в одном из них скрылась. Прошло около минуты, прежде чем она появилась на поверхности, выйдя из норы примерно в 10 м от того места, откуда она ушла в нору песчанок. К ней подошла лисица, и зверьки побежали дальше.

На следующем поселении песчанок совместная охота описываемых зверей оказалась удачной. Как и раньше, перевязка, найдя поселение, ушла в нору и изредка появлялась

то из одного, то из другого выхода, чтобы оглядеться. Лисица же переходила от одной норы к другой, прислушиваясь. Вот она насторожилась, высоко подняла загнутый хвост, затем присела, готовясь к прыжку. Из норы выскочила песчанка, и сейчас же лисица прыгнула на добычу. Умертвив песчанку несколькими укусами, лисица тут же её съела, не дожидаясь появления перевязки.

Поймав вторую песчанку, лисица отбежала с ней около 50 м, прилегла за куст и там её быстро съела. Перевязка в это время не выходила из норы. Вернувшись к поселению, где только что была поймана песчанка, лисица села и поджидала, пока из норы вышла перевязка, после чего оба хищника отправились дальше, обследуя одно поселение за другим. Вскоре лисица поймала третью песчанку и побежала с ней в сторону. Примерно в 400 м от места описанной охоты к лисице, несшей песчанку, подбежала вторая взрослая лисица. Первая быстро передала её добычу, которую та понесла к норе, видневшейся поблизости, а сама побежала обратно, прямо к тому месту, где осталась перевязка. Заметив нас, хищник ушёл прочь.

Около 45 мин продолжалась эта замечательная совместная охота двух хищников, представителей различных семейств, причём она оказалась весьма добычливой, так как один из её участников — лисица — за сравнительно короткий промежуток времени поймал трёх больших песчанок. Судя по поведению перевязки, и она поймала одного или двух грызунов.

Описанная совместная охота лисицы и перевязки нами наблюдалась неоднократно. Так, 7 мая в 9 ч 40 мин в урочище Кызыл-Джар, примерно в 4 км от места, где мы впервые наблюдали совместную охоту лисицы и перевязки, оба описываемых зверька были встречены вновь.

Интересно отметить, что когда они переходили от одного поселения песчанок к другому, и перевязка отставала от своего более крупного партнёра, лисица замедляла шаг, оборачивалась, а иногда и останавливалась, поджидая свою спутницу.

В третий раз, опять на новом месте, мы встретили лисицу, охотившуюся вместе с перевязкой 8 мая в 8 ч 40 мин. Лисица медленно ходила по поселению песчанок, прислушиваясь к тому, что делается в норах. Иногда она садилась и ждала

выхода перевязки. Последняя вышла на поверхность лишь один раз. Она прошла мимо лисицы и вновь скрылась в норе. Лисица долго её ждала, но, так и не дождавшись, побежала прочь. В этот раз охоту описываемых хищников мы наблюдали 15 мин.

В урочище Кызыл-Джар мы работали с 28 апреля по 19 мая, т.е. 22 дня, и за этот период во время ежедневных экскурсий совместную охоту лисиц и перевязок наблюдали 6 раз. <...>

Перевязка. Фото Ю.К. Горелова.

О вкладе профессора А.Г. Банникова в заповедное дело Туркменистана

Э.А. Рустамов, О.С. Сопыев

В кн.: *Современные проблемы зоологии, экологии и охраны природы. Материалы чтений и научной конференции, посвящённых памяти профессора Андрея Григорьевича Банникова, и 100-летию со дня его рождения*. М.: ГАУ «Московский зоопарк»: ООО «Сам Полиграфист». 2015: 55-58.

Отрывок из статьи

Природой Туркменистана Андрей Григорьевич интересовался всегда. Его влекли открытые пространства Средней Азии, видимо, сказывались воспоминания о жизни в Монголии. Впервые он появился в среднеазиатских краях ещё в студенческие годы, тогда посетил и туркменский Бадхыз. Много позже, весной 1968 г., А.Г. Банников совершил совместно с Л.С. Лебедевой и А.К. Рустамовым экспедицию по Бадхызскому заповеднику и прилежащим местностям, с тех пор он часто приезжал в Туркменистан. <...>

О животном мире заповедников Туркменистана А.Г. Банников писал не раз: хорошо известны его очерки о наших заповедниках в книгах «По заповедникам Советского Союза» (1966, 1974) и статьи об их обитателях, в основном, копытных — кулане, джейране, бухарском олене. <...>

Любимым заповедником А.Г. Банникова был, конечно, Бадхызский, особенно потому, что его территория в «Банниковское время», 1970-е годы, изобиловала копытными — основным объектом исследовательской работы Андрея Григорьевича. И впоследствии посещая этот заповедник, А.Г. Банников каждый раз встречался с его сотрудниками, вникал в их проблемы, консультировал, особенно в вопросах организации учёта копытных и оценки жизнестойкости их популяций, всегда сам старался принять участие в учётах. Ю.К.

Горелов, будучи в ту пору заведующим научным отделом заповедника, считал А.Г. Банникова своим «крёстным отцом»; они вместе разрабатывали вопрос расселения куланов в другие районы Туркменистана (когда и как отлавливать, куда переселять, какими способами переправлять и т.п.). В 1978 г. Андрей Григорьевич предпринял специальную поездку в Меана-Чачинский заказник, куда планировалось переселять куланов из Бадхыза. Поездка была совместно с Л.С. Лебедевой и О.С. Сопыевым, в сопровождении группы, включившей представителей Государственного комитета по лесному хозяйству Туркменской ССР и сотрудников Копетдагского заповедника, в подчинении которого находился Меана-Чачинский заказник. Добавим, что А.Г. Банникова волновали не только кулан и проблемы его расселения, но и вопросы охраны копытных и других зверей Бадхыза и Копетдага; он консультировал научные исследования, выполнявшиеся в Копетдагском заповеднике, руководил диссертацией В.М. Коршунова по копытным Центрального Копетдага.

Андрей Григорьевич не оставлял без внимания вопросы организации водопоев в Бадхызе для копытных, особенно в засушливые годы, которые были одним из ключевых факторов, обеспечивающих жизнеспособность популяций как кулана, так и других животных резервата. При каждом приезде в Туркменистан А.Г. Банников не упускал возможности встретиться, вместе с академиком А.К. Рустамовым, с руководством Государственного комитета по лесному хозяйству, в ведении которого был и Бадхызский заповедник, во время таких встреч учёный со свойственной ему убедительностью доказывал важность обустройства водопоев в Бадхызе. Добавим, что на встречах рассматривались проблемы не только Бадхызского, но и других заповедников, в частности, Копетдагского и Сюнт-Хасардагского. <...>

Архары Бадхыза

Леонид БАСКИН

Едущие в Бадхыз сходят с поезда в Моргуновке, не доезжая один перегон до Кушки. Мы проспали и, когда проводница догадалась нас разбудить, выскочили из вагона кое-как одетые, держа в охапку рюкзаки. Это было пятого марта, когда даже в Россию приходит весна. А здесь кругом лежал снег.

Ушёл поезд. Не было ни вокзала, ни хотя бы будки, чтобы досидеть до утра. Сначала примостились на рюкзаках, потом достали спальные мешки. Рассвет застал нас спящими на снегу.

Мой «отряд» на этот раз состоял из друга Вити Меркулова, пожелавшего провести свой отпуск в экспедиции, и Вали, моей жены, сотрудника на общественных началах.

Чуть свет я отправился в посёлок заповедника, разбудил заместителя директора по научной работе Юрия Горелова, попросил помочь. Все мы, зоологи, знаем друг друга если не лично, то по работам, понаслышке. Стоило мне назвать себя, как Горелов сказал: «Всё ясно», — и протянул руку.

В восемь утра его жена уже поила нас чаем, в десять мы погрузили снаряжение в машину, поздним вечером подъезжали к кордону Акарчешме, где предстояло жить и работать. Позади остались непростая переправа через реку Кушку, кордон Кызылджар с его знаменитым оврагом, где на устроенный людьми водопой приходят сотни куланов и джейранов.

Из всего, чем славен Бадхыз, меня влекли лишь архары. Лучшее для них урочище — Акарчешме — было для нас и самым притягательным местом. Впрочем, Валя ещё мечтала о солнце и тюльпанах («ведь ты обещал!»).

Горелов проводил нас до Акарчешме, в первый раз провёл по окрестностям. Сразу от кордона мы поднялись круто вверх на хребет, прошли два километра, пока с взлостью не открылся просторный вид на долину, густо иссечённую оврагами. Здесь Горелов предложил нам сесть и победно повёл рукой окрест.

Как видно, он не впервые проделывал этот номер и заранее знал, что удивит. В километре от нас на поляне, зажатой между двух оврагов, частью лежали, частью лениво паслись около трехсот архаров.

Горелов стоял над нами и оттого казался ещё более широкоплечим и сильным, чем был. Его счастливое лицо, решительное, загорелое, сверкающее улыбкой могло бы служить моделью для портрета зоолога. Пусть часть зубов уже светила стальным блеском, а в огромных голубых глазах была пронзительность фанатизма, без этих реальных черт нельзя бы представить человека, больше двух десятков лет сражавшегося за природу Бадхыза. Горелов держал в руках карабин, и невольно вспоминалось, как дотрагивался он до вмятин на окованном прикладе, когда рассказывал о былых схватках с браконьерами. Юрий Горелов — живая легенда Бадхыза.

Радушный хозяин звал нас вперёд, хотел показать другие заветные уголки, и моим любознательным спутникам совсем не по душе было остаться здесь, на продутом ветрами взлобье, где одни архары да зоологи чувствовали себя хорошо. Но пробил мой час. Зачем путешествовать, зачем бороться, если не наступит, наконец, этот тихий час работы? Витя занялся костром, Валя села рядом со мной с записной книжкой, а я наладил подзорную трубу. Горелову пришлось распрощаться. Его звали свои дела, свои дороги...

Из книги «Этология стадных животных».
М.: Знание, 1986.

Архары в Бадхызе. Фото Г.Р. Левенштейна.

Бадхызский заповедник: четверть века наблюдений (1985 — 2007)

Виктор ЛУКАРЕВСКИЙ

В далёкие советские 1980-е гг. трудно было найти информацию о природе какого-либо удалённого региона, поэтому мои знания о природе Бадхыза были очень ограничены. Трудно было представить себе всё то многообразие жизни, что включали в себя природные комплексы пустынь и полупустынь. Так получилось, что в сентябре 1984 г. я имел хорошее представление о природе Западного Копетдага (юго-западная Туркмения), где я уже четыре месяца работал в Сюнт-Хасардагском заповеднике и успел прилично познакомиться с значительной частью региона. Тогда же мне удалось познакомиться с удивительным человеком, который посвятил всю свою жизнь Бадхызу — это был Ю.К. Горелов — отличный натуралист и великолепный рассказчик. Он настолько образно описал природу Бадхыза, что у меня образовалась мания — посетить этот край. Вживую увидеть то обилие жизни, которое описывалось для африканского Серенгети, стало нестерпимым желанием.

И вот — апрель 1985 г., моя первая поездка за опытом работы с крупными млекопитающими в Бадхызский заповедник. Мне очень повезло — год выдался настолько богатым, такой была весна в Западной Туркмении: буйство маков и тюльпанов было неопишваемым, а столько диких животных увидеть вживую за один день нигде и никогда не представлялось возможным — тысячи куланов, к стадам которых я подходил на расстояние 50-100 м. Сначала они отбегали, потом, когда я останавливался и садился на холмик, они меня обходили со всех сторон; то же самое проделывали джейраны.

Десятки сипов и грифов роем летали над головой, садились где-то рядом, а когда я подходил к ним, то тут же взлетали. Стало любопытно, почему все они садятся в одно место.

Объяснение пришло быстро, когда я начал наблюдать за лисами. Лисицы находили новорожденных джейранят, убивали их, а сипы и грифы кормились на их добыче. Это происходило в течение всего дня, ближе к чинкам Еройландуза. Как я позже выяснил, это было место окота джейранов, куда сходились практически все джейраны Бадхыза — около 5-6 тысяч газелей.

Я поделился своими наблюдениями за лисицами, грифами и белоголовыми сипами с научным сотрудником В.Е. Божко, который в тот момент занимался исследованиями крупных млекопитающих Бадхыза. Чтобы понять, насколько велико влияние хищничества лисиц на популяцию джейрана, он предложил мне провести учёт жилых нор лисиц (фактически учёт численности на модельной площадке). Была выбрана площадка к югу от кордона Кызылджар на площади в 6 кв. км. Работу я выполнил достаточно быстро в течение 2-3 дней, потому что мне хотелось быстрее начать исследования по леопарду и полосатой гиене. Я начал обследовать Кызылджарский каньон. Там я впервые увидел в природе полосатую гиену, которую испугнул, наткнувшись на свежерырытую нору на плато над оврагом. Трудно сказать, кто больше испугался внезапной встречи: я или гиена, но я толком и не успел её разглядеть, потому что зверь довольно быстро убежал и затерялся в высокой траве и кустарниках. В течение нескольких дней я освоил некоторые приёмы учёта уриалов на маршрутах, хотя там проще было их считать на немногих там водопоях. За ту короткую командировку я успел ознакомиться с пустынно-степной частью заповедника, оврагом Кызылджар (18 км) и лишь поверхностно с впадиной Еройландуз, но быть в Бадхызе и не испытать приключения — это невозможно.

В то время в Кызылджаре находились на полевых работах Владимир Крупко совместно с оператором телевидения. Они снимали видеосюжет об обитателях пустынно-степной части Бадхыза. И, конечно они снимали уриалов и куланов, где на водопое они соорудили засидку, куда приходили затемно, поэтому я старался им не мешать и обходил стороной места, где находилась засидка.

Овраг Кызылджар был заселен огромным множеством разнообразных хищных птиц: гнезда пустельги, курганников,

*Бадхыз, кордон Кызыл-Джар.
Фото А.А.Позднякова, зима 1987.*

беркутов, белоголовых сипов, стервятников, филинов. Конечно, хотелось увидеть или поснимать их птенцов, но все они находились в недоступных для фотосъёмки местах. Тут на одном из обрывов была установлена четырёхметровая толстая доска, прямо рядом с гнездом филина. Я и подумал, что повезло. Быстро взобрался по склону, залез по доске и только приготовился снимать птенцов, как меня очень больно ударило в бок. Я и не подозревал, что родители будут так рьяно защищать птенцов, но когда понял, что намерения их достаточно серьёзны, пришлось быстро спускаться вниз. Только когда я спустился вниз, я осознал, что отделался очень легко: ведь доска не была никак закреплена, и я мог получить куда более тяжёлые травмы, чем уколотый когтями филина бок. Но это был урок надолго, что прежде, чем куда либо лезть, сначала нужно хорошо исследовать и проанализировать возможные угрозы.

Очевидно, что приключения приходят не одни. Овраг Кызылджар — пустынный и безжизненный на первый взгляд, но при детальном исследовании оказывается концентрацией всего живого, что было и есть в пустынно-степной части заповедника. Восемнадцать километров — вроде бы и не так много, однако, когда днём +40°C, а идти обратно уже после обеда, это становится практически невыполнимой задачей. Поэтому я решил выйти на маршрут с рассветом в 4.30 утра, чтобы к обеду успеть вернуться назад.

Всё складывалось наилучшим образом, и я уже прошёл большую часть оврага — около 15 км. Да, необходимо отметить, что в овраге есть несколько родников, но все они с горько-солёной водой, для человека непригодной для питья. Почва по долине оврага тоже солоноватая и образует множество солончаков, на которой хорошо отпечатываются следы, которые хранятся относительно долго. Как раз моя задача заключалась в том, чтобы провести учёт и картирование следов всех млекопитающих. В первую очередь меня интересовали леопард, полосатая гиена и волк, а заодно я собирался провести маршрутный учёт уриала. Всё складывалось наилучшим образом, и был шанс до жары успеть вернуться назад, где меня ждали пресная вода в достатке и приятный зелёный чай, но...

Еройландуз. Фото В.С. Лукаревского.

Одним из очень эффективных на тот момент методов борьбы с браконьерством было «минирование» дорог и проездов, где сотрудники охраны вкапывали большие гвозди, замаскированные травой. Поскольку я одновременно проводил учёт уриалов, которые были под обрывами у верхней части каньона, то я легко наступил на такой гвоздь. Надо сказать, что обут я был в китайские кеды, а не как сейчас, в трекинговые ботинки. Понятно, что о том, чтобы продолжать маршрут, не могло быть и речи, но и обратно 15 километров — тоже не мало. Для начала я засунул ногу в гиперсолёный раствор из родника, которых, к счастью, на маршруте было много. Уняв боль и остановив кровь, потихоньку стал ковылять назад. Если первые 15 км вниз по оврагу я прошёл за 4 часа, то обратный путь занял около 10 часов. Солёный раствор очень благотворно подействовал на мою рану, и уже через пару дней я вполне сносно мог передвигаться. Но обследовать детально чинки Еройландуза уже не было никаких шансов, поэтому в той командировке с Еройландузом я познакомился, лишь

созерцая его долину сверху.

Начиная с 1985 г., я ежегодно один-два раза в год посещал Бадхыз и каждый раз обследовал всё новые и новые территории, включая прилежащие к заповеднику участки и территории рядом с Кушкой (Кушкинский лесхоз) — ведь не всегда была возможность выехать сразу на территорию заповедника. Каждый выезд на территорию заповедника планировался задолго, поэтому, чтобы не терять время в посёлке, я организовывал себе маршруты по окрестностям. Так я узнал, что полосатая гиена распространена много шире, чем на территории заповедника, а на леопарда ставят капканы, в один из которых я только чудом не попался сам. Это было в урочище Агашлы на правобережье реки Кушка.

Так для меня Бадхызский заповедник стал таким же родным, как и Сунт-Хасардагский, благо все сотрудники, включая водителей, всегда были доброжелательны и отзывчивы. Я ощущал себя, как в родной семье. Особенно тепло вспоминаются Берекет, Нуры, которые любили Бадхыз как свой родной дом, и это нас очень сильно сближало. Мне всегда везло в Бадхызе, я каждый раз узнавал что-то новое. Надо сказать, что в начале 1980-х гг в туркменские заповедники почти одновременно приехало много молодых ребят; то же самое относилось и к Бадхызскому заповеднику, поэтому всегда было легко наладить контакты и найти общие темы для дискуссий и обсуждения. Каждый раз по приезде в заповедник с большей частью сотрудников мы встречались как родные. Чаще всего я останавливался у своих друзей Шаповаловых, Марии и Саши, или у Саши Герасимова, с кем чаще всего и выезжал в поле.

В заповеднике все были любознательны и легки на подъём, а поэтому не нужно было долго искать напарников для поездки в поле. По правилам техники безопасности поездка в поле была возможна только в составе нескольких человек. Каждый раз нужно было совмещать свои интересы с интересами коллег. А это всегда были люди, занимавшиеся своими объектами: энтомологи, орнитологи, ботаники и т.д. С другой стороны, это было удобно, поскольку вечерами было с кем обсуждать различные вопросы, делились своими наблюдениями и находками в течение дня, да и веселее

складывалась работа. На маршруты, конечно, каждый уходил по своим интересам и не мешали друг другу. Часто были совместные маршруты, особенно если это касалось учётов. Учётами, как наземными, так и авиа, руководил замдиректора по науке Александр Шаповалов. С ним мы довольно часто обследовали удалённые участки в Еройландузе и пустынно-степной части заповедника. Вспоминаются работы с орнитологом Леонидом Симакиным и энтомологом Виктором Дьяковым, с которыми чаще всего приходилось работать в районе кордона Акарчешме.

Особенно полезным было знакомство и дальнейшая дружба с Сашей Герасимовым, занимавшим тогда должность начальника охраны Бадхызского заповедника. Он и его оперативная группа очень широко патрулировали территорию Бадхыза и практически за ночь проезжали сотни километров, а это — встречи с ночными обитателями заповедника и их следами. Для обнаружения браконьеров они подолгу проводили наблюдения. Как правило, выбирали господствующие вершины, откуда вели наблюдения за окрестностью. Проверяли, а иногда очень осторожно сопровождали весьдвигающийся ночью в степи транспорт, потому что наиболее распространённым видом браконьерства была стрельба из-под фар: животные ослеплялись и подпускали на очень короткое расстояние. Ночное патрулирование территории позволило мне исследовать все окрестности Бадхызского заповедника. Полевые исследования в то время были очень насыщенными: ночью патрулировали территорию в поисках браконьеров, а я регистрировал интересные мне следы жизнедеятельности, а днём обследовал прилежащие территории: искал норы гиен и волков. С помощью Саши Герасимова, а также Ю.К. Горелова, который делился своими более ранними наблюдениями и находками, удалось закартировать практически все норы гиен, обозначить участки обитания волчьих стай и леопарда. Благодаря им я узнал Бадхыз, как свой родной дом: ни одна долина, ни один холмик не остались неисследованными.

С Ю.К. Гореловым мне посчастливилось встречаться в Бадхызе многократно, но дважды, в 1989 и в 1996 гг., мы планомерно просканировали всю территорию Бадхызского

Еройландуз, Солёный ручей. Фото В.С. Лукаревского.

заповедника от государственной границы на северо-западе (урочище Керлек), до Кызылджара. Собранные материалы легли в основу многих научных публикаций (Лукаревский, 1991, 1995а, 1995б, 1997, 1999; Лукаревский и др., 2001; Lukarevski, 1997; Lukarevskiy, Gorelov, 2007).

С Юрием Константиновичем у нас было много споров и дискуссий. В частности, он утверждал, что в пустынной степи и в Еройландузе леопард постоянно не обитает, а я возражал, так как многократно встречал его следы даже в пустынно-степной части. Один из основных видов добычи леопарда — уриал, был многочисленным там вдоль обрывов Кызылджара и Еройландуза. В мае 1989 г. большой группой зоологов во главе с Ю.К. мы пошли смотреть состояние одного из родников Еройландуза (родник Башенко) и тут же заметили неладное — отсутствие уриалов, которые, по свидетельству Ю.К. должны были наблюдать за нами с прилежащих сопок.

Только свежие следы стаи волков, а поверх их следы леопарда, а чуть в сторонке под карнизом наполовину съеденного джейрана, которого он добыл на водопое,

объясняли полное отсутствие животных. Позже я понял, что Горелов был прав: в пустынно-степную часть заповедника леопард регулярно навещается, но постоянно там не живёт. Ведь за многие годы там ни разу не регистрировали самок с котятами.

В начале 1990-х из заповедника уехали практически все научные сотрудники и практически вся оперативная группа, занимавшаяся охраной территории, поэтому было много слухов, что состояние охраны заповедника резко ухудшилось.

Договорившись с Ю.К., мы решили провести обследование Бадхыза и убедиться, что территория заповедника охраняется должным образом. В апреле 1996 г. совместно с Ю.К. мы обследовали всю территорию заповедника. Заехали с Керлека, где мы и провели первую ночь в палатке, а на следующий день обследовали последовательно все ущелья: Каменный родник, Туранга и др. После Керлека обследовали прилегающие горы и ущелья в районе кордонов: Пинханчешме, Акарчешме, Кепеле, Хоудан, Кызылджар и Еройландуз. Слухи о том, что браконьерство приобретает крупные масштабы, подтвердились. В пустынно-степной части заповедника мы насчитали менее 1000 джейранов, что почти в 3-4 раза меньше, чем наблюдалось ранее для того времени года. Об этом мы доложили в Министерство охраны природы Туркменистана и были уверены, что примут надлежащие меры. В том же году Министерство охраны природы Туркменистана издало приказ о регулировании численности кулана. Мы были уверены, что это будет организовано под жёстким контролем, однако...

В апреле 1999 г. я организовал поездку в Бадхызский заповедник для большой группы природоохранных международных экспертов WWF (Хартмут Юнгиус, Ольга Переладова, Григорий Мазманянц и др.). В поездке нас также сопровождал зам. министра охраны природы Туркменистана. Я был абсолютно уверен, что в Бадхызе будет что показать зарубежным экспертам. Насколько я был разочарован, это ничего не сказать, когда за семь дней я смог показать им всего лишь 25 куланов, разбитых на мелкие группы по 3—5 животных на расстоянии около 1,5—3 км. Ни одно животное нас ближе не подпускало. Это означало, что с животным миром

Бадхыза случилась беда. К счастью, и среди чиновников министерства, и среди гостей появилось понимание принятия срочных мер. Эти меры были приняты одномоментно.

Последовали серьёзные организационные мероприятия в управлении заповедником. Директором заповедника был назначен Чары Акыниязов, ранее работавший в заповеднике научным сотрудником. WWF выделило существенные для того времени средства. Для меня и Александра Тарабрина Бадхыз стал приоритетом нашей природоохранной деятельности на последующие 9 лет. Бадхыз мы посещали и инспектировали работу не менее, чем два раза в год. Каждый раз мы посещали всю территорию заповедника. Летом 2000 г. специально пригласили Ю.К. Горелова для проведения учёта численности кулана. Каково же было наше разочарование, когда на летних водопоях было учтено всего 270 особей! Наличие сеголетков было меньше 3% — это означало, что ещё весной этих животных продолжали истреблять. А ведь весной 1996 г., по нашей совместной с Ю.К. оценке, было около 5000 особей.

Одновременно нам пришлось решать ещё одну сложную задачу. В конце 1990-х гг. на просторах бывших союзных республик очень активно развивалась трофейная охота. Не миновала эта чаша и Туркмению. Грамотно организованная трофейная охота может приносить значительные дивиденды, но бесконтрольно — может быть очень вредной деятельностью (Bukreev, Lukarevskiy, 1997, 1998). В Бадхызском заповеднике за 1990-е гг. из-за трофейной охоты были практически полностью уничтожены все взрослые самцы уриала, Популяция начала деградировать, и благодаря пониманию проблемы на уровне правительства республики, в 2002 г. охота была закрыта. Но лоббисты продолжали настаивать на открытии трофейной охоты, поэтому в 2006 г. с целью всестороннего анализа состояния популяции уриала была создана специальная комиссия из специалистов по горным копытным, в состав которой вошли учёные из Дагестана: д.б.н. Э.Г. Ахмедов, к.б.н. Ю.А. Яровенко, представители охотничьих организаций А.Е. Субботин и В. Трещев, сотрудники заповедника Ислам Ишанов и Нуры Худайгулыев. От WWF вошли я и А.С. Тарабрин. В июле 2006 г. был проведен всеобщий учёт численности уриала на водопоях. Мы насчита-

*Бадхыз, птенец чёрного грифа в гнезде.
Фото В.К. Крупко.*

ли около 1000-1200 особей, и хотя прошло 4 года после закрытия охоты, но структура популяции ещё не восстановилась. Мнение учёных было единодушным — открывать охоту ещё рано.

На средства WWF была отремонтирована вся техника заповедника (автомобили, трактора и навесное оборудование, в том числе для проведения противопожарных мероприятий), закуплены 10 мотоциклов, 4 новых автомобиля, новая водовозка, отремонтированы и восстановлены все искусственные водопои. Вся охрана заповедника была оснащена всем необходимым для автономной работы на всей территории заповедника. Территорию заповедника патрулировали 4 оперативные группы. Буквально в течение

одного года ситуация была полностью под контролем, и численность животных постепенно стала восстанавливаться.

Уже в 2001 г. куланы объединились в крупные табуны, и количество новорожденных жеребят достигало 30-40%. Специально, чтобы часть куланов оставалась круглогодично на территории заповедника и с целью восстановления Керлекской группировки, которая в 1996-1999 гг. была полностью уничтожена, мы построили искусственный водопой в Кепеле. Уже летом 2006 г. мы учитывали там до 300 куланов, т.е. около 40% популяции кулана оставались на территории заповедника, где условия обитания и охраны были лучше, чем на сопредельных территориях.

В декабре 2007 г. мы провели единовременный учёт кулана. На территории заповедника единовременно было учтено 760 куланов (сеголетки составляли около 30-35%, что подтвердило эффективность принятых мер) и около 5000 джейранов. Это было моей последней поездкой в Бадхызский заповедник. Я уезжал абсолютно удовлетворённый результатами наших работ: численность джейрана (5-6 тыс. особей) и уриала (около 1500 особей) была полностью восстановлена. Общая численность кулана достигала около 800-900 особей. По нашим оценкам в 2009 г. численность кулана перевалила за 1000 особей.

Но это уже другая эпоха...

Международные эксперты в 2017-2018 гг. не смогли найти ни единого следа куланов в Бадхызе... (Kaczensky et al., 2019).

Литература

Лукаревский, В.С. 1991. Леопард в Бадхызском заповеднике. *Изв. АН ТССР, сер. биол. наук*, 4: 68-70.

Лукаревский, В.С. 1995а. Полосатая гиена — *Hyaena hyaena* Linnaeus, 1758. С. 130-141 в кн.: *Млекопитающие Туркменистана (Хищные, ластоногие, копытные)*, том 1. Ашгабат: Ылым.

Лукаревский, В.С. 1995б. Леопард — *Panthera pardus* Linnaeus, 1758. Там же. С. 148-159.

Лукаревский, В.С. 1997. Крупные млекопитающие юга Туркменистана и проблемы их охраны. С. 53 в кн.: *Редкие виды млекопитающих России и сопредельных территорий. Тезисы Международного совещания, Москва, 9–11 апреля 1997. М.*

Лукаревский В.С. 1999. Крупные млекопитающие юга Туркменистана и проблемы их охраны. С. 216-231 в кн.: *Редкие виды млекопитающих России и сопредельных территорий. М.*

Лукаревский, В.С. 2001. *Леопард, полосатая гиена и волк в Туркменистане. М.: Сигнар, 128 с.*

Лукаревский, В.С., Ефименко Н.Н., Горелов Ю.К., Ходжамурадов Х.И. 2001. Современное состояние популяции уриала в Туркменистане. *Проблемы освоения пустынь*, 4: 40-46.

Bukreev S., Lukarevskiy V. 1997. The perplexities of hunting for profit: Case study, Turkmenistan. *Russian Conservation News*, 11: 37-39.

Bukreev S., Lukarevskiy V. 1998. Comment on hunting. Caprinae. *Newsletter of the IUCN/SSC Caprinae Specialist Group*. May, pp. 5-8.

Kaczensky, P. & Linnell, J. D. C. 2015. *Rapid assessment of the mammalian community in the Badkhyz Ecosystem, Turkmenistan, October 2014*. NINA Report 1148. Norsk institutt for naturforskning (NINA).

Kaczensky, P., Rustamov, E., Karryeva, S., Iankov, P., Hudaykuliev, N., Saparmyadov, J., Veyisov, A., Shestopal, A. A., Mengliev, S., Hojamyradov, H., Potaeva, A., Kurbanov, A., Amanov, A., Kekimov, G., Tagiyev, C., Rosen, T. & Linnell, J. D. C. 2019.

Rapid assessments of wildlife in Turkmenistan 2018. NINA Report 1696. Norsk institutt for naturforskning (NINA).

Lukarevski, V.S. 1997. The past, present and future of the North Persian Leopard. *Russian Conservation News*, 10: 36-37.

Lukarevskiy, V.S., Gorelov Yu. K. 2007. Kulan (*Equus hemionus* Pallas 1775) in Turkmenistan. *Erforschung biologischer Ressourcen der Mongolei / Exploration into the Biological Resources of Mongolia*, 10: 231-240.

Публикуется впервые.

*Бадхыз, Акар-Чешме, скала Монах, восход.
Фото В.С. Лукаревского.*

*Бадхыз, Акар-Чешме,
Патриша Мёлман (Patricia Moehlman), Александр Тарабрин,
Виктор Лукаревский. Фото В.Я. Фета, 11 апреля 2002.*

Московские зоологи в Бадхызе

Евгений ПАНОВ

Экзотическая природа Бадхыза с ее реликтовым ландшафтом фисташковой саванны издавна манила к себе орнитологов из северных районов Российской Империи, а позже — Советского Союза. Я впервые побывал здесь в 1976 году совместно с Михаилом Владимировичем Галиченко, сотрудником нашей Лаборатории биоакустики Института эволюционной морфологии (ныне Институт проблем экологии и эволюции РАН).

Добраться туда было совсем не просто. Сначала мы долетели на самолете до Ашхабада, а оттуда трое суток ехали поездом сначала на восток — до станции Мары, где после остановки (длительностью целые сутки) вагон прицепляют к другому составу, идущему точно на юг — до города Кушка. Тогда это была крайняя южная точка Советского Союза — прямо на границе с Афганистаном. Мы высадились, не доезжая до неё, на станции Моргуновка. Хотя именно здесь находилось управление Бадхызского заповедника, до его восточной границы оставалось ещё 87 км. Мы же планировали работать в фисташковой саванне на склонах невысокого хребта Гез-Гедык, то есть ещё примерно ещё в 30 километрах западнее.

Эти 120 километров мы преодолевали в течение нескольких дней, при содействии здешних зоологов Юрия Константиновича Горелова и Алика Атамурادова (тогда замдиректора по науке Бадхызского заповедника) на разных машинах, с многочисленными остановками и пересадками. Наконец, 26 марта достигли цели столь утомительного путешествия — кордона Акар-Чешме. Внутри ограды, сложенной из небольших камней, располагались три строения. В двух домах жили лесники с большими семьями, державшими множество скота и нескольких огромных туркменских овчарок-алабаев. Нас поселили в третий, сильно запущенный, без всякой мебели и, на первый взгляд, никак не приспособленный для жилья. Мы разыскали на участке

попорченный лист ДСП (целого не нашлось), положили его на выброшенный кем-то большой таз — вот и готов обеденный стол. Разложили вдоль стен спальные мешки и устроились надолго жить с комфортом.

Моей главной задачей был анализ поведения чёрной каменки в плане сравнении его характеристик у местных птиц с тем, что я узнал ранее, работая в трёх других регионах: в Копетдаге, долине р. Шерабад (южный Узбекистан) и Бадахшане. Дело в том, что у орнитологов не было в то время согласия относительно того, что представляют собой «чёрные каменки» в терминах таксономии. Разногласия касались статуса популяций с резко различной окраской самцов: белобрюхих в Туркмении, ещё и белоголовых в Узбекистане и целиком чёрных на Памире.

Первоначально, в период между 1847 и 1865 годами эти три формы чёрных каменок были описаны разными исследователями как самостоятельные виды. Они хорошо дифференцированы не только по окраске самцов, но также самок и, как указывали некоторые исследователи, молодых птиц в первом гнездовом наряде. Разными видами считал их и наш выдающийся зоолог Николай Алексеевич Зарудный, который уделял этим птицам особое внимание в своих основательных полевых исследованиях.

Много позже двое классиков орнитологии, Эрнст Майр и Эрвин Штреземанн, изучая музейные коллекции этих птиц, предположили, что три варианта окраски самцов обусловлены мутациями одного-двух генов. Это явление они подводили под рубрику «генетический полиморфизм». У нас в стране той же позиции, опять же опираясь на анализ коллекций в зоологических музеях МГУ и Института зоологии в Ленинграде, придерживались, соответственно, Лео Суренович Степанян и Владимир Михайлович Лоскот.

Понятие «генетический полиморфизм» предполагает отсутствие промежуточных вариантов окраски между морфами. А это было не так — с каждой новой поездкой я убеждался в том, что возможны почти все мыслимые варианты особей с окраской, промежуточной, в той или иной степени, между белобрюхими, белоголовыми и чёрными самцами. Одно только это служило указанием на ошибочность отнесения всей ситуации к категории «генетический

полиморфизм». Различаясь ничтожным числом генов, отвечающих лишь за детали внешнего облика особей, разные морфы должны быть практически одинаковыми генетически. Но в этом случае не следовало бы ожидать никаких явных различий в их образе жизни и в поведении. О том, что это не так, очевидным образом свидетельствовали материалы, полученные мною в Бадхызе в этот год и при последующих посещениях заповедника. Они заняли важное место в аргументации точки зрения о подвидовом статусе трёх форм в составе стандартного политипического вида *Oenanthe picata*.

В статье обоснована точка зрения, что, в противоположность гипотезе генетического полиморфизма, «чёрные каменки» сформировались как обычный политипический вид, состоявший первоначально из трёх хорошо дифференцированных географических рас, мономорфных по окраске самцов. На аллопатрической стадии существования эти расы претерпели дивергенцию не только по окрасочным признакам, но также по размерным характеристикам, поведенческим особенностям и биотопическим предпочтениям. Последующее расширение ареалов привело к гибридизации в зонах вторичного контакта. В условиях последовавшего затем перемешивания генных пулов две исходные формы (*picata* и *opistholeuca*) во многом сохранили свою конституцию. В автохтонном ареале третьей формы (*capistrata*) возникла гибридогенная полиморфная общность с соотношением исходных фенотипов *capistrata* и *opistholeuca* 68...84:9...19 при частоте промежуточного фенотипа *evreinowi* 9—13% (Панов и др., 1993).

Во время этого первого моего посещения Бадхызского заповедника обнаружилось так много интересного для зоолога, что то и дело приходилось отвлекаться от наблюдений за каменками. В долинке пересохшей речушки, буквально в полукилометре от нашего жилища, готовилась к выведению потомства пара пустынных сорокопутов, которых я увидел впервые. Ими уже серьёзно заинтересовался Владимир Викторович Иваницкий, приехавший в заповедник ещё до нашего появления здесь. Так что мы взялись на пару за изучение этих птиц. Дальше — больше. Начались систематические наблюдения за размещением в окрестностях кордона гнездовых участков этих сорокопутов и трёх других их

*М.В. Галиченко и В.В. Иваницкий. Бадхыз.
Фото Е. Панова, 1976.*

видов — чернолобого, а также жуланов туркестанского и индийского. Последний был доступен для изучения в пределах тогдашнего СССР как раз исключительно в фисташковых саваннах хребта Гез-Гедык, куда заходил краем его ареал, локализованный большей своей частью в Афганистане, Пакистане и северо-западной Индии.

В середине апреля из своих зимних убежищ вышли степные черепахи. Они попадались нам буквально на каждом шагу. Обычное зрелище — вереница из нескольких этих созданий. Впереди движется крупная самка, сопровождаемая двумя, а то и тремя-четырьмя самцами в полтора раза меньшими по размерам, чем она. То из одного, то из другого места слышны серии звонких ударов — это дерутся самцы, с силой сталкиваясь панцирями. Черепахами основательно увлёкся Михаил Галиченко. Да и грех было оставить без внимания такой зоологический материал, который буквально сам шёл в руки. Так что мы стали метить животных, нанося на карапакс красной масляной краской цифры такой величины, чтобы их можно было прочесть издали в бинокль. О том, что

нам удалось узнать в результате о тайнах жизни этих странных существ, рассказано в статье «О пространственной организации популяций среднеазиатской черепахи *Testudo horsfieldi* в Бадхызе» (Панов, Галиченко, 1980).

Изучение чёрных каменок, а также сорокопутов и черепах мы продолжили и на следующий год. На этот раз компанию нам составили Михаил Анатольевич Рыбаков и Валерий Николаевич Ахнин из киностудии «Экран». Они планировали снять фильм о полевой работе зоологов. Киношники остались жить на кордоне, а наш отряд из четырёх человек (Лариса Юрьевна Зыкова, Галина Николаевна Костина, Михаил Галиченко и я) переселился на природу, освободив помещение для гостей.

Для лагеря мы выбрали живописную долинку, ограниченную с одной стороны пологими холмами, а с другой — скальной стенкой. Ее каменистые ниши приютили колонию пустелег двух видов — обыкновенной и степной. Это смешанное поселе-

М.А. Рыбаков и В.Н. Ахнин. Бадхыз. Фото Е.Н. Панова, 1977.

ние сулило интересный материал для сравнительного анализа межвидовых различий в особенностях их гнездования и коммуникативного поведения. Этой темой занялась Г.Н. Костина. Полученные данные позже легли в основу статьи (Костина, Панов, 1979).

В следующий раз мы оказались в этом заповеднике ранней весной 1982 года. Отправились туда из Москвы на поезде вдвоем с Ларисой Зыковой. Поездка была короткой, но насыщенной событиями. Моя задача состояла в том, чтобы получить хорошие фотографии двух видов сорокопутов для книги об этих пернатых, которая готовилась к печати в ГДР. По опыту двух предыдущих посещений Бадхыза я знал, что объекты съёмки можно будет без труда найти в Акар-Чешме. Но как раз туда добраться из Моргуновки оказалось делом весьма хлопотным. Весна была снежной, а машины в заповеднике — на грани издыхания. Так что достичь даже промежуточного пункта (кордон Кызылджар), не говоря уже о том, чтобы проехать все 120 км сразу, не могло быть и речи.

По тем же причинам мы не смогли сразу выехать к месту назначения из Кызылджара. Чтобы не терять времени даром, решили предпринять пеший маршрут по одноимённому ущелью до впадины Ер-Ойлан-Дуз — одной из достопримечательностей Бадхызского заповедника. Путь в одну сторону был не столь уж протяжённым, всего 18 км. Но помимо всего необходимого, включая фото- и звукозаписывающую аппаратуру, нам с Ларисой пришлось нести с собой две десятилитровые канистры с водой. Эта экскурсия подробно описана в главе 1 её книги «Люди и животные в экстремальных ситуациях».

Я бы не стал упоминать обо всём этом, если бы не одно забавное событие, произошедшее там, где его менее всего следовало ожидать. Когда перед нами оставалось примерно полпути назад к кордону, мы решили заночевать и готовились к вечерней трапезе. Место, как нетрудно догадаться, было полностью безлюдным, чему мы были несказанно рады, удрав на природу от московской суеты. И тут я заметил, к своему величайшему неудовольствию, человека с рюкзаком, идущего прямо к нам. Каково же было наше удивление, когда перед нами предстал Андрей Дмитриевич Поярков, сотрудник нашего института. Оказалось, что он ищет в ущелье логовище

полосатой гиены. Эта встреча неожиданно привела к чрезвычайно важным последствиям. За ужином был выработана программа организации курса лекций для повышения квалификации молодых учёных страны, интересующихся вопросами этологии и методологии науки вообще. Согласно этому проекту в 1983, 1984 и 1988 годах в Пущино состоялись школы для молодых биологов, материалы которых были опубликованы в трёх сборниках статей.

Прошло пять лет. Шёл год 1987, восьмой за период нашего сотрудничества с орнитологами Красноводского заповедника. Всё это время мы занимались в основном изучением образа жизни чаек и крачек на островах юго-восточного Каспия. Л.Ю. Зыкова и я, оставаясь под впечатлением необыкновенной природы Бадхыза, не раз уговаривали директора заповедника Владислава Ивановича Васильева предпринять поездку туда, чтобы он и его жена М.Е. Гаузер смогли собственными глазами увидеть эти полюбившиеся нам места.

Но при этом мы преследовали и собственные научные интересы, которые к тому времени сместились во многом в сторону изучения поведения ящериц. Дел в том, что в Бадхызе обитает хорасанская агама, поведение которой мы намеревались сравнить с тем, что нам уже было известно в отношении кавказских агам.

В состав экспедиционного отряда, который 15 апреля отправился в путь на двух автомобилях (ГАЗ-66 и микроавтобус УАЗ) входили семь человек: два водителя, Таган и Гумы, Васильев, его супруга, Лариса, я и Василий Исаакович Грабовский, ставший тремя годами раньше сотрудником нашей лаборатории. В Бадхызе мы провели несколько дней в урочище Керлек, куда из-за отсутствия транспорта мне ни разу не удавалось попасть за три предыдущие поездки в этот заповедник. Сейчас это место особенно интересовало нас, поскольку именно здесь, как нам сообщили туркменские герпетологи, было царство хорасанских агам.

Все те трудности, которые до этого преследовали нас при переездах из Москвы в Бадхыз, совершенно неожиданным и, буквально, сказочным образом оказались преодолёнными при моём пятом и последнем посещении юго-восточной Туркмении, в 1990 году. Палочка-выручалочка появилась, когда мы узнали, что в заповеднике развёрнута обширная ра-

*Е.Н.Панов и В.И. Васильев. Бадхыз.
Фото из архива Е.Н. Панова, 1987.*

бота по изучению его ландшафтов и составлению спутниковых карт. Ей руководил Андрей Евгеньевич Субботин, сотрудник нашего института. Его полевой отряд прекрасно финансировался Академией Наук — до такой степени, что они могли позволить себе аренду маленького самолёта. Андрей пообещал встретить меня и Зыкову на аэродроме в Ашхабаде. Утром в 10 часов мы погрузились в самолёт в Домодедово, через три с половиной часа прилетели в Ашхабад, оттуда в Мары, и, не выходя с лётного поля, пересели в самолётик, который приземлился в Бадхызе, прямо в лагере Андрея на кордоне Кызылджар. Выходя из самолета, мы с удивлением увидели стоящую около дома легендарную машину марки «лендровер». Неужели, мелькнула мысль, наша АН СССР раскошелилась на приобретение этой мечты каждого полевого зоолога? Объяснение оказалось гораздо более прозаичным. На автомобиле буквально только что прибыла в заповедник киноэкспедиция Би-Би-Си. Представляясь англичанам, Андрей объяснял, что его фамилия происходит от русского слова суббота — *Saturday*, если так будет понятнее.

Удача не оставляла нас: англичане направлялись в Акар-

Чешме, мы сели в машину и оказались на кордоне примерно через 8 часов после вылета из Москвы. Приезжим предоставили комнату, которая в наши предыдущие посещения Бадхыза оставалась постоянно запертой. Мы же, как и прежде, обосновались на террасе. На этот раз обеденным столом служил большой фанерный ящик. Субботин добыл для нас плиту с газовым баллоном, и наша половина дома превратилась в кухню. Так что по утрам заспанные операторы Би-Би-Си, пробормотав «*morning*», появлялись у нас и завтракали стоя. При этом они не отказывались от наших продуктов, но своими никогда не угощали. Насыпали себе в кружки наш растворимый кофе, но только в них добавляли сгущённые сливки из своих запасов.

В общем, соседство оказалось несколько утомительным, и мы через пару дней переселились в палатки в нашей зелёной долинке. Я занялся наблюдениями за сорокопутами и ловлей чёрных каменок, а Лариса искала хорасанских агам, но, увы, тщетно. Неудобство состояло лишь в том, что за водой приходилось регулярно ходить на кордон.

В одно из таких посещений мы узнали, что англичане ухитрились перевернуться на своём лендровере. Для нас это не стало полной неожиданностью, поскольку ещё при переезде из Кызылджара в Акар-Чешме манера езды водителя этого автомобиля несколько настораживала. На относительно ровных отрезках дороги он мчался с большой скоростью и не успевал сбросить её там, где начинались участки с более капризным рельефом. Так что местами, по крутому изгибу холма, машина шла юзом.

Операторы после этого инцидента вели себя, как дети. Один из них вырядился в майку, разрисованную неровными красными полосами, изображающими, якобы, засохшие потоки крови. Что же касается руководителя экспедиции, то ему было не до шуток. Он был уверен, что покалеченную машину придётся отправить на починку в Ашхабад, а запчасти выписывать из Англии. Но англичане недооценили технических способностей наших соотечественников, которые в те времена были вынуждены буквально на каждом шагу собственными силами преодолевать дефицит нормальных условий существования. Коллеги из отряда Субботина за пару дней отремонтировали лендровер прямо в его лагере. Правда,

теперь на двух окнах была натянута полиэтиленовая плёнка, так что машина утратила свою пыленепроницаемость, эффективность которой поражала при первой нашей поездке на этом автомобиле.

Как-то раз, находясь у себя в лагере возле своих палаток, мы увидели женщину, бегущую по направлению к нам. Это оказалась сотрудница нашего института Екатерина Елькина. По всему ее поведению с самого начала легко было предположить, что случилось нечто неординарное. «Есть у вас спирт?» — проговорила она, борясь с одышкой. Оказалось, что в соседнем ущелье, примерно в 200 метрах по прямой от нашего лагеря ашхабадского кинооператора слегка поранил леопард. Спирт требовался, чтобы продезинфицировать рану! Как Катя рассказала нам, оператор увидел свежие следы леопарда, прошёл по ним всего несколько метров. Неожиданно из-за крутого поворота ущелья выскочила огромная кошка и наотмашь ударила его лапой, после чего скрылась. Так что человек отделался сильным испугом и несерьёзной, в общем, травмой.

Неудачи Ларисы в поисках хорасанских агам заставили нас серьёзно задуматься о необходимости переезда в Керлек, где эти ящерицы были вполне обычными при посещении нами этого места три года назад. Так и сделали. Палатку поставили у входа в небольшое каменистое ущелье Туранга, и агамы были найдены уже на следующий день.

Ещё во время последнего нашего пребывания в Акар-Чешме я познакомился с сотрудником заповедника, орнитологом Леонидом Владимировичем Симакиным. Его страстью были сорокопуты, и мы быстро нашли на этой почве общий язык. В те дни ему было поручено быть гидом англичан в их ознакомлении с природой заповедника. Ему всё же удавалось соединить эту обязанность со своими научными интересами. Мы с ним затеяли совместную работу по изучению индивидуальной изменчивости окраски чернолобых сорокопутов. Ловили их паутинной сетью, тщательно измеряли, описывали детали оперения, кольцевали и метили индивидуально специальными красителями для последующего опознавания.

В Керлеке на моё везение прямо рядом с нашей палаткой обосновались на своих индивидуальных участках два самца

*Бадхыз, Керлек: Л.Ю. Зыкова и Л.В. Симакин.
Фото Е.Н. Панова, 1987.*

индийского жулана. Однажды поутру здесь появилась самка, которая никак не могла решить, с кем из них останется и будет в дальнейшем выводить птенцов. Наблюдая на протяжении нескольких часов за этой коллизией, мне посчастливилось сделать несколько редчайших снимков поведения столь мало изученных птиц во время формирования брачной пары.

Стояла страшная жара. О том, чтобы спать в палатке, не могло быть и речи. Промучившись несколько ночей на раскладушке, поставленной между кустиками фисташки рядом с палаткой, я решил подыскать более комфортное место. Остановил свой выбор на ровной площадке у комля толстого тенистого дерева, стоявшего метрах в 50 от лагеря.

В сумерках расстелил здесь спальный мешок, покурил перед сном, радуясь своей сообразительности, и вскоре задремал. Но не прошло и получаса, как почувствовал, что кто-то ползает по мне. Засветил фонарик и увидел множество снующих вокруг чёрных муравьев величиной с ноготь указательного пальца. Днём я их никогда не видел. Итак, я устроился около выхода из нор чёрных муравьев-древоточцев *Camponotus*, ведущих сугубо ночной образ жизни. Пришлось

быстро собрать свои пожитки и позорно бежать в полной темноте на прежнее место «отдыха».

Примерно через неделю за нами приехал лендровер, и мы переместились на кордон под названием Кепеля, откуда предполагали через неделю-другую возвращаться в Москву. Здесь судьба свела нас с англичанином-оператором Стивом. Его оставили на этом кордоне в одиночестве снимать окрестную природу.* Он чувствовал себя явно не в своей тарелке, и мы с Ларисой пытались, как могли, хоть немного поднять ему настроение. Питаться он был вынужден вместе с нами, в основном гречневой кашей, которая, видно, вскоре осточертела ему. Стив все время повторял: «Я *вынужден* быть оптимистом. Если отснятый мной материал понравится начальству, я попрошусь работать в Египте. Там существовать гораздо более комфортно». И он был как нельзя прав — вспомните, чего стоил один только «дом для приезжих» в Акар-Чешме. А здесь, на кордоне, было ненамного уютнее.

Литература

Зыкова, Л.Ю. 2009. *Люди и животные в экстремальных ситуациях (записки натуралиста)*. М.: Наука и жизнь.

Костина, Г.Н., Панов, Е.Н. 1979. О степени стереотипности полового поведения двух видов пустельг *Cerhneis tinnunculus* и *C. naumanni*. Зоол. ж. 58(9): 1380-1390.

* ВВС снимала тогда телевизионный фильм о природе СССР из серии «Царство русского медведя» (*Realms of the Russian Bear*). Эпизод 3 «Красные пустыни» (*The Red Deserts*) о Бадхызе (56 мин.) вышел в 1992. Его можно посмотреть на www.archive.org. – Ред.

Панов, Е.Н., Галиченко, М.В. 1980. О пространственной организации популяций среднеазиатской черепахи *Testudo horsfieldi* в Бадхызе. *Зоол. ж.* 59(6): 875-884.

Панов, Е.Н., Грабовский, В.И., Любущенко С.В. 1993. Дивергенция и гибридогенный полиморфизм в комплексе «чёрные каменки» *Oenanthe picata*. *Зоол. ж.* 72(8): 80-95.

Панов, Е.Н., Иваницкий, В.В. 1979. Пространственные взаимоотношения четырёх видов сорокопутов в южной Туркмении. *Зоол. ж.* 58(10): 1518-1527.

Фрагмент из книги: Панов, Е.Н. «Зоология и моя жизнь в ней» (М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016), в авторской редакции 2021 г.

*Е.Н. Панов. Бадхыз, 1976.
Фото из архива Е.Н. Панова.*

*Бадхыз, Акар-Чешме, скала Монах.
Фото А.А. Позднякова, зима 1987.*

Воспоминания о Бадхызе

Николай БОГАТЫРЁВ

«Т-а-а-а-к... А здесь кто у нас спит?» — раздался голос, показавшийся мне участливым, и который быстро вынул меня из темноты сна. А из темноты ночного плацкартного вагона меня вынул уже свет ручного фонарика. Я был готов к проверке документов и сразу достал из заранее пришитого внутреннего кармана рубашки паспорт и разрешение на въезд в погранзону. Офицер и двое солдат-пограничников, внимательно заглянув в лицо и документы, двинулись дальше по тёмному проходу, спокойно вполголоса задавая короткие вопросы пассажирам.

Заснуть в духоте стального вагона уже не удалось, а вскоре поезд подъехал к Кушке так же медленно, как наступал новый день. В те годы каждый школьник знал, что Кушка — самая южная точка СССР. Шёл 1977 год, граница с Афганистаном была спокойной и мирной, а я ехал в Бадхызский заповедник для работы в составе экспедиционного отряда биологов, который возглавлял знаменитый орнитолог, этолог и эколог Е.Н. Панов.

Впереди был полевой сезон в местах, которые мечтает увидеть, наверное, любой зоолог, а тем более, если он ещё только на третьем курсе биологического факультета университета. И, надо сказать, предчувствия меня не обманули: уже прошло более сорока лет, а многие эпизоды сверкают прежними ощущениями, не тускнея.

...Наконец поезд остановился у маленького вокзальчика, и народ высыпал на перрон. Выйдя на привокзальный заасфальтированный пятючок, я сразу ощутил географическую широту этого места. На Урале, откуда я прибыл, ещё лежал снег, а на юге Туркмении солнце уже сожгло всю весеннюю зелень, оставив пыль на дорогах и растрескавшуюся глину на склонах холмов. Я быстро доехал на рейсовом автобусе те несколько километров от крошечной Кушки до посёлка Моргуновский, где располагалась главная усадьба заповедника, состоявшая из нескольких простых побелённых

одноэтажных домиков.

Старый, ещё отцовский рюкзак, плотно забитый оборудованием и консервами, ощутимо врезался в поясницу и плечи, хотя я и укладывал его по всем правилам. Но это совсем меня не тревожило, я уже попал, куда хотел! Позади остались пересадки с поезда на поезд, изматывающе-тревожные очереди за билетами («А вдруг билеты закончатся?»), а до этого целенаправленная напряжённая подготовка, чтобы УСПЕТЬ попасть в экспедиционный отряд. А для этого надо было сдать чуть ли не на два месяца раньше все экзамены и зачёты, уговорить преподавателей и уломать декана, который никогда и ни с кем не соглашался сразу. Теперь это всё позади, и вот-вот начнется настоящая работа в поле!

Я заметил, что жизнь заметно чаще одобрительно кивает, улыбается и открывает двери, когда тебе 20 лет... Вот и на этот раз мне попался навстречу загорелый сухощавый человек с аккуратной бородкой и приветливо указал, в каком домике находится администрация заповедника, как сейчас бы сказали, «ресепшн». Как я вскоре узнал, это и был Валерий Иванович Кузнецов — директор заповедника. В канцелярии заповедника пахло, как и в любой канцелярии в любой точке мира — всяческими канцелярскими запахами — бумагой, штемпельной краской и клеем, а в раскрытое окно ветер доносил запах цветов. Быстро получив подписи и печати на свои бумаги, я вышел на воздух.

Сейчас я, пожалуй, не смогу вспомнить, как я очутился в доме у Горелова, но произошло это как-то легко, естественно и быстро. Признаться, таких людей я не встречал ни до, ни после. Сейчас его бы назвали суперменом, спецназовцем или кем-то ещё из этой категории. Атлетическое сложение, загорелое лицо, прорезанное морщинами, голубые глаза и короткая косая челка, выгоревшая на палящем солнце вполне соответствовали и речи, и характеру, и образу жизни старшего научного сотрудника заповедника.

С первых же минут разговора стало ясно, что заповедник осаждают браконьеры любого ранга, окрестные колхозы постоянно пытаются выпасать скот на заповедных территориях, а покровители этих нарушений во власти всячески саботируют и осложняют работу биологов. Ситуация, увы, известная давно и характерная едва ли не для любых

природных резерватов. Но в случае с Гореловым и его сотрудниками дело обстояло, пожалуй, ещё острее. Я услышал от работников Бадхыза о погонях и перестрелках, выслеживании нарушителей и «минировании» мест, где могла пройти техника нарушителей, различными простыми, но весьма эффективными способами, которые выводили из строя любой транспорт. Такая постоянная «война» сформировала стиль жизни этого человека и его соратников. Поэтому Горелов не сидел у открытого окна, не пропускал ни малейшей детали, которая могла бы указать на браконьерство или иное нарушение закона. При этом он был прекрасным зоологом, знатоком фауны этого уголка Туркмении.

Горелов и его молодая жена Раиса приютили меня на несколько дней в своём удивительном доме. В большой гостиной высились стеллажи с книгами по биологии, у стены стоял невысокий круглый стол, сделанный из огромного каменного жёрнова прежних эпох, а потолок представлял собой... осеннюю степь, опрокинутую «вниз головой». Художник — друг Горелова — из засушенных трав, мелких кустарников, веточек и листьев сделал этот удивительный интерьер. Снаружи дом окружали фруктовые деревья, которые давали спасительную тень от безжалостного солнца.

Проведя несколько дней в гостеприимной семье, я успел узнать от Юрия Константиновича всё необходимое, чтобы уцелеть в столь удивительной, чарующей и опасной природе, где жили удивительной красоты смертоносные рептилии, где безобидные москиты были переносчиками страшных тропических болезней, где, выйдя прогуляться, можно было просто погибнуть, заблудившись среди похожих друг на друга холмов и барханов.

За несколько дней я познакомился со многими сотрудниками заповедника, которые всегда доброжелательно и подробно утоляли мою жажду узнать побольше об их работе, природе пустыни и заповеднике.

Однако среди густых крон деревьев, которые сотрудники заповедника насадили в посёлке, неприметно расположилось и то, что внушало множество чувств и догадок. Это был серпентарий — питомник для несметного числа ядовитых змей, от которых получали яд — ценнейшее (во всех смыслах этого слова) сырьё для фармацевтической индустрии.

Возглавлял этот питомник ещё один супермен — легендарный Орлов — зоолог, герпетолог, который, как мне показалось, работал круглые сутки: днём — со змеями, а ночью ездил на мотоцикле по пустыне добывая грызунов — питание для рептилий. Сухощавый, бодрый, всегда приветливый, в выгоревшей под палящим солнцем простой и просторной одежде... Глядя на такого человека, было трудно представить, что он ежедневно проходит десятки километров по холмам и горам, при жаре +50°, ловит ядовитых змей, постоянно рискуя, несмотря на свой огромный опыт и профессионализм. О нём тоже рассказывали удивительные истории, которые только сильнее убеждали в незаурядности и смелости этого человека. В одной из таких историй мне довелось участвовать самому.

Однажды в серпентарии случилось то, что точно может попасть в категорию форс-мажор. Одним утром среди сотрудников заповедника пронеслась весть — все змеи из серпентария сбежали! Вслед за этим известием немедленно разнёсся и приказ директора: всем биологам, кто был в то время и в том месте, срочно отложить все текущие дела и начать разыскивать и ловить беглецов.

Поскольку я — биолог, и заповедник принял меня так доброжелательно и гостеприимно, то я тоже оказался в числе ловцов, прочёсывая небольшой посёлок Моргуновский, гдестряслась эта беда. Важно было не дать змеям уползти далеко и не пробраться во дворы и дома местных жителей. Как ловят ядовитых змей, я видел, и знал весь этот процесс сугобо теоретически, но в 20 лет хочется попробовать себя во всех ролях и жанрах. Как и чем я буду ловить кобр, гюрз и эф, я как-то не подумал, но бодро двинулся, зорко озираясь вокруг. И вдруг — вот ведь везение! — огромная кобра торопливо переползала пыльную дорогу! Не раздумывая, я кинулся наперерез, не давая змее скрыться в придорожном бурьяне. Кобра, заметив меня, тоже бросилась наутёк, двинувшись теперь уже вдоль дороги. Я кинулся вслед и заметил собственное удивление: я бежал, а змея успешно ускользала от меня, увеличивая скорость. Это было невероятное ощущение, как то, что мы испытываем во сне, пытаясь кого-то догнать и не можем... Как можно бежать с такой скоростью, не имея ног? Такая погоня длилась недолго, наверное, меньше минуты. При

*Бадхыз, кобра.
Фото В.С. Лукаревского.*

этом я ещё следил, чтобы кобра не скрылась в придорожной траве и... чтобы самому не наступить ей на хвост.

Несмотря на то, что я так увлёкся этой погоней, я продолжал искать ответ на извечный вопрос русской интеллигенции — «Что делать?» — в том смысле — «что делать дальше?». Но тут сама кобра пришла мне на помощь. В какую-то долю секунды она сменила направление движения и ринулась под прямым углом к своей прежней траектории. Теперь она снова мчалась поперек дороги. Такая резкая смена направления без малейшего замедления на повороте или каких-либо признаков инерции оказалась сколь поразительной, столь и неожиданной для меня. Так что я, двигаясь немного сзади и параллельно кобре, чуть не наступил на неё. Однако кобра оказалась предусмотрительнее и гуманнее, чем я думал, так как уже много раз могла бы меня укусить. Она

бросилась к старой резиновой покрышке, которая оказалась на обочине дороги, и которую она уже, очевидно, давно заметила, а я — нет.

Через секунду змея скользнула внутрь покрышки и улеглась там вдоль этого резинового убежища... Я тоже остановился около чёрной колёсной покрышки и снова задумался о том, что делать. Но, как в любой истории со счастливым концом, тут появились помощники — сотрудники заповедника, многих из которых я уже знал, а с некоторыми даже успел подружиться. Но надо понимать, что всё это происходило в СССР — стране советов. Так что не удивительно, что появившиеся товарищи тут же принялись давать мне СОВЕТЫ, как извлечь, выманить, вытащить из покрышки перепуганную змею. Одни советы были в жанре добрых пожеланий, другие — теоретических размышлений, некоторые походили и на профессиональные соображения... Но в основном братьев-биологов охватило добродушное остроумие... Один такой совет мне запомнился навсегда: «А ты возьми покрышку и покати её по дороге! У кобры непременно закружится голова, она выпадет оттуда, ей станет дурно, и тогда ты её легко возьмёшь!», Сейчас я не вспомню, сколько времени мы упражнялись в остроумии и знании герпетологии. Но вскоре к нам подоспели профессиональные змееловы с нужными снастями и быстро забрали змею.

Однако моё пребывание на центральной усадьбе заповедника заканчивалось, и мне надо было добраться до Акар-Чешме — самого дальнего кордона в Бадхызе. Там проводил наблюдение за птицами-сорокопутами Евгений Николаевич Панов с отрядом биологов — биоакустиком Ларисой Юрьевной Зыковой, тогда пятикурсником-дипломником, а ныне профессором МГУ Владимиром Иваницким, биологом Галиной Костиной и человеком-универсалом Мишей Галиченко. Все они занимались этологией (наукой о поведении животных), которая в те годы только-только избавилась от статуса лженауки. Я тоже был полон планов и решимости погрузиться в эту область биологии. И, надо признать, мне удалось договориться,

наверное, с лучшим профессионалом в этой дисциплине — Евгением Николаевичем Пановым о том, что я стану работать в его отряде, а затем писать дипломную работу под его руководством. Ценой огромных усилий мне удалось преодолеть самые разные препятствия на пути к этой цели, и вот — наконец-то! — я почти добрался через всю страну (а сейчас уже даже страны!) до края земли, буквально до самой южной точки СССР. И сейчас остались «какие-то» полторы-две сотни километров до кордона, где работал отряд Е.Н. Панова. Но, как говорил весь мой предшествующий и подтвердил последующий экспедиционный опыт, чем ближе к цели (пункту конечного назначения), тем труднее и медленнее идёт продвижение. Вот и на этот раз добраться до кордона Акар-Чешме оказалось непросто. Пришлось терпеливо ожидать грузовик, который раз в 10-15 дней объезжал все кордоны. На какие-то из них он привозил продукты, на другие — оборудование, на третьи — почту или лекарства, если те, кто там жили, заказывали необходимое. Точно так же, на попутном грузовике, добирались до нужной точки те, кому это требовалось.

Иногда по этому маршруту вместо грузовика двигалась еле живая цистерна-водовозка, напоминающая Пепелац из фильма «Кин-Дза-Дза», по виду которой легко можно было догадаться, что она может рассыпаться в любой момент. Без водовозки жизнь людей на всех этих кордонах была бы невозможна. Крошечные ручейки и родники, откуда можно было бы брать воду, летом неминуемо пересыхали, и тогда вода становилась просто условием выживания. Водовозка, приехав на кордон, выливала воду в гауданы — огромные подземные бетонированные резервуары. Снаружи они выглядели как обычные колодцы.

Зимой, когда дожди выпадали на эту землю, вода стекалась по каменным жёлобам, ведущим в гулкую темноту этих ёмкостей. В пустыне люди ценят воду и не особенно обращают внимание на её качество и чистоту. Когда я впервые бросил помятое железное ведро на веревке в чёрную дыру такого колодца, то услышал не столь всплеск воды, сколь стук ведёрка о каменное дно этого подземелья. Когда я вытащил за веревку ведро, то увидел, что мне удалось черпнуть примерно полведра тёмно-серой жидкой грязи... почти что воды... Понадеявшись,

что мне удастся отстоять осадок, я решил осторожно слить верхнюю часть этой воды... Она, как оказалось, не сильно отличалась от оставшегося осадка. Пока я задумчиво смотрел на итог моих опытов, кто-то из моих новых товарищей, подойдя, спросил, недоумевая: «Чего ты хочешь? Отстоять? Не трать время, кипяти, а потом, если хочешь — пей!». С тех пор каждый раз, как только подворачивался случай, я стал заполнять все доступные ёмкости и свою личную фляжку чистой водой.

А сейчас предстояла поездка от Моргуновки в дальний угол Бадхыза. С утра в кузов грузовика было сложено всё, что предстояло развезти по кордонам.

Мешки, канистры, вьючные ящики, рюкзаки почти целиком заполнили кузов, в котором со мной оказалось человека два или три сотрудников заповедника. Грузовичок двинулся в холмистую пустыню, и посёлок тотчас же скрылся из виду. К середине мая солнце уже успело выжечь почти всю скудную травку, оголив песок, камни, глину и скалы. И только приземистые фисташковые деревья зеленели на жёлтом бесконечном фоне. С жадным интересом я оглядывал эту удивительную землю, с которой встретился впервые.

Дорога состояла в основном из песка, в котором машина начинала вязнуть или ухабов, на которых её кидало так, что я и мои попутчики сразу же встали в кузове с простой деревянной скамейки и ехали стоя, подпрыгивая на ухабах и держась за толстый поручень за кабиной. Зная, что предстоит долгая дорога под палящим солнцем, я, чтобы не обгореть, закрыл шею поднятым воротником рубахи, плотно надвинул на лоб шапку с козырьком, раскатал рукава и застегнул все пуговицы на рубашке. Путь до конечного пункта занял весь день, так как мы заезжали и останавливались на нескольких кордонах. И всё же, когда мы вечером добрались до Акар-Чешме, я почувствовал сильное жжение кистей рук и, по-настоящему удивился: вся верхняя часть кистей рук серьёзно обгорела на солнце. Стоя в скачущем на ухабах кузове и держась весь день за поручень, я не учёл, что руки окажутся единственным незащищённым от солнца местом. А не заметил

я этого, так как набегающий ветер всё время остужал обгорающие руки. Но мчась в громыхающем кузове, не замечая обжигающего солнца, я замечал то, что никогда прежде не видел: то на склоне холма не спеша двигались архары, то среди колючих сухих кустов торопливо убегал варан. Но удивительнее всего были джейраны. Эти антилопы вели себя очень необычно и необъяснимо.

Завидев наш грузовик, они приближались чуть ли не вплотную (метра на два или три) и мчались параллельно дороге со скоростью нашей машины. Тогда шофёр устраивал хорошо известный среди местных водителей трюк: начинал увеличивать скорость грузовика, что было не всегда легко сделать на разбитой грунтовой дороге. Джейраны тоже увеличивали скорость своего бега, не отставая от нас. И вот, когда скорость машины достигала 55 км/час, происходило необъяснимое. Антилопы — одна за другой — начинали перепрыгивать дорогу перед самым бампером машины. Шофёр чуть притормаживал и джейран, как во сне или замедленной киносъёмке, перелетал и дорогу, и обочины с обеих сторон грунтовки. Думаю, что прыжок был не меньше шести метров в длину. Не менее поразительно и то, что такой «полёт» проходил на уровне, а иногда и выше уровня кабины. Казалось, будто джейраны пролетали над моей головой. Что это было? Паника? Игра? Любопытство и желание померяться силой и скоростью со стальной громыхающей диковиной, которая периодически вторгалась в привычные природные пределы Бадхызского заповедника? Вряд ли кто-то сможет ответить на эти вопросы, с которыми, изучая поведение животных, сталкиваешься постоянно и которые столь же часто остаются без внятного ответа. Но тогда у меня не было времени ни задать, ни задуматься о таких вопросах: волна восторга и восхищения захлёстывала, когда золотистые тени, играя мускулами под тонкой кожей, плавно перелетали без видимого напряжения над нашей темно-зелёной раскалённой колымагой, которая с натужным звуком тряслась по каменистой колее.

*Въезд в Бадхызский заповедник у кордона Кызыл-Джар.
Фото А.А. Позднякова, 1987.*

Слово «пустыня» — не вполне точное. Потому, что пустыня отнюдь... не пуста. Напротив, она заселена достаточно плотно. Часто заселена до своего предела. И, двигаясь от кордона к кордону, мы прекрасно видели это, даже не снижая скорости грузовика. Над головами кружили грифы и стервятники, среди камней мелькали ящерицы разных расцветок и размеров. Даже известные и привычные птицы выглядели в Бадхызе необычно, например, хорошо всеми узнаваемая трясогузка в здешних краях была жёлто-лимонного цвета. Биологи, которые ехали в кузове вместе со мной, едва успевали произносить русские и латинские названия всей живности, что выбегала, вылетала и выползала перед нашим грузовиком.

Когда солнце уже стало склоняться к западу, а мы приближаться к конечному пункту нашей поездки, вдруг среди

песка и барханов поперек дороги вырос шлагбаум, перед которым мы остановились.

Сбоку у дороги стоял старый ржавый вагончик — очередной пропускной пункт в заповеднике. Из вагончика неторопливо вышел человек в какой-то свободной, выгоревшей от солнца одежде. Глаза почти полностью скрывал козырек кепки, из-под которых торчала копна чёрных волос, а усы и борода почти скрывали лицо. Пассажиры из кузова стали обмениваться приветствиями с необычным стражником... А тем временем он, подойдя к борту грузовика, внимательно окинув ещё раз всех и пристально посмотрев на меня, сказал почти утвердительно: «А-а-а, ну так это — Вы, наверное, и есть Богатырёв?!» — «Да...» — оторопев, выдал из себя я... «Вот — Вам письмо из Новосибирска...» — спокойно сказал бородач и вынул из кармана своей штормовки помятый почтовый конверт.

Пожалуй, я не вспомню бóльшего изумления, чем испытал в тот момент: проехать через всю страну с Урала на поезде, забраться в самую глушь, петляя весь день по пустыне и, встретив на исходе дня человека, которого вижу впервые, оказаться не только узнанным, но и получить письмо на своё имя от девушки из Сибири, которая, как показала дальнейшая жизнь, вскоре стала моей женой. Вот уж поистине — от судьбы не уйдёшь!

Однако этот случай убедил меня ещё раз, насколько интегрировано, информационно насыщено и солидарно было братство экспедиционеров-биологов, которые знали всё, всегда, обо всех безо всякого интернета и всех последующих чудес мира телекоммуникаций. Молва, а иногда и письма, бежали впереди нас, перелетая расстояния, подобно тем антилопам, что обгоняли и прыгали через наш грузовик.

Тем бородачом оказался арахнолог Виктор Фет, о котором я к тому времени тоже слышал от друзей и коллег из Новосибирского Академгородка, так как он прославился в НГУ своими стихами и пьесами, которые ставил в студенческом театре «Феномен». Мир оказался гораздо теснее, чем я мог себе это представить. И действительность в который раз превзошла все мои самые смелые фантазии.

Бадхыз, Еройландуз. Фото А. Овезмухаммедова.

К концу дня мы, наконец, добрались до Акар-Чешме. Коллеги встретили меня как старого товарища, а наутро я уже включился в работу, которая в любой экспедиции никогда не кончается. Всегда хочется получить больше эмпирического материала и всегда этому мешают всяческие житейские повседневные задачи: починить всё, что ломается, восполнить всё, что расходуется, запастись тем, что потребуется, отреагировать на то, что предусмотреть всё равно никогда не удаётся.

Дни и работа в горах Акар-Чешме летели быстро, но природа заповедника не переставала удивлять каждый день. То стадо архаров во главе с огромным самцом с гигантскими крутыми рогами появится прямо перед носом, то наткнёшься на нору дикобраза, вокруг которой всё усыпано длинными, красивыми чёрно-белыми иглами, потерянными их хозяином... Вообще же обилие и разнообразие птиц в заповеднике поражало воображение. Но наиболее неправдоподобно выглядели щурки. Помимо пигментов, микроструктура перьев этой небольшой птички представляла собой дифракционную решётку. Это значит, что свет, падая на оперенье, отражаясь, создавал переливающиеся цвета, которые меняли свои оттенки при малейшем движении птицы... Но самым непостижимым был золотой металлический блеск, который сверкал так, что временами было больно смотреть, как эта небольшая птица громко выводит удивительные песни, поворачиваясь в разные стороны, раскрывая и складывая крылья. Не потому ли её назвали щуркой, что смотреть на это, не щурясь от яркого блеска оперения, было невозможно? В такие минуты можно было забыть об испепеляющей жаре, орнитологии и вообще обо всей работе.

Видимо, унылым словом «пустыня» назвали её те, кто никогда в пустыне не был и не пытался понять, как может существовать Жизнь в таком числе и разнообразии в столь непростых условиях.

Не проходило и дня, чтобы мне не встретилось что-то новое или необычное. В тот день я заметил какое-то движение среди крупных камней.

Присмотревшись, я понял что это варан — крупная тигрового цвета ящерица длиной чуть более метра. Конечно же, я захотел сфотографировать эту рептилию. В несколько прыжков я догнал варана и стал наводить на него камеру. Однако, варан не соглашался позировать и старался всё время скрыться среди камней, становясь всё время так, что кадр получался не выигрышным: то видна одна голова, то весь варан оказывался в глубокой тени... Тогда я решил извлечь его на ровное открытое место. Сделать это оказалось не так просто: огромные острые когти были не столь страшны, сколь мелкие зубы ящерицы. Но и они не выглядели устрашающе, а вот про токсичность слюны варанов меня уже предупредили. Поэтому мне совсем не хотелось оказаться за сотни километров от врачебной помощи, если бы варану удалось меня укусить. Впрочем, ядовитая ящерица меня честно предупреждала и не хотела пускать в ход свои зубы. А предупреждение выглядело очень красноречиво и, надо признать, останавливало мою решимость. Варан с долгим стоном набирал воздух в лёгкие, раздуваясь, как бревно и выпрямляя ноги, становясь заметно выше. А затем начинал медленно выдыхать с таким же грозным, шипением, пригибаясь к земле и становясь всё более плоским. В конце концов, совершенно сплющив тело в дорзo-вентральном, как сказали бы биологи (то есть, спинно-брюшном) направлении, снова начинал раздуваться, со стоном выпрямляя ноги.

Желая в очередной раз немного развернуть варана для лучшей композиции в кадре, я осторожно протянул к нему руку, стараясь держаться подальше от пасти. И вдруг раздался щелчок, похожий на выстрел, и рука ощутила резкую боль. От неожиданности меня отбросило на несколько шагов в сторону. И лишь после того, как прошло замешательство, я понял, что это был молниеносный удар длинного твёрдого, как кнут, хвоста, который оставил на руке красный след. Я совершенно не ожидал, что у варана есть и такой способ защиты. Однако мгновения моего замешательства варану хватило, чтобы исчезнуть среди обломков скал.

*Бадхыз, Кепеле, фисташковая роща.
Фото В.Я. Фета, 10 апреля 2002.*

Вообще же разнообразие рептилий в Бадхызе поражало. Отправляясь спать, надо было всегда проверять спальный мешок и всё вокруг, нет ли там непрошенных гостей, а, взяв в полутьме в руки зубную щетку, можно было найти на ней крошечного геккона, обхватившего её маленькими лапками с хитрым и улыбочивым выражением на морде: «Ты уже собрался спать? — А кругом ещё столько развлечений!»

Но и среди ночи развлечения не прекращались. Бывало, что громкий шорох будил от некрепкого сна. Включив фонарик, однажды я увидел что надо мной свисает длинный хвост. Однако, когда я заметил задние лапы, а понял, что это не змея, а значит не стоит беспокоиться. Можно спать дальше.

Дни на кордоне Акар-Чешме пролетели быстро, и отряд с очередной попутной машиной отправился обратно на главную усадьбу заповедника. Снова была тряска в кузове, снова обгорела кожа, где не удалось её укрыть от солнца, которое стало ещё более безжалостным — наступало лето. Мы ехали снова весь день, заезжая на все попутные кордоны, завозя продукты и почту, передавая приветы и записки, забирая людей и их пожитки. Когда мы добрались до котловины Ер-Ойлан-Дуз (что в переводе означает «земля, где есть соль»), то увидели ровное дно пересохшего озера, покрытое потрескавшейся коркой глины со слоем соли на ней. В раскалённом мареве виднелись горы, обрамляющие это место, которое напоминало что-то совершенно инопланетное. На этом месте мотор грузовика, наконец, окончательно заглох от перегрева. Мы поспешили в крошечную тень, которую отбрасывала куча хвороста, собранная теми, кто жил на кордоне. Вытащив из багажа термометр, мы узнали, что в тени было +48°C. Ни машина, ни мы не могли двигаться куда-либо. Лишь когда к вечеру жара начала спадать, мы снова двинулись в путь и перед заходом солнца добрались до посёлка. Кажется, это был Акрабат. Все наши фляги были уже давно пусты, и мы отправились искать воду. Посёлок был абсолютно безлюден и спросить было не у кого. Вдруг мы заметили маленький домик, в котором был продуктовый магазин. Опасаясь, что он может быть скоро закрыт, мы кинулось внутрь в надежде купить, если не минеральную воду, то какой-нибудь сок, молоко или, на худой конец лимонад, который в те годы часто продавали в местных торговых точках. Толпа жаждущих плотно набилась в крошечный магазинчик, и, еле ворочая пересохшим языком, кто-то из нас спросил здорового продавца за прилавком: «У вас есть что-нибудь попить??...» Смуглый мускулистый дядька равнодушно пожал в ответ плечами и повёл рукой в сторону почти пустых полок, где стояли «кильки в томате», «завтрак туриста» и какие-то бутылки: «Ну, вот.... Есть водка!...». Весь наш отряд высыпался наружу дружной толпой... Я не помню, где нам удалось набрать в том месте воды, как и не могу точно

припомнить, как мы добрались до центральной усадьбы. Однако, мы добрались, не застряв, не опрокинувшись и не заблудившись ночью среди барханов. А разве этого мало?

Через несколько дней весь наш экспедиционный отряд возвращался назад — в «человечник», как любил говорить Е.Н. Панов, имея в виду цивилизацию и Москву в частности. Я же ещё оставался, чтобы сделать недостающие наблюдения за малым зуйком — небольшой птичкой, куличком, который гнезвился и жил вдоль почти пересохшей реки. Контрастная чёрно-белая окраска этих птичек, казалась бы яркая и заметная, тем не менее полностью сливалась с фоном песка, гальки, обкатанных камней и бликов на воде.

Гнездо зуйков — это просто неглубокая ямка в песке, где появлялись сначала 2-4 серых пестрых яйца, неотличимых от окружающих камней, а чуть позже — столько же пушистых птенцов такой же расцветки. Такая беззащитность вызывала сочувствие: самые разнообразные хищники — чайки, вороны и даже змеи легко обнаруживали и поедали яйца, да и птенцов.

Я смог собрать нужный для дипломной работы материал до того, как наступила уже не весенняя, а настоящая летняя жара. Мне даже удалось выкроить время, чтобы пару раз попасть в город Кушку. Крошечный тихий городок был построен ещё в XIX веке как форпост Российской империи. Собственно, таким он и оставался, когда был самой южной точкой СССР.

На нешироких улицах белели маленькие домики, скрытые зеленью деревьев. Везде раздавалось громкое пение самых разнообразных птиц, которые устраивали гнезда в густых кронах деревьев. Воркование горлиц навевало сон. Изредка попадались прохожие или проезжал юркий газик с пограничниками... Конечно же, я не мог не зайти в известную часовню в виде огромного креста, которую прежде видел только на фотографиях. Я быстро нашёл этот удивительный памятник — крест на холме — один из четырёх таких же часовен-крестов, установленных согласно сторонам света на крайних точках Российской империи. Удивительно, что этот

знак не только уцелел, пережив всяческие исторические перемены, но и оказался в прекрасном состоянии: зайдя в темное тесное внутреннее помещение — часовню внутри этого креста, я увидел побелённые стены и огонек лампадки перед иконами. Рядом с часовней я встретил молодого загорелого парня из местных. Мы недолго поговорили о часовне, о близкой границе, о старине, о нестерпимой жаре, к которой невозможно привыкнуть даже тем, кто всегда жил и живёт в этом месте, и я поспешил в тень от разросшихся деревьев.

Надо было возвращаться в Моргуновку, на центральную усадьбу заповедника. Рейсовый автобус ходил редко и, если я хорошо помню, не слишком аккуратно и регулярно. Поэтому, если не удавалось поймать попутку, приходилось идти пешком. Шагать семь километров по мягкому от испепеляющей жары асфальту могло показаться тяжёлым и утомительным делом, но южная природа всегда отвлекала от нестерпимого зноя чем-то удивительным — то необычные кустарники на обочине дороги, то несметные стаи грифов над бойней на окраине Кушки, то разговор с местным пастухом. Ну, и последние несколько сот метров были тоже незабываемы и щекотали нервы, как последний уровень компьютерной игры-«бродилки». А пройти-то надо было всего лишь очень-очень аккуратно строго по самой середине пыльной грунтовой дороги — главной улице посёлка. Почему? Потому что у каждого дома с обеих сторон улицы на неимоверно длинных верёвках сидели огромные лохматые волкодавы. И чем крупнее и страшнее был пес, тем, как мне казалось, длиннее и тоньше была веревка, на которой он был привязан. Присмотревшись внимательно, я заметил, что многие верёвки, которые удерживали этих зверей, на самом деле были связаны из каких-то шнурков, тесемок, старых электрических проводов и других подручных средств. Каждый раз, проходя через ревуший строй этих собачек, я надеялся на судьбу, что все эти привязи окажутся достаточно надёжными и не чересчур длинными. И мне снова повезло — я уцелел, как и во многих экспедициях, где мне довелось работать.

С тех пор прошло более сорока лет и, наверное, забылось многое. Возможно, я не смог вспомнить что-то интересное и важное, а что-то заурядное и банальное, напротив, прочно врезалось в память... Впрочем, людей привлекают разные стороны действительности. То, что одному читателю покажется никчемной деталью, окажется важным для другого, напомним уже о своих воспоминаниях или натолкнёт на какую-то, свою собственную мысль.

Сейчас собираются отмечать 80-летие Бадхызского заповедника, и это замечательно. Хотя это удивительное место существовало миллионы лет до того, как люди стали охранять этот уникальный уголок природы, и будет существовать ещё миллионы лет, если наши потомки, живущие в тех краях, будут экологически образованы, мудры и ответственны. Впрочем, не только в Бадхызе и не только наши потомки, а каждый человек всегда и во всем мире.

Публикуется впервые.

*Николай Богатырёв — директор консалтинговой
компании BioTRIZ Ltd (Великобритания):*

www.biotriz.com; www.triz.guru

Автор короткой прозы:

https://www.youtube.com/channel/UCd_p49ubTTjсX-gj-V1tW2g

Владимир Ахмедов. Фото из семейного архива.

Бадхыз Владимира Ахмедова

Николай ДРОЗДОВ

...Более четверти века снимает Ахмедов фильмы о природе, животном мире родного края. Мы проехали с Владимиром Ахмедовым сотни километров по его любимым местам. Но начали мы с Бадхызского заповедника. Это его «первая любовь», здесь он снял свой первый фильм — «Путешествие в Бадхыз».

Делаем остановку в фисташковой роще. Здесь сохранились деревья, которым по 200 лет и больше. Фисташковое редколесье протянулось до горизонта. Оно очень похоже на африканскую саванну, только вместо зонтичных акаций — фисташки.

— Владимир, вот в этих местах и начиналась твоя творческая биография?

— Да, Бадхыз мне очень дорог. Здесь я снял свои первые кадры о животных. Более чем за 20 лет работы в кино побывал во всех уголках Туркменистана, нигде не видел такого обилия животных.

— Вот мы проехали несколько километров по заповедной земле и уже повстречали большое стадо архаров, несколько групп джейранов и табунок куланов. И всё это редкие животные.

— Сейчас их стало гораздо больше, чем тогда, когда я снимал фильм о Бадхызе. Но и то, что я увидел здесь, поразило меня. И я подумал: всё это надо показать людям, ведь они не знают, что здесь такая красота. Своим фильмом я хотел сказать о том, как важно охранять природу, беречь животных.

— Особое внимание в фильме уделено кулану.

— Так ведь Бадхыз и был создан для спасения куланов. В начале 40-х годов их оставались считанные десятки. Бадхыз был единственным районом, где они сохранились. А сейчас их здесь более трёх тысяч. Уже часть куланов из заповедника переселили в другие места. Во время этой поездки мы не раз их встретим.

— Какая встреча с животными вам запомнилась больше всего?

— Я впервые увидел здесь леопарда, а ведь этих редких хищников осталось в здешних местах всего несколько пар. Удивительной красоты кошка! Съёмки животных, фильмы о природе и стали смыслом моей жизни.

— Как вы снимаете животных? К ним ведь невозможно подойти близко, а в ваших фильмах столько прекрасных портретов тех же архаров, куланов, джейранов. Такие крупные планы можно снять только с близкого расстояния.

— Не сразу мне это удавалось: опыта было очень мало. Я старался подползти к животным как можно ближе. Со мной была кинокамера, был запас плёнки. Приблизиться к ним с такой ношей нелегко. Звери, конечно, меня замечали и убегали. Пришлось менять тактику. Работники заповедников говорили мне, где наибольшее скопление животных. Я приходил в то место загодя, делал засидку. Теперь у меня есть и хороший скрадок, и маскировочный халат. Я всё это вам покажу.

Он достал из своей машины маскировочный халат и надел его. Берет у него тоже из защитной хлопчатобумажной ткани. Владимир установил в кустах и кинокамеру, замаскировав её чехлом из той же ткани.

— А теперь отойдите метров на десять, — попросил он.

Отходим и смотрим в сторону кинооператора. Если бы мы

не знали, что он там, практически ничего бы не заметили. Маскировка отличная: Ахмедов полностью сливается с зарослями кустарника. Сказали ему об этом.

— Вот видите, как все просто и эффективно, — остался доволен он. — Чаще всего я делаю такие засидки у мест водопоя животных. Прихожу заранее, обживаю место. И вот появляются животные. Помню такой случай. Молодой джейран подошёл ко мне на расстояние нескольких метров. Он меня не видел — так тщательно я был замаскирован. И только когда затрещала камера, удивленно посмотрел в мою сторону и убежал. Но я успел снять отличные крупные планы.

— Подолгу приходится оставаться в засидке?

— Всё зависит от того, каких животных снимаешь. Чтобы снять архаров, а они очень осторожны и пугливы, делаю засидку с ночи. Только так и можно что-то снять.

— А сейчас над чем вы работаете?

— Это будет большой полнометражный фильм о заповедных местах. Мне придётся снимать его почти год. Хочу показать красоту природы своего края во все времена года, какие изменения здесь произошли.

Бадхыз в переводе с туркменского — «ветер поднялся». Место это продувается знойными ветрами пустыни. Но весной природа здесь на несколько недель преобразается. В низинах обилие цветущих маков.

Глядя на это буйство красок, никогда и не подумаешь, что спуска три-четыре недели всё здесь выгорит под палящими лучами солнца.

Владимир рассказывал нам, что фильм о Бадхызе он снял быстро, меньше чем за месяц. Ему тогда повезло. В том году было очень жаркое лето, в тени — под пятьдесят. И вся жизнь Бадхыза сконцентрировалась у редких родников, водопоев.

Проявляя осторожность, он сумел снять животных с близкого расстояния. Да и животные в такую жару особенно не убежали, что называется, позволяли себя снимать.

Джейраны — обитатели просторов. Их снимать тоже непросто. В обычный для заповедника год к ним ближе чем на полкилометра не подойти. В тот раз жажда вынудила животных потерять осторожность. Они были сняты у искусственного водопоя. А вот куланы приходят на водопой только ночью или ранним утром, до восхода солнца. Очень осторожные животные. Снимать их можно только из засидок или днём с вертолёта.

Бадхыз — обитель пернатых хищников. Здесь и орлы, и бородачи, и черные грифы, и птицы-падальщики — белоголовый сип и стервятник. Гнезда некоторых птиц сооружены на скалах. Оператору понадобилось немало сноровки, мужества и даже риска, чтобы снять гнездо пернатого хищника в нише, выдолбленной в скале.

Владимир Ахмедов обращает внимание не только на крупных животных, но и на всякую «мелочь» — ящериц, скорпионов, фаланг, жуков. Жизнь многообразна в своих проявлениях, и нужно уделить внимание многим её обитателям.

А вот знаменитый «ахмедовский» кадр, который он назвал «букет кобр». Четыре кобры в позе угрозы. Они синхронно, медленно поворачивают свои головы то в одну, то в другую сторону. Как это снято?

Секрет очень прост. Кинооператор нам его раскрыл. Ему бы никогда не снять такую сцену. Где набрать столько кобр? Ну, допустим, он всё же собрал их, но как заставить позировать перед объективом? И тут на помощь ему приходят Друзья.

Путешествуя с Владимиром, мы всё время удивлялись, как много у него друзей. С радостью его встречают всюду — в заповедниках, на пастбищах, в стационарах и институтах. Кинооператор откровенно говорит, что вряд ли сумел бы снять хоть один фильм, если бы не было у него столько друзей.

Так вот, возвратимся к кинокадру «букет кобр». Здесь тоже помог ему друг — Юрий Орлов. Он заведовал серпентарием в Бадхызском заповеднике. Однажды Ахмедов увидел, как тот ловко манипулирует с одной коброй. «А ты можешь так

обращаться с несколькими кобрами?» — спросил кинооператор. «Могу», — ответил змеелов. Он принёс в мешке несколько кобр, высыпал их на бугорке и привёл в боевое состояние.

Кобры реагировали только на руку змеелова. А между рукой Юрия Орлова и кобрами находился Ахмедов с кинокамерой.

Вот так и появился этот удивительный, вызывающий чувство восхищения кадр. В пути Владимир часто останавливается. Кинокамера у него все время наготове. Он снимает пейзажи, куртины деревьев, цветы. Привлекают его внимание и «следы» человеческой деятельности: обезображенная земля, срубленные деревья, следы браконьерской охоты.

О многом в пути он узнаёт от своих друзей — егерей, лесников, охотников, любителей природы, учёных. Фильм, который называется «На краю пустыни», он снял тоже с помощью друзей.

Впервые предстояло проделать уникальную операцию по переселению куланов из Бадхыза в один из северных районов Туркменистана. Там куланы когда-то обитали, но были истреблены человеком. И вот настало время попытаться восстановить ареал этих животных, ведь в начале века они встречались от Каспия до Амударьи повсеместно.

Об этой операции сообщил Ахмедову Иван Семёнович Сух, который в то время был директором заповедника. Бадхыз уже не мог прокормить такое обилие куланов, а расселяться им некуда — вокруг заповедника сельскохозяйственные угодья. Решить эту проблему можно было только так: переселить куланов в места их бывшего обитания.

Владимир говорит, что поймать этих крупных, сильных и быстрых животных непросто. С ночи большой район, где находились куланы, огородили сетями. Затем животных обездвигили. Но поместить зверя весом более 300 килограммов в транспортировочный ящик тоже нелегко: шестеро крепких мужчин едва справлялись с этой задачей.

Владимир не был сторонним наблюдателем. Отсняв животных, он помогал сотрудникам заповедника, грузить ящики с куланами в автомобиль, который доставлял их к вертолету. Это трудная работа, вспоминал Ахмедов, но чтобы

приобрести друзей, надо делить с людьми все их тяготы и радости.

Спустя час полета на вертолете куланы, наконец, прибыли на новое место.

Их не отпускают тут же на волю, а передерживают в специальных, хорошо оборудованных загонах. Животных кормят, ведут за ними тщательный ветеринарный надзор. В течение нескольких недель здесь формируется табун, выявляется вожак. Теперь можно и на свободу.

Мы побывали в одном из мест, куда недавно переселили куланов. В просторном загоне около двух десятков животных. Они спокойно встретили нашу большую компанию. Нам сообщили, что скоро их выпустят на вольные хлеба.

Владимир снял этот эпизод, который вошёл в его новый фильм о куланах. «На краю пустыни» зрителям понравился.

Из книги: Дроздов Н., Макеев А. В мире животных. Эпизод 3. М.: Дрофа, 2002. С. 41-43.

Владимир Ахмедов. Фото из семейного архива.

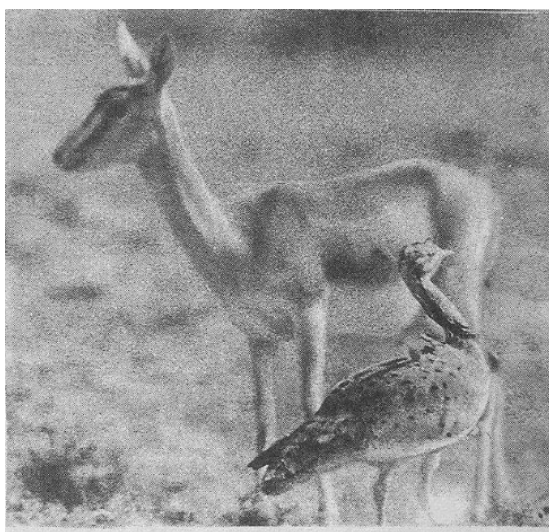
В.Г. Ахмедов, П.П. Второв, Н.Н. Дроздов. 1978. Фото из архива П.П.Второва. https://www.flickr.com/photos/hi_geo

Бадхыз, ферула. Фото В.С.Лукаревского.

*М.Е. Черняховский, В.К. Крупко, В.Я. Фет.
Кызыл-Джар, 1975. Из архива М.Е.Черняховского.*

Джейран и дрофа. Фото В.К. Крупко.

ДЖЕЙРАНЫ

С улицы доносилось фырканье. Пришли мои джейраны — Мамаша со своими симпатичными малышами, Машей и Пашей. Джейранята сразу к корытцу, а Мамаша стала между мной и малышами, точеным копытцем бьет о землю, чеканя сердечки следов. Потом тоже припала к воде.

Наше знакомство состоялось поздней весной, когда иссушающей зной начал набирать в Бадкызе силу. Рядом с домом я соорудил небольшой водопойчик из старой железки, поддона от дангателя. Все лето, за редким исключением, два раза в день джейраны приходили на кордон, и если в уходил в обход заповедной территории, следы возле корыта извещали меня об их посещении. Я не ставил целью приручить джейранов. С меня было достаточно того, что они терпели мое присутствие.

Малыши попили. Разминалась, попрыгали. Резвясь, избежали на бугор. Мамаша оторвалась от воды и несколькими плавными прыжками догнала малышей. Я поднялся на бугор. Джейраны не убежали, а устроили вокруг меня гонки. Дробный топот копыт. Джейранята во весь опор удирают от своей родительницы. Промчалась передо мной раз, другой, потом повернули в степь и скрылись из виду. Было радостно и немного грустно. Ведь пути джейранов пересекаются не только с путями дроф, как видно на фотографии, но и хищников.

Встретимся ли? Да и как отличить их от сотен других, так похожих?

В. КРУПКО
Фото автора

В.К. Крупко. Джейраны. Журнал «Охота и охотничье хозяйство», 1990, № 5.

Утро песчаного бугра

Владимир КРУПКО

Рисунок автора.

Итак, решено – сегодня никаких походов. Устрою себе день отдыха. Буду читать, загорать, приведу в порядок свою одежду, которая изрядно поистрепалась за время моих странствий с фотоаппаратом за архарами. Сижу на пороге своего жилища, которое громко именуется кордоном. Люблю эти ранние утренние часы и очень ими дорожу. Прислонившись к прохладной стене, в старенький бинокль наблюдаю за своими соседями, живущими в небольшом песчаном бугре рядом с домом. Мне интересно наблюдать за их пробуждением.

Первыми проснулись самые многочисленные обитатели бугра — песчанки-колонисты. Выскочили из нор, постояли,

посвистели, словно приветствуя друг друга. И сразу за дело — почистить ходы-выходы, позавтракать, сделать кое-какие запасы. Быстро работая лапами, выбрасывают на поверхность песок, расширяют жилое пространство. У песчанок уже появились малыши. Пройдёт какая-нибудь неделя, и они начнут совершать экскурсии на поверхность в обществе своих заботливых мамаш. Нельзя без смеха смотреть, когда пять-семь крошек повиснут на своей мамочке, словно украшения. И она каждого приласкает.

У пары золотистых щурок ещё и дома нет. Пробудившись, дружная чета принимается за строительство. Будущий их дом непрост, строят они его в земле, продалбливают штольню, а в конце хода устраивают камеру-гнездо, в котором самка отложит четыре яйца. Строят птицы по очереди. Времени даром не теряют. Пока одна отдыхает да заодно посматривает, чтобы на участке не крутились посторонние, вторая выкидывает из отверстия песок. Временами улетают неизвестно куда, но, возвращаясь, вновь принимаются за дело. Раз улетели щурки по своим делам, а в это время недалеко от гнезда приземлился хохлатый жаворонок. А хозяйева тут как тут. Пришлось ему пережить несколько неприятных секунд.

Тонкопалый суслик, подобно собратьям, любит поспать. Просыпается тяжело. Вылезет из норы, оглядится вокруг своими блестящими миндалевидными глазами. Разминаясь, побегает, высоко задрав свой плоский хвост, с азартом почешется и, закончив все «дела», застынет на пороге своего дома потешным пеньком, сложив на животе короткие лапки. И будет так дремать, нежно ласкаемый лёгким ветерком. Только иногда смахнёт пушистой лапкой чересчур надоедливую муху, усевшуюся на его влажный нос, и снова погрузится в дремотный мир своих сусличьих сновидений.

Самец степной агамы вылез из песчаной норы. Своего постоянного жилья у него нет. Живёт где придётся, не обременяя себя строительством. Вылез, головой покивал. Припал к земле, потом отжался. Задрал голову вверх и начал синеть и устрашающе раздуваться. Хочет, видимо, забраться на вершину бугра, а место занято — золотистая щурка отдыхает. Пугает агама птицу, «гневаётся», а щурка на посиневшую ящерицу никакого внимания. Стремительно атаковала агама вершину, широко расставляя свои мускулистые ноги. Согнала

щурку, победно подняла голову, куда бы ещё повыше забраться?

Понаблюдаешь за агамой со стороны, и впрямь покажется, что это самое её заветное желание. Путешествуя по степи на машине, часто можно увидеть ящериц, сидящих на верхушках придорожных кустов. Палящий зной невыносим для всего живого. Все прячутся, а агамам бы только к солнцу поближе. Труженикам щуркам этот бродяга не ко двору, одна из птиц смахивает наглеца крылом. Статус-кво восстановлен.

Пятясь задом, позже всех неуклюже выползла из своего укрытия степная черепаха, толкая перед собой груды песка. Она сразу принялась за завтрак: цветы мака, сочные зелёные листочки.

Возвращаясь с ночной охоты, пробежала зелёная мохнатая фаланга. Золотисто высвечивают в лучах солнца её пушистые ворсинки. Мимо бугра важно «прошёл» серый варан, загребая песок своими когтистыми лапами. Обитатели бугра в страхе попрятались, только черепаха равнодушным взглядом провожает далёкого родственника первобытных ящеров. Поднимая пыль, пустынный крокодил сунул наугад свою морду в одну нору, в другую, в третью. Не обращая на него внимания, под кустиком верблюжьей колючки два жука-скарабея делили добычу. У каждого свои заботы, свои охотничьи приёмы.

Варан отправился дальше. Через некоторое время из нор показались изрядно переволновавшиеся обитатели бугра. Агама, за ней робкие песчанки, а через четверть часа показалась и голова тонкопалого суслика. Так в страхах и заботах и протекает их жизнь. А мне бугор дарит радость новых открытий и новых знакомств в мире дикой природы, который начинается за порогом моего дома.

Журнал «Юный натуралист», 1985, № 4, с. 46-47.

Путевые заметки из прошлого века

Аскар АХАТОВ

И поезд — дом, и куст намокший —дом,
и в осень заблудившееся лето...
Я счастлива, но я пойму потом,
но я потом, потом осмыслю это.

Римма Казакова

Если вам когда-нибудь выпадал счастливый билет, то вы представляете себе, какие при этом чувства испытывает человек. И вот мне выпал такой билет. В начале апреля 1976 г. Михаил Ефимович Черняховский, наш замдекана и зоолог, предложил мне поехать в экспедицию по туркменским заповедникам. Не знаю, почему он выбрал именно меня, может быть потому, что я в детстве жил в Средней Азии, то есть должен был знать условия тамошней жизни...

Первая остановка была в Репетеке, куда поезд приехал рано утром, ещё до восхода солнца. Мы быстро дошли до заповедника, бросили вещи в домике и пошли погулять и позавтракать среди барханов. Тишина, цветущие заросли тамариска и саксаула, какое-то блаженство во всём. После перекуса пошли погулять и разошлись, потеряв друг друга из виду. Оказалось, что среди высоких барханов мы не слышим друг друга, следы на песке ни о чём не говорят. Я то поднимался на гребень высоченного бархана, то сбегал вниз. Плутал я часа полтора. К этому времени солнце встало над головой и вбивало свои лучи в голову, ноги в сандалиях не спасали от раскалённого песка, в который ноги погружались при спуске почти до колен, воды нет.

Наконец, появился Михаил Ефимович. Он тоже набегался. Мы вернулись в домик, познакомились с жившими там биологами, вместе пообедали и поговорили на тему лысенковщины. У меня температура поднялась до 39 градусов, голова раскалывалась. Тепловой или солнечный удар со мной приключился. Михаил Ефимович посмотрел на меня и решил,

что Репетека с меня достаточно. Утром мы поехали на поезде в Мары, где я купил полукеды, а головной убор сделали из куска марли. Аспирин и несколько чайников зелёного чая с лепёшками привели меня в норму. Вечером мы уже ехали в вагоне с кондиционером в Кушку. На предпоследней остановке вышли, так как от неё было недалеко до конторы Бадхызского заповедника.

Спали прямо у саманного забора, на земле. Через день была попутная машина, которая могла нас довезти до нужной точки. Нам повезло — в заповедник приехал Василий Михайлович Песков, который со своей киногруппой готовил передачу «В мире животных» о Бадхызе. Его сопровождали зам. директора заповедника Валерий Иванович Кузнецов и зоолог Юрий Константинович Горелов.

Мы ехали в открытом кузове ГАЗ-66, предоставленного нам пограничниками. Песков стоял впереди, и держался за кабину машины. На нём висели Canon и Nikon — мечта фотографа. Василий Михайлович периодически щёлкал, снимая то пролетавшего стервятника, то окружающие виды. Примерно через час сделали остановку на берегу реки Кушки. Все вышли размяться. Я пошёл вдоль воды. На камнях часто встречались небольшие, серого цвета пресноводные крабы. В траве было много акрид. Я шёл за Песковым, метрах в двадцати позади него. Он заметил чабана на ишаке с небольшой отарой овец. Василий Михайлович попросил чабана попозировать, но тот не очень понимал, о чём его просят. Пока он разговаривал, ишак отступил на несколько шагов назад, ноги его провалились в глину на мелководье и оба, ишак и чабан, грохнулись в воду. Василий Михайлович немного пощёлкал фотоаппаратом, повернулся, как ни в чём не бывало, и пошёл к машине. Чабан кое-как встал и пошёл выжимать свой ватный халат.

После того, как мы пересекли реку и въехали в холмистую равнину, покрытую покатыми барханами, поросшими травой и кустарником, Песков попросил всех сидящих в кузове искать варанов, так как их надо было использовать для съёмок. Мы встали по бортам и внимательно искали варанов, но их не было. Я шарил глазами по вершинам барханов вдалеке от машины, словно это были драконы, которых можно увидеть

вот так, на гребнях. Наверное причиной тому был увиденный незадолго до того фильм, где вараны были показаны гигантскими и грозными.

Напряжение нарастало, мы ехали больше часа, а варанов нет. Охотничий азарт владел не только мною. Вдруг Юрий Горелов крикнул: «Вон варан по дороге бежит». Машина чуть притормозила, я посчитал, что это сигнал для ловцов и выпрыгнул из кузова. Варан бежал по дороге не очень быстро. Я обогнал машину и, подбежав к варану, хотел схватить его поперёк тела, но подбегавший Горелов громко крикнул: «Не тронь! Укусит!». Я отдернул руку и вовремя, так как буквально в сантиметре от руки сомкнулись челюсти варана.

Горелов схватил варана за хвост и поднял его. Потом показал глубокий шрам на своей руке и объяснил, что варан хватает руку, как бульдог. Руку освободить можно, только разрезав ему пасть.

В общем, мне продолжало везти. За всем остальным я уже наблюдал издалека.

Горелов объяснял В.М. Пескову под камеру, что им был разработан способ нетравматического изучения содержимого желудков варанов. Для этого в пасть пойманному варану наливают поллитра воды, а потом встряхивают, держа его за хвост. Он выполнил эту процедуру, и через пару минут всё содержимое желудка было на песке. Горелов показал маленького варанчика, агаму, жука-чернотелку. Оказалось, что варан ест всё, что попадётся, не разбирая на своих и чужих.

Всего за время пути мы поймали двух больших варанов, посадили их в мешок и через час, наконец, доехали до нашей точки. Это был вагончик и квасная бочка с водой, стоявшие рядом с сопкой.

Это было начало увлекательного путешествия в самый змеиный заповедник СССР.

Бывают дни, которые вмещают в себя массу событий. Они запоминаются на десятилетия. Этот первый день в заповеднике из их числа.

Варан злится.

*Показательная тошниловка.
Ю. Горелов выполняет «процедуру», В. Песков снимает.*

Вагончик — база герпетологов.

День был в самом разгаре. Руководство заповедника и киногруппа В.М. Пескова сели в тени вагончика, под тентом, чтобы попить чайку и перекусить. Нас они не пригласили к столу.

Мы с Михаилом Ефимовичем забрали свои рюкзаки, и пошли знакомиться с хозяевами вагончика. Это были герпетологи — Володя Черлин из Питера и Алексей Целлариус, работавший в Новосибирском зоопарке. Не могу сказать, что они встретили нас с распростёртыми объятьями, но солидарность голодных, смотрящих на пиршество приезжих, сплывала. ...

Дальше пошли экспедиционные будни. Каждый день мы с Черняховским уходили за 10-15 км от вагончика в поисках самой крупной саранчи, которая где-то здесь должна была водиться. Как она выглядит, мы не знали. Один гость каким-то образом знал, что Черняховскому нужна саранча, и принёс несколько необычных личинок, но взрослых особей не было. Михаил Ефимович, кажется, пытался личинок докормить до

имаго, так как определение ведут только по взрослым насекомым.

Постепенно я обживался в этом странном месте. Оказывается, вагончик стоял в глубокой впадине, которая образовалась в далёкие времена в результате взрыва доисторического вулкана. О том, что здесь было море, говорило множество крупных раковин устриц, которые местами устилали всю поверхность земли. Их возраст оценивают в 40 млн. лет. В центре впадины высилась сопка, названная кем-то Казаном за её круглый каменный верх.

Сопки, конечно, были вулканического происхождения. Как-то раз к нам в лагерь пришёл одинокий археолог. Он рассказал, что на вершине Казана им были найдены остатки древней глиняной посуды. По-видимому, там был наблюдательный пункт. А эти места славилась хорошей солью, которую здесь издавна добывали.

Жизнь была однообразная. Развлекали только местные обитатели. То на маршруте нам встречалась самка джейрана с детёнышем. Она встала на задние ноги, что-то громко нам кричала на своём языке. Мы поняли, что идти туда не надо, и ушли в сторону.

Другой раз мы решили с Михаилом Ефимовичем разойтись по разные стороны солёного озера. Я пошёл более коротким маршрутом, потому как устал от бесцельной ходьбы и жары. А Черняховский пошёл по длинной дуге. Он хотел обловить ещё какую-то сопку. Я шагал по белой окраине озера и вскоре заметил строчку крупных свежих кошачьих следов. Стало интересно, я внимательно следил за направлением чётких отпечатков. Судя по размеру следа, это был леопард. Видимо, это он орал несколько вечеров подряд. Следы свернули влево, ближе к сопке и стали в траве не видны. Потом вдруг опять появились. Что-то меня насторожило. Я подумал, что никакого оружия с собой у меня нет, а эта зверюга, может, оголодала и только ждёт, когда жертва подойдёт поближе. Через солончак к Черняховскому пройти не удалось, поэтому я развернулся и быстро пошёл назад. Вскоре заметил, что рядом с моими старыми следами появилась ещё одна дорожка кошачьих следов. Зверь явно шёл за мной, а сейчас где-то прятался. Я осмотрелся, никого, конечно, не заметил. Незнание

напрягала, поэтом пошёл быстрее и вскоре нагнал Михаила Ефимовича.

По очереди кто-то оставался в лагере и готовил обед. В один из таких дней я что-то приготовил, а потом пошёл на ближайшую сопку, где увидел большую змею, гревщуюся на солнце. Недолго думая, рванулся к ней, а она от меня юркнула в нору. Однако я успел ухватить её за хвост. Развернуться в норе она не могла, поэтому я не опасался, что она меня цапнет. Я стал громко звать Алексея, который уже вернулся к обеду. Он нехотя забрался на сопку, вытащил змею за хвост. Это оказался крупный полоз. Алексей сказал, что полозы их не интересуют. Герпетологам нужны были в основном кобра, гюрза и эфа. Они выясняли пути их миграции и места обитания. Проходные змеи имеют более высокую температуру тела, у оседлых змей она ниже. Для измерения температуры у Володи и Алексея всегда при себе был термометр, который они вставляли в клоаку змее, и измеряли температуру.

Один раз мне пришлось принять участие в этой процедуре. Это произошло после традиционного вечернего купания в солёном ручье, который течёт из одного солончака в другой. Как я потом узнал, концентрация солей в воде ручья достигала 300 г на литр.

Немного расслабленный, после купания я шёл впереди нашей компании, как Володя мне сказал: «Стой!». Я остановился. Оказывается, он заметил, как песчаная эфа ударила головой по моему кеду, а я не почувствовал. Володя взял эфу в руку, достал термометр, вставил его куда надо и, посмотрев на показания прибора, сказал: «Проходная», — и отпустил змею. Мне опять повезло...

В один из вечеров кто-то из ребят рассказывал, что зимой в эти места приходят архары, иногда они становятся добычей волков, поэтому можно встретить их черепа с рогами. Меня это заинтересовало. Искать рога архара, конечно, интереснее, чем саранчу. Я поднимался на вершины сопок и пристально оглядывал окрестности. Один раз я увидел на вершине далёкой

Солёный ручей вечером.

сопки две белые точки. Подумал, что они чем-то напоминают черепа и пошёл в ту сторону. Оказалось действительно, это были черепа, с рогами, но мне они показались недостаточно большими и напоминали головы двух обычных баранов. Расстроившись, я пошёл назад, но вскоре натолкнулся на несколько крупных нор, вокруг которых было полно игл дикобраза. Ага, значит тут ещё и этот зверь живёт.

Пошёл дальше и недалеко от солёного ручья увидел большую голову архара с крупными рогами. Запах тления от него исходил, не очень хороший, но терпимый. Внутри копошилось множество мертвоедов. С находкой я вернулся в лагерь и придумал завернуть голову в полиэтиленовый пакет, чтобы дать возможность мертвоедам довести своё дело до конца. И действительно, вернувшись домой через пару недель, я обнаружил совершенно чистый череп без неприятного запаха.

Другой мой поход закончился находкой варана, который стоял рядом со своей норой. Он сначала пытался меня испугать, пошипел, а потом быстро нырнул в нору.

Один раз мы с Михаилом Ефимовичем пытались подняться из впадины наверх, но подъём по отвесным чинкам был сложным. Мы уже устали, надо было возвращаться назад. Пришлось бросить это дело.

По пути в лагерь встретили несколько растений ферулы (зонтичное растение), которую во время цветения облюбовали большие усачи. Позже, когда растение отомрёт и цветонос упадёт, он превратится в прекрасный дом для термитов. Эти лежащие на земле термитники в стволах ферулы частенько попадались нам на пути.

Жить в заповеднике было интересно, но нужную саранчу мы так и не могли найти, а цель экспедиции — поиск нового вида саранчи. К тому же продукты заканчивались, и нам всем пора было возвращаться домой.

Прощальный вечер в Ер-Ойлан-Дузе был красив. Заходящее солнце попало в плен причудливых облаков, что создавало атмосферу таинственности. Уезжать не хотелось.

Бадхыз. Жук-усач *Neoplocaederus scapularis*.
Фото А.Ю. Герасимова. Определение С.В. Мурзина.

Парад сопок.

Подвернулась какая-то незнакомая грузовая машина, и мы попросили довезти нас до кордона Кызыл-Джар, который находился уже наверху, на равнине. Название кордона произошло от названия глубокого многокилометрового оврага, который начинался недалеко от домика, а заканчивался во впадине Ер-Ойлан-Дуз.

Двинулись в путь вечером. Ехали, ехали и вдруг остановка. Водитель предложил выпить кислого верблюжьего молока. Напиток называется — чал. Мы вышли из машины. Посреди пустыни рядом с дорогой стояла туркменка и протягивала нам пиалушку с чалом. Очень вкусно! Сказали ей «Спасибо», — и поехали дальше.

На кордоне нас гостеприимно встретил лесник. Это был высокий блондин с нездешней внешностью, который оказался латышом*, по собственному желанию распределившимся после института в бадхызскую глушь. В другой половине дома

**Ю.С. Карпинский – Прим. ред.*

располагалась киногруппа из Москвы, но я их не помню**. Они рано уезжали на своей машине и поздно приезжали. С нами почему-то не общались. Несколько дней мы поработали на равнине.

Принято считать, что во впадине Ер-Ойлан-Дуз температура воздуха выше, значит, там насекомые должны быстрее развиваться. Наверное, так думал Михаил Ефимович. Именно поэтому мы долго, но безуспешно искали нужную саранчу. На равнине температура ниже, ещё было полно зелени, и поиски саранчи, казалось, не будут результативными. Поэтому в первые дни своего пребывания на кордоне Кизыл-Джар мы упорно ходили в овраг, который выходил через несколько километров во впадину, то есть в конце его глубина была примерно на полкилометра ниже кордона. Но это же получается не просто овраг, а целый каньон.

Лесник, провожавший нас до оврага в первый день, сказал, что овраг растёт во время дождей, каждый года на несколько десятков метров. Начинался он с небольшой трещины в земле, в которую собиралась дождевая вода с равнины. Постепенно углублялся, превращаясь в овраг с крутыми стенками, на дне которого иногда была видна тонкая струйка воды. Здесь ощущалась прохлада, растительность было сочная и обильная.

Мы ежедневно проходили вниз по оврагу более 10 км, облавливали и осматривали его склоны. Но тщетно. Попадалось множество обычной саранчи, но нужного вида не было.

Каждый из нас брал с собой в путь по пол-литровой фляжке воды. К полудню вода уже заканчивалась, а полуденное солнце основательно припекало. Путь на кордон шёл вверх. Я еле успевал за Михаилом Ефимовичем, который был одно время чемпионом института по лыжам. Он мог долго идти и, казалось, не уставал. Мне же было тяжело, но я старался, пых-

**Группа В.М. Потапова – Прим. ред.*

Поиски саранчи на склонах оврага.

тел, карабкался по песчаному дну оврага. Когда мы возвращались к вагончику, то сил уже не было. Я не помню, чем мы питались, кто готовил... Эта сторона жизни отошла на второй план. Главное — надо было утром перекусить, выпить солёной воды, набрать флягу и идти, идти, идти...

После нескольких дней безуспешных поисков стало понятно, что искать нужно в другом месте. Экспедиция подходила к концу, скоро должна была приехать за нами машина, а результата нет. Мы пошли по равнине к обрывистым чинкам, что возвышались над впадиной. Шли по ровной как стол равнине примерно километров пятнадцать. Интересно, что на равнине растительность распределялась странным образом. Сначала шло пространство, поросшее в основном красными маками, потом их становилось меньше и начала преобладать пижма. Потом опять росли маки...

Я попросил Михаила Ефимовича сфотографировать меня на одной из маковых полян. Этот поход чем-то напоминал путешествие Элли из книги «Волшебник Изумрудного города». Там герои сказки шли по маковому полю и засыпали от аромата цветов. На нас ничто не действовало. Мы продолжали упорно идти к далёкой волшебной стране, где могла водиться неведомая саранча.

Часам к 11 пополудни дошли до края чинков. Вся впадина была хорошо видна. Центральный Казан, бывший ранее центром древнего вулкана, главенствовал. Окружающие его солончаки и солёные озёра напоминали снег. Ручей отсюда был не виден, зато хорошо смотрелся конический Робинзон.

Мы с Михаилом Ефимовичем разбрелись по склонам в поисках саранчи. Побродили с полчаса и ничего не нашли. Немного перекусили, попили воды и продолжили поиски. Неожиданно у меня из под ног выскочила здоровенная саранча песочного цвета. Она не летела, а прыгала. За 2-3 прыжка она удалилась от меня метров на 20. Я засёк кочку, где она приземлилась, приготовил сачок и тихо пошёл к ней. Она подпустила меня к себе метров на пять и опять упрыгала к самому обрыву. Максимально осторожно я стал к ней подходить. Мне удалось подобраться к ней метра на 2. Она крутилась около куста и уже собиралась удрать, но я успел в прыжке её накрыть сачком. От радости я заорал, призывая Михаила Ефимовича.

Да, это была та самая, искомая саранча. Я первый её поймал! Михаил Ефимович достал её из сачка и положил в

морилку. Он пошёл дальше бродить в поисках саранчи, а я лёг на песок и заснул с чувством исполненного долга.

Не знаю, сколько времени я проспал, наверное, около часа. За это время Михаил Ефимович поймал ещё пару особей саранчи. Небо затянула небольшая облачность, подул ветер и внизу образовался соляной буран.

Вполне удовлетворённые поимкой саранчи, мы с Михаилом Ефимовичем пошли на кордон. Метрах в двухстах от нас паслось стадо серых куланов. Жеребец стоял и смотрел на нас, потом поскакал прочь, а за ним и всё стадо. Несколько раз мы пытались подойти поближе, но тщетно. Стадо куланов уходило в сторону, и нам с ними было не по пути.

Вечером облачность усилилась, подул ветер. Не знаю, как на западе сейчас выглядел закат, а здесь, на кордоне небо было красивым. И почему-то захотелось домой, в Москву.

На следующий день выяснилось, что пресная вода у нас закончилась, есть нечего, так как и тушёнка закончилась. Одолжиться было не у кого, так как киношники уже уехали.

Сидим, никуда идти не хочется. Неожиданно приехал пограничный ГАЗ-66. Мы быстро собрались и уехали.

На подъезде к Моргуновке, где располагалась контора заповедника, мы переехали реку Кушку. Она текла меж двух рядов холмов. Берега её были глинистыми, вязкими, изредка на них рос цветущий розовым цветом тамариск. Холмы на другой стороне, покрытые полями маков и сотнями баранов, уже были в пограничной зоне, за ними был Афганистан.

Вечером мы сели в вагон с кондиционером и поехали в Мары. В нашем вагоне оказался Юрий Константинович Горелов. Он ехал в Ашхабад, где собирался разбираться с незаконным сбором нескольких тысяч среднеазиатских черепах, которые были пойманы в этой местности для зоомагазинов. Мы стояли с ним в проходе, и он много рассказывал мне о своей работе, об экспедиции в Монголию, где им были найдены яйца динозавров. Всё это было интересно и необычно, но от обилия собственных приключений я почти ничего из его рассказов не запомнил.

Через четверо суток мы с Михаилом Ефимовичем, Володей Черлиным и Алексеем Целлариусом приехали в Москву. С

вокзала я сразу пошёл на факультет. Сейчас представляю, как я выглядел тогда: лицо чёрное от трёхнедельного загара, тощий (похудел на 12 кг), после купания в солёных водах ручья причёска была как залаченная. Оставалось сдать последний экзамен по органической химии и ехать на практику в Павловскую Слободу к гитаре, кострам, полевым и лабораторным работам. Хорошо!

Недавно я нашёл через интернет Володю Черлина. Он уже доктор биологических наук. Алексей Целлариус жил в Новосибирске, а теперь в Подмосковье, пишет книжки о животных. Михаил Ефимович Черняховский по-прежнему преподаёт в нашем педагогическом университете зоологию. Все живы, и уже это хорошо! Вот только Юрия Константиновича Горелова с нами нет. Его не стало в сентябре 2018 г. Легендарный был человек, о котором много написано хорошего и которого помнят все, знавшие его.

В прошлом году во время посещения питерского Зоологического института и музея на стенде под стеклом я нашёл две особи саранчи *Saxetania*, которые, возможно, когда-то были нами пойманы в Бадхызе. А может быть, это их сородичи?

Всего несколько саранчуков, а сколько приключений и событий! Хорошо всё, что хорошо кончается.

Май 2020 г.

Публикуется впервые. Фотографии автора.

Что я вспомнил

Михаил ЧЕРНЯХОВСКИЙ

М.Е.Черняховский. Бадхыз, Кызыл-Джар, 1963

Май 1963. Экспедиция ИЭМЭЖ. Лаборатория М.С. Гилярова. Состав: Б.М. Мамаев, Н.П. Кривошеина, Г.М. Длусский, Д.А. Криволицкий и примкнувшие проф. Ф.Н. Правдин и студент МГПИ им.В.И. Ленина (4 курс) М. Черняховский.

(Б.М.Мамаев — аспирант М.С.Гилярова, который говорил, что у него три ученика: Мамаев, Чернова, Шарова. Мамаев затем в ИЭМЭЖе стал завлабораторией, потом был замдиректора...)

Задачи — почвенная зоология (есть слайд, где мы берем пробы) и изучение фауны прямокрылых. Посетили Кызыл-Джар, Акар-Чешме с машиной заповедника, а обратно в Моргуновку на машине с сеном.

Д.А. Криволицкий и Г.М. Длусский. Бадхыз, 1963.

Б.М.Мамаев. Бадхыз, 1963.

Б.М. Мамаев и Г.М. Длусский. Бадхыз, 1963.

Март-апрель 1968. Круиз по Туркмении на машине от дирекции строящегося Каракумского канала. В составе Бориса Мамаева, Сиды Павловны Мамаевой, аспиранта Амана Ягдыева и М. Черняховского, шофер Ата. Мары, Теджен, Хауз-Хан, Серахс. С 4 по 8 мая 1968 были в Бадхызе: Ер-Ойлан-Дуз, Кызыл-Джар. (А. Ягдыев — аспирант Мамаева; защитившись, он перед кончиной Союза был начальником Республиканской станции защиты растений. Сам он родом из Марыйского оазиса.)

Май 1975. Кызыл-Джар, Ер-Ойлан-Дуз. Добирались машиной заповедника. Нас двое: М. Черняховский и студент биохима, теперь ведущий фитопатолог Аскар Ахатов (несколько раз

встречались на съездах Энтомологического общества). Знакомство с Фетом.

Весна 1976. Год, когда заповедник посетил В. Песков. Машиной из Моргуновки в сопровождении свиты и сотрудников. Целлариус, В. Черлин. В.И. Кузнецов. Жили в Ер-Ойлан-Дузе, затем переехали на Кызыл-Джар (Песков уже уехал — жара), Акар-Чешме, Намаксар.

Кого из сотрудников помню: Ю. Горелова, с которым познакомился в 1963. Таисия Горелова, Целлариус, Черлин, Кузнецов. Из приезжих: В.Я.Фет; Князева Н.И. из Питера (лаб. нейрофизиологии беспозвоночных Института эволюционной биологии им. Сеченова). Роман Злотин — 1975, мы с ним виделись в последний раз, теперь только приветы из США.

Что запомнилось:

1963: знакомство с Гореловым, как готовил черепаховый суп, как он ловил кобру и как мы с ним мерялись физподготовкой. Майская гроза в Кызыл-Джаре с градом, тогда досталось по темячку Гене Длусскому, а перед домом образовался водоём и мы три дня купались.

1975: Витя Фет; Князева, которая поймала самку нового вида Саксетании и на мои просьбы отдать не реагировала ... так этот экземпляр и загиб в недрах ленинградских.

1976: Поймал-таки новый вид Саксетании...

Публикация: Черняховский М.Е. 1979. Новый вид саранчового *Saxetania pravdini* Tshern., sp.n. (Orthoptera, Pamphagidae) из Бадхыза. *Тр. Всес. энт. мол. об-ва*, 61: 13-15.

Гена Длусский в Кызыл-Джаре на почвенных пробах, 1963.

*На почвенных пробах в Кызыл-Джаре — М.Е. Черняховский,
Б.М. Мамаев и Н.П. Кривошеина, 1963.*

*Мамаев и Длусский; машина, что повезёт нас
в Акар-Чешме, 1963.*

*Ф.Н. Правдин отдыхает на обочине (он тогда ещё курил);
мы возвращаемся в Моргуновку, 1963. Сзади — пропаханная
вдоль дороги противопожарная полоса.*

Машина с сеном, что возвращала нас в Моргуновку, 1963.

М.Е. Черняховский. Бадхыз, 1963

Ер-Ойлан-Дуз, 1968. Слева — М. Черняховский. Стоит в кепке шофёр Ата. На камне — Аман Ягдыев. Справа внизу сидит Сидя Павловна Мамаева.

А. Ягдыев, Сидя Мамаева, Б.М. Мамаев, шофёр Ата. Бадхыз, 1968.

М.Е. Черняховский в Бадхызе. Кызыл-Джар, 1975.

*Бадхиз, кордон Кызыл-Джар, 1968.
Перед домиком — Б.М. Мамаев.*

*Публикуется впервые.
Все фото из архива М.Е. Черняховского.*

На кордоне Кызыл-Джар

Виктор КРИВОХАТСКИЙ

...Данные моего диплома по электрофизиологии нервной цепочки насекомых руководитель В.П. Тыщенко решил не публиковать, как негативные. Тем не менее, он сообщил, что работой заинтересовался «сам Свидерский», и он «сам» предлагает мне поступать в аспирантуру к нему в Сеченовский институт. Через два месяца выяснилось, что выделение аспирантских мест переносится на следующий год, а мне предлагается найти место для распределения, откуда я смогу уйти в аспирантуру, когда понадобится.

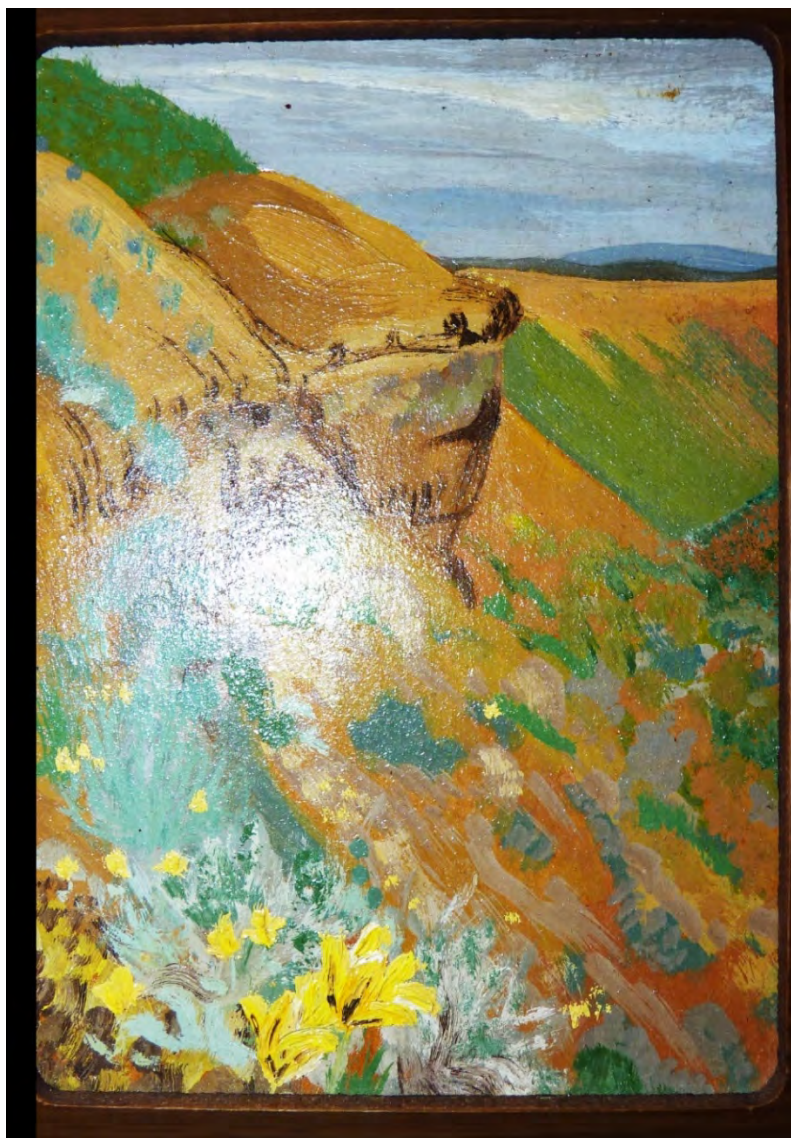
В это время освободилось место руководителя кружка «Друзья леса» во Дворце пионеров, того кружка, в который я ходил в школьные времена и подрабатывал рабочим в студенчестве. Мне удалось туда распределиться. Не ограничиваясь традиционными натуралистическими выездами на природу для сбора насекомых и наблюдений за прочей живностью, я организовывал детям, начиная от младших классов, занятия по реставрации дореволюционных коллекций и под конспектирование рассказывал им сказки типа «О сопряжённой эволюции полёта птиц и насекомых» или «Как сложить простейший биоценоз на берегу ручья». Как-то заведующая послушала одну из моих сказок и отправила меня читать лекции на городские курсы повышения квалификации для учителей биологии. Среди моих слушателей там были даже известные биологи, в том числе Женя (Е.А.) Нинбург. Всею командой меня уговаривали не уходить в аспирантуру. Собственно, я и сам не хотел опять садиться за осциллограф; тянуло на просторы.

Я взял справочник «Заповедники СССР» и написал с полсотни писем, с зарплаты купив пачку конвертов. Ответы пришли из трёх заповедников. Разумеется, я выбрал самый

дальний. Продал Золотой альбом Сальвадора Дали, чего хватило доехать плацкартами до Кушки. Там меня взяли на испытательный срок сторожем «на карман» — охранять ток собираемой фисташки, а заодно и заправщиком, из-за чего я стал называться ГСМ. За месяц я заработал на обратную дорогу и получил приглашение на работу в Бадхызский заповедник лесником, которое по пути домой обратил в государственное ходатайство о перераспределении в Министерстве лесного хозяйства Туркменской ССР. В Москве министр образования РСФСР это ходатайство удовлетворил, и в Ленгоруно я им просто помахал, чтобы они подписали мне обходной лист. Это была осень 1976 года.

Распродав оставшиеся альбомы живописи и коллекцию монет, я распрощался со своими дамами и налегке убрался в Кушку, где стал полставочным лесником на кордоне Кызыл-Джар с правом заниматься энтомологическими исследованиями по плану, заранее согласованному с директором В.И. Кузнецовым. Его план очень был схож с выгуливанием сверчков по полигону в ванной комнате, чем я занимался в детстве, разве что он предложил мне гонять по огороженному забором плацу пару видов чернотелок. Опять бесполезная работа; сам Кузнецов быстро переключился на копытных. Хорошо, у меня были сезонные наблюдения и фаунистические сборы в ловушки Барбера в других местах; материалы по паукам впоследствии удалось обработать совместно с Виктором Фетом и опубликовать (Кривохатский, Фет, 1981). Остальные сборы были переданы в зоомузей МГУ, впоследствии я их нигде не нашёл.

Научная работа в Бадхызе не имела ни традиций, ни поощрения, ни будущего; политическая борьба партий в руководстве заповедника закончилась разбеганием большей части научного штата сотрудников. К этому времени я написал десятку оставленных в Ленинграде потенциальных «жён декабриста»; одна из лимитчиц бросила свои ежегодные поступления во второй медицинский и приехала ко мне в Бадхыз на вторую половинку ставки лесника. Удовольствий без воды и прочих условий получила она по полной программе

*Бадхыз, Кызыл-Джар, чинк оврага.
В.А. Кривохатский, 1978, масло, картон.
Из архива В.А. Кривохатского.*

— под конец чуть не родила в геологическом ЗИЛ-130, застрявшем в песках. Лариса (Л.В.) Комарова, моя соседка по Кызыл-Джару и биогеограф, добилась приглашения меня в Репетек, где она ранее делала свою диссертацию. На пике массового разъезда в 1978 г., в одном поезде с Юрой (Ю.К.) Гореловым, уезжающим в Москву, я перевёз жену и первую нашу дочь в Репетекский заповедник, где следующие 7 лет проработал лаборантом-энтомологом, соседствуя в одном кабинете с Владимиром (В.Г.) Каплиным, признанным в те времена главным энтомологом аридной части Союза.

Кроме переездов (переезд — как пожар), были и пожары, вызывающие переезды. Первый дым я увидел утром со своего крыльца в кордоне на Кызыл-Джаре со стороны Кепеле. Я побежал на метеостанцию, и метеоролог Рая отстучала по радиации в Кушку через Ашхабад текст: «Горит фисташковая роща, машин нет, людей нет, помпы нет». О поломке помпы я передавал в дирекцию уже месяц назад, а о пустом, без воды, хаузе (наливном колодце) там тоже знали. В середине дня прислали машину без людей, и шофер вручил мне копию приказа с выговором за неисправность вверенной мне помпы. На словах он передал поручение, нам двоим забрать лесника в Кепеле, и потушить возгорание. Уже через час я видел, как с жужжанием вспыхивают гнёзда грифов с птенцами на старых фисташках, но за обгоревшим поворотом дороги просматривался уцелевший вагончик ботаников. Лесник и его семейство сказали, что огонь подошёл сразу с разных сторон, от Красной Горки и со стороны Адамулена ещё ночью. Вокруг кордона уже выгорело, и семья Атамурата вернулась домой. Мы поехали по обратной дороге и остановились в районе оврага Даш-Кую, где огня ещё не было. Решили послать шофера на машине к пограничникам за подмогой, пока сами пускаем противопал от оврага. Сначала успевали хорошо, и фронты огня встречались далеко от нас, но в один из моментов, противопал, пущенный мной, встретился с палом в заросшей черкезом лощинке в 5 метрах от меня. Оторвавшись от земли, после того как огненный шквал протащил надо мной ворох горящих кустов, я увидел, как черное пятно с алой каймой распространялось уже в сторону моего кордона по золотой Бадхызской степи. Пограничники приехали без водовозок,

которые были заняты на тушении контрольной полосы; зато солдатики, дружно размахивая ватниками, остановили огонь в километре от Кызыл-Джара. Возвращая лесника домой, мы остановились у дымящихся остатков некогда самых старых фисташек. Нога провалилась в золу бывшего комля; через 5 минут ребята счищали мне расплавленную резину кеда с распухшей ноги. Вернувшись в Кызыл-Джар, я узнал, что у геологов, стоявших недалеко от кордона, обгорела одна буровая и все запасы воды ушли на пролив жилых вагончиков.

Примерно в это же время на меня свалилась незапланированная смерть. Загнали ко мне на кордон двух студенток — выбросили из микроавтобуса, «поживут у тебя две недели, будут писать дипломы». И это при нашей экономии пресной воды (две кружки в день, включая готовку), давно известной директору. Девочки грустно съели сухой пакетный суп, запивая из выданной кружки, устроились в гостевой комнате, а наутро ушли «на заранее согласованный маршрут», как я понял, на заброшенную поилку для куланов в сторону Даш-Кую. Ближе к вечеру ко мне на Кызыл-Джар прибежал солдат с военного купола: «У вас у оврага девушка помирает! Наш сержант сейчас принесёт её к нам». Мы с солдатом рванули в лагерь геологов в километре от кордона за машиной и уже через полчаса вместе с начальником партии были под серебряным куполом у тента, в тени которого на топчане лежала несчастная. Пульса не было, окоченения тоже. Сержант показывал на две маленькие дырочки на её ноге, но подруга описала все признаки солнечного удара. Неужели, и кобра, и удар, одновременно? Первый и последний раз я делал искусственное дыхание рот в рот, выбив из носоглотки не один стакан вязкой слизи. Ни на секунду признаки жизни к ней не вернулись. Как звали эту девочку, так и не знаю*, впоследствии видел таких, уютных, простых и покорных. Сам я держался, всхлипывал разве что после, на допросах. Но и на следствии, и в прокуратуре меня не терзали — по многим делам я тогда у

**Светлана Мелова из Горького. Другая студентка — Людмила Козлова из Магнитогорска. Это был июнь 1978 г. -- Прим. ред.*

них проходил, ещё и браконьерство, и пожары, и уклонение от сборов в Афгане (да, и такое было!).

В этот год заповедник не подготовил противопожарную полосу до пожара, поэтому на её прожог весь мужской коллектив подняли уже на следующую ночь; дирекция рассчитывала пожар свалить на геологов, а на нетронутых участках показать противопожарную полосу в наличии. Во время этого прожога, на который согнали и конторских и всех лесников, как раз и погиб под колёсами своей машины Эдик Левенштейн, лесник Красной Горки. Когда дело о пожаре оказалось в прокуратуре, начальник партии Маневич попросил меня выступить его, а не директорским, свидетелем, на что я и согласился. К этому времени меня практически выдавили из Бадхыза, а убежавшая до меня Лариса Комарова уже готовила мне вызов из Репетека. Поскольку Бадхыз я покидал одновременно с оппозиционером Ю.К. Гореловым, препятствий мне с отсылкой контейнера с вещами дирекция не чинила.

Много лет спустя, уже в ЗИНе, Юра (Ю.А.) Песенко регулярно припоминал мне экспедиционную байку семидесятых годов, в которой он, грязный и измотанный многодневной тряской, вываливается из кабины ГАЗ-66 на кордоне Кызыл-Джар в 100 км от самой южной точки СССР, а из-за хибары навстречу ему выхожу я в белом льняном костюме и с сачком в руках.

Хорошо помню профессиональное. Всё, что рядом, даже имена, если не записывал, то забывал со временем.

Зрительная память сохранилась и после инсульта. Полностью выпало понятие о времени, забыл и многие имена.

Если вокруг моего рабочего стола о моём натуралистическом прошлом напоминают собственные пейзажи из Репетека и «Леса на Ворскле», то каждое утро из постели я шурю глаза на бадхызский Кызыл-Джар.

После своего лесничества я попадал в Бадхыз дважды, в том числе с ЗИНовской экспедицией, тогда же собственным сачком провёл подробное обследование фауны муравьиных львов. Теперь есть пара видов с голотипами из Бадхыза:

Myrmecaelurus badkhyysi Krivokhatsky, 1992 (Кызыл-Джар)
Myrmecaelurus solaris Krivokhatsky, 2002 (Акарчешме).

Первый из них – эндемик, второй оказался широким ирано-туранским видом.

Статьи с упоминанием бадхызских материалов:

Krivokhatsky V.A. 1992. A new ant-lion from Turkmenia, Middle Asia (Insecta, Neuroptera, Myrmeleonidae). *Reichenbachia*, 29 (14): 77-80.

Krivokhatsky V.A. 1994. Ant-lions (Neuroptera, Myrmeleontidae) in Turkmenistan. Pp. 495-498 in: Fet V., Atamuradov K.I. (Eds). *Biogeography and Ecology of Turkmenistan*. Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, The Netherlands.

Кривохатский В.А. 2002. Новые виды азиатских муравьиных львов (Neuroptera, Myrmeleontidae). *Энтомологическое обозрение*, 81(4): 883-889. [Translated into English: Krivokhatsky V.A. 2002. New Asian species of ant-lions (Neuroptera, Myrmeleontidae). *Entomological Review*, 82(5): 558-562].

Кривохатский В.А., Фет В.Я. 1981. Особенности распределения пауков Бадхыза в весенний период. *Известия АН ТССР, сер. биол. наук*, 1: 45-51.

*Бадхыз, Кызыл-Джар, вид из пещеры.
В.А. Кривохатский, 1978.
Из архива В.А. Кривохатского.*

*Бадхыз, Кызыл-Джар, вид из пещеры.
Фото А.А. Позднякова, 1987.*

Другие новые виды животных, описанные по туркменским сборам В. А. Кривохатского (составил В.Я. Фет):

Насекомые:

Badkhyzembia Gorochov & Anisyutkin, 2006;

Badkhyzembia krivokhatskyi Gorochov & Anisyutkin, 2006 (Embiidina: Paedembiidae) (Бадхыз)

Фаланга:

Gylippus krivokhatskyi Gromov, 1999 (Solifuga, Gylippidae) (Бадхыз)

Пауки (Aranei, 16 видов):

Dysdera limitanea Dunin, 1985 (Dysderidae) (Бадхыз)

Dysderella transcaspica (Dunin & Fet, 1985) (Dysderidae) (Бадхыз)

Titanoeca lehtineni Fet, 1985 (Titanocidae) (Бадхыз)

Zodariellum sytshevskajae (Nenilin & Fet, 1985) (Zodariidae) (Бадхыз, Репетек)

Lepthyphantes turanicus Tanasevitch & Fet, 1986 (Linyphiidae) (Бадхыз)

Pelecopsis laptevi Tanasevitch & Fet, 1986 (Linyphiidae) (Бадхыз)

Dysdera brignolii Dunin, 1989 (Dysderidae) (Репетек)

Chalcoscirtus parvulus Marusik, 1991 (Salticidae) (Репетек)

Synaphosus karakumensis Ovtsharenko, Levy & Platnick, 1994 (Gnaphosidae) (Репетек)

Synaphosus turanicus Ovtsharenko, Levy & Platnick, 1994 (Gnaphosidae) (Бадхыз, Репетек)

Pellenes sytshevskayae Logunov, Marusik & Rakov, 1999 (Salticidae) (Репетек)

Cebrennus logunovi Jäger, 2000 (Sparassidae) (Репетек)

Marusyllus uzbekistanicus (Logunov et Marusik, 2003) (Salticidae) (Репетек)

Yllenus karakumensis Logunov & Marusik, 2003 (Salticidae) (Репетек)

Yllenus turkestanicus Logunov & Marusik, 2003 (Salticidae) (Репетек)

Hersiliola sternbergi Marusik & Fet, 2009 (Hersiliidae) (Репетек)

Литература

Дунин П.М. 1985. Пауки семейства Dysderidae (Aranei, Harplogunae) Средней Азии. *Труды Зоол. ин-та АН СССР*, 139: 114-120.

Дунин П.М. 1989. Материалы по фауне пауков семейства Dysderidae (Aranei) Туркменистана. *Энтомолог. обзор.*, 68(4): 865-874.

Дунин, П.М. & Фет В.Я. 1985. *Dysdera transcaspica* sp. n. (Aranei, Dysderidae) из Туркмении. *Зоол. журн.*, 64(2): 298-300.

Марусик, Ю.М. 1991. Пауки рода *Chalcoscirtus* (Aranei, Salticidae) СССР. Сообщение 2. *Зоол. журн.*, 70(1): 19-31.

Ненилин А.Б. & Фет В.Я. 1985. Новые виды пауков рода *Zodarion* (Aranei, Zodariidae) из Туркмении. *Зоол. журн.*, 64(4): 618-620.

Танасевич А.В. & Фет В.Я. 1986. Материалы по фауне пауков (Aranei) Туркменистана. III. Семейство Linyphiidae. *Известия АН ТССР, сер. биол. наук*, 1: 33-42.

Фет В.Я. 1985. Материалы по фауне пауков (Aranei) Туркменистана. IV. Новый вид пауков-титанэцид, *Titanoeca lehtineni* Fet, n. sp. (Titanoeidae). *Известия АН ТССР, сер. биол. наук*, 6: 65.

Gorochov, A.V. & L.N. Anisyutkin. 2006. A new genus and species of Paedembiidae from Turkmenistan. *Proc. Calif. Acad. Sci.*, 57(28): 795-797.

Gromov, A.V. 1999. Solpugids (Arachnida: Solifugae) of Turkmenistan. *Arthropoda Selecta*, 7 (1998) (3): 179-188.

Jäger, P. 2000. The huntsman spider genus *Cebrennus*: four new species and a preliminary key to known species. *Revue Arachnologique*, 13: 163-186.

Logunov, D. V. & Marusik, Y. M. 2003. *A revision of the genus Yllenus Simon, 1868 (Arachnida, Araneae, Salticidae)*. KMK Scientific Press, Moscow, 168 pp.

Logunov, D. V., Marusik, Y. M. & Rakov, S. Y. 1999. A review of the genus *Pellenes* in the fauna of Central Asia and the Caucasus (Araneae, Salticidae). *Journal of Natural History*, 33(1): 89-148

Marusik, Yu. & V. Fet. 2009. A survey of East Palaearctic *Hersiliola* Thorell, 1870 (Araneae, Hersiliidae), with a description of three new genera. *ZooKeys*, 16: 75-114.

Ovtsharenko, V. I., Levy, G. & Platnick, N. I. 1994. A review of the

ground spider genus *Synaphosus* (Araneae, Gnaphosidae). *American Museum Novitates*, 3095: 1-27.

Публикуется впервые.

*Бадхыз. Кызыл-Джар, собака Найда.
В.А. Кривохатский, февраль 1978.
Из архива В.А. Кривохатского.*

*Бадхыз. Кызыл-Джар, февраль 1978.
В.А. Кривохатский и собака Найда.
Из архива В.А. Кривохатского.*

В Бадхызе в 1974-75 гг.

Сергей МУРЗИН

О заповеднике я узнал от своих биофаковских друзей Олега Юдаева и Андрея Жукова*, работавших там егерями в начале 70-х.

Мне понравились их рассказы, и, будучи в аспирантуре, я запланировал поездку в Бадхыз для сбора материала.

Я был в заповеднике дважды: примерно 5—25 сентября 1974 г. и 1 мая—14 сентября 1975 г.

Добирался до Моргуновки первый раз (с женой) на поезде Москва-Кушка (от Мары — отдельным «ночным» вагоном.) Провёл всё время в усадьбе, проживая в саманном доме за вольерами с Олегом Юдаевым.

Собирая меня в путь, отец поведал о некой замечательной бабочке-белянке цвета утренней зори, *Colotis fausta*. Последний раз её ловили в Туркмении году этак в 1904-м. Представьте мою радость, когда я увидел эту бабочку в первый же день. Мы пили чай (и не только) в садике у Гореловых, а бабочка мчалась напрямки через усадьбу. Схватив верный сачок, я догнал её уже за домиком Орлова, но тварь спряталась в колючий куст. Правдами и неправдами я выпугнул её оттуда и с триумфом уложил на ватный матрасик. В последующие дни я ловил по экземпляру, пока не догадался проследить, откуда они летят. Перейдя железную дорогу и шоссе, я обнаружил около погранзаставы заросшее каперсами поле. Над каждой зелёной «медузой» порхало до пяти розовых бабочек. Папа был доволен. Эти бабочки не зимуют, а каждое лето мигрируют в Туркмению из южных районов Ирана и Афганистана. Второе поколение выходит в конце августа. В 1974-м их было много, а в 1975-м видел только одну.

Второй раз я приехал на поезде из Небит-Дага, где я участвовал в экспедиции Д.П. Жужикова по исследованию термитоустойчивости материалов. Поезд прибывал рано

утром, и я любовался восходящим солнцем, просвечивающим через лепестки покрывших пустыню маков.

За лето побывал на всех кордонах и в Ер-Ойлан-Дузе; из шофёров помню только колоритного джемшида Берекета, личного шофёра Ивана Семёновича. Кроме сбора насекомых и постановки коллекции жуков для заповедника, собирал материал для своей кандидатской диссертации по визуальной ориентации пустынных муравьёв:

Мазохин-Поршняков, Г.А., Мурзин, С.В. Пищевые и гнездовые зрительные ориентиры у муравья *Cataglyphis setipes turcomanica* // Зоол.журн. 1977. 56, №3. С. 400-404.

Мурзин, С.В. Визуальное опознание пищевых и гнездовых зрительных ориентиров муравьями. Автореф. дис. на соиск. учён. степени канд.биол.наук: (03.00.09)/[МГУ]. Биол.фак.-Москва: Изд-во Моск.ун-та, 1977. – 21 с.

Ещё в 1974-м познакомился и подружился с И.С. Сухом, его сыном Сергеем, семьёй Ю.К. Горелова, Ю.А. Орловым, Берекетом, Агашкой. С Валерием Ивановичем Кузнецовым и его женой Олей я был знаком с 1970-го по Репетеку. Так что в 1975-м я приехал туда, как к себе домой. В это время Андрей Жуков уехал в отпуск, и я жил в его квартире стенка в стенку с Гореловыми и Володей Бабашом.

В гостиной Гореловых меня поразили потолок, «заросший» степной (или саванной) растительностью. Ю.К. занимался в то время питанием серого варана, используя бескровный, т.е. без вскрытия, метод. Отловив бедолагу, вивисектор заполнял его водой из фляги и тряс некоторое время. Потом перехватывал за хвост и опять тряс. Из неудачника вываливался весь его недавний улов: скарабеи, чернотелки, скорпионы, ящерицы, иногда полуживые гюрзы. Отпущенный на волю страдалец, пока Юра записывал в книжечку меню, ходил вокруг и злобно шипел, хлеща хвостом. Тогда же Ю.К. обнаружил токсичность вараньей слюны, обследовав укушенного лисёнка. Сейчас это общепризнанно, а тогда подвергалось сомнению многими зоологами.

Возвращаясь в середине июня из Кызыл-Джара, мы с Мишей Пылаевым (ассистентом Володи Потапова) прикупили в Чомен-и-Бите за 15 копеек ящик мускатного винограда. Который помог нам съесть некий В. Фет из Новосибирска. Тогда же он прочитал мне стих, написанный по свежемосковским впечатлениям об очередях (« Слушайте, женщина, Вы занимайте за мною...») на мотив Б. Окуджавы.

Можно бесконечно рассказывать о Ю.А. Орлове (я помогал ему крутить хвосты гюрзам во время взятия яда), о том как мы сутки гасили степной пожар, сбивая огонь вениками из псоралеи, проводили потом противопожарные мероприятия, выжигая сухую траву между распаханнами полосами и дорогой. Делали это ночью, когда нет ветра, таща за собой на проволоке горящий обрезок покрывки. Заработали по 90 рублей, между прочим!

В вольере для кобр Орлов зажигал яркую лампочку. На лампочку летели бабочки, бабочек ели лягушки, а лягушек – кобры. Я же сидел в окружении всей этой живности, с интересом наблюдавшей, как я собираю эндемичных усачей *Mesoprionus angustatus*. Юрий Александрович иногда заходил проверить моё самочувствие, распахивая шлёпанцами застывших в стойках кобр.

Из прочих радостей жизни припоминаю несколько игл дикобраза, пробивших мне ногу во время попытки познакомиться. Одна прошла через ахиллесово, был полон ботинок крови. Это добавило мне усидчивости при наблюдениях за муравьями в Акар-Чешме.

Отец (В. С. Мурзин) был в Бадхызе в марте 1976-го. Рассказывал о найденной им в Ер-Ойландузе совместной зимовке стрелы-змеи и зеринге, о тюльпанах, покрытых ночным льдом и оживших утром.

*С Олегом Николаевичем Юдаевым я познакомился при поступлении в МГУ. Его отец, Николай Алексеевич, был академиком АМН СССР, директором Института эндокринологии. После первого курса Олег предсказуемо распределился на кафедру биохимии животных. Однако позже он увлёкся зоологией позвоночных и перевёлся на эту кафедру.

По какой-то причине он ушёл в академку, работая подводным пловцом-коллектором на биостанции в Посъете и в Бадхызе — егерем. После окончания МГУ работал в Чумаковском Институте полиомиелита недалеко от Внукова. Жизнь кончил трагически.

Андрей Жуков работал на Биофаке МГУ лаборантом, мы вместе участвовали в рейдах факультетской Дружины по охране природы, ловили браконьеров. Свободное время частенько проводили вместе. Андрей неплохо пел, сопровождая на семиструнке.

Публикуется впервые.

*Бадхыз, Кызыл-Джар. Слева направо: В.И. Кузнецов,
А. Жуков, А.Ю. Целлариус, А.П. Гарманов.
Фото В.К. Крупко, 1975.*

Студенты МГУ в Бадхызе

Вспоминает Борис ВАСИЛЬЕВ:

В январе 1964 года трое студентов 4-го курса нашей кафедры (кафедра зоологии позвоночных МГУ) попросили меня провести для них зимнюю практику в Бадхызе. Кафедра хихикала — ведь дорога туда в одну сторону занимает 4—5 дней, да ещё нужна транспортная оказия до заповедника (96 км). Но ребята настояли на своём, и к 20 января мы оказались в Моргуновке. Потом до 29 января мы сидели в Акарчешме, дожидаясь машины для возврата, но она не пришла. Тогда я ушёл пешком в сторону Серакса, поскольку Копылыч* категорически предупредил меня о невозможности моего опоздания на мою кандидатскую предзащиту, назначенную на 7 февраля.

В середине апреля 1964 мы с Аликом Халанским прибыли в противочумный отряд В.С. Лобачёва под Аральском, откуда 8 мая отправились в Бадхыз, где потом встретились с Валентиной Орловой и Маргаритой Языджан.

В 1968 году в мае я опять оказался в Бадхызе в компании с Андреем Варшавским, где мы должны были по просьбе Н.Н. Карташёва каким-либо образом раздобыть глаза крупных хищных птиц для сравнительного анализа сетчатки их устройства, поскольку кафедра выполняла заказную работу для НИИ Ленинградского телевидения.

В это время в Бадхызе находился Лео Суренович Степанян со своими традиционными орнитологическими поисками и орнитолог из Зоомузея (фамилию забыл), который коллекционировал то ли гнёзда, то ли кладки редких для Бадхыза видов птиц.

**Копылыч* – Николай Павлович Наумов (1902—1987), зав. кафедрой зоологии позвоночных МГУ (1951—1982), декан биолого-почвенного факультета МГУ (1958—1970)

Зима в Моргуновке. Фото А.Ю. Герасимова.

В 1982 году мы с Олегом Юрьевичем Орловым провели очередную зимнюю практику для зоологов 4-го курса по маршруту от Красноводска до Бадхыза.

В 1986 году, добравшись до Моргуновки в середине января, мы просидели в ней почти две недели из-за сильного снегопада и мороза, так что в Бадхыз мы сумели попасть всего на 2 дня.

В 1991 году мы ещё раз успели провести зимнюю практику в Бадхызе, но в 1994 году нас туда уже не пустили, и мы ограничились Репетеком.

Вспоминает Виктор ЗУБАКИН:

Я был в Бадхызе (точнее, в Моргуновке – Бадхызе – Кушке) 27 января – 6 февраля 1969 г., причем это не была поездка на студенческую практику. Ю.К. Горелов пригласил посетить зимой заповедник членов Дружины Биофака МГУ по охране

природы. Скорее всего, он списался с куратором Дружины Вадимом Николаевичем Тихомировым, но этих подробностей я уже не помню. Дружина рекомендовала для поездки трёх человек – студентов первого курса Владимира Баранова и Анну Готфрид, и меня, студента второго курса кафедры зоологии позвоночных Виктора Зубакина.

Первоначально планировалось, что мы присоединимся в Моргуновке к выехавшим раньше нас Вадиму Моисеевичу Смирину и студентам (?) кафедры зоологии позвоночных МГУ (из которых я сейчас помню только Ольгу Ниппард), и далее мы вместе с ними поедem в заповедник. Но зима в тот год в Средней Азии была очень холодной и снежной, аэропорты не работали, наш самолёт вместо Ашхабада сел в Красноводске, и мы оттуда до г. Мары добирались «на перекладных» с 23 по 26 января. Ко времени нашего появления в Моргуновке (27 января), зоологи уже побывали в Бадхызе и успели вернуться. Ю.К. Горелов был в отъезде, оказии в заповедник не было, да и дороги завалило снегом — словом, вероятность посетить Бадхыз для нас была близка к нулю. Но нам повезло. 31 января приехали на практику студенты-географы (кажется, МГУ), и 1 февраля мы на машине вместе с ними выехали в Бадхыз. Географы поехали в западную часть заповедника, а мы втроём остались на кордоне Кызылджар.

На следующий день ходили по Куланьему плато до края впадины Ер-Ойлан-Дуз, затем вышли к оврагу Кызылджар недалеко от его устья и по Кызылджару, уже в вечерних сумерках и темноте, поднялись к кордону. 4 февраля вместе с географами ездили на машине в Ер-Ойлан-Дуз. В ночь на 5 февраля выехали в Моргуновку. По дороге машина сломалась, мы заночевали где-то в пустыне и с приключениями добрались до Моргуновки только во второй половине дня 5 февраля. 6 февраля выехали из Кушки в Мары и затем в Москву. Далее тоже были приключения (мы с большим трудом купили билеты, возвращались на поезде через всю Среднюю Азию и опоздали к началу занятий), но это уже совсем другая история.

*Бадхыз, Акар-Чешме. Зима в фисташковой роще.
23 января 2021. Фото: turkmenportal.com*

Подписанная Юрием Константиновичем справка из заповедника в деканат Биолого-почвенного факультета МГУ о том, что «студенты Зубакин В., Баранов В. и Готфрид А.Б. задержались в заповеднике из-за непроходимости дорог до 6 февраля 1969 г.» хранится у меня до сих пор.

Поездка запомнилась на всю жизнь — ведь для меня это была первая дальняя поездка, и то, что она была в такое место, как Бадхыз, с его фантастическими, «марсианскими» пейзажами Ер-Ойлан-Дуза и Кызылджара, ферулами, куланами и джейранами, не могло не остаться в памяти. Как и обилие видов хищных птиц, многих из которых я видел впервые. К сожалению, больше в Бадхызе мне побывать не довелось, хотя Юрий Константинович и приглашал нас приехать летом поработать в заповеднике. В мае 1969 г. в Бадхыз приезжали и работали там с серыми варанами студенты второго-третьего курса Святослав Забелин и Александр Ревещин.

Если я правильно помню, у студентов-старшекурсников кафедры зоологии позвоночных Биофака МГУ в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в Бадхызе бывала зимняя практика, но, кажется, не ежегодная. У нашего курса её то ли не было, то ли я не смог на нее поехать — уже не помню. У следующего за нами курса (выпуск 1973 г.) поездка в Бадхыз была (скорее всего, зимой 1972 г.), но вот кто из студентов туда ездил — в памяти не осталось (опять же, если я правильно помню, бадхызская практика для старшекурсников, в отличие от других студенческих практик, не была обязательной для всех). Скорее всего, из их курса в Бадхыз тогда ездили Анна Готфрид (ныне Анна Козленко, живет в США) и Борис Гуров, возможно, ещё несколько человек.

Вспоминает Святослав ЗАБЕЛИН:

В Бадхызском заповеднике я был всего один раз, в мае 1969 года. А за 7 лет работы в Туркмении в Сянт-Хасардагском заповеднике с 1979 по 1986, так и не смог попасть.

Началось всё с встречи с Юрием Константиновичем Гореловым где-то в январе 1969 года, кажется в Зоологическом музее МГУ. Его рассказ так воодушевил, что пересказ друзьям вдохновил моего друга, зоолога Виктора Зубакина собрать группу и отправиться в Бадхыз уже на зимние каникулы 1969 года, т.е. в конце января — начале февраля.

А я поехал в Бадхыз в мае вместе со своим другом Сашей Ревизиным. Для этого мы досрочно сдали всю весеннюю сессию.

В Моргуновке, кроме личности Юрия Константиновича, запомнился эпизод кормления варана белыми мышками. Слегка сытый варан возлежал, а мышки по нему бегать стали. Когда одна забралась на голову, варан ловким движением подкинул её в воздух, и она отправилась к нему в пасть.

Наше с Сашей задание от заповедника заключалось в наблюдении за вараном в ущелье Кызыл-Джар. На кордон Кызыл-Джар мы ехали вместе с Гореловым, и запомнился ещё один замечательный эпизод, опять с вараном. На этот раз – с вольно гуляющим по степи. Машина остановилась, варана

поймали, и Юрий Константинович стал изучать содержимое его желудка. Для этого он влил ему в пасть фляжку воды, потом взял за хвост и стал раскачивать. Содержимое желудка оказалось на земле, отпущенный варан умчался, а Горелов подстелил старое пальто рядом с содержимым вараньего желудка, лег и стал внимательно изучать.

Наблюдения за вараном не были особенно увлекательными. Нора была на дне Кызыл-Джара, пункт наблюдения – высоко на склоне. Варан уходил из норы утром и скрывался из глаз, а мы по очереди сидели на склоне и ждали, когда он вернется, что происходило очень не скоро.

Из рассказов Юрия Константиновича о борьбе с браконьерами запомнилась и со мной всю жизнь фраза: «Лучше перебдеть, чем недобдеть». Ею я всегда с тех пор руководствуюсь.

В ту поездку с Юрием Константиновичем виделись коротко, поэтому остались только эмоциональные воспоминания о полной духовной — как природоохранников — близости. Наверное, воспоминания о поездке в Бадхыз внесли свой вклад в моё решение сменить Биофак МГУ на Сьунт-Хасардагский заповедник.

Саша Ревещин с Ромой Салимовым съездили в Бадхыз в июле-августе того же 1969 года. Из их поездки до Биофака дошёл такой эпизод.

Жара, пыльная буря. И из мглы, приближаясь к кордону, доносится громкая песня: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...».

Публикуется впервые.

Архары в Бадхызе. Фото Ю.К. Горелова.

О Горелове и Орлове

Юрий ХОМУСТЕНКО

Вспомнил моё первое знакомство с Юрием Константиновичем. После окончания первого курса биофака в 1972 я списался с директором Бадхызского заповедника Иваном Семёновичем Сухом и получив положительный ответ, отправился в путь. Интересно было посмотреть самый южный наш заповедник. Встретил меня очень доброжелательно Юрий Константинович, поселил в гостиницу при заповеднике и объяснил, что пару дней будет занят со студентами из Ленинграда, а потом могу присоединиться к нему в поездке на территорию. Это всё происходило в усадьбе заповедника. Чтобы я не грустил, снабдил меня литературой: надо сказать, у него была прекрасная по тем временам «биологическая библиотека». На следующий день меня разбудил шум под окном, а надо сказать, что я вообще по природе «сова», да ещё и почти всю ночь читал, и, конечно, был очень расстроен этим явлением.

Посмотрел в окно, вижу человек пятнадцать тех самых студентов, в основном девочек, стоят и лупят по асфальтированной дорожке вроде ивовыми прутиками. И так это ожесточённо, из разных поз. Продолжалось избиение тротуара довольно долго. Я позавтракал и отправился к Юрию Орлову пересаживать гюрз, точнее, смотреть как он работает в своём серпентарии. По дороге встретил Юрия Константиновича и, естественно, спросил что там творят мои ленинградские коллеги. Ну, говорит пойдём, расскажу о своей методике. Думаю, что за методика такая — лупить палками? Подошли ближе, смотрю — они вовсе не асфальт лупят, а стараются разбить окурки папирос, т.е. «бычки». А Юрий Константинович достаёт ещё горсть «бычков» и бросает на дорожку со словами, что, мол, молодцы, продолжайте, скоро

пойдем ловить ящурок. Как потом выяснилось это он их тренировал попадать по ящерицам, вроде как оглушить их слегка. Забавно, но запомнилось мне на всю жизнь. И сам иногда прибегал к этому способу, когда нужно было собрать материал. А через два дня мы на лошадях отправились на кордоны, как и было обещано.

В 1976 г. я уже после университета устроился в Копетдагский заповедник, он только открывался, м.н.с. герпетологом. Было нас тогда с И. С. Сухом человек 10.

Ю. Орлов переехал в Ашхабад, где купил трёхкомнатную квартиру. Помню, одна из маленьких комнат была забита коврами и кошмами, которые впоследствии подверглись нападению моли. Орлов после Моргуновки работал старшим герпетологом Калининского серпентария вместе со мной: мы делили серпентарий пополам, две группы.

Позже я перешёл в лабораторию Туркменского сельхозинститута к О. Сопыеву. Он через какое-то время ушёл на пенсию и уехал в Россию. Серпентарии перешли в ведение Минздрава и я стал заведующим Калининского, а В. Бабаш так и остался заведующим Каракалинского. В 1996 я уехал из Ашхабада, сначала в Московский зоопарк, потом Индонезия, и.т.д.

Ответы на анкету о Бадхызе (2021)

1) Когда Вы бывали и работали в Бадхызе?

Впервые был в Бадхызе в 1972, на каникулах после 1-го курса. Второй раз — приезжал к своим друзьям Виктору и Ларисе Божко в 1977 г. (вроде). Далее был несколько раз, работая в Копетдагском заповеднике. Точные даты не помню, с 1977 по 1982 гг. Помогал перевозить куланов на поезде в уголья Копетдагского заповедника (с Витей Божко). С Сашей Беловым и Володей Коршуновым ловили на прилегающей территории дикобразов и джейранов, опять же для заповедника. И раза два приезжал в гости к Божко и Алику Атамуратову. В 1987-1988 гг. заезжал на территорию в составе экспедиции ЛОИЖ ТСХИ и ВНИИ Охраны Природы под

руководством В.М. Макеева. Работали по Карабилю, долине Мургаба, Кашанки.

2) Откуда и с кем Вы приезжали? Как добирались до территории?

Первый приезд, точнее прилёт на самолете АН-2 до Моргуновки, далее на лошадях до территории. На поезде до Моргуновки, далее на ГАЗ-66. Ещё раз также на ГАЗ-66, с водителем Аманом Серхеновым из Копетдагского заповедника. На УАЗе-452, за рулём Володя Коршунов, своим ходом из Копетдагского заповедника. С экспедицией ЛОИЖ-ВНИИ ОП своим ходом из Мары (1987-1988 гг.) на ЗИЛ-131 и ГАЗ-66. Однажды выезжал с Ю. Гореловым на охрану, на лошадях.

3) Чем Вы занимались в Бадхызе?

Перевозили куланов с В. Божко, Ю. Гореловым. Конкретно на территории не проводил научных работ, только на прилегающих к заповеднику территориях.

Публикации:

Хомустенко, Ю.Д. Некоторые результаты герпетологического обследования Восточной Туркмении. В сб.: *Редкие и малоизученные животные Туркменистана*. Ашхабад.: Ылым, 1988: 122-143.

Публикуется впервые.

*Еройландуз (хороший вид на чинки).
Из архива Ю.Д. Хомустенко.*

*Еройландуз, апрель 1976.
Фото М.Е. Черняховского.*

Каменный век в Бадхызе (по материалам Г.В. Иванова)

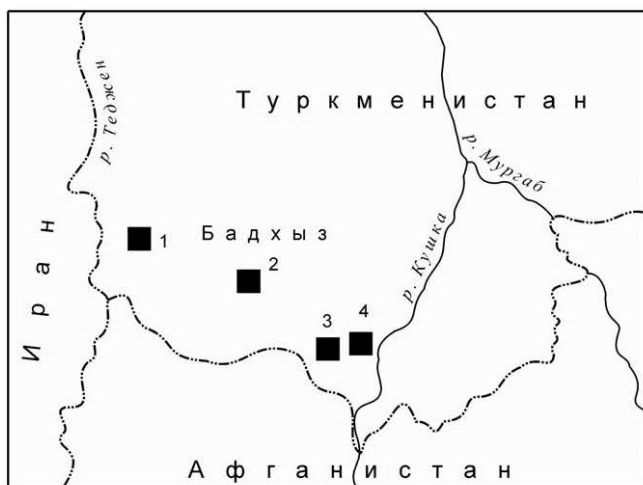
Выдержки из статьи:

Вишняцкий, Л.Б. 2014. Материалы по каменному веку Бадхыза (коллекции Г. В. Иванова). Записки Института истории материальной культуры РАН, вып. 9, с. 6-20.

«...История изучения каменного века Бадхыза пока предельно коротка. Дисковидные нуклеусы и отщепы, определенные В. А. Рановым как мустьерские (Лузгин, Ранов 1966: 93), были найдены геологами в 1958 г. у родника Рахматур близ границы с Ираном (Береговая 1984: 48). В 1962 г. небольшие коллекции предположительно неолитических каменных изделий были собраны в четырех пунктах в северо-западной и центральной частях Бадхыза (Крижевская, Мандельштам 1968). Наиболее же продолжительные и результативные поиски были проведены ленинградским археологом Германом Васильевичем Ивановым (1944–2002) в 1977, 1978 и 1988 гг. Ему удалось обнаружить ряд палеолитических и более поздних местонахождений в западных, центральных и восточных районах Бадхыза. После смерти Г. В. Иванова его коллекции хранились в отделе палеолита ИИМК РАН. В 2014 г. они были переданы автору этой статьи для введения их в научный оборот...»*

Очевидно, что описанные материалы относятся к разным периодам каменного века. Некоторые находки (Эгри-Чев – очевидно, Эгри-Гек. – Ред.) типологически сопоставимы с отдельными вещами из долины р. Кешефруд, для которых предполагался нижнепалеолитический возраст. На местонахождении Пинхан, несомненно, собран мустьерский

** По нашим подсчётам, Г.В. Ивановым собран 681 объект. – Ред.*

*Основные местонахождения каменного века Бадхыза:
1 – Пинхан, 2 – Даш-Гую, 3 – Ислим, 4 – Эгри-Гек
(Вишняцкий, 2014)*

материал (хотя не исключена, разумеется, и более поздняя примесь). Коллекция Даш-Гую I, где, в отличие от большинства других памятников, совсем нет микропластин и пластинок, но зато обычны относительно широкие пластины, половина которых ретуширована, частично относится, возможно, к верхнему палеолиту. На остальных местонахождениях представлен в основном, вероятно, мезолитический (эпипалеолитический) и/или ранне-неолитический материал.»

Литература:

Береговая, Н. А. *Палеолитические местонахождения СССР*. Л.: Наука, 1984. 172 с.

Иванов, Г. В. Археологические памятники Бадхыза. *Памятники Туркменистана*. 1979. № 1. С. 13.

Крижевская, Л. Я., Мандельштам, А. М. Новые находки каменного века в северном Бадхызе. *Краткие сообщения Института археологии*, 1968. Вып. 114. С. 37–38.

Лузгин Б. К., Ранов В. А. О первых находках палеолита в Центральном Копетдаге. *Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода*. 1966. № 32. С. 92–93.

Вспоминает Владимир ЧЕРЛИН:

..Здесь работал ленинградский археолог Герман Васильевич Иванов. И когда я увидел его работу, то проникся к этому человеку глубоким уважением. Было известно, что в этих местах в древности находились поселения людей, что здесь, видимо, были родники, и люди даже занимались каким-то сельским хозяйством. Сейчас здесь родников давно нет, полная, киплинговская «великая сушь», а от поселений остались только небольшие курганчики. И вот, Герман начал здесь свои раскопки. Он разрабатывал шурф, который представлял собой на момент нашего посещения, длинную яму с вертикальными стенами. В длину она имела метров пять, в ширину — как я помню, около метра-полтора, а глубина её была больше 10 метров! И этот шурф он вырыл и продолжал рыть сам, без какой-либо посторонней помощи, потому что помогать ему было просто некому: кордонщики были постоянно «в поле», а на метеостанции — женщины. Поперек шурфа сверху лежало бревно, через которое была перекинута веревка. Снизу к ней было привязано ведро. Герман рыл

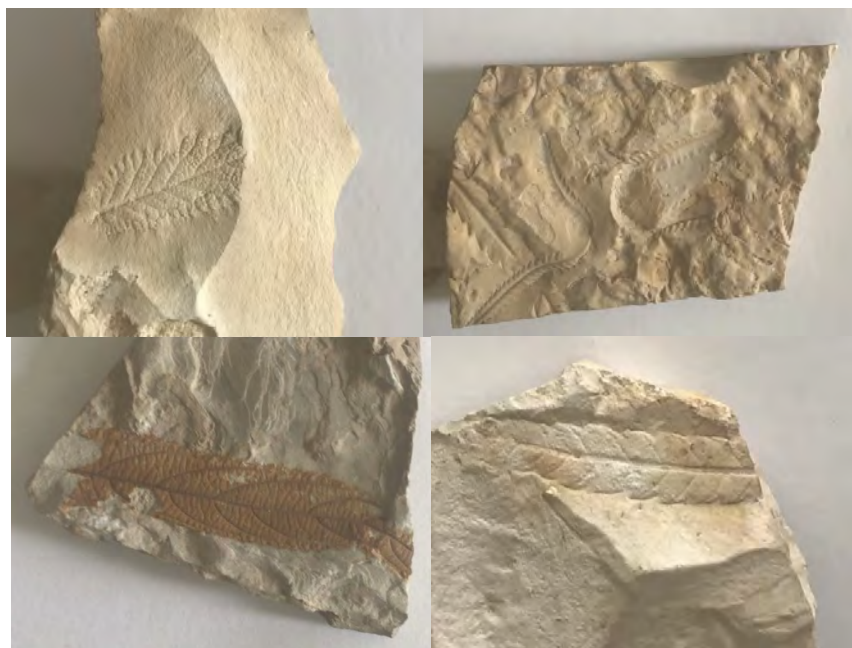
землю, нагружал ею ведро, забирался наверх, подтягивал его уже сверху, высыпал и всё продолжалось снова. И вот так, с помощью лопаты и этого ведра, была вырыта эта грандиозная яма! В стене было видно, что срез прошёл через древнее жилище, через очаг, было много керамики и всяких других важных вещей. Масштабы работы впечатляли, и более всего — что эта тяжелейшая работа «на краю земли», в пустыне, в жаре, была не за карьеру и деньги, а для реализации своего научного интереса. Фантастика!

Вспоминает Виктор КРИВОХАТСКИЙ:

...В Бадхызе хорошо помню, как с директором, В.И. Кузнецовым, и питерским археологом Германом (Г.В.) Ивановым, по радиальным оврагам, сходящимся в нескольких котловинах, хорошо заметным на аэрофотоснимках, отыскивали столицу Среднего Боспорского царства (если так его запомнил), Согдиану, нашли ее в районе поселка Адамулен (буквальный перевод с фарси, чтоб вы знали, — «Умер Человек»), затем облазили всё городище, собирали артефактов. Потом я с Германом даже копал на территории заповедника стоянки и поселения других датировок, все находки уходили в Ленинград; только значительно позже, найденные в пойме Кушки недатированные ониксовые и эбонитовые нуклеусы и даже пару топоров, я сохранил как бы себе; однако они, хоть и подписанные тушью, затеряны ныне где-то в стенных шкафах моего бывшего жилья.

*Нуклеус, отщепы и наконечники из Кызыл-Джара.
Из личной коллекции Ю.К. Горелова.*

*Отпечатки эоценовых растений из Еройландуза.
Из личной коллекции Ю.К. Горелова.*

«Соль, выевшая землю...»

Гочмурат ГУТЛЫЕВ

Трудно найти другой столь привлекательный и удивительный уголок природы, как местечко Баба-Чонге в долине Еройландуз в Серхетабатском этрапе — на юге Туркменистана. Уже своеобразие вдруг открывающегося после долгой и нудной дороги пейзажа с высящимися чонге (останцами в виде окаменевших жерл потухших в доисторическое время вулканов) заставит путника остановиться на гребне последней сопки, чтобы полюбоваться переливами красок черноватых базальтов и белёсых гранитов; белеющего под жарким солнцем солончака, с необычным розовым отливом, обусловленном наличием микроскопических водорослей в верхней корке; и обрамляющих его красноватых чинков Куланьего плато. Буйство красок подчеркивается сочной зеленью растений-солеросов, а также особенно ярко проявляется после дождей.

Весной завораживает разнотравье с уникальными цветущими растениями, многие из которых эндемики здешних мест. Это и красивейшие тюльпаны Лемана, и поражающая необычным обликом дорема Эчисона, астрагал Васильченко (пахтабаш) и многие другие.

Также здесь вы можете увидеть стаи лебедей, журавлей и/или пеликанов, приземляющихся на поверхности солёного озера ради короткой передышки в долгом перелёте с мест зимовки. Поздней осенью и зимой здесь находят убежище дикие копытные — куланы, джейраны, уриалы. Благодаря особенностям микроклимата средние температуры в долине повыше, чем даже на окружающих Еройландуз сопках. Поэтому здесь легко и охотно многие животные, в том числе и царственный леопард, находят укрытие от свирепого холодного ветра.

Бадхыз, Еройландуз. Фото Г. Гутлыева.

...Любителей палеонтологии заинтересуют окаменелости, оставшиеся здесь со времен океана Тетис, а теперь лежащие на поверхности прямо под ногами наблюдателя. Внимание поклонников археологии привлекут стоянки древнего человека в бортах оврага Кызылджар, впадающего в долину у юго-восточного края её.

В века Великого Шелкового Пути отсюда начинали свой долгий путь в Герат, Абиверд (нынешняя Каахка), Нису, Мерв и куда-то более далеко караваны верблюдов, гружённых солью. Мы же все помним, насколько ценилась соль в те времена? За долгие годы грунт на их пути настолько был утоптан и даже чуть опустился ниже уровня близлежащей земли, что древний караванный путь врезался в местность навечно. Теперь один из них (путей) легко отследить как раз по длинному змееподобному понижению, тянущемуся мимо колодца Мышан Чеменабатского дайханского объединения.

*Бадхыз, Кызыл-Джар, пещеры.
Фото: www.alpagama.org*

Другой можно увидеть на территории Бадхызского заповедника — от Красной горки через кордон Акарчешме в сторону Серакса.

...Разумеется, такие красоты не могли не заинтересовать кинематографистов. Как раз вокруг Баба-Чонге разворачивались основные сцены фильма «Долина мести», а также поблизости снимались сюжеты «Приключений на маленьких островах»...

Здесь кипели и совсем не киношные страсти во времена нашей горькой истории. В пору гражданской войны через эти края от большевиков в Афганистан пытался уйти один из родов иомудов. К сожалению, провокатор-проводник завёл всех в тупиковое ущелье, где наверху были установлены пулеметы чекистов. Они и посекали всех длинными очередями, а оставшихся в живых забросали гранатами. До сих пор в Иомуд-гырлан («место гибели иомудов») земля усыпана гильзами...

Баба-Чонге является популярным местом паломничества не только для жителей Марыйского вelayа. Найдите на карте гору Казан (так «официально» называется Баба-Чонге). Прямо на её вершине находятся мазары (могилы) людей, которые почитаются как святые. Неудивительно, что сюда приезжают и из очень отдалённых уголков страны устроить садака* прямо на месте.

...В прежние годы Еройландуз был очень привлекателен для браконьеров из-за скопления в ней куланов и джейранов на зимних убежищах. Разумеется, и рейдовые группы инспекторов охраны природы Бадхызского госзаповедника частенько наведывались в те места для проверки района и задержания тех не сильно совестливых охотников. Примерно в середине девяностых одна из таких групп заметила мотоциклиста, едущего с объемистым грузом на своём «железном коне». Именно поэтому, при виде мешка, решив, что это браконьер с добычей, начали гоняться за ним по всей долине. А попробуй догнать вёрткий мотоцикл на холмах и равнинах, поросших кустарником. Преследование шло долго, и закончилось лишь тогда и только потому, что у того закончился бензин. Мотоцикл заглох, егеря прыгнули — кто с кузова ГАЗ-66, кто из кабины, — и побежали в том направлении. Водитель также вывалился из кабины, и присел у колеса перезарядить карабин. В этот момент мотоциклист выхватывает из-за пояса какой-то непонятный предмет, и с криком «вы меня за... ли!» начал поливать инспекторов ... автоматными очередями. Ребята сразу легли в песок, уткнувшись носом в него, и не поднимали головы, пока преследуемый не ушёл в неизвестном направлении. Водитель же позже, когда всё закончилось, долго не мог прийти в себя и всё смотрел на ветровое стекло своей машины, пробитое пулями в нескольких местах на уровне груди и головы. Если бы он задержался в кабине хотя бы на несколько секунд, а не выскочил сразу, то результат был бы плачевным.

Оказалось, что они приняли наркокурьера за «безобидного» браконьера. К брошенному им мотоциклу был привязан мешок с сорока килограммами наркотиков ...Это был первый случай задержания настолько крупной партии «дурмана» в наших краях, и первый случай столкновения

местного населения с подобным оружием наяву, не с экрана. Одно дело, когда следишь за стрельбой, просматривая кинобоевик, и совсем другое дело — смотреть в дуло ствола, нацеленного на тебя или твоего товарища...

...Рассказывали и про другую забавную ситуацию, приключившуюся примерно в тех местах. Явно гоняясь друг за другом, в степи мчались два мотоцикла, причем по направлению прямо к проволочным заграждениям границы. Первый подлетает к забору, мотоциклист САБЛЕЙ прорубает проход, и затем исчезает на нейтральной полосе. Второй стремится за ним, но пока ещё не успел подъехать к контрольно-следовой полосе. И в этот момент обнаруживается, что почти рядом с тем проходом затаилась засада пограничников, которые чуть замедленно отреагировали на прорыв — первого нарушителя упустили, зато по второму начали лупить чуть ли не из десяти автоматов. Двое седоков догоняющего мотоцикла уронили машину набок, спрятались за ним и начали орать что-то, в том числе и очень нецензурное. И как тут не задуматься о везении, ведь ни одного из них не зацепила пуля во время настолько массированного огня. И к счастью, ведь по иронии судьбы именно на втором мотоцикле сотрудники областного спецназа преследовали контрабандиста, который ускользнул на первом...

(Из книги «О Кушке коренной кушкинец».

Книгу можно найти по адресу:

<https://www.litres.ru/gochmurad-gutlyev/o-kushke-korennoy-kushkinec/>

* *Садака* — многозначное явление в жизни туркменской общины. Это семейство обычаев, связанных между собой общим понятием ритуальных трапез «садака» («жертвоприношение»). Их устраивают по ряду ключевых событий в семье и в селе. Поминальные лишь часть из садака. Поводами для них могут стать — избавление от недуга или серьёзной беды, рождение наследника, благословение новобрачных, пожелание успеха в важном начинании, благодарность за

случившееся чудо, и многое другое. К примеру, с участием всех жителей общины в период затянувшейся засухи могут дать садака в знак мольбы о необходимости дождей. Особая группа таких ритуалов проводится и в чисто гуманитарных целях, в пользу оказавшихся в непростых жизненных обстоятельствах. Считается, что садака, проводимые непосредственно в пунктах паломничества и иных сакральных местах (вроде Баба-Чонге), приобретают особую силу и убедительность перед небесами.

(Примечание автора)

*Бадхыз, Еройландуз, цветущие маки.
Фото В.С. Лукаревского.*

Люди и змеи

Записки бывшего студента (отрывки)

Валерий ЖЕРДЕВ

Середина 70-х годов. Автор окончил второй курс биофака Ростовского государственного университета и отправился на летнюю практику в Бадхызский заповедник.

Поезд № 190 Ростов—Баку тронулся и, набирая скорость, помчал студента в столицу Азербайджана. А дальше путь лежал через Каспийское море на Восток, сначала в Ашхабад, а затем в Кушку, в окрестностях которой и расположен Бадхызский заповедник.

...

Вот и Баку. Морской порт. Седой Каспий. Паром. И я уже на другом берегу моря, в Красноводске. Это Туркмения. Передо мной застыл в неподвижности ленивый, тягучий, философский Восток. И старый туркмен, который мне говорит, угощая только что снятыми с внутренней стороны круглой печи горячими, вкусными лепёшками: «Все кушать хотят. И животное, и человек». Ну, что тут скажешь — Восток.

...Поезд наконец приполз в деревню Моргуновка, последнюю станцию перед Кушкой. В деревне располагалась и сейчас располагается главная усадьба Бадхызского заповедника. И первое, что я увидел на территории усадьбы, это живого ископаемого кулана, мирно пасущегося за изгородью.

И началось ярчайшее действо, именуемое студенческой практикой в Бадхызе. И музыкой звучали в моей голове незамысловатые строки:

Только змеи здесь счастье находят
И варанам тут весело жить.

...Ну, а теперь представьте себе огромный, 50 на 15 километров, провал в земле, с высоких северных обрывов которого далеко внизу видны чёрные андезитовые сопки, кольцом окру-

жающие солёное озеро; волков, принимающих очистительные ванны; стада куланов, джейранов и кабанов. А прямо под вами плавающих в воздухе орлов, распутивших свои огромные крылья, и среди них белоголовых сипов с трёхметровыми крыльями; соколов, пронзающих воздух и восхищающих стремительностью своего полёта.

...Небольшой кордон с егерем Володей — бородатым, интеллигентным, в очках. Джейраны подходили к самому кордону, и Володя, чтобы не потревожить их, бывало, вообще не выходил наружу. Вараны заходили к нему в комнату — он дружил с ними. Володя приручил суслика, и суслик насвистывал ему свои рулады. Зверья было столько, что Володя совсем забросил своё хозяйство — ему было жаль времени даже на приготовление себе еды. Бадракема, гигантская ферула, которая цветёт один раз в восемь-девять лет, расцвела при нём.

Ни до, ни после Бадхыза природа и люди не давали мне столько впечатлений и эмоциональных переживаний за такое короткое время. И теперь, стоит мне мысленно перенестись в те места, с удивлением обнаруживаю, что мир Бадхыза всё так же переливается яркими красками, и завидую себе тогдашнему, и сожалею, что не могу опять пережить те чувства, и сомневаюсь лишь в одном: а смог бы опять заставить себя взять гюрзу в руки? Или очутиться с глазу на глаз с коброй, стоящей в боевой позе и реагирующей поворотом головы на каждое твоё движение? Ведь свежий человек при виде гюрзы, толстой змеи с жабьей бугристой головой, может буквально впасть в паралич.

...И хотя в программу моей практики не входил отлов ядовитых змей, я для себя не допускал и мысли уехать отсюда, не поймав ни одной из них. Ну, а что касается программы практики, то она звучала вполне безобидно: «Ознакомление со среднеазиатскими змеями в местах их естественного обитания».

...Первая встреча с властелином пустыни, как его величали журналисты, змееловом и одновременно директором серпентария Юрием Орловым произошла буднично. Он сам

пришёл в домик научных и практикантов, взял рекомендательное письмо, прочитал и сказал: «Ну хорошо, хорошо». Это его любимая присказка. В его внешности не было ничего яркого. Но поражали мощные руки, перевитые жилами, переловившие не одну сотню змей. В серпентарии у нас состоялся примечательный разговор, который вернул меня к реальным опасностям работы со змеями:

— Без меня в серпентарий не входить. Укусит тебя змея — серпентарий могут закрыть. А это дело всей моей жизни. Мне тебя не жалко, десяток других приедет. У тебя, я вижу, тяга к ядовитым змеям, можно же заниматься и не ядовитыми.

— Но вы ведь занимаетесь.

— Мне за это деньги платят.

Я не в обиде на Орлова. Его слова — это откровенность прирождённого ловца-одиночки, за двадцать лет исходившего всю Среднюю Азию, попадавшего в ситуации, несовместимые с верой в человеческое благородство. После его слов я остро ощутил мир змееловов, где змея, пойманная другим, это ушедшие от тебя деньги и где одним из обязательных предметов, необходимых для выживания, должна быть острая бритва, которой змеелов, не переигравший змею, должен не раздумывая отсечь укушенный палец.

Конечно, можно было бы обойти шипящую опасность и изучить активность змей по их следам на дороге. Но приехать за тридевять земель, чтобы ответить на вопрос, сколько змей находится в данном квадрате, нет, этого мне было мало.

Раз уж приехал — действуй.

После яркого пролога со змеиными страстями началась работа. И работа была интересной и захватывающей. Она требовала не только действий, приводящих к определённым результатам. Она требовала поступков.

Первая встреча со среднеазиатской змеёй произошла неожиданно и при любопытных обстоятельствах. Вечерело. Я вышел на крылечко своего временного жилища, и моё внимание привлекла серая кошка, которая деловито волочила по земле что-то, похожее на хвост. Я ещё недоумевал: зачем кошке этот хвост. Но, присмотревшись повнимательнее, понял, что этот хвост — змея, причем одна из ядовитейших змей Средней Азии — песчаная эфа. Позже я увидел весьма

увлекательную картину во время вечернего кормления змей. Несколько кошек, сидя на стене серпентария, очень внимательно наблюдали за этим процессом. Змеям необходимо разнообразить пищу, чтобы повысить качество яда с точки зрения его убивающей силы, поэтому их подкармливают молоденькими неопущёнными птенчиками, которые приходится по нраву серым пушистым Муркам и Васькам. И если в гюрзатник они не осмеливаются спускаться — ведь можно и сдачу получить, да такую, что мало не покажется, то эфы, несмотря на их грозное шипение, не представляют для кошек серьёзной угрозы, и если по каким-то причинам кошке не досталось птенчиков, то разговор со змеей короток — лапой по голове, и готово.

Для Орлова — это постоянная головная боль, потому что каждая змея сосчитана, имеет свой порядковый номер и записана в журнал учёта и регистрации. А из-за этих кошек возникает недостача, и акты списания не предъявишь по причине отсутствия предмета списания, мирно покоящегося в кошачьем желудке. Да! Вот тебе и домашние кошки. Какую проблему создали для покорителя змей!

... Первый мой рабочий день, вернее, вечер, в серпентарии начался с гюрзатника. Надо было снять ватные матрасы с деревянных поддонов, под которыми змеи спасались от жары. Потревоженные гюрзы заскользили, извиваясь, в разные стороны. Одна из них поползла в мою. Я непроизвольно бросил взгляд на свои ноги и внутренне похолодел. На мне были матерчатые туфли, очень удобные в носке, но, как я мгновенно сообразил, совершенно непригодные для встречи со змеиными зубами. Вот так всегда. Готовишься, готовишься к чему-то, а потом в нужный момент забываешь. Я забыл сменить туфли на надёжные кирзовые сапоги. И теперь стоял как вкопанный, не зная что делать. И уйти некуда. Змеи были всюду. Их было так много, что земля казалась усыпанной ими. Орлов почувствовал моё состояние: «Стой спокойно, не шевелись, они тебя не тронут». Эти слова подтвердились и в этот день, и во все последующие. Я им не был нужен, они стремились к стенам серпентария, где улеглись вечерние тени от заходящего солнца и где для них были разбросаны тушки

Орлов берёт яд. Фото из архива семьи Гореловых.

песчанок. Массивные тела проползали в миллиметрах от меня, и казалось, что они меня не замечают. Но это было обманчивое впечатление. Змеи не только всё видят, они чувствуют даже нюансы состояния человека. Скоро все змеи оказались у стен и сосредоточенно ползали вдоль них, образуя живой прямоугольник (серпентарий был прямоугольной формы). Утром я заглянул в серпентарий — песчанок как не бывало.

Каждый день пребывания в Бадхызском заповеднике нёс с собой нечто необычное. Слова, отражающие какие-то закономерности в поведении змей, ну, например: «Кобра проявляет свою активность поздним вечером и ранним утром» — обретали зримый облик.

Раннее утро на крылечке домика в серпентарии. Орлов хозяйничает в домике. Передо мной на крылечке гильзы для патронов, капсули, дробь, опилки, которые заменяют мне пыжи, мерный инструмент для отвешивания пороха, сам порох известной марки «Сокол». Как будто всё — ничего не забыл перечислить. Я занимаюсь очень важным делом — готовлю патроны для отстрела песчанок на корм змеям. Тороплюсь. Мне ещё необходимо съездить на велосипеде за воробьями к глинистому обрыву. За всё то время, что я провёл

Кобра в Бадхызе. Фото Ю.К. Горелова.

здесь, а это поздняя весна и раннее лето, ни разу не было дождя, и дни были жаркими. Солнце начинало припекать с девяти утра. Но сейчас было только семь.

Я сосредоточен, но не настолько, чтобы не услышать шорох. Кобра. Она появилась на свет божий из-под крылечка, авнодушно, как мне показалось, покосилась на меня и поползла к завалинке. Я уже приучился не вздрагивать при виде змей: кобра была спокойна — почему мне надо беспокоиться? Поэтому я продолжал заниматься своим делом, поглядывая краем глаза за этой великолепной змеей. Кобра поднялась, как это умеет делать только она, и тут произошло то, во что трудно поверить, не увидев своими глазами. Она поднялась к окошку домика, заглянула в него и затем постучала в стекло головой. Да-да, кобра постучала в стекло головой, и окошко распахнулось. Я бросил снаряжать свои патроны и смотрел во все глаза, боясь потревожить змею, но кобру, видимо, мало интересовал незнакомый человек с глупо-изумлённым лицом. В окошке показался Орлов и стал поглаживать её по голове, приговаривая ласково: «Ах ты, моя красавица, ах ты, моя хорошая!» — как будто перед ним не

существо, обладающее одним из самых смертоносных ядов на земле, а безобидная ласковая кошечка. Позже я записал в своей рабочей тетради: «Кобры, и вообще змеи, обладают повышенной кожной чувствительностью. Но только с коброй можно играть в такие игры, которые с другими змеями ни к чему хорошему не приведут».

Я понемногу привыкал к змеям. И вот Орлов на несколько дней уехал, и серпентарий оказался в моём полном распоряжении. Что бы вы сделали на моём месте? Правильно. Занялись бы отработкой методики ловли змей на примере гюрзы.

Всё-таки не зря я вёз сюда кирзовые сапоги. Они спасли мне жизнь. И моя моментальная реакция на стремительный поворот змеиной головы. Гюрза, промахнувшись мимо моей руки, яростно вцепилась в правый носок сапога, и тонкие струйки яда поползли вниз. А у меня, как помнится, ещё успела промелькнуть лихорадочная мысль: «Какая у неё гибкая шея!»

...Пять часов утра. Велосипед, стоящий в комнате у окна, дремлет в ожидании седока. Воробьи в стрехе крыши уже чирикают вовсю. Мой приятель, скорпион Кеша, затаился в парусиновой туфле. Мохнатые фаланги за ночь «подмели» пол: ни одной мухи. А, помнится, вечером резиновая мухобойка произвела опустошение в мушином племени, и десятки мух лежали на полу кверху лапками. Студент на кровати пошевелился, спугнул чью-то чёрную тень, и она скользнула в щель в углу комнаты. Ну что же? Пора вставать и приниматься за работу. Змеи в серпентарии к вечеру проголодаются.

Студент, как вы уже догадались, это я сам. Наступило моё обычное утро в Бадхызском заповеднике. Нужно, как обычно, проехать на велосипеде километров тридцать и отстрелять песчанок на корм змеям.

Часов в семь по холодку я был в нужном месте. Колония песчанок уже была в движении — кормились и запасались кормом на зиму, посвистывали, ныряли в норки в случае опасности, стояли столбиками, сложив передние лапки на груди. Каждый раз приходилось преодолевать себя и нарушать эту идиллию грубыми выстрелами. Зверьки разбегались после выстрела, но через некоторое время опять высовывали свои

любопытные мордочки.

К десяти часам я возвращался на усадьбу заповедника с добычей. А часов с двенадцати начинался мой обычный обход тугайных лесов, расположенных по берегам реки Кушки. Я уходил туда в поисках куланов, приходивших к реке на водопой, тропил следы змей — хотел найти большеглазого полоза. Его недавно видели плывущим по реке. Захотелось приручить эту самую большую змею Средней Азии — её длина достигает трёх метров — и поплавать, держась за её хвост. Эти змеи обычно приручаются очень легко.

В этот раз полоза я не нашёл, но, вернувшись вечером в посёлок, застал во дворе серпентария любопытную картину. Орлов демонстрировал собравшимся журналистам и одному важному туркмену из Ашхабада, может быть, это был даже Ниязов — будущий президент Туркмении, великолепный экземпляр большеглазого полоза чёрного цвета. Он его держал за хвост, и полоз, вытянувшись как струна, ходил, вернее, летал по кругу. Какая силища заключена в его мышцах! Держать на весу своё трёхметровое тело без видимого напряжения! Я встал на его пути и с замиранием сердца стал ждать, что будет, когда он подлетит ко мне? Может быть, он со всего размаху ударится в меня? Ничего подобного, он остановился, немного не дойдя до меня, и «пошёл» в обратную сторону. Красивое и безобидное животное.

...Работа со змеями вошла в нормальную колею. Для меня уже не существовало очевидной угрозы с их стороны. Нельзя сказать, что я к змеям стал относиться менее осторожно, змеи есть змеи, и всегда существует опасность в случае неосторожного движения получить быстрый укол, но пришло понимание того, чего от них можно ожидать в ту или иную минуту.

У меня появилась специальная рогатка с кожаным ремешком между концами, позволяющая аккуратно прижимать змею к земле и не менее аккуратно брать её в руки. Это вам не грубый сапог, применявшийся мной в самом начале работы в серпентарии и способный повредить нежные шейные позвонки змей. Кстати, и кирзовые сапоги, и рогатка до сих пор хранятся у меня дома, напоминая о романтической юности, когда казалось, что никакие беды не пристанут к тебе, а

обойдут стороной.

Змеи своим поведением разительно отличаются друг от друга. Пойманная гюрза спокойно висит в руке, не делая никаких попыток вырваться. Но это обманчивое спокойствие. Она ждёт, что человек, убаюканный её мнимым равнодушием к собственной участи, ослабит хоть на мгновение хватку своих пальцев, и тогда змея может сделать мгновенный рывок и вырваться из рук человека, укусив его на прощание. И укушенный проклиная тогда тот день и тот час, когда решил выйти на охоту за смертью. Но уже поздно, время не повернёшь назад. А бывает, что человек инстинктивно крепко сжимает пальцы во время рывка змеи, и тогда в его руке остаётся голова гюрзы, а хвост отлетает в сторону. Это ужасающее зрелище, рука с головой гюрзы, истекающей кровью, и ещё шевелящееся поодаль туловище. Но ещё ужаснее ситуация, когда ловец разъярил змею во время ловли, это чаще всего бывает весной. Тогда гюрза прокусывает себе нижнюю челюсть, и зубы впиваются в пальцы ничего не ожидающего человека.

У кобры другая манера общения с человеком. Это очень нервная змея. И когда человек держит её, она ни на мгновение не остаётся спокойной и то свивает, то распускает свои кольца вокруг руки змеелова, но пакостей человеку не делает. Порой она так обессиливает от своей нервности, что дышит как загнанная лошадь, и начинаешь её невольно жалеть.

Ловить кобру можно так же, как гюрзу. Для этого её необходимо заставить уползать, и чаще всего она это и делает, когда знает, что рядом есть нора. Можно схватить её и тогда, когда она находится в позе угрозы, с раздутым капюшоном. Одной рукой её необходимо отвлекать, а в это время другую руку осторожно подводить сзади. Главное, в это время не нужно думать, что кобра косит глазом на надвигающуюся сзади руку. Вообще кобра — очень благородная змея. Из десяти ударов головой в девяти случаях она только предупреждает, что может укусить, и лишь в одном случае, выведенная из себя бесцеремонностью обращения, она, наконец, кусает противника.

Что касается песчаной эфы, то она поражает своим необычным способом передвижения. Эфа движется не вперёд,

а вбок, крепко упираясь в песок то головой и хвостом одновременно и крутой петлёй перебрасывая своё тело в сторону, то упираясь серединой туловища и перебрасывая голову и хвост. И следы на песке при её движении получаются круто изогнутые и разорванные.

...Итак, в 8 часов я подошёл к змеятнику, как в народе называли серпентарий. Взятие яда, оно же доение змей, вот-вот должно было начаться. Актёры и режиссёр были на месте, не хватало главного человека — кассира Светы. Но вот и она. Мы с Орловым притащили два фанерных ящика с гюрзами, один поставили на крылечке, а другой на стул в комнате, где, собственно, и происходил процесс ядовзятия. По принятому в Советском Союзе правилу в комиссии, считающей змей, должны быть три человека. Это дядя Лёня-кладовщик, Таисия Григорьевна, призванная осматривать хвосты змей на предмет нахождения №44 — под этим номером змеи уже были выпущены в природу и их повторно ловить нельзя, и Света.

Наконец, началось! Через отверстие нам было видно, что оба отделения ящика забиты змеями. Когда Орлов доставал одну для процедуры, ему приходилось выпутывать её из клубка приятельниц. Некоторые падали на пол, и Орлов им слегка помогал забраться в ящик. Дальше они сами, энергично извиваясь, пытались скрыться в спасительную темноту. Но неумолимый крюк, когда очередь доходила до них, выхватывал змей и оттуда. И в то же мгновение змея распластывалась на стеклянном столе. Большинство змей в первый момент нерешительно изучают новую обстановку. И они даже не шипят. А Орлов, прикрывая им глаза линейкой, уверенно брал змею за голову правой рукой и, не отрывая её головы от стекла, скользящим движением подводил к электродам над чашкой Петри. Затем, продолжая держать правой рукой за «загривок», если можно так выразиться, левой рукой оттягивал нижнюю челюсть. Зубы захватывали край чашки, и в это время Орлов подавал ток, нажимая ногой на педаль. Голова дёргалась, и порция желтоватого цвета змеиного яда текла в чашку. Затем отработанная змея бросалась в свободную клетку и только тогда, будто опомнившись, начинала громко шипеть. Таисия Григорьевна

Эфа в Бадхызе. Фото А.Ю. Герасимова.

увлечённо рассматривала хвосты, и со временем ей стало казаться, что змеи состоят из одних хвостов и у них нет голов, вооружённых острыми зубами. Однажды, слегка отупев от автоматизма работы, она полезла смотреть хвост змеи, которую Орлов ещё не успел схватить за голову. В воздухе запахло несчастьем, тихо ойкнула Света, но Орлов вовремя сумел отвести угрозу. Женщина вначале не поняла всей опасности, которая ей угрожала. Испуг пришёл потом, и у неё мелко задрожали руки.

За полтора часа Орлов пропустил 76 змей, и даже у четырёхдохлых гюрз под действием тока сократились ядовитые железы и выдали свою порцию яда.

Чтобы нам не было скучно, Орлов развлекал нас шуточками. Когда он доставал змею с очень большой головой, то сравнивал её с директором заповедника, голова которого была такой же пухлой от работы над диссертацией. Когда же доставал здорового хорошего самца, то непременно говорил, что этот красавец — он сам. Раньше с ним работала его жена Валентина и очень сильно нервничала. Поэтому Орлов, когда ему попадалась точёная самочка, сравнивал её с Валентиной.

Валентина расцветала от такого сравнения, и страх пропадал от гордости. Но иногда он подшучивал и над ней. Когда она, затаив дыхание, ожидала, что он опять сравнит её с очередной хорошенькой змеёй, он называл совсем другую женщину, вызывая у Валентины ревность. Но страх пропадал и в этом случае. Вот так Орлов перебирал всех работников заповедника, находя меткие сравнения для каждого. И время летело незаметно. Настроение у всех было хорошее, и, видимо, поддавшись ему, Орлов рассказал о своей мечте. Его мечта — создать рай для змей, специальные резервации, вдали от населённых пунктов с естественными преградами в виде высоких гор и пустынь. И он нашёл такое место недалеко от границы с Ираном. На краю безлюдного змеиного благополучия он хочет построить себе дом и большую лабораторию для учёных.

Да будет так!

Этим же вечером повреждённых змей мы с Орловым выпустили на волю. В природе они быстрее оправятся от своих невзгод.

Конец июня. Вечер. Песня. Я прощаюсь с Туркменией, заповедником, змеями.

Полностью опубликовано:

Журнал «Ковчег» (Ростов-на-Дону), 2009, №3. — Под заголовком «Практика на змеиной ферме», в кн.: Жердев, В.И. Повести и рассказы вольного путешественника. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013, 199 с.

Путешествия герпетолога

(отрывки из книги)

Владимир ЧЕРЛИН

...Как я вообще попал в Бадхыз? Это удивительно — но совершенно случайно. В моей жизни (да, наверно, и не только в моей) часто происходит так, что вроде бы «случайные» события становятся неотъемлемой частью судьбы, раскрывающей как будто бы чей-то потрясающий план твоего внутреннего развития, твоих будущих свершений и побед. Бадхыз стал для меня таким «трамплином». На несколько лет он превратился, буквально, в место моего обязательного ежегодного «паломничества». И он на всю жизнь поселился в моём сердце...

Первая поездка на территорию заповедника

29 апреля 1975 года утром мы отправились на грузовике ГАЗ-66 в заповедник, прежде всего во впадину Еройландуз. Это удивительное место! Но тогда я ещё ничего о нем не знал. Это потом я стал ездить туда регулярно и провёл там много полевых сезонов. Но тогда я ехал туда первый раз и опишу лишь то, что я тогда увидел и то, как я всё это воспринял.

Сначала мы ехали по шоссе, проехали древний посёлок Кала-и-Мор и свернули с трассы налево, в предгорья. Подъехали к речке Кушке, которую нам предстояло форсировать. Вода в этот раз была, по местным меркам, довольно высокая и бурная. Но ГАЗ-66 — замечательная машина, и мы пересекли речку без проблем. А вот перед нами один грузовик застрял и заглох посередине русла. Мы его подцепили тросом и помогли вылезти на берег. Дальше дорога пошла в гористую сухую степь. Гладкие увалы тянулись до горизонта. Из-под наших колес поднималась страшная пыль, которая покрывала кузов, и мы прикладывали к лицу носовые платки и прочие тряпки, у кого что было, чтобы не

задохнуться.

Было уже жарко, и от постоянной пыли нос был забит, а в горле стоял ком. Вот машина остановилась. Оказывается, мы подъехали к скважине с водой. Из земли торчала толстая труба, которая была закрыта коробом. А рядом шёл бетонированный жёлоб, по которому вода должна была стекать, чтобы овцы могли пить. Я ожидал, что сейчас включат бензиновый или дизельный мотор и насос начнет качать воду. Но это было бы слишком просто.

Дело в том, что вода здесь находится на глубине не менее 200 м. И тут используют другой, совершенно неожиданный для нас метод её подъёма с такой глубины. Вода поднимается из недр на ремне. Мы вылезли из машины и увидели, как наш шофер запустил мотор стоявшего рядом агрегата. Неширокий кольцевой ремень из плотного, грубого, похожего на транспортёрную ленту материала стремительно завертелся, исчезая в невероятной глубине. А через некоторое время на той его части, которая шла из глубины вверх, появилась вода. Она держалась на ленте на большой скорости, когда ремень двигался прямо. Но наверху, где ремень перегибался через крутящийся валок и снова устремлялся вниз, вода срывалась с ленты и струёй падала в бетонный жёлоб. Мы помылись, напились, и подивились на диковинный агрегат, который, как выяснилось, здесь был нормой.

Дальше дорога шла по предгорьям. Проехав уже приличное расстояние, мы заехали на участок дороги, который заповедниковские называют «амурские волны». Увы, машину действительно мотало как на волнах: вверх — вниз, вверх — вниз, и так довольно долго.

Проехали ровный участок плато, и вдруг впереди увидели открывающийся перед нами огромный провал в земле — это и был Еройландуз.

Строго говоря, в этом месте располагаются две больших впадины: западная, почти круглая — Намакшор, и восточная, вытянутая — Еройландуз. Они разделены узкой перемычкой. Обе впадины имеют глубину примерно 400—500 м. В некоторых местах обе они обрываются от плато вниз вертикальными обрывами — чинками, в некоторых местах — спуск пологий. Намакшор имеет в диаметре примерно 10 км, Еройландуз имеет размеры около 10 x 20 км. На севере стена

обрывов и крутых склонов впадины разрезана устьем огромного оврага Кызыл-Джар протяжённостью около 18 километров. В верхней части склонов оврага тянется линия обрывов из красноватых песчаников высотой в несколько десятков метров. На дне оврага протекает ручей, пересыхающий летом. Обрывы Еройландуза и Кызыл-Джара имеют хорошие обнажения, богатые ископаемой фауной (там даже находили окаменевшую скорлупу яиц динозавров) и окаменелыми растениями.

И вот, мы въезжаем в Еройландуз!

Еройландуз («Ер-Ойлан-Дуз») переводится с туркменского, как «земля, ставшая солью». И это истинная правда — во впадине имеются два больших соляных озера — Еройландуз и Намакшор, шоры, пухлые солончаки, солёный ручей, и т.п. Кроме того, там есть конусы древних вулканов, имеющие сейчас вид сопок высотой до 250 м. Их жерла забиты застывшей магмой. Эта прочная основа держит саму сопку, а

Вид на самую большую во впадине сопку Казан (Баба-Чонге) и соединённую с ней перешейком сопку Сахарная голова, расположенные в середине солёного озера Еройландуз.

оказавшаяся на её вершине каменная, магматическая шапка, постепенно разрушается. В результате склоны сопки оказываются засыпанными обломками раскатывающихся по ним сверху валунов, имеющих разную, иногда ноздреватую структуру.

И параллельно с этим, с солью и вулканами, здесь же мы в большом количестве находим окаменелые морские раковины. По словам местных биологов, их возраст составляет около 40 млн. лет. <...>

Днём мы походили по впадине. Действительно, это совершенно уникальное место! Сопки, солончаки, форма валунов, необычная растительность — всё это создаёт впечатление, что ты находишься где-то на другой планете.

Было очень жарко. Как выяснилось, во впадине множество склонов: как обрывы самой впадины, так и многочисленные склоны сопки. Склоны отражают солнечное излучение, и получается, что на них всегда жарче, чем на ровных, горизонтальных поверхностях. Кроме того, на горизонтальных плоскостях почвы располагаются обширные и многочисленные солончаки, которые также отражают солнечные лучи. В результате, во впадине температура выше, чем на окружающем плато. Фенологические явления происходят в ней примерно на две недели раньше, чем на плато, которое выше дна впадины всего на 400—500 м. Две недели в весенний период по меркам Средней Азии — это очень существенный срок. В связи с высокой температурой и очень сильным солнечным излучением (в значительной степени — рассеянным), впадина пользовалась у исследователей «дурной славой» и считалось, что находиться здесь подолгу просто невозможно. Это потом, в течение нескольких лет подряд мы ежегодно проводили в ней работы по 1-2 месяца. Поэтому до нас это место, по сути, никто так подробно не изучал.

Несмотря на жару и усталость, поскольку ходить приходилось всё время по склонам то вверх, то вниз, мы были просто зачарованы красотой этого места, колоссальными перспективами открывающихся картин, разнообразием ландшафтов и биотопов: от глинистых склонов и чинков, каменных россыпей, отдельных валунов всевозможных размеров и структуры, степных участков с глинистой и

песчаной почвой и бесчисленными колониями песчанок, соляных озер, шоров и пухлых солончаков, до участка песчаной пустыни. Можно предположить, что здесь должно быть и огромное разнообразие животных.

В лагерь к машине вернулись обалделые и довольные. Я к тому времени ещё не знал, как сложится моя судьба, ещё не знал, что теперь я буду ездить сюда много раз, что это место станет мне родным. Я ещё только мечтал...

Вечерело. Жара немного ослабла, птицы изменили песни. Мы отдохнули, поужинали, попили чай и стали собираться спать.

Закат в Еройландузе был просто сказочным! Я сидел, как замороженный, и смотрел на удивительную красоту. Но кроме сказочных картин, всё пространство вокруг звенело миллионами голосов сверчков, которые больше всего похожи были на звуки маленьких хрустальных колокольчиков. Эти сверчки называются трубачики. Подобного хора я никогда и нигде не слышал!!!

Закат в Еройландузе. 28 апреля 1978.

Когда оказываешься в таком месте и в такое время, то хочется сидеть на склоне молча, не шевелясь, и только смотреть, и слушать. Это какая-то фантастическая медитация! Уходит время, уходит настоящее, уходит пространство, и ты остаешься один на один со Вселенной! Первый раз в жизни я переживал такое...

На ночлег расположились в спальниках на земле недалеко от машины. Но ночь мы провели беспокойно: в этот год во впадине был явный всплеск численности грызунов. Песчанки прыгали по спальникам, лезли любопытными мордочками в лицо и щекотались усами, и даже забирались прямо в спальники.

...Теперь о рептилиях. Мы их здесь встречали очень много. На влажных берегах шоров, как в открытой записной книжке, остаются записи (следы) о наличии и о жизни многих животных. Мы видели здесь следы животных, которые жили рядом с нами — джейранов, архаров и куланов, лис, волков и полосатых гиен, леопарда, ушастых и длинноиглых ежей. Часто видим следы степных черепах. Да и они сами попадают регулярно. Они тут немного непривычной окраски: на щитках панциря у них больше, чем обычно, черной окраски. Также часто встречаются пустые, выеденные панцири черепах, а также разрушенные, точнее — раскушенные панцири. Выеденные панцири — это результаты охотничьей активности хищных птиц, скорее всего таких как стервятники. А вот раскушенные панцири — это однозначно работа гиен. Никто, кроме них, не в состоянии раскусывать панцири взрослых черепах! Это у них самые мощные челюсти и поэтому только они весной регулярно питаются черепахами и затем выкармливают ими своих щенков.

Около одной из нор мы увидели серого варана. Он некоторое время за нами наблюдал, а когда мы к нему опасно приблизились, он ловко «нырнул» в нору и был таков.

Также мы встречали много ящурок. Под ногами шныряли быстрые и иногда средние ящурки. А ближе к Намакшору чаще попадались крупные персидские ящурки с коричневатой спиной.

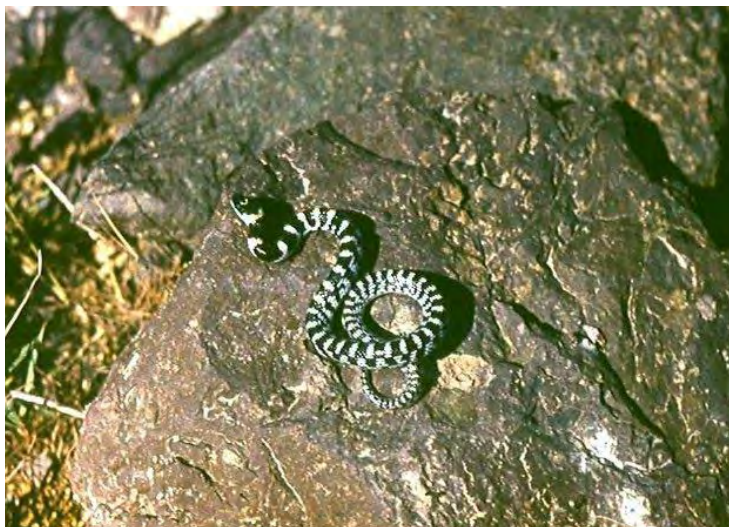

Ящурка персидская.

И мы видели множество небольших крапчатых ящурок, которые мне отдалённо напомнили живородящих ящериц в наших северных районах. Этот вид ящурок я тоже больше нигде не встречал. Они менее пугливы, чем остальные виды. Позже, когда мы подолгу жили в Еройландузе, эти ящурки привыкали к нам настолько, что переставали бояться и спокойно брали у нас из рук мух, которыми мы их подкармливали.

Кроме того, одним из самых массовых видов в Еройландузе была степная агама. Представители этого вида очень активны, во многих местах они вели себя «по-хозяйски». Особенно это касается самцов, которые забирались на возвышенные места, камни и предметы, и оттуда, окрасив горло в тёмно-синий цвет, и, активно кивая головами, демонстрировали свою претензию на территорию. Они очень заметны, и, наверно, поэтому их отмечали здесь практически все исследователи фауны, посещавшие Еройландуз.

Видели мы в Еройландузе и некоторых змей. В сумерках у одной из нор мы встретили крупного чешуелобого полоза.

Волкозуб поперечнополосатый.
Еройландуз, 30 мая 1978.

Судя по биотопическим и климатическим особенностям, похоже, что это вполне обычная змея для впадины.

Однажды вечером, я с фонарем обходил окрестности, и на склоне, заглянув в одну из нор, увидел в глубине хода змею, которую до того встречал только в виде рисунка в определителе: это был очень узнаваемый поперечно-полосатый волкозуб (*Lycodon striatus*). Это — крайне скрытная и редкая змея. Тоненькая, как шнурок от ботинка, но намного красивее: она полосатая черно-белая, а в передней части туловища полосы становятся более яркими, и на белом фоне появляется желтоватый оттенок. Змейка очень красивая и настолько редкая, что я замер и наблюдал за её спокойными движениями, когда она развернулась в норе и уползла вглубь. Поймать её явно была не судьба! Но я был счастлив, что я её видел!

И ещё один вид змей явно был обычен во впадине: это в некотором роде термобиологический двойник чешуелобого полоза — среднеазиатская эфа. Я встретил несколько эф; это меня вдохновило, поскольку я сразу задумался над тем, что здесь можно было бы организовать подробное исследование

Эйренис персидский.
Еройландуз, 30 мая 1978.

биологии этого вида. Так и получилось — в дальнейшем эфа стала одним из видов, которому я придавал особое значение в своей научной работе.

Но это было ещё не всё, чему я за эти два дня сильно удивился. Я встретил в Еройландузе ещё два вида редких змей. Ближе к вечеру на одной из сопок, я неожиданно обнаружил под плоским слоистым камнем персидского эйрениса (*Pseudocyclophis persicus*)! Эта крохотная змейка (на фотографии изображен вполне взрослый экземпляр) светло-серого цвета с темной головой. По крайней мере такой экземпляр в этот первый раз попал мне в руки. Основная часть его кормового рациона — мелкие насекомые типа сверчков.

Запомнилась и ещё одна встреча. Сначала я заметил на склоне сопки стрелу-змею. Это обычный вид змей, с которыми нам приходилось встречаться практически везде, где до этого времени я в Средней Азии был. Но только меня немного насторожил рисунок на её спине и голове. Сначала я даже не понял, что именно меня насторожило. Но потом всё стало ясно:

Рисунок на голове стрелы-змеи *Рисунок на голове зерига*

передо мной была не стрелка, а совсем другой вид, который встречается в самых южных частях Туркмении и для фауны нашей страны является крайне редким — это был зериг (*Psammophis schokari*). Конституция, окраска и рисунок тела у них практически не различимы. Но бросающееся в глаза отличие зерига от стрелки заключается прежде всего в рисунке головы: у стрелки он складывается из продольных полосок, а у зерига это «солнышко». У этой змеи в рационе — исключительно ящерицы.

Как ни печально, но всё в этом мире имеет конец. И наше первое пребывание в Еройландузе быстро закончилось. Все начали собирать вещи и готовиться к отъезду. Мы должны были выехать из Еройландуза и отправиться в горную часть заповедника. Это, конечно, тоже было очень интересно. Тем более, что главное, что мне там хотелось увидеть — это хорасанские агамы.

Мы выехали из Еройландуза вечером. Прощание оказалось красочным: закат окрасил окрестности в удивительный сиреневатый тон... Настроение было возвышенное и немного печальное. Наш грузовик медленно, натужно гудя, поднимался по крутому склону по очень малоезженной дороге на перемышку между впадинами Еройландуз и Намакшор.

...Наша машина проехала по дороге на плато вдоль чинков впадины и в районе оврага Кызыл-Джар свернула вглубь плато. Само плато представляло собой тоже довольно интересное зрелище. Структура поверхности его была слегка волнистая. Почва была до самого горизонта покрыта однотипной травой высотой примерно по пояс — по грудь. В результате, при однородности и одинаковости травяного покрова и отсутствии теней, создавалась иллюзия, что перед тобой совершенно ровная горизонтальная степь. Но на ней чудесным образом исчезали из виду даже такие предметы, как грузовые машины или всадник на лошади. И — никаких ориентиров до самого горизонта во все стороны! Правда, кроме одного — в одном месте на части горизонта, отдалённой от впадины, виднелся белый шарик. Это на самом деле была военная локационная станция. Она имела весьма внушительные размеры, но издали смотрелась действительно как шарик. Все называли его одинаково и узнаваемо — «пузырь».

В самом «истоке», т.е. в начале оврага Кызыл-Джар, находился кордон заповедника, который ожидаемо назывался «Кызыл-Джар». Там был домик, где жили кордонщики вахтенным способом, один-два человека. А недалеко от этого домика располагался второй — метеостанция, где также «вахтенно» жили одна-две женщины.

...Конечная наша точка в горной части заповедника — урочище Акар-Чешме. И вот, мы въехали в устье широкого ущелья и двинулись по нему вверх. На склонах ущелья росли фисташковые рощи. Хотя рощей, в нашем понимании этого слова, то, что находилось на склонах, назвать было сложно. Дело в том, что фисташка — дерево с весьма особой биологией.

Во-первых, когда орешек фисташки падает на землю и начинает прорастать, то прежде всего появляется маленький росток, а потом расти начинает корень. Он растёт вниз, вглубь, до тех пор, пока не доберётся до слоя, из которого можно брать воду. Эта глубина проникновения может быть больше 10 метров! И во время роста корня верхняя часть растения не растёт совсем. Продолжаться этот период может 10-15 лет. И только когда корень добирается до влажного слоя, начинается рост ствола.

Во-вторых, деревья фисташки выделяют, видимо, в почву какие-то вещества, которые блокируют рост всех остальных деревьев, и фисташек тоже. Поэтому под самым деревом почти ничего не растёт, даже трава, а деревья фисташки расположены друг от друга на довольно большом расстоянии.

Добрались до небольшого домика и остановились. Недалеко от него на склоне стоял высокий камень типа останца, который именуется здесь «скала Монах».

Именно на эти склонах, под фисташками, мы и встретили хорасанских агам.

Хорасанские агамы (*Laudakia erythrogastra*) — типичные представители горных агам. Это красивые, мощные ящерицы с сильными задними ногами, они стремительно носятся по сухим склонам, используя в качестве убежищ трещины скал и норы.

Акар-Чешме — тоже очень красивое место, хотя что тут, в Бадхызе, есть некрасивого — я, пожалуй, сказать не смогу.

...Мы вернулись в Моргуновку. Пришло время прощаться с новыми, дорогими друзьями, со ставшими теперь такими родными новыми местами, и возвращаться домой. Мы были переполнены впечатлениями, эмоциями. С одной стороны, всё это с трудом умещалось в голове и сердце. Но, с другой стороны, величие и фантастическая красота всего того, что мы имели счастье видеть, гасили в сердце суету, волнения... На душе было тепло, светло и спокойно... А в нашем багаже лежали тетради с записями, с которых начались мои научные изыскания. Я это чувствовал, понимал их важность, и с нетерпением ждал того времени, когда я, вернувшись домой, сяду за стол и начну их обстоятельно разбирать. Это было сладостное предвкушение большой, долгожданной, настоящей работы.

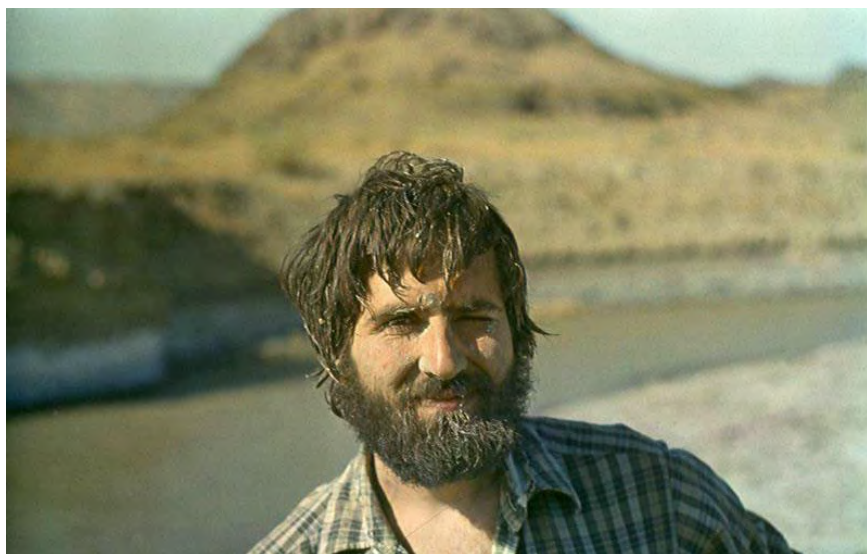
Наш лагерь в Еройландузе. 1 апреля 1976.

Мой Еройландуз

...Основная часть моей работы связана была с изучением биологии среднеазиатской эфы. Работа была многообразная, сложная, требовала много времени и сил, как физических, так и умственных. Маршруты, обслуживание метеорологической площадки, опытных площадок, на которых рядом с нашим вагончиком жили несколько пойманных эф, индивидуальные наблюдения за отдельными эфами, постоянные измерения, записи результатов, оперативная обработка материалов и их первичный анализ, ведение дневника, и т.п.

Бадхыз — удивительное, ни на что не похожее место, а Еройландуз — одна из самых ярких жемчужин в его ожерелье.

...Бадхыз для зоологов был своего рода «Меккой», куда стремились очень многие. Но попасть сюда по разным причинам удавалось далеко не всем. Мне — повезло...

*Еройландуз. Автор после купания в сероводородной грязи.
10 мая 1978.*

Здесь, сидя «на краю земли» в солёной, земляной «дыре», мы встречали массу интереснейших людей из моего родного города, с которыми я дома не встречался, из Москвы и Киева, Кишинёва и Владивостока, из Вильнюса и Душанбе, и даже из США... Энтомологи и ботаники, орнитологи и териологи, географы и климатологи... Кого только не приводила судьба в Еройландуз! Сколько интересного и полезного мы узнавали в беседах с ними! Сколько новых дружб начиналось здесь!

Очень запомнилось знакомство с двумя замечательными, всемирно известными ботаниками Леонидом Ефимовичем Родиным и Виктором Петровичем Бочанцевым. Они приехали к нам в Еройландуз с машиной заповедника. Оба чем-то похожие друг на друга, невысокого роста, крепкие. Они ходили по впадине, собирали образцы, любовались красотой...

Владимир Сергеевич Мурзин

С удовольствием вспоминаю и ещё одну еройландузскую, несколько неожиданную встречу — известный космофизик Владимир Сергеевич Мурзин*. Почему он оказался в Еройландузе? Дело в том, что кроме своей прямой специальности, он был беззаветным любителем бабочек. Он собирал свою коллекцию везде, где ему только приходилось бывать. Мало того, он не был «любителем» в строгом смысле этого слова. Он был учёным, и всё, чем он только занимался, он старался делать профессионально. Мало того, что его коллекция была профессионально, серийно собрана, по величине и обработанности она были одной из лучших в стране. Он совершенно профессионально знал предмет и писал научные статьи и сводки по разным регионам. Это был чело-

**Владимир Сергеевич Мурзин (1927 — 2007) — известный российский учёный-космофизик, доктор физико-математических наук, профессор, лауреат премии им. М.В. Ломоносова (1960). Энтомолог. Адрес фото: <http://letopis.msu.ru/sites/default/files/images/Murzin%20VS.jpg>*

век, в то советское, совершенно закрытое время, объездивший полмира, или даже больше. Он был очень интересным собеседником...

Владимир Сергеевич привёз с собой для ловли ночных насекомых специальный осветительный прибор, которого я не видел ни до, ни после этого. По своему устройству это был небольшой примус. Но световым элементом в нем была сеточка из шёлка, пропитанная какими-то квасцами. Эти сеточки были очень хрупкими и в процессе работы выгорали, поэтому Владимир Сергеевич привёз их много в специальной коробке. Так вот, чтобы воспользоваться такой лампой, нужно было разжечь примус и над горящим пламенем поставить сеточку с квасцами. Когда она нагревалась, то начинала светиться ярким белым светом. Настолько ярким, что казалось, что горит мощная электрическая лампочка. Он рассказал, что в войну такими приборами освещали взлётные полосы аэродромов.

Ещё одним человеком, с которым мы познакомились в Еройландузе и долго поддерживали самые теплые отношения, был художник Андрей Александрович Келейников*. Он был анималист и с удовольствием писал пейзажи. Он тогда был намного старше нас, ходил по окрестностям лагеря, иногда отправлялся с нами на недалекие маршруты, много рисовал. Проблема была в том, что у него не было одной ноги немного выше колена (последствия войны), но ходил он без костылей, на протезе, вызывая наше тихое, молчаливое изумление и восхищение.

**Андрей Александрович Келейников (1924 — 1995) — художник-график, член Союза художников СССР. В 1950 году окончил биологический факультет МГУ, защитил диссертацию по орнитологии. В 1956 году окончательно посвятил себя живописи и, в частности, анималистике. Вышло более 150 книг с его иллюстрациями, среди которых много детских книг и специальных биологических изданий. Адрес фото: http://vov.bio.msu.ru/res/Dictionary_PAGE389/358.jpg*

Андрей Александрович Келейников

Он, как и я, просто влюбился в Еройландуз! Постоянно писал пейзажи. Иногда, наблюдая за его работой, я удивлялся: «Андрей Александрович! А разве в шапке этой сопки есть фиолетовый цвет?» Я внимательно смотрю на сопку и не вижу даже намека на фиолетовый тон, который оказывается на бумаге в процессе работы над рисунком. «Конечно, есть! Ты просто ещё этого не понял, смотри дальше!» Проходит время, одна краска краску накладывается на другую и вдруг на бумаге появляется совершенно натуральный цвет! Оказывается, это сложный составной цвет, в котором обязательно присутствует то, что на первый взгляд не видно! Я с удивлением смотрел вокруг и понимал, что моё восприятие окружающего мира становилось богаче...

При этом у Андрея Александровича было и хорошее, классическое биологическое образование. Поэтому мы часто разговаривали с ним и на биологические темы, обсуждали, в частности, мою работу с рептилиями, за что ему огромное спасибо. Он слушал мои монологи и рассуждения не просто

«из вежливости», а вникал в суть проблемы, и слышать его мнение по этому поводу было порой очень полезно. У меня остались самые тёплые, самые нежные воспоминания об этом замечательном человеке.

Он часто рассказывал, как у него дома, в Москве, долгое время жил пустынный заяц-толай. Этот заяц жил не в клетке, а просто в квартире. И вёл он себя довольно неожиданно: он охранял квартиру, злился на чужих, не давал им садиться на диван, который считал своей законной территорией, топал на них ногами и дрался передними лапками. При этом хозяев искренне любил.

Уже в Москве, дома у Андрея Александровича, я получил в подарок одну из детских книжек, которые он в большом количестве иллюстрировал. Открываю ее, и вдруг на рисунках с изображением джейранов и других животных вижу знакомый и такой любимый фон — это же Еройландуз! И так почти во всех его иллюстрациях.

Именно там, в Еройландузе, мы близко познакомились с очень известным герпетологом, одним из безусловных «лидеров» в этой области, Николаем Николаевичем Щербаком*. Виделись мы с ним и раньше, в Зоологическом Институте, на конференциях. Но теперь знакомство было более «плотным».

Я ни в коей мере не преуменьшаю научную значимость работ Николая Николаевича. Он действительно был большим учёным и, что очень важно — организатором. Этот последний талант дан далеко не всем. Вокруг него сформировалась целая школа прекрасных герпетологов. И он сделал Зоологический музей в Киеве действительно замечательной просветительной организацией. Здесь не может быть двух мнений. Однако, наши личные с ним отношения... «не сложились», а точнее — сложились, но «не совсем гладко».

Территории заповедников в Средней Азии, как, собственно, и во многих других регионах, очень «хрупкие», ранимые. Здесь правила поведения разрабатываются исходя из свойств окру-

**Николай Николаевич Щербак (1927 — 1998) — советский и украинский герпетолог, основатель украинской школы герпетологии.*

*Бадхыз, Еройландуз, солончак.
Фото А.А. Позднякова, 1987.*

жающей среды, и малейшее их нарушение грозит серьёзными нарушениями этой среды. Мы, находясь в течение многих лет в одном и том же месте, в Еройландузе, и имели возможность наблюдать, что происходит в природе. Так, например, мы видели, как прямо на наших глазах, буквально в течение двух-трёх лет на месте единственной колеи от машины, которая вопреки запретам проехала по склону сопки, образуется мощный трёхметровой глубины провал-овраг. И он продолжает расти и в ширину, и в длину, разрушая склоны, а остановить этот процесс уже невозможно. Мы видели, как на долгие годы остаются следы от даже единожды проехавшей по дну впадины машины. Вообще машины появляются во впадине редко, а те, что приезжают, чаще всего двигаются по дороге. Но если сесть повыше на сопке и посмотреть вниз, то неожиданно видишь дно впадины, буквально испещрённое следами машин.

От работы в Еройландузе пользу получали не только мы. И наша группа была полезной для заповедника. Нас оформляли

в качестве кордонщиков и мы, находясь там длительное время (кроме нас никто там так долго не работал), охраняли этот уникальный район, стараясь минимизировать ущерб, который могли нанести несанкционированные посещения и несоблюдение установленных правил. Мы старались не пускать во впадину местных жителей, которые стремились приезжать на грузовиках на пикники с баранами, женщинами и т.п. Правда, мы не препятствовали посещению местного кладбища, напоминая лишь о том, чего во впадине делать нельзя.

Так вот, возвращаемся к воспоминаниям о Николае Николаевиче Щербаче. Он приезжал сюда на своей «шишиге» (так называли замечательный грузовик-вездеход ГАЗ-66), кузов которого был затянут тентом. В кузове сидели его сотрудники и стояло оборудование. В передней части кузова располагались алюминиевые бидоны с раствором формалина, предназначенным для фиксации собранных образцов животных. Сам сбор животных выглядел так: машина останавливалась, задняя часть тента откидывалась и из кузова выскакивало несколько бодрых сборщиков. Каждый из них держал в руках главный инструмент — тяжёлую металлическую кочергу. И в следующий же момент начинался массовый сбор коллекционного материала: кочерга в руках членов команды превращалась в инструмент, которым молотили по всему, что только двигалось. Убитых таким образом животных самых разных классов определяли, снабжали этикеткой, а затем — отправляли в формалин. И вот, выскочив из машины, эта «саранча» растекалась по окрестностям и буквально «выкашивала» все, до чего могла дотянуться. Да, Николай Николаевич собирал замечательные, ценные для музея и систематики выборки, но действовать так на особо охраняемых территориях — недопустимо! В конце концов, нам заповедник деньги платил именно за то, чтобы мы этому препятствовали; и не важно, делает ли это по непониманию местный житель, или из соображений «высокой науки» учёный из какого-нибудь центрального города. Однажды нам даже приходилось на заповедниковской машине с охраной гнаться за Щербачом по горной части заповедника, чтобы остановить этот «тотальный облов»...

В Еройландуз приезжал с группой сотрудников Евгений Николаевич Панов*. Здесь он занимался птицами. И хотя мы мало пересекались с ним по тематике работы, но я с глубоким интересом относился к его научному направлению.

А ещё он вызывал у нас глубокое уважение одним важным для нас обстоятельством. Дело в том, к нам приезжало много научных групп из самых разных регионов нашей огромной страны. Находясь в таком уникальном месте, как Бадхызский заповедник, и будучи облечены обязанностью следить за порядком, мы волей-неволей обращали внимание на то, как вели себя приезжающие люди. Особенно важно было то, что остается после группы, когда она уезжает. Некоторые, увы, их было немало, оставляли после себя бедлам, помойку, грязь.

Это был чёткий показатель их неуважительного отношения к природе, к делу, к принимающей стороне, а также собственное высокомерие и бескультурье. А были группы, после которых оставалась только примятая почва. И всё. Эти люди вызывали глубочайшее уважение. Именно таким оказался и Евгений Николаевич Панов. Кроме примятой почвы на месте их стоянки не осталось ни одной бумажки, никакого мусора, всё чистенько и аккуратно прибрано. Настолько, что я это до сих пор помню...

В целом могу сказать, что на самом деле Еройландуз сильно изменил моё мировосприятие, самооценку, взаимодействие с людьми и миром, и весь мой внутренний мир. Он «настраивал» меня определённым образом на целостность, гармонию, уважение и любовь. И эта «настройка» — бесценна!

**Евгений Николаевич Панов (род. 1936) — советский и российский зоолог, один из ведущих специалистов в области этологии, доктор биологических наук, профессор, академик РАН (1991)*

(2017)

Публикуется впервые. Фотографии автора.

**В.А. Черлин. Ответы
на анкету о Бадхызе (2021).**

1) *Когда Вы бывали и работали в Бадхызе?*

26.04 — 02.05.1975

31.03 — 14.05 1976

01.04 — 25.05.1977

09.09 — 25.10.1977

14.05 — 18.06.1978

В эти годы я работал сначала в Ленинградском зоопарке, позже — в ЗИНе. Приезжал вести свои научные исследования по термобиологии и экологии рептилий. Основной объект исследований — среднеазиатская эфа, а также и другие виды змей и ящериц. Приезжал с молодыми людьми, которым было интересно попасть в эти места. Они помогали мне в работе.

2) *Откуда и с кем Вы приезжали? Как добирались до территории?*

До территории добирались на грузовичке. В Моргуновке жил у Алексея Целлариуса. С ним мы также и работали на территории.

3) *Где на территории заповедника Вам удалось побывать?*

Основное место работы — Еройландуз. Но бывали и на Кызылджаре, и в Акарчешме, и на Кепелях, и в других местах.

4) *Чем Вы занимались в Бадхызе?*

Термобиология эфы и других рептилий, их экология, физиологическая экология, микроклиматология, зоогеография рептилий.

Публикации, прямо или опосредованно касающиеся работы в Бадхызе:

1. Черлин, В.А. 1977. Зависимость поведения эфы от микроклиматических условий. С. 223-224 в кн.: *Вопросы герпетологии. Четвёртая Всесоюзная герпетологическая конференция. Авторефераты докладов. Ленинград, 1-3 февраля 1977. Л.: Наука.*

2. Мурзин, В.С., Целлариус, А.Ю., Черлин, В.А. 1977. Находка зимовки *Psammophis schokari* Forskal в Бадхызе. *Известия Академии наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 4: 85-86.

3. Borkin, L.J., Cherlin, V., Zellarius, A.Ju. 1979. Einige Beobachtungen zur Ökologie von Landschildkroten. *Aquarien Terrarien*, 3: 92-93.

4. Целлариус, А.Ю., Черлин, В.А. 1981. К вопросу о межвидовых отношениях зерига и стрелы-змеи в Бадхызе. *Известия Академии наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 1: 79-80.

5. Целлариус, А.Ю., Черлин, В.А. 1981. К экологии крапчатой ящурки (*Mesalina guttulata*) в Бадхызе. *Известия Академии наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 6: 46-52.

6. Черлин, В.А. 1981. Комбинированный полевой прибор для изучения микроклимата. *Зоологический журнал*, 60(7): 1083-1087.

7. Черлин, В.А. 1981. Новый вид эфы (*Echis multisquamatus* sp. nov.) из Передней и Средней Азии. С. 92-95 в кн.: *Фауна и экология амфибий и рептилий палеарктической Азии. Ленинград. (Труды Зоологического Института АН СССР, т. 101)*.

8. Черлин, В.А. 1981. Условия влажности в местах обитания песчаной эфы (*Echis multisquamatus*) в Южной Туркмении. С. 149-150 в кн.: *Вопросы герпетологии. Пятая Всесоюзная герпетологическая конференция. Авторефераты докладов. Ашхабад, 22-24 сентября 1981 г. Л.: Наука*.

9. Черлин В.А., Целлариус А.Ю. 1981. Зависимость поведения песчаной эфы, *Echis multisquamatus* Cherlin 1981 от температурных условий в Южной Туркмении. С. 96-108 в кн.: *Фауна и экология амфибий и рептилий палеарктической Азии. Л.: Наука (Труды Зоологического Института АН СССР, т. 101)*.

10. Целлариус, А.Ю., Черлин, В.А., Лукин, Ю.А. 1983. Население пресмыкающихся бессточной впадины Еройландуз (Бадхыз, Туркмения). *Известия Академии наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 6: 63-66.

11. Черлин, В.А. 1983. Зависимость щиткования змей рода *Echis* от климатических факторов. *Зоологический журнал*, 62(2): 252-258.

12. Черлин, В.А. 1983. Новые данные к систематике змей рода *Echis*. *Вестник зоологии*, 2: 42-46.

13. Черлин, В.А., Музыченко, И.В. 1983. Использование нор в терморегуляции рептилий. С. 172-174 в кн.: *Прикладная этология. Материалы III Всесоюзной конференции по поведению животных*. Т.3. М.: Наука.

14. Черлин, В.А. 1985. О размножении песчаной эфы (*Echis multisquamatus*) в Ташкентском зоопарке С. 232-233 в кн.: *Вопросы герпетологии. Шестая Всесоюзная герпетологическая конференция. Авторефераты докладов. Ташкент, 18-20 сентября 1985 г.* Л.: Наука.

15. Черлин, В.А. 1988. Географическое распространение змей рода *Echis* в связи с особенностями их адаптации к среде обитания. *Известия Академии наук Туркменской ССР, серия биологических наук*, 3: 29-33.

*Бадхыз, Еройландуз. Фото Х.Магадова и В.Комарова.
www.alpagama.org*

Владимир Потапов в Бадхызе

Владимир Потапов (1946 – 1995)

Вспоминает Владимир ЧЕРЛИН:

Ещё ярким воспоминанием стало общение с группой московских киношников под руководством Володи Потапова. Мы несколько сезонов работали в Еройландузе и почти каждый год с ними встречались.

Володя — высокий, худой молодой человек с копной темных, нечёсанных волос и растрепанной бородой, большими и всегда горящими глазами. Очень эмоциональная, в высшей степени творческая личность: мало того, что он снимал фильмы, он ещё и рисовал, прекрасно играл на гитаре, пел и сам сочинял песни.

Группа Потапова состояла из него самого, его супруги, и одного-двух подсобных рабочих. Его жена была женщина невысокого роста, плотненькая, и, насколько я помню, довольно спокойная. Несколько раз в качестве подсобного рабочего с ним приезжал Миша Пылаев — личность довольно одиозная. Молодой парнишка, по идеологии, одежде и привычкам — типичный хиппи. Он одевался в рваные брюки, в грязную рубашку. В поездках он принципиально не мылся. По его грязному, покрытому пылью лицу видны были потёки пота. Зрелище — не для слабонервных.

Приезжали они в Бадхыз на своём грузовом автомобиле, который всегда был не в лучшем рабочем состоянии. Помню, что у него всё время были проблемы с мотором, с подачей масла, и иногда чтобы можно было ехать, Пылаев с баклажкой масла стоял на подножке и держал её как можно выше. Так и ездили. Вот в приложенном фото апреля 1976 года рядом с нашим вагончиком как раз и стоит его машина. А попозже у Потапова ещё появился оранжевый ЛУАЗ — мелкий внедорожник на базе Запорожца. И он о нём даже написал песню «Оранжевый ЛУАЗ», которую очень любил петь.

Что касается профессиональной работы самого Володи Потапова, то мне очень нравилось то, каким образом он снимал. Во время съёмок у него не было четкого сценария. Снимали они всё. То есть — совсем всё: они ходили, наблюдали, наталкиваясь на разные интересные, красивые, иногда редкие

*М. Пылаев и В. Потанов. Бадхыз.
Фото В.К. Крупко, 1975.*

*Бадхыз, Еройландуз, вагончик герпетологов и машина
Потапова. 4 апреля 1976. Фото В.А. Черлина.*

пейзажи, ситуации, любых животных, растения, и др. Они снимали всё это одно за другим, а также снимали то, как они снимают. Иногда это последнее тоже было достойно отдельного внимания: Пылаев ползал на четвереньках с привязанным к нему штативом с камерой, пока Володя снимал.

Я видел, когда он фотографировал, например, паука на паутине, ложась на землю, снизу, чтобы паутина оказалась на фоне отдаленной сопки. Я завидовал ему, что он мог видеть эти замечательные, порой просто восхитительные сюжеты, которые вроде бы рядом, но увидеть их могут только единицы. Он рассказывал о том, как ранней весной, утром, когда был ещё морозец, снимал на плато на кинолентку удивительную картину: на отдельных травинках сверкающие, замёрзшие капельки воды, которые с появлением лучей солнца прямо на глазах таяли, как будто оживали, и капали на землю...

Затем, приехав в Москву, Володя проявлял плёнки и просматривал весь отснятый материал. Когда я был у Володи дома в Москве, то был поражён, что вся квартира была с пола до потолка заставлена штабелями, как минимум сотнями железных круглых банок с плёнкой — результатами его поездок. А вот затем с этим материалом можно было монтировать много совершенно разных фильмов: о животных Бадхыза, о куланах, о джейранах, о весне в Бадхызе, о насекомых Бадхыза, о растениях Бадхыза, о змеях, о том, как снимаются фильмы, или ещё сотню вариантов. Так Володя и делал. И надо сказать, что, в конце концов, фильмы у него получались очень качественные. Отчасти потому, что он просто талантливый человек, а отчасти потому, что он некоторое время жил среди того, о чём снимал.

Я видел некоторые из его фильмов. Это было здорово! По крайней мере один из его фильмов о Бадхызе даже, как он говорил, получил какой-то приз, вроде бы на телевидении. Причём я точно помню, что фильм этот видел. Он был действительно качественным.

Вспоминает Виктор ФЕТ:

Помимо Горелова, очень большую роль в Бадхызе (это был 1976-1977 год) сыграл для меня и Володя (Владимир Матвеевич) Потапов, рано умерший московский кинооператор, снимавший бадхызскую природу, человек нежнейшей души и авантюристического склада, «гореловский» соратник. Потапов с его женой Ирой Фесенко стали на много лет моей ниточкой к столичной жизни. Я всегда останавливался у них, приезжая в Москву (метро «Октябрьское поле»), и до сих пор помню их адрес и телефон...

Помню неоконченный потаповский блюз, который он меланхолически напевал, по-ковбойски аккомпанируя себе на настоящем *банджо* (!):

*Владимир Потапов. Бадхыз.
Фото В.К. Крупко, 1975.*

*Ферула. Бадхыз, Кызыл-Джар.
Фото В.К. Крупко, 1975.*

На кордоне,
На кордоне
Кызыл-Джар
Жар небесный,
Жар небесный
Вниз упал,

Ветер знойный,
Ветер знойный
Пыль поднял
На кордоне,
На кордоне
Кызыл-Джар...

Тогда же в Бадхызе (зима 1976-77) вместе с Потаповым, для его банджо, сочинили мы и немудрёный «Псалом джентльмена»:

В дальнем странствии от дома
Заучи слова псалома:
Слава,
Слава,
Джентльмену истинному слава!
Слава, слава, слава!

Он закутан тёплым пледом,
Людам путь его неведом,
Слава,
Слава,
Джентльмену истинному слава!
Слава, слава, слава!

Не простят ему измены
Остальные джентльмены,
Слава,
Слава,
Джентльмену истинному слава!
Слава, слава, слава!

История старого армейского грузовика ГАЗ-53, на котором Потапов ездил по Бадхызу, фантастична. «Официально» он считался списанным, вроде бы его купил И.С. Сух за 300 рублей у военных, но я помню ещё в изложении самого Потапова: кажется, он выиграл грузовик на спор у военных, которые, протрезвев, умоляли его вернуть ГАЗ-53 — но Потапов машину не отдал... Ездил он, естественно, без документов на машину.

Помощник Потапова, экзотический хиппи Миша Пылаев, запомнился всем. Ему принадлежал лозунг «Была бы жратва да есть где сидеть». Свою родословную Миша произвёл «от стремянного Александра Невского по имени Пылай»...

Множество других историй стоит вспомнить, многие уже утеряны. Например, Потапов, естественно, считал все отснятые материалы своими и увозил их в Москву. Однако плёнка оплачивалась начальством заповедника. И когда

Председатель госкомитета лесного хозяйства Фролов приказал ему сдать материалы, Потапов, по его словам, сдал ровно такое же количество метров испорченной плёнки.

Помню, как в конце 1977 в Ашхабаде мы строили планы о дальнейшей работе в горах Копетдага и писали песни для его будущих фильмов... А весной 1983 Володя побывал у нас в Айдере, организовав пробег от Ашхабада на ахалтекинцах...

*Владимир Потапов и Ираида Фесенко в Бадхызе.
Фото В.К. Крупко, 1975*

Владимир Потапов

Публикуется впервые.

Стихотворения «На кордоне...» (В. Потапов) и «Псалом джентльмена» (В. Потапов, В. Фет) публикуются впервые.

Бадхыз, Еройландуз. Фото В.С. Лукаревского.

Heyday and fall of the kulan era in Badkhyz

*Traveling with Yuri Gorelov to Badkhyz:
memories from 1992, 1993 and 1998*

Gertrud NEUMANN-DENZAU

Working on our wild ass monograph 'Wildesel' (published in 1999) I was very keen to study and photograph kulans (*Equus hemionus kulan*) in Badkhyz, the only autochthonous population of the Turkmenian wild asses, and looked for a chance to visit Turkmenistan.

During a biological workshop in Germany in March 1992 I talked to some scientists of the Severtsov Institute in Moscow, who suggested to contact their colleague Alexey Surov (hamster expert), who had just started his 'MET' (Multipurpose Ecological Tours). Alexey was indeed the right person to organize my expedition to Turkmenistan. He knew immediately that Yuri Gorelov was the ideal companion for that destination. It was however too bad that I didn't speak Russian and Yuri didn't speak English or German. Thus I was grateful that a young biologist from the institute was found to come along as an interpreter. Later in the field I admired Yuri's remarkable ability to know the native plants and a wide spectrum of animals by their scientific names.

After a long train journey in September 1992 from Moscow to Mary through four countries (Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan), then from Mary to Morgunovka by public bus, we reached this destination about 80 hours later. There were three of us, Yuri, our interpreter Nick, and myself. While travelling there was much time for discussions and translations.

Yuri had a good network of local friends in Morgunovka and I was always asked to join his invitations. We spent most time with Inspector Eduard Polyakov and his wife Natasha, and Chief Scientist and Deputy Director Alexander Shapovalov and his wife Masha. Once we were guests in the family of a former Turkmen co-

worker, who showed us an album with photographs taken while capturing kulans for translocation. They were chased into valleys flanked with nets, rather rudely captured, and transferred by helicopter.

It was difficult to obtain a permission to visit the Badkhyz Reservation in 1992. The Director in Morgunovka kept us waiting. Furthermore, it was not clear if rules and regulations from Soviet time were still valid after Turkmenian independence in 1991. In this situation we had to search for the kulans outside the reservation. Yuri knew where to look for them at this time of the year. We had to start walking from Morgunovka in the early morning before sunrise. After walking for about 2 hours north we had to look out for them in the hills west of the Kushka River. They used to come down at night for drinking and grazing in the valley, raiding occasionally crops and melon plantations, moving away with the first daylight. If arriving in time they could be seen climbing the slopes in a single file, like precious gems on a string of pearls. If coming too late, it remained unknown which route they had taken. After crossing the railway tracks (sometimes crawling through under parking trains), walking through agricultural fields, overcoming a trench, and wading through the Kushka River we could follow them up into the overgrazed hills. The kulans spent the hot days here, dozing far away from human habitation, enjoying the wind on the airy heights. Without losing sight of them we tried to find a shady place under one of the few bushes, waiting for the late afternoon when the animals started to congregate and form formations. After leaving the animals it became dark soon, and the way back to the quarter in Morgunovka was long and tiring. There was almost no traffic on the road, but if lucky an army truck driver would stop and give us a lift.

Between 18 September and 03 October 1992, I followed the kulans into the hills west of the Kushka River 8 times, sometimes alone, sometimes together with Yuri or Nick. These were the most impressive kulan encounters of my life. At that time, I thought that kulan sightings inside the Badkhyz Reserve during the breeding season would be even more spectacular, but they were not.

To stop chasing and hunting wild animals by vehicles Yuri had

ordered in his time as Game Inspector the ploughing of sandy stripes (in a right-angled pattern) into the open steppe. He also stopped the tradition of burning the steppe. When the army started to use the reserve for exercises, I was told that Yuri and his team disturbed the activities by placing upright standing nails on the field-paths (dug beneath the surface in pre-produced cement filled tins). This interference measure helped, and such an exercise was never repeated.

Asked about cheetahs in Turkmenistan, Yuri told that they were last seen in Badkhyz in 1956, the last fresh fur turned up in 1959, soon afterwards (around 1960) the cheetah was believed extinct here. In 1989–1990 he had investigated an area along the Turkmenistan-Kazakhstan border on foot and checked watering places. But he did not find any footprints of cheetahs, attributed their absence to missing prey (hardly any gazelles).

To understand their social system I wanted to study the kulans during the mating and foaling time, and I came back to Badkhyz in April 1993. I was then permitted to stay for 25 days in the reservation, with base in Kyzyl-Dzhar where we arrived on 16th April. There was no vehicle and we had to walk a lot. Yuri knew the area like the back of his hand. Nature was wild, deserted and fascinating. The steppe was green and full of life, although the weather was often unpleasant, cold, windy and rainy. The kulans were found widely scattered, with highest density on the southern part of the so-called Kulan Plateau. The animals were shy and couldn't be approached on foot. For kulan observations Yuri recommended the belt of sand dunes for to lie in wait, about 2 hours walk from Kyzyl-Dzhar to the south. This was somehow the northern edge of their actual occurrence, not the centre of their activities. Stallions were calling and chased each other, females were seen in small units or alone with a young foal. The first foal was witnessed on 17th April. Whatever I could make out — it was an indication for a non-harem system.

During the train journeys from Moscow to Turkmenistan and back our interpreters Nick (in Sept/Oct. 1992) and Sergey (in Apr/May 1993) translated important passages of the Russian kulan monographs by A.O. Solomatin (1973) and A.G. Bannikov (1981)

and a script about kulan acclimatisation by M.P. Pavlov for me. The full names of Nick and Sergey were Nikolay Alexandrovich Shchipanov and Sergey Ivanovich Aksentyev.

Bannikov (1981) in his Asiatic wild ass monograph had reviewed the observations of other Russian scientists and was thoroughly convinced that wild asses had permanent male leaders (harem stallions), like horses, and a defined herd size. The data of Solomatin from Badkhyz regarding changeable herd size were doubtful to Bannikov, and he even accused the former 'must have made a methodological error', or 'must not have differentiated clearly enough between a herd and a temporary conglomeration.' Yuri was also convinced that kulans were headed by a leading male. The publication 'Observations on social organization and behaviour of African and Asiatic Wild Asses' (Klingel, 1977), classifying the kulans in Badkhyz as territorial, was unknown to him. We had long discussions regarding the matter.

Yuri himself was most fascinated by reptiles. He used to catch and bring them (snakes, lizards, geckos) in small cotton bags back to the quarter. In early morning when it was cold, they could be unpacked, photographed, and were afterwards released into the wild. Most spectacular was the following handling: Yuri used to catch Desert Monitors (*Varanus griseus*) by their tail, swung them around and grabbed them by the neck. Then he poured water into their open mouth, shook their body with both his arms, and let them vomit upside down. That allowed him to investigate the content of their stomach. He had identified bird eggs, small turtles, reptiles, locusts, and larger beetles in the puke.

Alexander Shapovalov used to count wild animals on aerial surveys every spring along particular transects. On 8th May 1993 he had ordered a small airplane of AN-2 type. My dream to get an aerial view of the steppe I had wandered through in search of the kulans, came true. The flight time was 68 minutes. Yuri counted 171 kulans and 381 goitered gazelles, while I took photographs. We all were astonished not to see more kulans. Obviously, they had just left the breeding grounds, this year earlier than expected. It had been noticed from a long distance that they formed certain congregations the previous days, but due to missing transport and

bad weather, this observation couldn't be clarified. The steppe landscape from above, already colored yellow, was characterized by two striking features, a grid pattern of intersecting straight lines, and irregular green patches. The straight lines were sandy stripes ploughed to slow down vehicles to prevent chasing of wild animals, The green patches indicated Great Gerbil (*Rhombomys opimus*) colonies. The leftover seeds they had collected as winter provision had germinated and formed small fertile islands in loosened soil.

Poaching inside and outside the Badkhyz Reserve had always been a serious problem. In 1992, it was estimated by Eduard Polyakov that each year 1000–2000 wild animals were illegally hunted (kulan, gazelle, wild sheep). Besides losses by poaching, kulans were also decimated by traffic accidents. In 1991 for example, four animals died on the road and one on the rail track in the Kushka Valley. Eduard went out for anti-poaching patrols almost every night. In 1993 I was occasionally allowed to accompany him. He was waiting for the search lights of poachers. He used special night vision goggles mounted on his head, which allowed him to drive his vehicle without using visible lights. Once he chased two men on motorbike with rifles on their shoulders. But the suspected managed to throw away their guns at full speed before hunted down. They were admonished and discharged. Afterwards we searched the terrain for the rifles but could not find them among the vegetation cover in the broken ground. On another occasion he had to take a poacher of a gazelle in custody. While following the kulans in their summer grounds it happened that I came across two locals, who had been hiding along with a motorbike under a bush. They suddenly rushed out, escaped without looking back. In the same area I heard the other day a gun shot and saw a dust cloud whirled up by kulans in flight. More than once I found butchery places, with only the head, the legs and the hide of a kulan left, while the meat bearing parts were missing. The nervousity and shyness of the kulans was a clear evidence for the hunting pressure.

The number of kulans in and around Badkhyz in 1992 was estimated at 5000 heads. They were relatively well protected. Inside the reservation during the winter-spring concentration they caused degradation of the vegetation and aridification of the ecosystem. Their number grew significantly after several new wells for

domestic livestock (cows and sheep) were created in the periphery. The kulans drank there at night, competing for fodder with livestock near these artificial watering places. In summer and autumn, the majority of the kulans came down to the Kushka Valley, as there was water scarcity inside the reserve. At night they visited the fallow land and agricultural areas in the valley, causing conflicts with the local farmers. The hills near the valley were overgrazed and insufficient for feeding the kulans. Available data revealed that the number of kulans would double under favourable conditions about every 10 years. What to do with the surplus? Shapovalov feared, that if nothing happened, controlled hunting would be the only realistic option. He thought that financial support for research and development of improved kulan management in Badkhyz might help to tackle the situation. Yuri wrote a project proposal in 1994 for the period 1996-98 (to WWF and other donors) 'Management of kulan populations in Turkmenistan'. He sent a disturbing fax message on 15.05.1996 (word-for-word): "Dear Gertrud, murder of kulans has began in Turkmenistan – plain near Kopetdag - 110 kulans was fired. I don't know how many kulans will be fired. Gorelov."

My next visit of Badkhyz with Yuri was in August/September 1998. Thanks to the friendly Deputy Minister of Nature Use and Environment Protection of Turkmenistan, Khabibulla Atamuradov, we obtained the required permissions. The community of active Russian scientists, inspectors and employees had left the country. Yuri introduced me to Gochmurat Gutlyev, a biologist with roots in border town Serhetabad (formerly Kushka), who organized our trip, acted as interpreter and participated in the search for kulans. Together with Islam Ishanov, a scientist and inspector of the reservation in Morgunovka, we were four to survey the area on two motorbikes. In the last 2-3 years the kulan population in Badkhyz had declined. Their number in 1998 was estimated at 2400.

Around the confluence of Islim River and Kushka River (west of Cheminibid) about 1000 kulans were seen in June 1998, we counted here about 400 kulans in September 1998. Once we followed a group of 42 kulans into the hills east of the Kushka River, but they went soon out of sight. It was not known how often and how far the animals were moving east, and if that area was part of

*Бадхыз, Ю.К. Горелов. Встреча с «миной Бащенко»
через несколько десятилетий.
Фото Г. Нойманн-Дензау, 1993.*

their potential or permanent habitat.

In mid-1999 I was informed that the remaining number of kulans in Badkhyz went further down to 1800-2000 heads, due to heavy poaching on their summer grounds, specially near the water-bearing sections of the partly dry-fallen Kushka River in the inhabited valley. After that I wrote an appeal named “Kulans in Danger” (31 August 1999) and sent it to WWF, IUCN and several other international acting organizations and institutions asking for the support of urgently needed conservation measures, especially more patrolling to prevent poaching. The first positive reaction came from the Zoological Society for the Conservation of Species and Populations (ZSCSP), Munich, for the protection of kulans in their summer grounds in the period from May to October 2000. Gochmurat agreed to create and lead an external ranger group, which was named “Kulan”, under the Turkmen Society for Nature Protection, well-coordinated with the Badkhyz reservation authority and the ministry in Ashgabat.

In spring 2000 WWF director Hartmut Jungius visited Badkhyz with an expert delegation and addressed afterwards different organisations searching for further help. The funds raised were submitted to WWF Russia to carry out a kulan conservation project. One of the first very important measures was to prevent as many kulans as possible from seasonal migration. To motivate them to remain inside the reservation, artificial watering places were repaired, additional ones created, new pumps and a tank lorry provided. WWF Russia announced a three years kulan conservation project from 2001 onwards. The conservation measures of ZSCSP lasted for 4 years (2000—2003).

The external rangers had the mandate to secure the survival of the kulans outside the reservation. The group members would get an extra reward for the apprehension of a poacher. Their raids were always accompanied by a state game inspector. The external rangers and the state game inspectors (the latter empowered with more rights) collaborated closely and developed a good team spirit.

As Gochmurat's conception was convincing, he was asked to work for both donor organisations ZSCSP and WWF. He had a good feeling for the local mentality, talent as a coordinator and was respected as leader. In 2004 he ended his engagement for the kulans due to a prolonged period abroad. Unfortunately, there was nobody to replace him.

My last trip to Badkhyz was in September/October 2001, this time without Yuri. Gochmurat had arranged everything. I spent a lot of the time in the field with the external rangers, west of the Kushka River and along the Islim River, as close as 500 m to the Afghan border. They had motorbikes. We slept on felt-mats in primitive shelters of shepherds, used camp sites in the slopes, or abandoned cattle sheds. They were active day and night. Some of them looked out for suspicious lights at night and checked vehicles. Others approached shepherds and wrote down kulan observations of the interviewees into their diary. Furthermore, they handed out leaflets, talked about wildlife conservation, and informed about penalties for poaching of different species. Gochmurat's philosophy was to create a deterrent effect through high presence. He wanted to prevent poaching by demonstrative raids instead of catching poachers red-handed. The formula for his success: he himself was a native, and he recruited the external rangers from villages in the Kushka Valley, who knew the locals by face, even when a suspected escaped, he could be recognized.

In July 2001, the rangers had seen a big group of 300 kulans in the summer grounds, in September 2001 I saw about 100 in one group inside the reserve, and several smaller congregations inside and outside. The animals readily accepted the artificial watering places but used them only at night. The total kulan population in Badkhyz in summer 2001 numbered about 580 individuals (Lukarevskiy and Gorelov 2007); rangers and inspectors estimated 600-800.

In 2001, I noticed newly created plough-land in the summer grounds of the kulans west of the Kushka River. I was told that poor soil and insufficient rain fall caused a crop failure, but the kulans were blamed for not achieving the expected yield, and they fell even more into disgrace.

My fondest vision in the 1990s: an extension of the Badkhyz Reserve towards the east, covering the kulan's seasonal migration routes and their summer grounds west of the Kushka River.

My long-term dream for Badkhyz: achieving a contiguous transboundary 'Serengeti of Central Asia' once the border fences to Afghanistan and Iran could be lifted, protected by a network of interstate rangers, and of course re-stocked with Turkmenian kulans. Visitors could stay overnight on watchtowers well positioned along the riverbeds of the Kushka, Tedzhen and Islim Rivers, to enjoy the unique view of kulans climbing the riverbanks and hills during the dry season at sunrise.

*Бадхыз, куланы. Сентябрь 1992.
Фото: Гертруд и Хельмут Дензау.*

Эра кулана в Бадхызе: пик и падение

О путешествиях с Юрием Гореловым
в Бадхызе в 1992, 1993 и 1998 гг.

Гертруд НОЙМАНН-ДЕНЗАУ

Работая над созданием нашей монографии о диких ослах «Wildesel» (опубликована в 1999 на немецком языке), я в особенности стремилась исследовать и фотографировать куланов (*Equus hemionus kulan*) в Бадхызе. Я искала возможности посетить Туркменистан, где обитала единственная автохтонная популяция туркменского дикого осла.

В марте 1992 г. на биологической конференции в Германии я повстречала московских биологов из Института им. Северцова. Они посоветовали мне связаться с их коллегой Алексеем Суровым, специалистом по хомякам, который в то время как раз начинал организацию экотуризма (MET, Multipurpose Ecological Tours—Многоцелевые экологические туры). Он сразу же предложил Юрия Горелова, как идеального проводника по Бадхызу. Затруднение было в том, что я не говорила по-русски, а Юрий не говорил ни по-немецки, ни по-английски. К счастью, отыскался молодой биолог из того же института, который смог поехать с нами как переводчик. Уже после, в поле, я поражалась способности Юрия помнить латинские названия всевозможных местных растений и животных.

Дорога до Бадхыза в сентябре 1992 года заняла у нас 80 часов. Мы пересекли четыре страны (Россия, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан), сначала на поезде из Москвы в Мары, а оттуда на автобусе в Моргуновку. Нас было трое: Юрий, наш переводчик Ник, и я. В дороге у нас было достаточно времени для разговоров через посредство переводчика.

В Моргуновке у Юрия было много друзей среди работников заповедника и местных жителей. Меня всегда приглашали в гости. Больше всего мы общались с охотинспектором Эдуардом Поляковым и его женой Наташей, а также с замдиректора по науке Александром Шаповаловым и его женой Машей. Однажды мы посетили бывшего сотрудника-туркмена, который показал нам альбом с фотографиями, сделанными при отлове куланов для переселения. Их загоняли в долины, огороженные сетями, довольно грубым образом ловили и перевозили на вертолёте.

В 1992 г. было трудно получить разрешение на посещение территории заповедника. Директор в Моргуновке держал нас в ожидании. Было также неясно, действуют ли всё ещё советские правила и законодательство после объявления независимости Туркменистана в конце 1991 г. В этой ситуации нам пришлось искать куланов за пределами заповедника. Юрий знал, где их можно было найти в это время года.

Мы выходили из Моргуновки рано утром, до рассвета, шли пешком около двух часов на север и начинали искать куланов в холмах, к западу от реки Кушки. Ночью животные спускались к реке, где они пили, паслись в долине, иногда заходя на посевы и бахчи. Уходили они с первыми лучами рассвета. Если нам удавалось появиться вовремя, мы могли видеть куланов, которые взбирались на склоны одной цепочкой, как драгоценные жемчужины, нанизанные на нить. Если же мы опаздывали, то мы не знали, куда именно уйдут куланы. Чтобы их отыскать, надо было пересекать железнодорожные пути (иногда проползая под стоящими вагонами), перебираться через канавы, идти сквозь сельскохозяйственные угодья, переходить вброд реку Кушку. Мы находили куланов в холмах, сильно повреждённых перевыпасом, где они проводили жаркое дневное время и дремали вдали от человеческого жилища под ветром, обдувающим высоты. Не теряя их из виду, мы находили себе тенистое место под редким кустом, и там ожидали конца дня, когда куланы начинали собираться в группы. После окончания наблюдений быстро темнело. Дорога обратно в Моргуновку была долгой и утомительной. На дороге почти не

*Бадхыз, 1998. И. Ишанов, Г. Нойманн-Дензау, Ю.К.Горелов.
Фото Г. Гутлыева. Из архива Г. Нойманн-Дензау.*

было машин, но иногда нам везло, и нас подбирали и подвозили армейский грузовик.

В период между 18 сентября и 3 октября 1992 г. я следовала за куланами в холмы к западу от реки Кушки восемь раз — иногда в одиночку, иногда вместе с Юрием или Ником. Это были самые впечатляющие встречи с куланами в моей жизни. В то время я думала, что наблюдения куланов в сезон размножения на территории Бадхызского заповедника окажутся более впечатляющими, но это оказалось не так.

В свое время, занимаясь охраной заповедника, Юрий предложил пропашку в открытой степи сети песчаных полос, расположенных в прямоугольном порядке. Он также прекратил традицию выжигания степи. Мне рассказали, что, когда военные стали проводить учения на территории заповедника, Юрий и его команда препятствовали им путем установки на дорогах гвоздей, врытых в почву в банках, залитых бетоном. Эти меры помогли, и учения прекратились.

Когда я спросила Юрия о гепардах в Бадхызе, он рассказал, что последнего гепарда видели в 1956 г., последние находки свежей шерсти были отмечены в 1959, и вскоре после этого (около 1960) гепардов уже не осталось, В 1989—1990 гг. Юрий и его коллеги исследовали территорию на границе Туркменистана с Казахстаном, пройдя пешком ряд водопоев, но никаких следов гепардов они не нашли. Он объяснял это отсутствием добычи – там почти не осталось джейранов.

Для изучения социальной системы куланов мне нужны были наблюдения в период размножения, и я вернулась в Бадхыз в апреле 1993 г. Мне дали разрешение на работу в течение 25 дней на территории заповедника, с базой на кордоне Кызыл-Джар, куда мы прибыли 16 апреля. У нас не было транспорта, и пришлось немало ходить пешком. Юрий досконально знал эту местность. Природа была дикой, пустынной и прекрасной, зелёная степь была полна жизни, хотя погода часто была холодной, ветреной и дождливой. Куланы были рассеяны по территории, с наибольшей плотностью в южной части так называемого Куланьего плато. Они были пугливы и к ним нельзя было подойти близко, Для наблюдений Юрий выбрал пояс барханов, за которыми можно было залечь в ожидании, около двух часов ходьбы к югу от кордона. Это был не центр, а примерно северная граница обитания куланов в заповеднике. Самцы подавали голос и гонялись друг за другом, самки встречались маленькими группами или поодиночке с молодым куланёнком. Первого куланёнка мы увидели 17 апреля. Всё, что я видела, указывало на отсутствие гаремной системы.

Во время путешествия на поезде из Москвы в Туркменистан и обратно, наши переводчики, Ник (в сентябре—октябре 1992) и Сергей (а апреле—мае 1993), перевели для меня важные фрагменты из русскоязычных монографий о кулане А.О. Соломатина (1973) и А.Г. Банникова (1981), а также рукопись М.П. Павлова об акклиматизации кулана. (Полные имена переводчиков – Николай Александрович Щипанов и Сергей Иванович

*Ю.К. Горелов в Бадхызе: бескровное исследование питания
варана, 1993. Фото Г. Нойманн-Дензау.*

Аксентьев).

В своей монографии об азиатских диких ослах, Банников (1981) на основании обзора данных других русских исследователей, пришёл к твердому убеждению, что у диких ослов, как у лошадей, имеются постоянные лидеры-самцы (владельцы гарема) и определённый размер табуна. Данные Соломатина по Бадхызу об изменениях размеров табуна казались Банникову сомнительными; он даже считал, что Соломатин «допустил методологическую ошибку» или «не делал чёткого различия между табуном и временной группировкой». Юрий также был уверен, что у куланов имеется лидер-самец. Он не знал о публикации Клингеля «Observations on social organization and behaviour of African and Asiatic Wild Asses» («Наблюдения за социальной организацией и поведением африканских и азиатских диких ослов») (1977), где куланы Бадхыза характеризовались как территориальные животные. У нас были долгие дискуссии на эту тему.

Сам Юрий, казалось, был больше всего увлечён пресмыкающимися. Он ловил змей, гекконов, других ящериц, и приносил их на кордон в тряпичных мешочках. Ранним утром, по прохладе, он вынимал их, фотографировал и выпускал на волю. Наиболее впечатляло его обращение с серыми варанами (*Varanus griseus*). Юрий брал их за хвост, вращал, а затем хватал за шею и заливал им в рот воду, тряс их двумя руками, и переворачивал вниз головой. Из них выливалось содержимое желудка, которое Юрий и исследовал. Там были птичьи яйца, мелкие черепахи, саранча, крупные жуки.

Александр Шаповалов каждую весну организовывал авиаучёт крупных животных вдоль выбранных трансектов. 8 мая 1993 г. он заказал маленький самолет АН-2. Исполнилась моя мечта увидеть с воздуха степь, которую я исходила в поисках куланов. Полёт длился 68 минут. Пока я фотографировала, Юрий насчитал 171 кулана и 381 джейрана. Нас поразило, что куланов было так мало. Было ясно, что в этом году они покинули места размножения раньше, чем ожидалось. В предшествующие дни мы замечали на

расстоянии, что они формируют группы, но из-за отсутствия транспорта и плохой погоды мы не могли подтвердить эти наблюдения.

С воздуха в уже пожелтевшей степи были видны две резкие отличительные черты: решётка из пересекающихся прямых линий и беспорядочные зелёные пятна. Прямые линии были песчаными полосами, которые пропахивались, чтобы предотвратить преследование животных браконьерским транспортом. Зелёные пятна были колониями большой песчанки (*Rhombomys opimus*). Несъеденные семена, которые они запасли на зиму, проросли и образовали маленькие островки зелени на рыхлой почве.

Браконьерство всегда было серьёзной проблемой как внутри, так и за пределами Бадхызского заповедника. По оценке Эдуарда Полякова в 1992 г., ежегодно браконьерами отстреливалось от 1000 до 2000 голов копытных (кулан, джейран, архар). Помимо того, куланы погибали на дорогах. Например, в 1991 четыре кулана погибли под колесами машин и один на железной дороге в долине Кушки. Поляков почти каждую ночь выезжал на рейды. В 1993 мне иногда разрешали сопровождать его. Он ожидал, пока появятся фары браконьеров. У него были специальные очки ночного видения, которые позволяли вести преследование, не включая фары. Однажды он гнался за мотоциклом с двумя мужчинами, которые перед задержанием на полной скорости выбросили свои ружья. Нарушителей отчитали и отпустили. Потом мы пытались найти ружья, но не смогли их найти среди растительности и рытвин. В другой раз Полякову пришлось арестовать браконьера, убившего джейрана. Один раз, следуя за куланами по местам их летнего выпаса, я наткнулась на двух местных жителей, которые прятались под кустом вместе со своим мотоциклом. Они внезапно вылетели на мотоцикле и умчались не оглядываясь. В том же месте в другой день я улышала выстрел и увидела тучу пыли, поднятую вспугнутыми куланами. Несколько раз я находила места, где разделявали убитых животных, от которых оставалась только голова, ноги и шкура, а все мясные части были забраны. Нервность и пугливость куланов были очевидным свидетельством охоты на них.

*Бадхыз, 8 мая 1993. Группа авиаучёта.
Слева направо: А.С. Шаповалов, пилот Джумагельды
Довлетов, второй пилот Александр Булгаков,
энтомолог и переводчик Сергей Аксентьев,
Гертруд Нойманн-Дензау, Ю.К. Горелов.
Из архива Г. Нойманн-Дензау.*

Число куланов в Бадхызском заповеднике и на прилежащих к нему территориях в 1992 г., оценивалось в 5000 голов. Они относительно хорошо охранялись. Их концентрация внутри заповедника зимой и весной приводила к деградации растительности и опустыниванию. Число куланов значительно возросло после сооружения нескольких новых колодцев для домашнего скота (коровы, бараны) по периферии заповедника. Куланы приходили туда пить по ночам, конкурируя со скотом за пастбищные угодья вблизи этих искусственных водоемов. Летом и осенью большинство куланов спускалось в долину Кушки, поскольку на территории заповедника почти не было воды. По ночам они приходили на

пустые поля и сельхозугодья, вызывая конфликты с местными фермерами. Холмы возле долины были подвержены сильному перевыпасу, и корма для куланов было недостаточно. Имеющиеся данные показывают, что в благоприятных условиях число куланов каждые 10 лет может удваиваться. Но что делать с этим приростом? Шаповалов опасался, что если ничего другого не случится, единственным возможным выходом будет контролируемый отстрел. Он полагал, что финансовая поддержка научных исследований и улучшение охраны куланов в Бадхызе позволят разрешить ситуацию. В 1994 г. Юрий написал заявку на грант (для WWF и других агенств) на 1996-98 гг., озаглавленную «Сохранение и рациональное использование популяции кулана в Туркменистане» («Management of kulan populations in Turkmenistan»). 15 мая 1996 г. я получила от него тревожный факс, который я воспроизвожу здесь дословно: «Dear Gertrud, murder of kulans has began in Turkmenistan — plain near Kopetdag — 110 kulans was fired. I don't know how many kulans will be fired. Gorelov. » («Дорогая Гертруд, убийство куланов начали в Туркменистане — равнина возле Копетдага — 110 куланов были отстреляны. Я не знаю, сколько куланов будут отстреляны. Горелов.»)

Мой следующий визит в Бадхыз с Юрием состоялся в августе—сентябре 1998 г. Благодаря поддержке заместителя министра охраны природы Туркменистана Хабибуллы Атамурадова мы получили необходимые разрешения. К этому времени страну покинули многие русские научные сотрудники и охотинспекторы. Юрий познакомил меня с Гочмуратом Гутлыевым, биологом родом из Серхетабата (ранее г. Кушка), который организовал нашу поездку, служил переводчиком и помогал в поиске куланов. Вместе с Исламом Ишановым, научным сотрудником заповедника из Моргуновки, мы обследовали территорию вчетвером, на двух мотоциклах. За последние 2—3 года популяция куланов в Бадхызе сократилась. В 1998 г. их было около 2400.

В июне 1998 у слияния рек Ислим и Кушка (к западу от Чеменибида) было около 1000 куланов. В сентябре 1998 мы насчитали там около 400 голов. Однажды мы следовали за

группой 42 куланов в холмы к востоку от реки Кушка, но вскоре потеряли их из виду. Было неясно, как часто и как далеко куланы заходят на восток, и является ли эта территория частью их потенциального или постоянного местобитания.

В середине 1999 до меня дошли тревожные вести о том, что число куланов в Бадхызе снизилось до 1800—2000 голов ввиду интенсивного браконьерства на летних пастбищах, особенно на водопоях частично пересыхающей реки Кушка в ненаселённой части долины. После того я написала письмо, озаглавленное «Куланы в опасности» (31 августа 1999), и разослала его в WWF, IUCN, и другие международные организации в поисках поддержки срочных природоохранных мер, в особенности рейдов охотинспекции по предотвращению браконьерства. Первый положительный ответ пришёл из Зоологического общества по охране видов и популяций (ZSCSP) в Мюнхене. Это позволило организовать охрану куланов на их летних пастбищах с мая по октябрь 2000. Гочмурат согласился организовать и возглавить общественную инспекторскую группу «Кулан» от Туркменского общества охраны природы, с координацией действий с администрацией Бадхызского заповедника и министерством в Ашхабаде.

Весной 2000 г. в составе делегации экспертов Бадхыз посетил директор Всемирного фонда дикой природы (WWF) Хартмут Юнгиус. После этой поездки он обратился к различным организациям в поисках дальнейшей поддержки. Найденные средства были переданы WWF России для проекта по охране кулана. Одной из самых первых мер было предотвратить сезонные миграции куланов, насколько это возможно. Чтобы куланы не выходили за пределы территории заповедника, были отремонтированы искусственные водопои и сооружены дополнительные, установлены новые насосы и приобретена водовозная машина. WWF России занимался проектом по охране кулана в течение трёх лет, начиная с 2001 г. Охранные мероприятия, финансируемые мюнхенским ZSCSP, продолжались 4 года (2000—2003).

В обязанности общественной инспекторской группы входило обеспечение выживания куланов за пределами заповедника. За задержку браконьера членам группы полагалось дополнительное вознаграждение. Группа тесно сотрудничала с государственными охотинспекторами (у которых было больше полномочий). Рейды проводились в обязательном сопровождении госинспектора.

Идеи Гочмурата оказались плодотворными, и его попросили работать с обеими организациями, финансировавшими проект — ZSCSP и WWF. Гочмурад хорошо разбирался в психологии местных жителей, был талантливым координатором и уважаемым лидером. В 2004 г. он перестал заниматься куланами, уехав на некоторое время за пределы Туркменистана. К сожалению, заменить его было некем.

Последний раз я побывала в Бадхызе в сентябре-октябре 2001 г., на этот раз без Юрия. Всё устроил Гочмурад. Я провела немало времени в поле с общественной инспекторской группой, к западу от реки Кушки и вдоль реки Ислим, иногда приближаясь не более чем на 500 м к афганской границе. Мы передвигались на мотоциклах, спали на кошмах в примитивных чабанских кошах, в палатках на склонах, в заброшенных коровниках. Общественные инспекторы работали день и ночь. Некоторые следили ночью за подозрительными фарами и проверяли машины. Другие беседовали с чабанами и записывали данные о встречах куланов. Они раздавали листовки, беседовали об охране животных, напоминали о штрафах за браконьерство. Философия Гочмурата была в том, чтобы создать атмосферу постоянного присутствия для предотвращения браконьерства, вместо того, чтобы ловить браконьеров на месте преступления. Формула его успеха состояла в том, что он, сам будучи местным жителем, рекрутировал общественных инспекторов из посёлков вдоль долины Кушки. Всех местных они знали в лицо, и даже если подозреваемый скрывался, его можно было опознать.

В июле 2001 г. общественные инспекторы наблюдали большую группу из 300 куланов на летних пастбищах. В сентябре 2001 я видела одну группу из примерно 100 куланов на территории заповедника и несколько более мелких групп как в заповеднике, так и за его пределами. Куланы охотно пользовались искусственными водопоями, но приходили к ним только по ночам. На лето 2001 г. вся популяция кулана в Бадхызе оценивалась в 580 голов (Lukarevskiy & Gorelov 2007); общественные инспекторы оценивали ее в 600–800 голов.

В 2001 я заметила свежевспаханные земли на летних пастбищах куланов к западу от реки Кушки. Мне объяснили, что бедность почвы и малое количество осадков привели к неурожаю, но в потраве посевов обвинили куланов, и отношение к ним стало ещё более негативным.

Моя любимая мечта из 1990-х годов — расширение территории Бадхызского заповедника на восток, включая территорию сезонных миграций куланов и их летние пастбища к западу от реки Кушки.

Моя мечта на далёкое будущее — трансграничный заповедник, «Среднеазиатский Серенгети», где будут убраны заграждения вдоль границ с Ираном и Афганистаном. Территория будет охраняться международными группами охотинспекторов, и, конечно же, будет вновь заселена туркменскими куланами. Посетители заповедника, приезжающие туда в сухой сезон, будут ночевать на наблюдательных вышках, воздвигнутых вдоль долин Кушки, Теджена и Ислима. Рано на рассвете им предстоит уникальное зрелище: сотни куланов, взбирающихся по берегам рек и склонам холмов.

Перевёл с английского Виктор Фет.

Публикуется впервые.

*Бадхыз, Акарчешме, октябрь 2009.
Эльдар Рустамов, Ширин Каррыева, Нурмухаммед
Худайгульев, Крис Магин (Chris Magin,
Великобритания). Фото из архива Э.А. Рустамова.*

*Бадхыз, Кепеле, апрель 2007.
Фото из архива Э.А.Рустамова.*

О работе в Бадхызе

Эльдар РУСТАМОВ

Впервые я попал в Бадхыз (пос. Моргуновский, сейчас — Серхетчи) поздним вечером 23 октября 1976 г. (последняя поездка была в июне 2018 г.). Это было в аспирантские годы, и экспедиция, несмотря на то, что была осень, а не весна, запомнилась больше остальных. Помню, тогда приехали мы с Сарыязынского водохранилища, я был в составе биогеографического отряда географического факультета Московского госуниверситета (кроме марыйского водителя и меня — зоогеографы А.К. и Е.А. Даниленко и картограф В.В. Чибисова).

Рано утром встретился с Хабибуллой Атамурадовым (Аликом, как мы его звали в университете) и с Надей у них дома. Их я считал, можно сказать, своими однокурсниками, хотя они закончили университет годом позже (в 1975 г.) и

приехали жить и работать в заповеднике... В тот же день, вернее утро, пока водитель ездил в Кушку на заправку, мы ознакомились с усадьбой заповедника и серпентарием.

Помню, присутствовал при беседе, типа планёрки, Хабибуллы с Ю.К. Гореловым (с ним я познакомился раньше, ещё в Ашхабаде, во время очередной Конференции по изучению пустынь Средней Азии и Казахстана, которую проводили Н.Т. Нечаева и А.Г. Бабаев). Естественно, в самом разговоре и планировании принимать участие я никак не мог и находился рядом с Аликом. Были на планёрке, прямо в усадьбе под открытым небом, ещё какие-то ребята. На днях они собирались выехать на территорию заповедника, но мы не стали никого дожидаться и поехали на своём ГАЗ-66 в тот же день через кол. Чайнури в Кызылджар, ну, а далее по маршруту — к чинкам Еройландуза, в урочища Кепеле и Акарчешме и затем вышли в Серахс...

С тех пор и до 1988 г. я появлялся в Кушко-Тедженском междуречье неоднократно, поскольку занимался изучением сезонных аспектов населения птиц аридных регионов (Рустамов, 1988). Стационарно в Бадхызе я не работал.

В 2004—2009 гг., когда я выполнял Программу ИВА Туркменистана (Rustamov et al., 2009), бывал в Бадхызе в 2007 г. и 2009 г. Бадхыз является одной из 50-ти Ключевых орнитологических территорий Туркменистана. Очерк по Бадхызу в упомянутой сводке составлен мною совместно с Нурмухамедом Худайкулиевым.

В 2009 г. с подачи Туркменистана Бадхызский заповедник, как известно, был внесён в Tentative Lists ЮНЕСКО (Badhyz State Nature Reserve. *UNESCO World Heritage Centre*, <https://whc.unesco.org>).

В 2009-2010 г. мы работали в Бадхызе с целью сбора материала для Досье (Rustamov et al., 2015) на подачу в Секретариат ЮНЕСКО в список Всемирного природного наследия. Но номинация, увы, не прошла и была отложена до лучших времён, потому что уровень биоразнообразия, прежде всего копытных, который был в 2010 г., изменился уже к 2014 г. по сравнению с заявленными в нашем досье данным. Тем не менее ещё одна попытка найти куланов и джейранов была предпринята в 2014 г., когда к нашей команде подключились норвежские териологи (Kaczensky & Linnell, 2015).

Э. А. Рустамов.
Ответы на анкету о Бадхызе (2021)

1) Когда Вы бывали и работали в Бадхызе?

В 1976-1988 гг. — наездами, в 2007 и 2009 и 2010 гг. полустационарно.

2) Откуда и с кем Вы приезжали? Как добирались до территории?

Каждый раз по-разному и с разными водителями, обычно на ГАЗ-66, или ЗИЛ-131 в советские времена, а в недавнее время — на джипах; и проникал с трёх сторон (кроме южной), страшно опасаясь «Гореловских шипов» и ловушек, о которых был слышан, но, как говорится, Господь миловал:). Чаще всё же приезжал с северо-запада напрямиком на кордон Кепеле, или с востока — в Кызылджар.

3) Где на территории заповедника Вам удалось побывать?

По всей территории заповедника и на прилежащих участках, фактически — по всему Теджено-Мургабскому междуречью.

4) Чем Вы занимались в Бадхызе?

Учётами птиц (1976-1988, 2007, 2009, 2010, 2018 гг.) в разные сезоны года и копытных (2009, 2010 и 2018 гг.).

5) Кого из сотрудников заповедника или кого из приезжих Вы помните?

Ю.К. Горелова, Х.И. Атамурадова, В.Е. Божко, С.А. Костик, В.И. Кузнецова, змеелова Юрия Орлова. Кроме Хабибуллы Атамурадова и Виктора Божко, особых встреч (не мимолётных) с кем-либо не было, а с Хабибуллой (пока он был жив до 2000 г.) и Виктором общался больше, но не в Бадхызе, а в Ашхабаде.

Однажды, будучи с однодневным визитом весной 1978 г.,

встретился с группой БИНовцев; они работали в Кепеле во главе с Родиным Л.Е. и геоботаниками из Ашхабада (И.Г. Рустамов и др.), тогда же там независимо от них и от меня были проездом зоологи А.Г. Банников и О.С. Сопыев.

В 2007, 2009, 2010 и 2018 гг. всегда встречался с замдиректора по науке заповедника Нурмухамедом Худайгулыевым.

Литература:

Рустамов, Э.А. 1988. *Население птиц Теджено-Мургабского междуречья и прилегающих пустынь (картографический анализ)*. Ашхабад: Ылым, 209 с.

Kaczensky, P. & Linnell, J.D.C. 2015. *Rapid assessment of the mammalian community in the Badkhyz Ecosystem, Turkmenistan, October 2014*. NINA Report 1148. 40 pp.

Rustamov, E.A., Welch, G.R., Brombacher M. 2015. *Important Bird Areas of Turkmenistan*. Ashgabat. 102 с.

Rustamov E.A., Karryeva, S., Veyisov, A., Brombacher, M., Magin C., Welch, G., Wunderlich, J. 2015. *Badhyz Grassland Ecosystem. For inscription on the List of Cultural and Natural World Heritage UNESCO. Nomination Dossier*. Ashgabat.

Публикуется впервые.

Кулан на грани исчезновения и его сохранение в Туркменистане

Эльдар РУСТАМОВ, Петра КАЧИНСКИ, Джума САПАРМУРАДОВ

В кн.: *Современные проблемы зоологии, экологии и охраны природы. Материалы чтений и научной конференции, посвящённых памяти профессора Андрея Григорьевича Банникова, и 100-летию со дня его рождения*. М.: ГАУ «Московский зоопарк»: ООО «Сам Полиграфист», 2015, с. 98—108.

Отрывок из статьи

<...> На крайнем юге Туркменистана, в Бадхызе картина территориального размещения и сезонных миграций куланов описана подробно (Гептнер, 1956; Горелов, 1995). Наши материалы посвящены только вопросам численности и сравнению её динамики. В середине 1930-х гг. в Бадхызе поголовье куланов не превышало 500 особей (Розанов, 1937) и продолжало сокращаться, достигнув минимума — 250—200 особей и оставаясь на столь низком уровне даже в первые годы после организации Бадхызского государственного заповедника (1941—1942 гг.). Однако впоследствии оно неуклонно росло: в 1946-1948 гг. — 300—400, в 1957 г. — 600, в 1959-1964 гг. — 700, 1969 г. — 800, в 1973 г. — 1100, в 1976 г. — 1250, в 1988 г. — 3500—4000; наконец, в начале 1990-х гг. обилие зверей дошло до небывало высокого уровня — почти 5000 особей (Горелов, Рустамов, 1985; Горелов, 1995, 1999). Но с 1996 г. дальнейший «рост численности сдерживался охотой; ...браконьерство, переходящее в промысел» (Горелов, Ишанов, 1998; Горелов, 1999). В качестве других лимитирующих факторов был и остается «недостаток мест водопоя и беспокойство» (Кузнецов, Ишанов, 2011). Ко всему этому, в конце 1990-х гг. на юге Туркменистана друг за другом прошли три засушливых весны, вызвавшие на фоне крайне слабой вегетации растительности, полное пересыхание водоемов, поэтому уже к 1999 г. поголовье куланов упало до 1500, а

неослабевающее браконьерство снизило их число к 2000 г. до 300 животных (Переладова, 2005). Несмотря на реализацию комплексных мер в рамках Проекта WWF, которая привела к стабилизации численности и её росту к 2004 г. — до 900—1000 особей, она опять пошла на спад: браконьерство вновь оказалось главным из лимитирующих факторов, кстати, как и в 1960-х гг. (Горелов, 1965, 1978; Переладова, 2005). В 2010 г. численность всей бадхызской популяции составляла, в лучшем случае, 620—700 особей (Кузнецов, Ишанов, 2011). Она продолжала неуклонно сокращаться и, как следует из материалов Номинационного досье, в 2013-2014 гг. общее поголовье во всем Бадхызе не превышало 420 голов. Однако в конце марта 2015 г. в Бадхызе куланов не было отмечено вовсе (Kaczensky, Linnell, 2015), вместе с тем, по опросным данным среди пограничников эти звери там встречаются, и их число не превышает 300 особей (Кадыр Аннагулыев, уст. сообщ., 04.04.2015 г.), то есть, по сравнению с началом 1990-х гг., оно сократилось более чем в 15 раз (!), при этом отсутствует какая-либо тенденция к росту. Состояние бадхызской популяции катастрофично, аналогично тому, какое было в конце 1930-х и конце 1990-х годов. <...>

Цитированная литература:

Гептнер, В.Г. 1956. *Фауна позвоночных животных Бадхыза*. Ашхабад: АН ТССР. 333 с.

Горелов, Ю.К. 1965. Изменение распространения и численности копытных Бадхыза под влиянием антропогенного фактора. *Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук.* №3. С.55-58.

Горелов, Ю.К. 1978. *Некоторые особенности экологии копытных Бадхыза и проблемы их охраны*. Автореф. канд. дисс. М. 26 с.

Горелов, Ю.К. 1995. Кулан — *Equus (Eguus) hemionus* Pallas, 1775. *Млекопитающие Туркменистана*. Т.1. Ашхабад: Ылым. С.278-296.

Горелов, Ю.К. 1999. Кулан *Equus hemionus* Pallas, 1775. Красная книга Туркменистана. 2-е изд. Т.1. Ашхабад: Туркменистан. С.330-331.

Горелов, Ю.К., Ишанов, И.Е. 1998. Численность некоторых копытных Бадхыза. Актуальные вопросы охраны окружающей среды и устойчивого развития Туркменистана. Ашхабад. С.100.

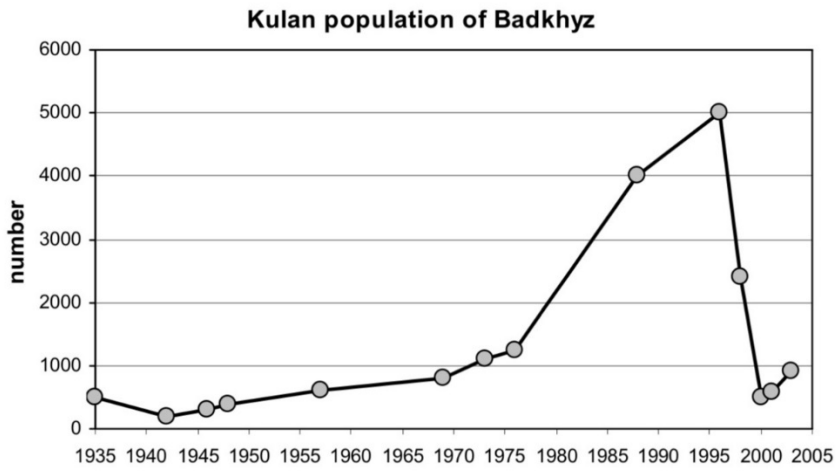
Горелов Ю.К., Рустамов А.К. 1985. Кулан *Equus hemionus* Pallas, 1775. Красная книга Туркменской ССР. Т.1. Ашхабад: Туркменистан. С.73-77.

Кузнецов, В.И., Ишанов, И.Е. 2011. Кулан *Equus hemionus* Pallas, 1775. Красная книга Туркменистана. 3-е изд. Т.2. Ашхабад: Ылым. С.348-349.

Переладова, О.Б. 2005. Состояние работ по разведению копытных с целью восстановления диких популяций в государствах Центральной Азии: проекты WWF в регионе — 1999-2004 гг. Копытные в зоопарках и питомниках: Межвед. сб. науч. и науч.-метод. тр. М.: Моск. зоопарк. С.15-26.

Розанов, М.П. 1937. Животные оазисов и пустынь. Экспедиции АН 1935 г. М.-Л. С.272-280.

Kaczensky, P. & Linnell, J.D.C. 2015. *Rapid assessment of the mammalian community in the Badkhyz Ecosystem, Turkmenistan, October 2014*. NINA Report 1148. 40 pp.

Динамика численности кулана в Бадхызе, 1935—2004

(Lukarevskiy, Gorelov, 2007)

Куланы.

Источник: Rustamov E.A., Karryeva, S., Veyisov, A., Brombacher, M., Magin C., Welch, G., Wunderlich, J. 2015. Badhyz Grassland Ecosystem. For inscription on the List of Cultural and Natural World Heritage UNESCO. Nomination Dossier. Ashgabat.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Kaczensky, P. et al. 2019. *Rapid assessments of wildlife in Turkmenistan 2018*. NINA Report 1696. Norsk institutt for naturforskning (NINA). Trondheim, August 2019 (Качински, П. и др. 2019. *Быстрое обследование животного мира Туркменистана в 2018 г.* Отчёт Норвежского института естествознания (NINA). Трондхейм, август 2019.)

Из резюме:

«The status of kulan is serious. They have become functionally extinct in Badhyz Nature Reserve, with no confirmed observations since 2015. Some few individuals (<15) persist in the Tersakan valley west of Sunt Hasardag Nature Reserve and the Gury Howdan Wildlife Sanctuary, and a group of 15-25 individuals occupy the border security zone and adjacent areas of Uzbekistan to the north and west of Sarygamysh Lake. There may be a handful of other individuals ranging around Meana Chacha Wildlife Sanctuary and Gaplangyr Nature Reserve. It is highly likely that the species will become totally extinct in Turkmenistan in the near future because none of these isolated remnants is likely to be viable.»

«...Состояние кулана оказалось очень серьёзным: он практически вымер в Бадхызе, с 2015 г. мы не смогли получить никаких подтверждённых фактов его присутствия там. Несколько особей (<15) сохраняются пока в долине Терсакана к западу от Сюнт-Хасардагского заповедника (за его пределами) и в заказнике Гуры-Ховдан, а группа из 15—25 особей обитает в пограничной зоне и прилегающих участках Узбекистана к северу и западу от Сарыкамышского озера; наконец, возможно единичные особи ещё встречаются в районах заказника Меана-Чача и заповедника Гаплангыр. Весьма вероятно, что в ближайшем будущем этот вид полностью исчезнет в Туркменистане, поскольку ни одна из указанных групп не может считаться жизнеспособной.»

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ БАДХЫЗА

1885-1888: Афганская разграничительная комиссия, проведение границы между Российской империей и Афганистаном. Первые натуралистические исследования в регионе британского ботаника Эйчисона (Aitchison, 1888).

1900е-1950е: природу Бадхыза изучают известные ботаники В.И. Липский (1863—1937), И.А. Линчевский (1908—1997), зоологи М.К. Лаптев (1885—1948), М.П. Розанов (1891—1966), Г.П. Дементьев (1898—1969), В.Г. Гептнер (1901—1975), А.Г. Банников (1915—1985),

1935: М.П. Розанов поставил вопрос о создании Бадхызского заповедника на площади 12 тыс. га. Он разработал проект заповедника, наметил его границы и согласовал с исполкомами. В заповеднике — 500 куланов.

23 декабря 1935: Постановление СНК ТССР о необходимости скорейшей организации Бадхызского заповедника. Проект поддерживают М.К. Лаптев и Г.И. Ишунин.

3 декабря 1941: Постановление СНК ТССР №1130 о создании Бадхызского заповедника площадью 800 000 га. Численность куланов: 200.

23 октября 1951: Постановление СМ ТССР №888 о сокращении площади до 73 000 га. Вымирание безоарового козла и гепарда.

Директор заповедника — лесовод В.И. Кравченко.

1948—1961: в Бадхызе работают А.Н. Сухинин, Е.И. Щербина.

2 сентября 1956: в Бадхыз приезжает Ю.К. Горелов.

1956: образование заказников: Кызылджарского (30 000 га), Пулихатумского (15 000 га) и Чеменабитского (13 000 га).

1957: 14 куланов из Бадхыза перевозят на остров Барса-Кельмес в Аральском море. Численность куланов: 400.

1958—1962: в Бадхызе работает А.О. Соломатин.

19 сентября 1962: Постановление СМ ТССР №373 о передаче заповеднику Пулихатумской фисташковой рощи (10 500 га).

1964—1976: директор заповедника — лесовод И.С.Сух.
1965—1974: зам. директора по науке — Ю.К. Горелов.
16 октября 1970: Постановление СМ ТССР №954 о передаче заповеднику мелкосопочника по южному берегу впадины Еройландуз (2100 га).
С 1970 г. площадь заповедника 87 700 га.
1976—1979: директор заповедника — зоолог В.И. Кузнецов.
Декабрь 1978: Ю.К. Горелов покидает Бадхыз.
Начало 1980-х: Численность куланов: 2 000.
1983—1994: зам. директора по науке — зоолог А.С. Шаповалов.
1989: численность куланов 4 000.
27 октября 1991: объявление независимости Туркменистана.
Февраль 1994: А.С. Шаповалов покидает Бадхыз.
1996: численность куланов увеличилась до 5 000; начат официальный отстрел.
1998: численность куланов 2 400.
2000: 300 куланов.
2001: 580 куланов (по другим оценкам 600-800).
Начало 2000-х: в заповеднике около 650 куланов (Moehlman, 2002) и около 2 000 джейранов (Mallon & Kingswood, 2001).
2007: 700—800 куланов.
После 2009: резкое падение численности куланов.
2013—2014: не более 420 куланов
2018: куланов в Бадхызе не осталось (Kaczensky et al., 2019)

Составил В.Я. Фет.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

- Агаханов, Азиз, 84
Агрызков, Евгений Николаевич, 91
Аксентьев, Сергей Иванович, 413, 417
Акылов, Берекет, 48-49, 80, 90, 98, 107, 231, 327
Акыниязов, Чары Розыевич, 235
Аллеков, Агадурды, 63
Аннагулыев, Кадыр, 428
Аннаев, 63
Аранбаев, Андрей Марленстович, 91
Ата (шофёр), 305, 310
Атаев, Чары Атаевич (секретарь ЦК), 81, 108
Атамурад (лесник), 316
Атамурадов, Хабибулла Ишчанович (Алик), 10, 241, 338, 418, 423, 425
Ахатов, Аскар Камбарович, 288, 305-306
Ахмедов, Владимир Гасанович, 274-282
Ахмедов, Эльдар Гасанович, 235
Ахмет (егерь-татарин в Крыму), 19
Ахнин, Валерий Николаевич, 245
Аширова, Огульсолтан (Надя), 10
Бабаев, Агаджан Гельдыевич, 424
Бабаш, Владимир Михайлович, 168, 327, 338
Бабушкин, Николай, 28
Банников, Андрей Григорьевич, 163, 221-222, 413, 415, 426-427, 433
Баранов, Владимир Сергеевич, 332-333
Баскин, Леонид Миронович, 223
Баскина, Валентина Александровна, 223
Бащенко, Алексей Афанасьевич, 10, 21, 25, 30, 39-41, 43-44, 48, 50, 55-56, 78, 89, 103, 105, 211, 233, 406
Бащенко, Евдокия Ивановна (тётя Дуся), 44, 55
Бекмурадов, Эзис, 59
Белов, Александр Юрьевич, 80, 338
Белов, Юрий Петрович, 80
Беякова, Светлана Владимировна, 150
Бескишкин (священник), 19
Бешков, Владимир, 114-115
Богатырёв, Николай Ростиславович, 255

Боев, Николай, 114, 116
Божко, Виктор Евгеньевич, 227, 338-339, 425
Божко, Лариса Николаевна, 338
Бочанцев, Виктор Петрович, 378, 426
Брагина, Татьяна Михайловна, 91
Букреев, Сергей Анатольевич, 83, 150
Булгаков, Александр, 417
Буров-Стаськов, Алексей Юрьевич, 176
Варшавский, Андрей Александрович, 330
Васильев, Борис Дмитриевич, 330
Васильев, Владислав Иванович, 247-248
Веллеков, Джумамурад, 82
Волков, Александр (Шура), 50
Вольфсон, Владимир (Зеэв) Бенционович, 203
Воронцов, Николай Николаевич, 162
Воронцова, Мария Николаевна, 162
Врангель, Пётр Николаевич, 17, 110, 117
Второв, Пётр Петрович, 282
Высоцкий, Владимир Семёнович, 209
Галиченко, Михаил Владимирович, 241, 244-245, 260
Гарманов, Александр Петрович, 21, 25, 42, 78, 89, 104, 134, 329
Гарманов, Владимир, 50-51
Гаузер, Мирра Евгеньевна, 247
Георгиев, Желязко, 114
Гептнер, Владимир Георгиевич, 433
Герасимов, Александр Юрьевич, 28, 74, 77, 82, 84, 86, 90, 93, 108, 231-232
Гиляров, Меркурий Сергеевич, 303
Глазунов, В., 57-58
Горбунов, Александр Васильевич, 142, 188
Горелов, Константин Георгиевич, 110, 180
Горелов, Константин Константинович, 17, 19, 110
Горелов, Константин Юрьевич, 146
Горелов, Юрий Константинович, 9, 12-34, 41, 60, 68, 73-87, 89-92, 95-102, 109-143, 146, 148-150, 152, 159-167, 176-206, 208-213, 220-224, 226, 232-235, 241, 256-257, 289-291, 301-302, 306, 316, 318, 326-327, 332, 334-339, 345-346, 357-358, 363, 393, 400-406, 410-418, 424-425, 433-434
Горелова, Елена Юрьевна, 26-27, 111, 133-149
Горелова, Раиса Ивановна, 33, 134-135, 160-161, 209, 223, 257

Горелова, Таисия Григорьевна, 306, 362-363
Горелова, Тамара Александровна, 110
Готфрид (Козленко), Анна Борисовна, 333-334
Грабовский, Василий Исаакович, 247
Громов, Александр Викторович, 151
Гуллыев, Аманнияз, 89
Гумы (шофёр), 247
Гуров, Борис Николаевич, 334
Гутлыев, Гочмурат, 347, 412, 418-420
Дали, Сальвадор, 314
Даниленко, Алла Константиновна, 423
Даниленко, Евгений Андреевич, 423
Дарвин, Чарлз, 19, 113, 211
Дворецкий, Игнатий Моисеевич, 74-75
Дементьев, Георгий Петрович, 433
Дензау, Гертруд, см. Нойманн-Дензау, Гертруд
Дензау, Хельмут, 409
Длусский, Геннадий Михайлович, 303-305, 307-308
Довлетов, Джумагельды, 417
Дроздов, Николай Николаевич, 95, 163, 275
Друк, Александр Яковлевич, 199-200, 203
Дубатолов, Владимир Викторович, 153
Дьяков, Виктор, 232
Егоров (комендант Кушки), 172-173
Ефремов, Иван Антонович, 32, 197-198
Жданов, Юрий Андреевич, 182
Жердев, Валерий Иванович, 353
Жужиков, Дмитрий Павлович, 327
Жуков, Андрей, 326-327, 329
Забелин, Святослав Игоревич, 333-334
Заболоцкий, Николай Алексеевич, 216
Загарская, Галина Вадимовна, 150
Заика, Валентин Викторович, 156
Зарудный, Николай Алексеевич
Затока, Андрей Львович, 91
Зворыкин, Александр Николаевич, 110, 116, 180
Злобин, Виктор, 159, 170
Злотин, Роман Исаевич, 306
Зубакин, Виктор Анатольевич, 331-334
Зыкова, Лариса Юрьевна, 245, 247, 251

Иваницкий, Владимир Викторович, 244
Иванов, Герман Васильевич, 341-344
Исаханов, Амал, 63
Ишанов, Ислам Ташлиевич, 96-97, 100, 108, 236, 412, 418
Ишунин, Григорий Иванович, 413
Йейт, Чарлз Эдвард, 213
Каплин, Владимир Григорьевич, 316
Караев, Назар, 86
Карпинский, Юрис Станиславович, 297
Каррыева, Ширин, 422
Карташёв, Николай Николаевич, 330
Качински, Петра (Kaczensky, Petra), 427, 432
Келейников, Андрей Александрович, 380-381
Князева, Н.И., 306
Ковалёв (помощник бурового мастера), 35
Коваржик, Франтишек, 216
Козлова, Людмила, 317
Колесников, Алексей Арсентьевич (дядя Лёня), 362
Колпаков, Александр, 170
Комаров, Борис (псевдоним), см. Вольфсон, Владимир
Комаров, В., 388
Комарова, Лариса Викторовна, 316, 318
Кондратов, Эдуард Михайлович, 9, 81, 103
Корольченко, Евдокия Фёдоровна, 137
Коршунов, Владимир Михайлович, 222, 338-339
Корытников, Станислав, 81
Костик, Светлана Антоновна, 151-152, 362-363, 465
Костина, Галина Николаевна, 245-246
Кравченко, Вениамин Иосифович, 433
Криволуцкий, Дмитрий Анатольевич, 303-304
Кривохатский, Виктор Анатольевич, 36, 175, 313, 315, 320, 324-325, 344
Кривошеина, Нина Павловна, 303, 307
Крупко, Александр Константинович, 150
Крупко, Владимир Константинович, 33, 150, 227, 236, 283-285, 329, 354, 391, 394-295, 397
Кузнецов, Антон, 145
Кузнецов, Валерий Иванович, 160, 256, 289, 306, 314, 327, 329, 344, 425, 434
Кузнецов, Иван, 145

Кузнецов, Максим, 145
Кузнецова, Ольга, 327
Кузьмина, Елена, 160
Кутепов, Александр Павлович, 17, 75, 110
Кутлыбай (начальник охраны), 49
Лаптев, Михаил Константинович, 433
Лебедева, Любовь Серафимовна, 221-222
Левенштейн, Генри (Генрих) Рудольфович, 174, 225
Левенштейн, Эдуард Генрихович, 174, 318
Лепешинская, Ольга Борисовна, 115
(дядя) Лёня, см. Колесников, А.А.
Линчевский, Игорь Александрович, 433
Липский, Владимир Ипполитович, 433
Лобачёв, Владимир Сергеевич, 330
Лондон, Джек, 113, 166
Лоскот, Владимир Михайлович, 242
Лукаревский, Виктор Семёнович, 65, 67, 74, 76-77, 79, 83, 86,
88, 91, 96, 106, 150, 196, 226, 230, 233, 239-240, 259, 282, 352,
399
Ляпунов, Алексей Андреевич, 162
Ляпунова, Анастасия Савельевна, 162
Магадов, Х., 388
Магин, Крис (Magin, Chris), 422
Мазманянц, Григорий Арменович, 234
Майр, Эрнст, 242
Макеев, Виктор Михайлович, 339
Мамаев, Борис Михайлович, 303, 305, 307-308, 310, 312
Мамаева, Хильверсида Прано (Сида Павловна), 310
Маневич (начальник геологической партии), 318
Марочкина, Валентина Викторовна, 91
Мартино, Владимир Эммануилович, 19, 114, 181-182
Мартино, Кирилл Владимирович, 19, 181-182
Махленец, Василий, 48
Мелова, Светлана, 317
Меркулов, Виктор, 223
Мёлман, Патриша (Moehlman, Patricia), 240
Михайлова, Лиляна, 114
Мурзин, Владимир Сергеевич, 326, 328, 379-380
Мурзин, Сергей Владимирович, 296, 326
Наумов, Николай Павлович, 330

Непесов, 63
Нечаева, Нина Трофимовна, 424
Николаева, Валентина, 50
Нинбург, Евгений Александрович, 313
Ниппард, Ольга, 332
Нойманн-Дензау, Гертруд (Neumann-Denzau, Gertrud), 41,
400, 406, 409, 412, 414, 417
Овезмухаммедов, Ахмад, 266
Ораз (шофёр), 47-48
Оразов, Хырды, 62
Орлов, Олег Юрьевич, 331
Орлов, Юрий Александрович, 14-15, 17, 22-23, 166-168, 258,
278-279, 326-328, 337-338, 355-360, 362-363, 425
Орлова, Валентина (жена Ю.А. Орлова), 363-364
Орлова, Валентина Фёдоровна, 330
Павлов, Михаил Павлович, 413
Пакулин, Владимир, 169-170
Паллас, Петер Симон, 3
Панов, Евгений Николаевич, 241, 244-245, 248, 251, 253, 255,
260-261, 271, 385
Пасевьев, Икар Ростиславович, 9, 73, 89, 94-95
Паспалева, Мария, 114
Переладова, Ольга Борисовна, 234
Песенко, Юрий Андреевич, 318
Песков, Василий Михайлович, 163, 289-292, 306-307
Петрищев, Борис Иванович, 199
Петруничкин, Николай Платонович, 62
Плешаков, Геннадий, 134
Плешаков, Федя, 134
Поздняков, Александр Александрович, 26, 228, 254, 264, 321,
383
Поляк, Михаил Григорьевич, 153
Поляков, Эдуард Олимпиевич, 90, 411, 416
Полякова, Наталья, 411
Пономаренко, Дмитрий, 150
Поршнева, Борис Фёдорович, 35
Потапов, Владимир Матвеевич, 141, 163, 298, 327, 389-398
Поярков, Андрей Дмитриевич, 247
Правдин, Фёдор Николаевич, 303, 308
Приходько, Владимир Иванович, 150

Простов, Александр Андреевич, 114
Пылаев, Михаил, 24, 29-31, 327, 390-392, 396
Рая (метеоролог на Кызылджаре), 316
Ревещин, Александр Владимирович, 333-335
Реджепов, Нуры, 231
Реджепов, Юсуп, 90, 144
Родин, Леонид Ефимович, 378, 426
Розанов, Михаил Павлович, 433
Рост, Юрий Михайлович, 9, 12-13, 18-33, 60, 74, 95, 101, 103,
133, 138-139, 150, 176, 180-183, 197, 204, 208
Рустамов, Анвер Кеюшевич, 221-222
Рустамов, Игорь (Инклуб) Гавушевич, 426
Рустамов, Эльдар Анверович, 221, 422-423, 425, 427
Рыбаков, Михаил Анатольевич, 245
Салимов, Рамиз Меджидович, 335
Сапаргельдыев, Меред Сапарович, 142
Сапармуратов, Джума, 427
Сапожников, Николай Иванович, 103
Сарыев, Акмамед, 65
Саша (внучка А.А. Бащенко), 144
Свидерский, Владимир Леонидович, 313
Северцов, Алексей Николаевич, 113, 211
Серхенов, Аман, 339
Сидоренко, Александр Васильевич, 46-47
Симакин, Леонид Владимирович, 82, 232, 250-251
Синёв, Иннокентий Евгеньевич, 143, 150, 160
Синёва, Ирина Викторовна, 150
Скалон, Надежда Юрьевна, 162
Слудский, Аркадий Александрович, 218
Смехов, Вениамин Борисович, 209
Смирин, Владимир (Вадим) Моисеевич, 332
Соломатин, Александр Осипович, 218, 415, 433
Сопыев, Овез Сопыевич, 222, 338, 426
Степанян, Лео Суменович, 242, 330
Стив (англичанин-оператор ВВС), 252
Стоянов, Николай Андреевич, 115
Субботин, Андрей Евгеньевич, 236, 248-250
Сундуков, Анатолий, 57, 107, 165
Сух, Вера Ивановна, 136

Сух, Иван Семёнович, 57, 74, 80, 90, 103, 203, 279, 327, 337-338, 396
Сух, Ирина Ивановна, 136, 145-146
Сух, Сергей Иванович, 136, 146, 327
Сухинин, Александр Николаевич, 119, 433
Таган (шофёр), 247
Такнов, Виктор Анатольевич, 198-199, 201
Тарабрин, Александр Сергеевич, 235-236, 240
Ташли (егерь), 84
Тетенко, Александр Алексеевич, 155, 157, 159, 164, 169-170, 172-173
Ткаченко, Вера Макаровна, 61-62, 102
Трещев, В., 237
Тыщенко, Виктор Петрович, 313
Тюльников, Михаил Владирирович, 198
Улугпан (монгольский аспирант), 200
Фесенко, Ираида Фёдоровна, 393, 397
Фет, Виктор Яковлевич, 151, 159-160, 207, 210, 240, 265, 269, 283, 306, 314, 322, 328, 393, 421
Формозов, Александр Николаевич, 113
Фролов, Михаил Иванович, 397
Фукс, Марк, 163
Халанский, Александр Сергеевич, 330
Ходжамкулиев, Амангельды, 81
Хомустенко, Юрий Дмитриевич, 337, 340
Хрущёв, Никита Сергеевич, 102
Худайгулыев, Нурмухамед, 236, 422, 426
Царук, Олег Иванович, 91
Цевен, 198
Целлариус, Алексей Юрьевич, 160, 292, 294, 301-302, 306, 329, 386
Черлин, Владимир Александрович, 292, 294, 301-302, 306, 343, 365, 386, 390, 392
Чернова, Нина Михайловна, 303
Черняховский, Михаил Ефимович, 283, 288, 292-293, 296, 298, 300-302, 303, 307, 309-311
Чибисова, В.В., 423
Чистов, Дима, 134
Чистов, Олег, 134
Шалаев, Слава, 24, 143

Шаповалов, Александр Семёнович, 82, 108, 150, 231-232, 296,
331, 415, 417-418, 434
Шаповалова, Мария Алексеевна, 150
Шарова, Инесса Христиановна, 303
Шенброт, Георгий Исидорович, 216
Шеремет, Винсент, 13
Шпигов, Михаил, 21-22, 34-37, 107
Штреземанн, Эрвин, 242
Щербак, Николай Николаевич, 382, 384
Щербина, Елизавета Ивановна, 60, 433
Щипанов, Николай Александрович, 403, 413
Эйчисон, Джеймс, 213, 433
Эндрюс, Рой Чепмен, 197
Эсенов, Р., 61-62, 102
Юдаев, Николай Алексеевич, 328
Юдаев, Олег Николаевич, 326, 328
Юлин, П.В., 102
Юнгиус, Хартмут, 234, 407, 419
Ягдыев, Аман, 305, 310
Языджан, Маргарита Леонидовна, 330
Яровенко, Юрий Александрович, 235

Животные:

Айгюзель, 149
Гуша, 134-135
Гюзель, 149, 178
Дед, 170
Кара, 109
Киссинджер, 26, 139
Князь, 137
Колхозник, 137
Найда, 324-325
Пушка, 139
Султан, 149, 178
Флинт, 26, 139
Цыганка, 21, 30, 44, 183
Чук, 170
Яша, 162

О составителях

Раиса Ивановна Горелова — зоолог, жила и работала в Бадхызском заповеднике с 1970 по 1978 г. В 1966 г. окончила Московский Государственный педагогический институт (МГПИ), там же в 1969 г. окончила аспирантуру на кафедре зоологии. В 1970 г. была принята на работу в Бадхызский заповедник старшим научным сотрудником. Кандидатская диссертация «Структура населения птиц смешанных лесов Южного Приморья» (1973). В 1978 г. с семьёй переехала в Ногинский Научный центр (г. Черноголовка Московской обл.). В 1978—1981 работала в Институте химической физики им. Н.Н. Семёнова. В 1981—2012 — научный сотрудник Академии педагогических наук СССР (позже Российская Академия образования); разрабатывала факультативные курсы по общей биологии для средней школы (генетика, эволюция). Участвует в работе МАН (Малой Академии Наук) в Черноголовке.

E-mail: gorelovaraisa@mail.ru

Виктор Яковлевич Фет — зоолог, окончил Новосибирский университет в 1976 г., аспирантуру ЗИН АН СССР; жил и работал в Средней Азии (в 1976—78 в Бадхызском заповеднике, в 1978—87 в Сянт-Хасардагском). Кандидатская диссертация «Фауна и эколого-биогеографические особенности пауков Юго-Западного Копетдага» (1984). С 1988 — в США. Преподаёт биологию в Университете Маршалла (Западная Виргиния). Специалист по скорпионам; один из авторов «Каталога скорпионов мира» (2000, на англ. яз.). Редактор книг «Биогеография и экология Туркменистана» (совм. с Х.И. Атамурадовым, 1994, на англ. яз.) и «Биогеография и экология Болгарии» (совм. с Алекси Поповым, 2007, на англ. яз.). Перевёл на английский язык монографии «Симбиогенез: Новый принцип эволюции» (2010) и «Заря генетики человека» (2013). Опубликовал шесть книг стихов по-русски. Составитель сборников «День русской зарубежной поэзии» (Франкфурт, 2019—2021). Автор очерков о творчестве Льюиса Кэрролла и Владимира Набокова. Издательство «Evertime» (Шотландия, www.evertime.com) в 2016 г. выпустило его перевод «Охоты на Снарка» Л. Кэрролла, а также фантазию «Алиса и машина времени» (2016, по-английски и по-русски). Последний раз побывал в Бадхызе в апреле 2002 г.

E-mail: fet@marshall.edu